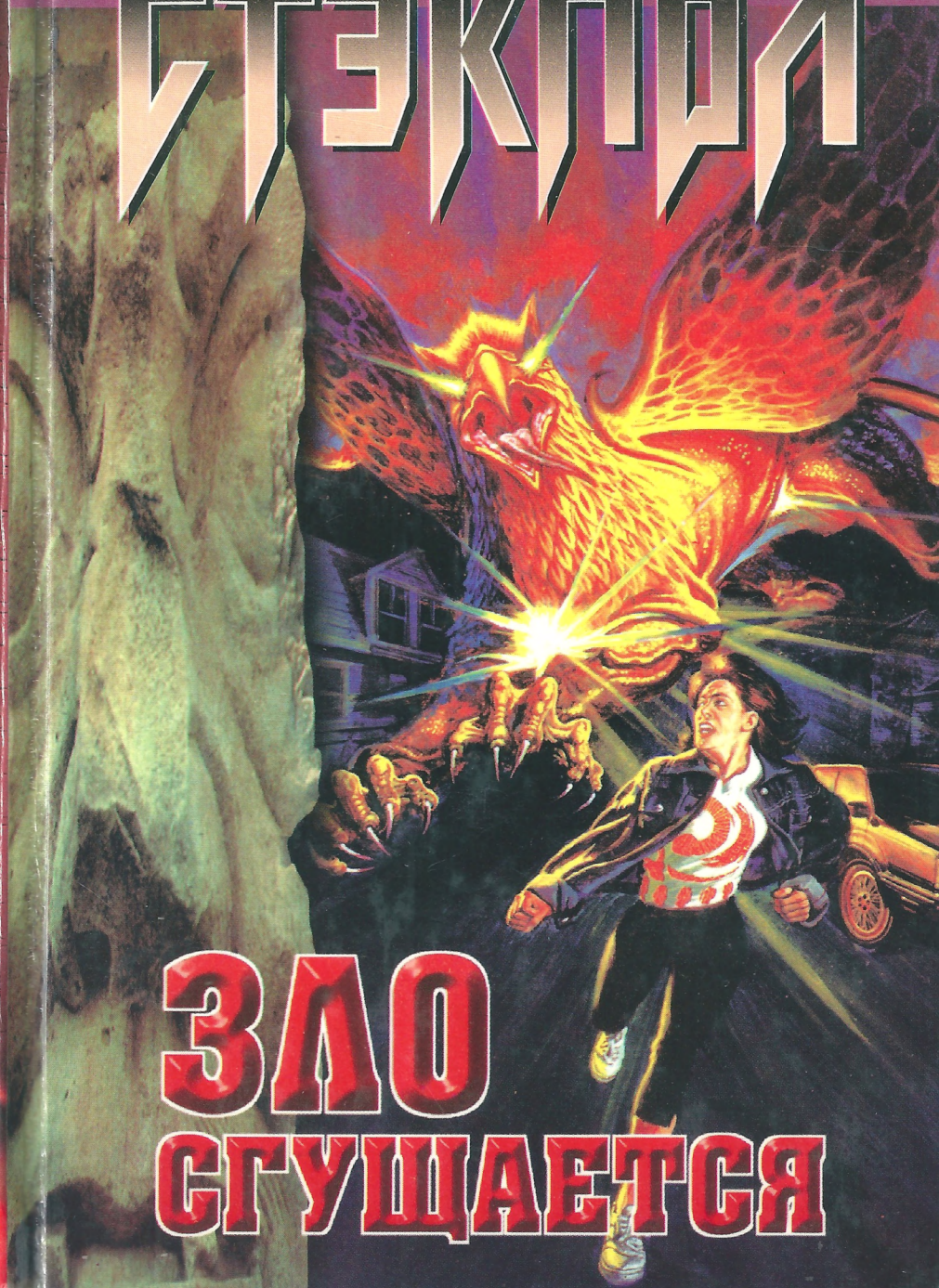

ЗЛО СГУЩАЕТСЯ

М А Й К Л
СТЭКЛД

М А Й К Л
СТЭКЛД

ЗЛО
СГУЩАЕТСЯ

М А Й К Л

СТЭКЛД

ЗЛО
СГУЩАЕТСЯ

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7США)
С88

Michael A. Stackpole
EVIL ASCENDING
A GATHERING EVIL
1991

*Перевод с английского В.М. Глинки («Зло сгущается»),
К.Е. Россинского («Зло нарастает»)*

Серийное оформление А.А. Манохина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Томаса Шлюка (Германия)*

Печатается с разрешения автора
с/o Varot International, Inc.
и «Права и переводы» (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Стэмпол М.

С88 Зло сгущается. Зло нарастает: Романы / Пер. с англ.
В.М. Глинки, К.Е. Россинского. — М.: ООО Фирма
«Издательство АСТ», 1999. — 512 с.

ISBN 5-237-03700-3

Зло сгущается, и слуги его — могущественны и сильны. Зло превращает людей в марионеток, покорных его воле. Зло отнимает память, похищает душу, заставляет совершать преступления.

Но где-то в разных концах земли, по разным пока еще дорогам, бродят трое тех, кого боится всемогущее Зло. Если пути этих троих сойдутся, Тьма падет, и ничто уже не будет таким, как раньше.

Если троим удастся дожить до времени встречи...

© Game Designers' Workshop, Inc., 1991

© Перевод. В.М. Глинка, 1999

© Перевод. К.Е. Россинский, 1999

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

ЗЛО СГУЩАЕТСЯ

Очнуться в мчащейся «скорой помощи», с раскалывающейся от воя сирены башкой — ощущение не из приятных. А еще неприятнее обнаружить, что находишься в мешке для перевозки трупов, плотно застегнутом на «молнию», и не можешь пошевелиться. Запертый в удушливой тьме, стянутый прорезиненным брезентом, ты понимаешь, что если это смерть, то предстоящая вечность в могиле будет подлинным адом.

Лямка поперек груди и другая, чуть выше колен, плотно притягивали меня к каталке. Они не давали мне свалиться, когда каталка стукалась о заднюю стенку, подпрыгивала и моталась из стороны в сторону на крутых поворотах. Водитель газовал немилосердно, и вой двигателя бился в окна, словно хотел разнести их вдребезги.

Мерзкая смесь резиновой вони и запаха протухшего мяса была способна свести с ума. Я попытался дышать через рот, но не смог разлепить губы. Борясь с параличом, сковавшим мои челюсти, я обнаружил, что и все мое тело находится в том же состоянии. Я чувствовал, как в меня врезаются лямки, ощущал пальцами скользкую поверхность мешка, но мускулы не работали. Больше того — я не мог даже открыть глаза.

Не требовалось особого ума, чтобы догадаться, что я попал в серьезную переделку. Похоже, ребята из «скорой помощи» решили, что я мертв, и мне тотчас представились все ужасы погребения заживо или того хуже — кремация. Я едва не впал в панику, но постарался со-

хранить ясную голову, ибо это было единственное, чем я располагал, чтобы выбраться из сложившейся ситуации.

И выбраться из нее было намного важнее, чем тратить силы, пытаюсь сообразить, как я в нее угодил.

Сирена перестала вопить, и «скорая» начала тормозить. Под покрывками защелкнулся гравий, каталка стукнулась о переднюю стенку машины, и мы остановились. Хлопнула правая дверца, оборвав шорох помех в радиоприемнике, потом я услышал, как открывается кузов. Меня выкатили и крепко приложили о землю.

— Полегче, Джек.

— Мертвецу все равно.

— Мертвецу все равно, но Гарри вычтет с нас за поломанную каталку. — Я ничего не видел, но про себя назвал этого типа Хриплым.

Джек закашлялся.

— Не беда, хоть что-нибудь да останется. У этого парня денег — завались. Да и его кредитные карточки тоже должны чего-то стоить.

— Зачем терять деньги, если можно обойтись без этого. — Хриплый сделал пару шагов в сторону, потом я услышал, как он прошел вдоль каталки, от ног к голове. — Ну, где же они?

— Сейчас будут, — снова кашель. — Гляди, подъезжают.

Оба замолчали, и я услышал, как подъезжает другой автомобиль. Его двигатель громко стучал, а когда откатилась дверца, я понял, что это фургон или маленький грузовичок.

Джек приветствовал вновь прибывших:

— Здорово, друзья.

— Предыдущая партия оказалась неудовлетворительной, — в новом голосе не было ни малейшего намека на дружелюбие.

Джек сделал попытку скрыть нотки страха в своем голосе, но я даже через мешок чувствовал, как он напуган.

— Я знаю и прошу прощения, но вот, взгляните — это как раз то, что вам нужно.

Раздались два щелчка, давление на грудь и ноги исчезло, и я услышал треск расстегиваемой «молнии». Ворвавшийся в мешок воздух на мгновение показался хо-

лодным, но потом стал горячим и очень сухим. В нос мне ударил резкий запах выхлопных газов и кипящего радиатора; ноздри моментально забились пылью, и я почувствовал, что медленно высыхаю, пока эти ребята болтают рядом.

Хриплый тоже боялся и захихикал, пытаясь скрыть страх.

— Взгляните, ему лет тридцать пять, чистый, выглядит хоть куда! Вы сможете взять у него почки, печень и сердце. Глаза, надерное, тоже хорошие. Черт побери, вы могли бы взять его легкие и вставить их вот хотя бы Джеку.

На меня вновь накатила паника. Меня продают по частям, а я еще даже не умер! Так нельзя! Надо дать им понять, что я еще живой!

— Чего ради? Он и их точно так же угробит. — Меня оцупали, потом приподняли, чтобы осмотреть спину; моя голова откинулась, и я громко икнул. Джек и Хриплый отскочили, и кто-то из них — я слышал — стукнулся о машину.

— Господи Иисусе!

Ну вот, теперь они знают, что я живой.

Тот, что осматривал меня, резко рассмеялся.

— Спокойнее — специалисты вроде вас должны знать, что в трупах скапливаются газы. Этого покойничка вы больше не увидите, разве что в страшном сне.

У меня упало сердце.

— Э, мы не так долго вертимся вокруг них, как вы, «Жнецы». Мы же только привозим их. А потом они идут на запчасти.

— Это верно. Так. Еще теплый. Хорошо. На вид чистый. Где вы его взяли?

Я услышал, как Джек громко сглотнул.

— Час назад пришел вызов. Он валялся в берлоге скваттеров в Слаймингтоне. Честно говоря, все выглядело так, будто его туда подбросили. Но вопросов никто не задавал, люди из «Скорпионз секьюрити» еще не доехали, так что мы быстренько его сцапали и вызвали вас.

— Сколько?

— Кусок плюс десять процентов со всего, что найдем на нем помимо обычного.

— Один кусок? Вы шутите? Да я могу получить три, распродавая его по частям, и еще набегут проценты за использование ДНК.

Джек старался говорить сердито, но Жнец не дал взять себя на пушку.

— Если хочешь, попробуй. Сразу увидишь, Джек, что на этом рынке цену назначает покупатель, а не продавец. Могу пойти на полтора куса, но тогда за экзотику только семь процентов.

— И два процента за ДНК?

— Один, да и то лишь потому, что я забываю, как ты сбавил мне двух червивых жмуриков, не годных даже на корм собакам. В буквальном смысле, между прочим, — мы бросили их в пустыне, и ни один койот к ним не приотнулся.

— Его барахло оставляем себе?

— Да, Джек. Суетные дела нас не касаются. — Жнец взял меня за лоб и повернул мою голову из стороны в сторону. — Кости хорошие, черепных травм нет. Думаю, удастся сохранить мозг. Отлично. Итак, по рукам?

— По рукам. Всегда рад иметь дело со Жнецами.

— Ты жалкий лжец, Джексон, но мы тебя терпим, единственно ради твоих поставок. — «Жнец» щелкнул пальцами. — Горд, Кенни, прицепите этому красную бирку и положите его сзади. Надо поспешить с обработкой, пока не испортился.

«Молния» снова закрылась, заперев меня в душном мирке, полном резиновой и трупной вони. Двое взялись за ручки, приделанные к мешку в голове и в ногах, и я провис, перегнувшись пополам. Меня понесли, покачивая, потом я услышал, как загромыхла, сдвигаясь вверх, дверь грузовичка.

— С какой стороны положим? — неразборчиво спросил чей-то голос.

— Пристроим поближе, он скоропортящийся.

Меня качнули три раза, и я полетел в грузовик, приземлившись на что-то твердое. Дверца громко хлопнула, закашлял двигатель, заскрежетали шестерни, и мы с грохотом тронулись.

За стуком двигателя я уловил в кузове грузовичка еще один звук — ритмичное бряканье — и заметил, что

оно не прерывается. Но я недолго гадал, что бы это могло быть: холод начал пощипывать мне кончики пальцев. Меня не удивило, что в грузовичке с мертвецами имеется рефрижератор, но осознание этого факта вытолкнуло мне в кровь порцию адреналина.

Холод и адреналин сделали то, чего я не мог добиться силой воли: я начал дрожать и с надеждой подумал, что больше не скован параличом.

Впрочем, когда я попытался пошевелить рукой, у меня ничего не вышло. Слишком, честолюбиво, решил я. Я попробовал открыть глаза, но сообразил, что в темном мешке все равно не понять, удалось ли мне это. Сделав попытку дышать через рот, я обнаружил, что по-прежнему не могу его открыть.

Отчаяние распахнуло пасть над моей душой, но надежда, порожденная дрожью, спасла меня. Прежде чем бегать, научись ходить. Прежде чем ходить, научись дрожать. Дрожать — хорошо. Дрожь — это уже кое-что. Думай спокойно. Пусть твое тело ЗАХОЧЕТ того, что ты не сумел ЗАСТАВИТЬ его сделать.

Я отдал себя в руки страха и холода, пресекая собственные невольные попытки овладеть собой. Я понимал, что каждый выброс адреналина в кровь помогает мне, хотя и питал врожденное отвращение к панике. Паника означает потерю самоконтроля, а это обычно приводит к беде. У меня было такое чувство, словно в глубине души я был уверен, что, признав опасность серьезной, не смогу с ней бороться.

У меня мелькнула мысль отследить движение грузовика, но, поразмыслив, я решил этого не делать. Запомнить все зигзаги и повороты нетрудно — просто детская игра. Оценив скорость и медленно считая про себя, я мог бы потом найти точку, из которой мы выехали, — но зачем? У меня почему-то не было уверенности, что мне захочется туда возвращаться.

Тем не менее было ясно, что водитель грузовика делает все, чтобы его маршрут было как можно труднее восстановить. Он переходил с одного уровня эстакады на другой, петлял по городским улицам и автострадам. Грузовичок больше не останавливался — я с гордостью

отнес это на счет моей ценности, — и наше путешествие закончилось продолжительным спуском.

Задняя дверь открылась, и я сразу же перестал дрожать. Все мои чувства обострились, я как бы старался мысленно выглянуть из мешка и понять, куда я попал. Конечно, ничего у меня не получилось, и мои попытки были прерваны рывком за ручку мешка у головы. Мое тело съехало по другим телам, выскользнуло из грузовика, и я крепко ударился ногами о землю.

— Горд, пьянчуга, придержи ему ноги!

— Брось, Кенни, парень жаловаться не станет.

— Зато доктор станет. Повреждение мягких тканей, так она это называет.

Ничего мягкого в том, как Горд потянул меня за ноги, не было. Удар о землю оказался болезненным, и, не будь мои челюсти скованы, я бы закричал. От злости у меня скрутило живот. Я хотел было позволить ярости разгореться, как панике, но передумал и волевым усилием успокоился.

А успокоившись, заметил, что мои пальцы сжались — то ли от холода, то ли от гнева. Я по одному заставил их снова выпрямиться. Они были как деревянные, но могли шевелиться, хотя и не все. На правой руке первым отозвался мизинец, потом безымянный палец и указательный. Я возобновил попытки, и средний палец тоже послушался.

Левая рука реагировала хуже, но все же повиновалась. Я попробовал согнуть пальцы ног — они тоже работали. Старательно сосредоточившись, я заставил пальцы снова согнуться, и правая рука почти сжалась в кулак. Левая попыталась, но неудачно. Зато пальцы правой послушно распрямились снова, и я сумел напрячь ее от локтя до кисти, чему изрядно порадовался.

Я был так поглощен восстановлением способности управлять конечностями, что, когда Горд и Кенни грохнули меня на стол, не успел подготовиться. Я ударился затылком, и перед глазами у меня заплясали звезды. Они мелькали, словно кометы «Техниколора», а я тем временем услышал, как расстегивается «молния», и по-

чувствовал, как меня поворачивают с боку на бок, вытаскивая из-под меня мешок.

Меня оставили лежать голым на холодном металлическом столе. Глаз я по-прежнему не мог открыть, но сквозь веки видел золотое сияние ламп и чувствовал тепло, идущее от них. Я поскреб поверхность стола пальцами правой руки и обнаружил неглубокие канавки, выходящие из-под моей спины и направляющиеся к краю.

Отворилась дверь, и я услышал женский голос:

— О, замечательный экземпляр. Благодарю вас. Андре, обмерь его. Надо его задокументировать.

— Да, доктор.

Я услышал, как к столу подкатилась тележка. Ее движение сопровождалось позвякиванием инструментов, и мне не понравилось, что этот звук раздается в излишней близости к моей голове.

Справа сверху я услышал женский голос:

— Объект — мужчина, белый, рост шесть футов, вес приблизительно сто семьдесят пять фунтов, растительность на теле умеренная, темная. Находится в отличном состоянии, следов травмы не видно. Будут сделаны пробы жидкостей для токсикологического анализа на предмет установления причины смерти.

Я не мертвый! Я сжал правую руку в кулак.

— Признаки облысения отсутствуют, и можно попытаться при извлечении мозга сохранить скальп неповрежденным.

Я вновь распрямил пальцы и шлепнул ладонью по столу. *Должна же она услышать!*

— Доктор, его правая рука двигается, — услышал я голос Андре. — Кажется, он еще жив.

— Кажется, Андре, ты прав. Это осложняет дело.

Я улыбнулся бы, если бы мог.

— Скорее, Андре, вон там, в шкафчике.

Давай, парень, неси что-нибудь, что поднимет меня на ноги.

— Здесь?

Да, Андре, придурок, делай, что тебе говорят.

— Да, Андре, принеси их сюда.

— Этого хватит?

— Четыре? Надеюсь, но лучше захвати еще пару; на всякий случай. — Я услышал, как она перебирает инструменты на столике. — Положи здесь. У живых всегда столько крови... Не напасешься салфеток.

2

Пронзительное жужжание хирургической пилы, нависшей надо мной подобно злобной осе, выжало мне в кровь последние капли адреналина. Когда пила пошла вниз, мои глаза внезапно открылись. Женщина в белом опускала пилу, держа обеими руками. Я вскинул правый локоть в отчаянной попытке защититься и что было сил оттолкнул от себя ее руки.

Лезвие пилы врезалось ей между бровями, и старушечье лицо исчезло в красном тумане. Женщина опрокинулась назад и пропала; металлический табурет с мерзким стуком покатился по кафелю. Я перекинул левую ногу через правую — «ножницами», — перевалился через край стола и упал, потому что ноги подо мной подогнулись.

Не повезло, подумал я, но оказалось, что мне, наоборот, повезло, потому что, когда я свалился на пол, Андре, нацелившийся пнуть меня в голову, промахнулся вчистую. Лягнув его между ног, я сразу вышиб из него весь боевой дух. Он со стоном сложился пополам, а я поймал его за волосы и с размаху ударил лицом о кафедру.

После этого подвига я осел на пол, почти такой же беспомощный, как и он. Ощущение было такое, словно из меня вынули все кости. Руки и ноги двигались, словно свинцовые болванки под легким ветерком, но все же, перебирая руками по ножке стола, я дюйм за дюймом вытащил себя в вертикальное положение. Единственным признаком жизни в палате был резак, все еще жужжавший в правой руке женщины-доктора. Андре, даже если он не упокоился навечно, можно было списать со счетов, и на некоторое время я почувствовал себя в безопасности.

Теперь мне предстояло удрать, не зная, где я и сколько народу снаружи. Как ни странно, оценив ситуацию таким образом, я нашел ее не столько неразрешимой, сколько досадной. Она отнимала время. Но кто бы ни причинил мне это неудобство, он за это поплатится.

Я сдернул брюки с Андре и натянул их на себя, хотя они и были коротки дюйма на три. Точно так же я поступил с его ботинками — мягкими кожаными мокасинами, которые налезли на меня только после того, как я распустил шнуровку, — и с белым лабораторным халатом. В карман халата я сунул четыре скальпеля и подобрал одну из салфеток, которые уронил Андре.

После этого я осмотрелся. Если не считать плесени, проступавшей кое-где в швах между плитками, помещение вполне могло бы сойти за обычную реанимационную палату в больнице. В стеклянных шкафчиках лежали маленькие ампулы с лекарствами и хромированные хирургические инструменты. На шкафчике с картотеккой я увидел три больших прозрачных сосуда с человеческими органами, а на столике в углу заметил еще четыре, пустых и открытых. В задней стене имелись три ряда маленьких прямоугольных дверок, за которыми скорее всего хранились мертвецы на разных, так сказать, стадиях уборки урожая.

Я шлепнул салфетку в кровавую лужу, растекшуюся возле доктора, а потом прижал ее к своей голове. Кровь скрыла мое лицо, и теперь я мог сойти за Андре. Я прошел к двери, рывком отворил ее и остановился в дверном проеме.

— У нас сложности! Он живой! — выкрикнул я, с удивительной для самого себя точностью подражая голосу Андре.

По всему помещению, похожему на склад, зашевелились люди. Человек, стоявший шагах в четырех, вытащил пистолет и поспешил ко мне. Едва он приблизился, я швырнул окровавленную салфетку ему в лицо и вывернул руку с оружием. Отняв пистолет, я сдвинул предохранитель и в упор всадил ему пулю в живот.

Двое рослых мужчин, перегружавших на тележку тела из грузовичка для развозки мороженого, тоже побежали ко мне, но при звуке выстрела резко останови-

лись. Они полезли за пазуху за оружием, но достать его не успели. Быстро развернувшись, я выстрелил навскидку, и один повалился наземь, схватившись за горло. Второму пуля попала в плечо, развернула, и я добил его выстрелом в грудь.

Я взглянул на пистолет, чтобы увидеть своими глазами то, что уже ощутила рука. «Кольт крайт». Десятимиллиметровый патрон, дульный тормоз, открытый прицел. Четырнадцать патронов в обойме, один — в стволе. Я уже истратил четыре.

Над моей головой раздался гулкий топот ног по подвесному мостику. Я нырнул вперед, перекатился через голову и увидел, как какая-то женщина с автоматическим пистолетом поливает огнем то место, где я только что был. На мгновение наши глаза встретились, а потом я всадил ей пулю в грудь, и она вывалилась спиной вперед с другой стороны мостика.

Из кабины грузовичка выскочил худощавый человек в черном плаще армейского покроя. Он закричал, указывая на меня, и я узнал голос. Это был тот самый Жнец, что торговался с Джеком и Хриплым.

— Стреляйте в него, но только не в голову! Берегите голову!

За каким чертом ему сдались мои мозги?

Я опустил «крайт» пониже, поймал его силуэт на мушку и выпустил две пули одну за другой. Обе попали в грудь и отбросили его назад. Справа из-за угла выбежали двое с автоматами, но их обманул мой белый халат. Выстрелом в голову я уложил первого, а пуля в живот сложила второго пополам, как перочинный нож, и швырнула его на скользкий бетон.

Я рванулся к грузовичку. Ключи зажигания торчали в замке. Я упал на водительское сиденье, перебрал пистолет в левую руку и запустил двигатель. Он завелся с пол-оборота и застучал, как часы в часовой бомбе. Я выжал сцепление и включил первую передачу. Грузовичок неуверенно двинулся вперед, и я закрутил баранку, выкруливая по широкой дуге к пандусу с большими воротами, который должен был вывести меня на уровень улицы.

Скорее бы выбраться из этого склепа. Свежий воздух. Небо. Жизнь!

В зеркальце заднего вида плясали трупы, беспорядочно вываливающиеся из кузова. Потом я увидел еще двоих парней с пистолетами, бегущих за грузовиком. Они открыли огонь, но я знал, что, если даже они стреляют лучше меня, им в меня не попасть. Выжав газ, я переключил передачу и направил машину на пандус со скоростью тридцать миль в час.

Внезапно дверца со стороны водителя распахнулась, и на подножке, цепляясь за зеркальце, появился давешний «Жнец» в черном плаще. Он зашипел на меня, как разозленный кот, и изо рта у него вырвалось облачко кровавых брызг. Левой рукой он ухватился за руль и рванул его на себя.

Я понятия не имел, что собирается делать этот бледнолицый полутруп, но зато хорошо представлял, как отбить у него охоту соваться ко мне. Я ткнул «крайт» ему в лицо и нажал «собачку». Он пропал в облаке огня и дыма. Его правая рука отпустила зеркальце, но левая мертвой хваткой продолжала держать баранку.

Я прижал «крайт» к его запястью и выстрелил. Тело «Жнеца» с глухим стуком вывалилось из машины, но за то время, что он провисел на руле, грузовик успело увести к левой стороне пандуса. Со скрежетом и искрами борт заскользил по ограждению, и я рванул руль вправо. Грузовик оторвался от ограждения, но его занесло, и он врезался в металлическую опору на другой стороне пандуса.

Правое крыло смялось в лепешку, и в кабине тут же развернулась предохранительная подушка. Разметав полумороженных мертвецов по всему пандусу, машина развернулась на пол-оборота и ударилась задом о закрытые ворота. Меня швырнуло на спинку сиденья, потом — снова на руль. С душераздирающим треском раздвижные створки ворот сорвались с креплений и вывалились на улицу, покрыв мостовую ковром из металла.

Ошарашенный, весь в синяках, измазанный кровью, текущей из разбитого носа, я прополз в кузов, перелез через оставшиеся трупы и выбрался на улицу. Оказавшись на свободе, я повернулся и разрядил пистолет в

бензобак грузовичка. Бурлящий оранжево-черный шар устремился к небу, но не достиг его.

В сотне футов над улицей он разбился о странную конструкцию из черных панелей, стальных бадок и натянутых тросов, оставив после себя странный пылающий предмет, похожий на птичье гнездо, пристроенное под карнизом крыши дома. Только это гнездо было таким большим, что в нем запросто могли бы жить люди, а крыша простиралась над всем городом. Дым расплылся по нижним панелям, как грозовое облако, а потом начал оседать на землю зловещим туманом.

Весь город был накрыт крышей! Внутри меня что-то рухнуло, и чувство, что я снова заперт в мешке для трупов, нахлынуло на меня, как возвращающийся кошмар. Небо, солнце, луна для меня всегда означали свободу, но сейчас я чувствовал себя тараканом, которого поймали, накрыв черной стальной чашей. Как только люди могут здесь жить?

Что-то потянуло меня за штанину, и, опустив взгляд, я увидел, что в мои брюки, снятые с Андре, вцепилась оторванная выстрелом кисть «Жнеца». Я с отвращением стряхнул ее и пинком отправил в костер, закрывший вход в святилище этих стервятников.

Вокруг задвигались тени. Из окружающих зданий, волоча ноги, выходили люди, одетые, несмотря на душную жару, в многослойные одежды. Они шли шаркающей походкой, загипнотизированные огнем. Его красные и желто-золотистые языки были единственными яркими цветами в этом мире, и люди смотрели на них, как на воплощение некоего загадочного божества, пришедшего освободить их из «серых» домов.

Куда, черт побери, я попал? Убийцы охотятся за людьми ради их внутренних органов. Жители воздвигли крышу между собой и небом. Эти люди безумны. Как я здесь очутился?

Изумление пригвоздило меня к мостовой, но вслед за этими вопросами возник новый — и я ощутил внутри себя пустоту. Мое сердце замерло, и я упал на колени посреди вонючей улицы.

Что толку гадать, куда я попал и зачем, если у меня нет даже малейшего намека на то, кто я такой?

Кошмар, от которого я, вздрогнув, очнулся, был навеян событиями дня, хотя я едва мог припомнить их. В гнетущей жаре я побрел по темным улицам. Позади к ревущему пламени собирались пожарные, словно мотыльки, летящие на огонь. Безликий и ослабевший, с пустым пистолетом, заткнутым за пояс, я, пошатываясь, ковылял по замусоренным переулкам, с каждым шагом чувствуя, как мое тело вновь охватывает паралич. В конце концов ноги мои одеревенели, и я повалился ничком позади каких-то мусорных баков.

Но сейчас, когда я внезапно поднялся и сел, простыня соскользнула с моей мокрой от пота груди на колени, и я обнаружил, что лежу на мягкой кушетке с вытершимися подлокотниками, деликатно прикрытыми кружевными салфетками ручной вязки. В углу стоял телевизор, и я поразился, какой у него большой корпус и какой маленький кинескоп. Среди десятка черно-белых фотографий, размещившихся на телевизоре, пряталась комнатная антенна, а рядом, на столике, на постаменте из толстых телефонных книг покоился массивный черный телефон с наборным диском.

Я содрогнулся. Все выглядело так, словно я проснулся в начале фильма пятидесятилетней давности. Это ощущение усилилось еще больше, когда я оглянулся на комод, встроенный в стену, и увидел на нем огромный радиоприемник с желтым огоньком рядом с ручкой настройки. Из динамиков негромко лилась монотонная испанская мелодия, сопровождаемая металлическим призвуком духовых инструментов и щелканьем кастаньет, похожим на щелканье челюстей очень большого и очень голодного таракана.

На стене, между окнами, задернутыми шторами, я увидел часы. Прежде всего меня поразило, что они не цифровые, а стрелочные. Впрочем, с этим я справился быстро. Я взглянул на запястье, где полагалось быть моим собственным часам, и вспомнил, что всегда носил часы с комбинированным циферблатом, так что расшифровать показания комнатных часов не составило для меня особо-

го труда. Удивительнее было другое — вместо чисел на циферблате стояли короткие слова.

Эти слова чем-то меня беспокоили, но лишь через секунду или две я понял, чем именно. Не тем, что они были написаны кириллицей и означали числа, которые должны были стоять на их месте, — в этом еще можно было найти какой-то смысл. Но зачем владельцу дома, кто бы он ни был, вешать на стену советские часы?

Никто не станет покупать ничего русского, если может без этого обойтись.

Часы, безотносительно к языку, показывали одиннадцать тридцать.

Негромкий смешок заставил меня обернуться и взглянуть, что делается сзади. На меня смотрела маленькая девчушка со светло-кариими глазами. Удивленная и обрадованная тем, что я заметил ее, она зажала ладошками рот и убежала сквозь темный коридор в спальню. С моего места виден был край кровати; девочка вскочила на нее и запрыгала к изголовью. Я услышал голоса, но не разобрал слов.

Потом заскрипели пружины, и в дверном проеме появился худощавый мужчина среднего роста. На нем была майка, которую он заправлял на ходу в парусиновые рабочие брюки, заляпанные краской. Медный цвет лица и темные волосы давешняя девчушка наверняка унаследовала от него.

Мужчина улыбнулся мне, продемонстрировав то, что осталось от его зубов.

— Как вам спалось?

Говорил он по-испански.

— Хорошо, — быстро ответил я, тоже по-испански. — Добрый вечер.

— Добрый день. — Незнакомец поскреб скудную попросль на подбородке. — Вы проспали почти двое суток. Сейчас одиннадцать тридцать утра, сеньор...

Я сосредоточился, но так и не сумел вызвать в памяти свое имя.

— Прошу прощения, но, боюсь, я не знаю, кто я такой. Я даже не помню, где нахожусь.

— Вы в Фениксе. — Он подошел к стулу, стоящему у стены. На нем были сложены мои брюки и белый ла-

бораторный халат. Сверху покоился «крайт», но магазина в нем не было. — Меня зовут Эстефан Рамирес. Эта девочка — моя дочь Мария. Моя жена, Консуэла, пока еще спит. — Он переложил одежду и пистолет на подставку для телевизора и сел.

— Феникс?

«Какого черта я делаю в Фениксе?»

В глубине души я сознавал, что существует ответ на этот вопрос, но, как ни старался, не мог его отыскать.

— Как я попал в ваш дом?

Эстефан криво усмехнулся:

— Эти Жнецы — очень плохие люди. Прошел слух, что кто-то неплохо им всыпал, и многие думали, что это был Койот. Я думал иначе, но на всякий случай пошел посмотреть и нашел вас.

— Почему вы решили мне помочь?

Рамирес пожал плечами:

— Пять лет назад, когда я приехал сюда, один человек помог мне. Не пытайтесь расплатиться со мной, сказал он, лучше заплатите следующему. Вот я и плачу.

Слева от меня, где-то напротив спальни, слышался стук в дверь. Эстефан улыбнулся, но после того, что мне пришлось пережить, я не ощущал особого оптимизма. Я потянулся за «крайтом», а Эстефан бросил мне заряженный магазин. По тому, с какой легкостью он это сделал, я понял, что этот человек мне доверяет. Вогнав обойму на место и передернув затвор, я подумал, что кем бы я ни был, мне бы хотелось быть достойным его доверия.

Эстефан вышел, а вернувшись, привел с собой самого рослого человека, какого я только видел. Чтобы пройти в дверь, огромному негру пришлось пригнуть голову. Росту в нем было, самое малое, футов семь с половиной, а под его свободной рубашкой и вылинявшими джинсами скрывались мускулы, достаточно мощные, чтобы он не выглядел худым как жердь, какими обычно кажутся такие высокие люди. Выпрямляясь, этот бородатый, но уже начинающий лысеть гигант одарил меня широкой белозубой улыбкой и протянул мне руку, в которой свободно могла бы утонуть не только моя ладонь, но и «крайт», если бы я не переложил его в левую руку.

— Я — Хэл Гаррет. Судя по тому, что рассказывает Эстефан, вы — человек загадочный.

Что-то во мне отозвалось на это имя, но я не мог понять что.

— Вы преувеличиваете.

— Всякий, кто сумел так разозлить «Жнецов», — мой друг. — Гаррет занял стул, на котором прежде сидел Эстефан, а сам хозяин дома удалился в спальню и прикрыл за собой дверь. — Я хотел бы помочь вам, если это возможно.

Как и у Эстефана, интонации его гулкого голоса и непринужденность, с которой он держался, говорили о том, что мне доверяют и искренне хотят помочь. Это было лестно, но вместе с тем и подозрительно. Впрочем, для лишенного памяти одиночки, заброшенного в чужую страну, любой союз на пользу.

— Что вы хотите знать?

Плечи Гаррета шевельнулись, как горы во время землетрясения.

— Все, что вы сумеете припомнить, чтобы нам было с чего начать.

— Нам? Это значит — вам и мне, или в поиски будут вовлечены и другие?

— Пока только вам и мне, но у меня есть друзья, которые в состоянии помочь нам разгадать вашу головоломку. — Его голос стал жестче, и это меня обрадовало. Я решил, что Хэл Гаррет из тех людей, что гордятся своими способностями, но не настолько тщеславны, чтобы не искать содействия, если понадобится. — Не так уж много найдется тех, кто очнулся на консервной линии «Жнецов» и дожид до того момента, когда может об этом рассказать. Уже из одного этого видно, что вы человек примечательный.

— Более или менее. На самом деле я очнулся еще до разделочной. Я был в полном сознании, но при этом не мог сделать ни одного движения. Впрочем, что бы мне ни вкололи, похоже, против этого помогает адреналин, а его-то выплеснулось достаточно, когда я услышал, что меня собираются распродавать со скидкой, словно на барахолке.

Гаррет слегка кивнул:

— Могут представить.

Я прикрыл глаза и обнаружил, что воспоминания приходят легко, но, к моему разочарованию, они охватывали самое большее последние тридцать шесть часов.

— Я был в машине «Скорой помощи». Одного из двух санитаров звали Джек или Джексон. Я был не первым, кого они продавали «Жнецам». В предыдущий раз им не повезло, и два трупа оказались некондиционными. Упоминался некий Гарри, как человек, который может контролировать компанию «Скорой помощи». Санитары говорили, что нашли меня в Слаймингтоне.

— Перекресток Двадцать четвертой и Кэмелбэк-Эспланада, — кивнул Хэл. — Район Билдмор. Немного на север отсюда.

— Джек говорил, что они нашли меня у скваттеров, и все выглядело так, словно было подстроено. Он сказал, что люди «Скорпионз секьюрити» еще не прибыли, поэтому они забрали меня и вызвали «Жнецов». Не прошло и часа, как они меня продали. За меня было получено полтора куска, семь процентов за все необычное и один процент за использование ДНК из моего тела. Должен ли я чувствовать себя польщенным?

— Вы не похожи ни на отбросника, ни на близняка, а это значит, что из ваших внутренних органов можно извлекать пользу. Столько же долмарок вы могли бы заработать за неделю, нанявшись щекотать нервы любителям дешевых кабаков, но за пищу для червей цена неплохая. — Гаррет снова одарил меня обезоруживающей улыбкой. — Что ж, для начала сведений мне достаточно. Вероятно, нам удастся выследить водителей. Я сделаю несколько запросов.

— Хорошо. Кстати, по условиям сделки они оставили себе мои вещи, а значит, есть шанс, что мы сэкономим время, разгадывая эту загадку.

— Надеюсь. — Хэл встал, и мы снова обменялись рукопожатием. — Итак, слушайте, мистер Тайна. Сейчас мне нужно отправляться на слет местных уличных шаек. Сам я не смогу помочь вам выследить этих рыцарей «скорой помощи», но пришлю парня, который это сделает. Его зовут Рок Пелл. Эстефан его знает. Пелл возьмет вас с собой, так что вы сможете с ними встре-

титься и задать пару вопросов, а если они попытаются отмахнуться, он сумеет их убедить.

Я улыбнулся:

— Спасибо. Еще один вопрос.

— Да?

— Не вы ли тот Койот, о котором упомянул Эстефан?

Хэл запрокинул голову и разразился смехом, больше похожим на лвиный рев.

— Нет, нет, это не я. Но я с ним знаком. Наши цели во многом совпадают, и я с удовольствием помогаю ему, когда есть возможность.

— А то, что вы помогаете мне, поможет ему?

— Не знаю. Не слышал от него ничего, что касалось бы вас, но подозреваю, что ваш случай его заинтересует. Кстати, Рок тоже помощник Койота, так что у него могут быть и другие новости. Надеюсь, мы еще увидимся.

— Буду ждать с нетерпением. Спасибо.

Гаррет ушел. Эстефан по-прежнему оставался в спальне, и у меня было время поразмыслить. На некоторые мои слова Гаррет не обратил особого внимания, но чего наверняка не пропустил, так это того, что моя «смерть», по всей видимости, была подстроена. Из этого следовало, что у меня есть враг, а скорее всего даже несколько, но из-за амнезии я не имел ни малейшего представления, кто они такие. В плане выживания это не сулило ничего хорошего.

Я сосредоточился на том, чтобы собрать воедино все, что мог узнать о себе на основании недавнего опыта. Я, очевидно, знал по меньшей мере два языка, поскольку понимал и говорил по-английски и по-испански, однако некоторые выражения из уличного сленга, на котором говорил Хэл, удивили меня, и понял я их исключительно по контексту. Я совершенно не представлял себе, что такое «отбросник» или «близняк», но предположил, что это те, кто считается низшими, в том или ином смысле. Если сопоставить мою неосведомленность с тем потрясением, которое я испытал, увидев в доме Эстефана часы, телевизор и радиоприемник советского производства, можно было предположить, что я не часто соприкасался с этим социальным слоем.

Какое бы вещество ни использовали для имитации моей смерти, оно было неестественного происхождения. Как правило, растительные яды, парализующие нервно-мышечную систему, вызывают смерть от удушья, потому что перестают работать мышцы диафрагмы, и я не слышал, чтобы против какого-то из них помогала доза адреналина. Что бы мне ни ввели, это был какой-то особый состав, специально разработанный для того, чтобы парализовать мышцы, но не центральную нервную систему.

Из всего этого напрашивался вывод, что враг у меня не простой, а особенный. С другой стороны, мое знакомство с «крайтом» и умение точно стрелять на больших дистанциях предполагали, что я в состоянии о себе позаботиться. Даже пинок, которым я вывел из строя Андре, был скорее рефлекторным, нежели осмысленным, и это говорило о том, что я обучен борьбе без оружия. Сопоставив эти детали, я мог представить себя специалистом по безопасности в какой-нибудь корпорации или каким-то еще более странным обитателем корпоративного мира.

Но оставались некоторые неясности, и я не знал, что с ними делать. Я слышал, как Андре сказал всего пару фраз, но распознал его манеру произношения и сумел имитировать ее настолько убедительно, что обманул по крайней мере одного охранника. Это мог быть природный дар, но он определенно был отшлифован практикой. Мое удивление и отчаяние при виде крыши над городом не оставляли сомнений, что я совершенно не знаком с Фениксом. Если я действительно был специалистом по безопасности из какой-то корпорации, то явно не из местной, и меня прислали сюда, чтобы разобраться с некоей проблемой.

Вполне вероятно, что именно эта проблема стоила мне потери памяти и едва не стоила жизни. Не зная, кто я такой и какое задание я получил, я имел шансы выжить немногим больше, чем слепец, перебегающий автостраду. Но нравилось мне это или нет, на эти исчезающе малые шансы мне предстояло поставить свою жизнь.

Эстефан возвратился с дочкой и очень застенчивой женой, которой на вид можно было дать лет двадцать, а то и меньше. Не говоря ни слова, она прошла прямо в кухню и принялась греметь кастрюлями и сковородками. Мария заняла позицию в дверном проеме, откуда ей было видно и мать и меня, а Эстефан снова уселся на стул.

Пистолет я держал под простыней.

— Гаррет сказал, что пришлет еще одного человека по имени Рок Пелл, чтобы он помог мне найти тех, кто продал меня «Жнецам».

— Сеньор Пелл хороший человек. Если этих людей можно найти, он их найдет. Моя жена, она готовит нам ленч. — Рамирес показал на одежду, сложенную на подставке для телевизора. — Это вам не подходит. С вашего позволения, я от этого избавлюсь.

— Ради бога, и если вам удастся что-то выручить за эти вещи, оставьте себе в возмещение за беспокойство. — Я оглянулся на коридор. — У вас есть душ?

Эстефан опустил глаза.

— У нас нет душа, но есть ванная, и там вы можете привести себя в порядок.

— Очень хорошо, спасибо.

Завернувшись в простыню, словно в тогу, я прошлепал по истертому коврику в ванную и запер за собой дверь. Пистолет я повесил на крючок и прикрыл простыней. Стоило мне осмотреть ванную, как на меня вновь накатил гнетущая волна тоски.

Арматура была старой и ржавой, а трубы не были даже упрятаны в стену. Над унитазом, оборудованным приспособлением для экономии воды, стоял ручной насос, от которого шла труба с вентилем, переключавшим воду либо в бачок унитаза, либо во встроенный в стену титан для нагрева воды.

Под титаном размещалась треснувшая раковина, вся в пятнах ржавчины; правее, ближе к двери, впивалась когтями в кафельный пол колченогая ванна. От моза-

ичного узора на полу, многократно залатанного плиткой всех цветов и размеров, почти не осталось следа.

Я перекинул вентиль, включил подогрев, потом уселся на унитаз и принялся качать воду в водяной бак и бачок унитаза. Занятие предельно скучное, но если недавно был скован параличом, то и в нем находишь своеобразное удовольствие. Кроме того, в пустыне качание воды можно приравнять к колке дров, и это было самое малое, чем я мог отблагодарить Эстефана и его семью за кров и еду.

Невзирая на ветхость ванной, Консуэла, как могла, постаралась ее украсить. Единственное окно закрывали аккуратные занавески с оборочками. Маленькие картинки в рамочках, изображающие нестерпимо милостивых ангелов — скорее всего лицевые половинки рождественских открыток, — висели на стене напротив унитаза. На небольшой настенной полочке лежали четыре журнала, все на испанском; три из них представляли собой сценарии «мыльных опер» и я воздержался от чтения. Запасной рулончик туалетной бумаги прятался под юбками вязаной куклы.

В зеркало на дверце аптечки, висящей над раковиной, я бросил взгляд на себя. Хотя мое лицо показалось мне знакомым и мелькнула мысль, что черные волосы немного длинноваты, вспышки озарения по поводу собственного имени не последовало. Я поскреб черную щетину на подбородке, но бритвы на раковине не было, а рывться в аптечке Рамиресов мне не хотелось.

И кстати, подумал я, если кто-то собирается меня убить, может быть, борода послужит хоть какой-то маскировкой и затруднит ему эту задачу.

Встав на колени в ванне, я заткнул сток черной резиновой пробкой и пустил воду. Она лилась из двух кранов, смесителя не было, и я торопливо отстранился, чтобы не ошпариться. Но я беспокоился зря — холодная вода у Рамиресов была «теплая», а горячая — «чуть-чуть теплее». Она оказалась такой жесткой, что мыло почти не давало пены, но тем не менее я без особых усилий вымылся, а потом вытерся потрепанным полотенцем, некогда принадлежавшим какому-то отелю.

Повязав полотенце наподобие шотландского кильта, я вышел из ванной и застал Эстефана за разговором с

чисто выбритым англосаксом примерно одного с ним роста. У англосакса были голубые глаза и стриженные ежиком рыжие волосы.

— Вы, вероятно, Рок Пелл?

— Именно так, приятель. — Он бросил мне толстый пакет размером чуть побольше телефонной книги, лежавшей под телефоном. — Здесь кое-какая одежда. Все должно подойти. Если нет, Коймен сказал, что я могу спустить пару нуль-нулевков, чтобы вам не ходить в обносках.

При словах «нуль-нулевки» лицо Эстефана просветлело, и я понял, что Пелл имел в виду стодолларовые банкноты, которые, судя по состоянию дома, не были бы лишними в хозяйстве Рамиресов. В то же время я почувствовал, что Эстефан боится, как бы Рок не предложил ему деньги за оказанную мне любезность: тогда Эстефану пришлось бы отказаться — потому что, по его же словам, он сделал это в возмещение за услугу, когда-то оказанную Койотом.

Еще я почувствовал, что Пелл и в самом деле предложит Эстефану деньги — не из-за недостатка сочувствия к нему и его семье, а потому, что это легче, чем придумывать другой способ помочь им. Я взглянул на хозяина дома.

— Эстефан, ведь вы, после того как привезли меня сюда, ходили покупать патроны к моему пистолету?

— Да.

— Значит, вы платили по цене перекупщика. — Я пристально взглянул на Пелла. — Если вы говорите, что Койот готов пожертвовать какой-то суммой, вероятно, можно вернуть Эстефану деньги за боеприпасы? Пистолет я возьму с собой, и мне хотелось бы забрать и остальные патроны. Полсотни на покрытие ваших расходов достаточно, не так ли, Эстефан?

Эстефан хотел возразить, но Пелл не стал его слушать.

— Полсотни, Эстефан? Дружище, тебя бессовестно обобрали, ты это понимаешь?

— Не думаю, Рок, что на этом рынке цену назначает покупатель, — вмешался я. — Эстефан торопился, и я рад, что он добыл патроны, потому что свои я все растрачивал.

Пелл вытащил пачку банкнот и начал отслаивать по одной. Остановившись на трех десятках с портретом Рейгана и четырех пятерках с Линкольном, он сложил их и вручил Эстефану. Хозяин дома опять попытался протестовать, но я покачал головой.

— Предоставив мне убежище в своем доме, вы оказали услугу Койоту. Покупая патроны для меня, вы оказали услугу мне. Мне еще предстоит заплатить следующему, а это примите в знак моих добрых намерений.

— Благодарю, сеньор. — Эстефан сунул деньги в карман и отдал мне почти полную коробку патронов.

— Не стоит благодарности. Я вернусь через пару минут.

Я удалился в ванную и содрал с пакета пластиковую обертку. Широкие трусы на резинке мне не понравились, но все же я их надел; белые носки с синими полосками пришили впору, и джинсы сидели на мне отлично, хотя были совершенно новыми и жесткими, как накрахмаленные. Черная футболка с непонятной надписью «Rollerblades does slalom» показалась мне чересчур вызывающей, но положение мое было не таково, чтобы предъявлять претензии.

Одевшись, я вернулся в гостиную и обнаружил, что Пелл с Эстефаном перебрались в кухню. Консуэла ставила на стол фасоль с рисом и тортильями. Пелл смотрел на еду голодными глазами, но, бросив беглый взгляд на кастрюли, я понял, что семья Рамиресов останется голодной, если попытается нас накормить.

— Рок, нам пора.

Он взглянул на меня, как на сумасшедшего.

— Отказаться будет невежливо...

— Знаю и надеюсь, что Эстефан и Консуэла найдут в себе силы простить меня. — Я демонстративно заткнул «край» за пояс сзади. — Если кто-то охотится за мной, то, пока я здесь, им угрожает опасность.

Пелл немного помедлил. Голод в нем боролся с благоразумием. Наконец он кивнул и поднялся.

— И, кроме того, надо найти вам подходящую обувь.

— Это не считая всего прочего.

— Верно.

Я повернулся к Эстефану и пожал ему руку.

— Большое спасибо, друг мой. — Я нарочно говорил по-испански.

Он улыбнулся:

— Не стоит благодарности. Счастливого пути.

— До свидания.

Мы вышли из домика, и я впервые увидел дневной Феникс. Разумеется, из-за крыши, висящей на высоте десяти этажей, отличить день от ночи было нелегко, но понять, что сейчас светлое время суток, можно было по потоку тепла, исходящему от кровли. На ее нижней стороне я увидел буквы ОСА, написанные распылителем.

— Рок, что это там, наверху?

— Это Застывшая Тень, любезность, оказанная городу «Лорика Индастриз» и Общественной Службой Аризоны, более известной, как Оголенные Сквалыги Аризоны.

— Впечатляет. А это?

— Солнечные батареи, дружище. Ими покрыт весь город, это наши электростанции.

Я прищурился, разглядывая Застывшую Тень. Мощные стальные балки, отливающие черным, поддерживали панели с двух сторон. Сами панели были величиной примерно в четверть мили по каждой стороне. В нескольких местах я увидел небольшие хижины, приютившиеся на балках или в промежутках между ними и ближайшими зданиями. Еще я заметил цилиндрические кожухи, приткнувшиеся, как пузыри темноты, к панелям в местах сочленения с балками.

— Панели двигаются?

— Да. Когда песчаная буря заносит все грязью, ОСА наклоняет их примерно на двадцать градусов и моет с помощью встроенной системы распылителей. Лишь тогда здесь, в Затмении, идет дождь. В другое время они раскрывают панели, только если в городе становится настолько душно, что духота начинает проникать в цитадели.

Мы подошли к его автомобилю — это был спортивный двухместный «форд ревлон элита», — и он набрал код замка на дверце водителя. Автомобиль был неправдоподобно белым. На нем осел лишь тонкий слой копти. Усевшись в кабину, Пелл открыл противоположную дверцу. Прежде чем сесть, я вытащил из-за пояса

«крайт», потом захлопнул дверь и позволил автомобилю пристегнуть меня.

— Эти ремни придумал садист, да, Мистериозо?

Я вежливо улыбнулся в ответ. Пелл включил двигатель, и мы тронулись. Ища, куда бы приткнуться пистолет, я открыл отделение для перчаток. Панель скользнула вниз, и за ней обнаружился тщательно подобранный набор косметики. Одновременно противосолнечный фильтр с моей стороны ушел в сторону, и на мгновение меня ослепили едвоенные фары по обеим сторонам зеркала.

— Это заводской стандарт или по спецзаказу?

— Стандарт. До того как «Ревлон» купил компанию, справа сверху действительно был перчаточный ящик. Знаете шутку? Пора покупать новую «элиту», а то у меня помада кончилась. — Пелл смеялся, пока не заметил, что я не заражаюсь его весельем. — Я-то, конечно, никогда этим не пользуюсь, разве что черным лаком для ногтей и тенями для век, когда приходится бывать в Драк-Сити.

— Драк-Сити?

— В девяностых годах компания чокнутых ведьмочек-хиппи и панк-вампиров решила обосноваться в Скоттсдейле и стала разрастаться. Из-за них «самый западный из западных городов» превратился в кусочек Трансильвании. Они отбеливают себе кожу и вставляют клыки. Еще там есть какие-то свихнувшиеся христиане, которые провозглашают, что Иисус воскрес из мертвых потому, что был вампиром — ну, знаете: «Он пролил кровь за нас и теперь хочет, чтобы мы ее вернули», — что-то в этом роде.

— Понятно, — сказал я, хотя ничего не понял. Но даже не имея представления, кто я такой, я точно знал, что у меня нет ничего общего с тем миром, который описывал Пелл. — Послушайте, мне кое-что нужно. Подходящая обувь, наплечная кобура, несколько запасных магазинов для «крайта» и пуленепробиваемый жилет. Как вы думаете, Койот на это раскошелится?

— Вы хотите разыскать свою личность, или собираетесь на войну?

— Может статься, и то и другое, приятель. Готовы ли вы мне помочь?

Пелл не ответил, и я, откинувшись на мягком сиденье, принялся рассматривать проплывающий мимо город. Вверху проносились стыки солнечных панелей. Они шли точно над серединой улицы, и я подумал, что в этом есть смысл, если, как говорил Рок, панели могли наклоняться, чтобы сбросить воду и мусор. Здания по пути попадались разные — от ветхих развалюх до высоченных многоквартирных домов. Перекрестки были отмечены торговыми рядами и магазинами, а иногда целый квартал занимал огромный открытый рынок.

В этом краю постоянной ночи все цвета были приглушенными, если они вообще были. Кое-где мигали яркие неоновые вывески, зазывая посетителей в бар или видеосалон, но душный воздух, казалось, высасывал из огня жизнь. Проезжая по городу в пелловской «элите», я вновь почувствовал себя тараканом, торопливо бегущим через кухню в страхе, что вот-вот кто-то войдет, включит свет и раздавит его.

— Неужели в городе удалось набрать столько голосов, чтобы накрыть его этой штукой?

Пелл принужденно пожал плечами, и я сразу решил, что любое его объяснение будет наполовину выдумкой.

— В конце восьмидесятых городской совет Феникса проиграл несколько референдумов. Поняв, что таким путем ничего не добьешься, они с помощью ФБР заставили Агентство по охране окружающей среды предъявить городу иск, поскольку с истощением озонового слоя участились заболевания раком кожи. Потом они устроили небольшой саботаж на атомной станции Пало-Верде, а ответственность за него свалили на экотеррористическую группу, которую они называли «Голубой гром», — из-за этого пару человек поджарили на электрическом стуле. А потом все эти древолюбцы и антиядерные маньяки начали проталкивать идею альтернативных источников энергии. Город предложил покрыть солнечными батареями неиспользуемые участки пустыни к юго-востоку, но те же самые средозащитники не согласились. В качестве блестящего компромисса Сьерра-Клаб и прочие группы, которые живут, между про-

чим, ВНЕ города, милостиво согласились разрешить строить солнечные батареи НАД городом. Нас называют Долиной Солнца, и для тех, кто живет наверху, это отвечает истине, но для нас здесь — Долина Полуночи.

— Невероятно. — Разговаривая, я заметил, что в некоторых местах футы в сорока над нами проходит параллельная дорожная сеть. — А зачем было дублировать дороги?

— В Фениксе невозможно зарыться в землю, потому что грунт спекся в камень. Верхние дороги соединяют между собой некоторые башни, но ими имеют право пользоваться только законтрактованные работники. Видите, у них нет въездов, и все они идут по прямой?

— Да.

— Поэтому обычные путешественники не могут туда попасть. Войти и выйти можно только в корпвиллах, вроде «Лорики» или «Ханивел и Кох». Или из Центра, если нам суждено когда-нибудь увидеть его изнутри.

Попытки Рока включить меня в число «своих парней» мне не понравились — и не понравились нотки горечи в его голосе, когда он упомянул о Центре. Я не знал, кто или что я такое, но знал точно, что я не из таких, как он. И все же я мог понять, почему Койот считал его полезным. У этого человека было открытое лицо, за которым прятался коварный ум. Пелл ясно видел, что не произвел на меня приятного впечатления, и пытался это изменить. Хотя со мной у него ничего не вышло, посреднику между различными группами эта способность к мимикрии была, без сомнения, необходима.

Рок завел автомобиль на стоянку и посигналил. Дверь гаража в стене большого склада отворилась, но ровно настолько, чтобы протиснулась его «элита». Нажатием кнопки на приборном щитке Рок убрал антенну и подал машину вперед.

— Там, внутри, следите за собой. Эти свихнувшиеся неонацисты — паршивый народ, но дело свое знают. Будьте осторожны, в этих выбеленных башках чувства юмора — ни капли. — Он нахмурился. — Знаете, лучше бы у меня был «бенц».

«Элита» вкатилась в неосвещенный склад, а у меня зачесались ладони. Дверь за нами закрылась, и внезап-

но вспыхнули две дюжины дуговых ламп. На мгновение я ослеп, а прищурившись, увидел, что Пелл надевает зеркальные солнечные очки.

Ладно, Рок, раз тут идет такая игра, поиграем...

Рок открыл свою дверцу и выбрался наружу. Я последовал его примеру, двигаясь медленно и спокойно, что бы тем, кто смотрел на нас, стало видно, что я безоружен и почти ослеплен. Широко раскинув руки, Рок приветствовал коротышку с длинными светлыми волосами. Они обнялись, похлопывая друг друга по спине.

— Генрих, сын эльзасской сучки, ты отлично выглядишь!

Генрих, который выглядел не здоровее альбиноса, работающего на грибной ферме, широко оскалился.

— Штайн, ты не изменился! Что могу для тебя сделать?

Рок кивнул в мою сторону.

— Ему нужны ботинки, жилет и, возможно, куртка.

Генрих обошел «элиту» и всмотрелся в мое лицо.

— Gut, они зеленые.

— Прошу прощения? — Я знал, что по-немецки нужное мне выражение — «Verzeihung», но не был склонен его использовать по двум причинам и в основном потому, что немецкий язык Генриха и его акцент были, несомненно, следствием просмотра бесчисленных нацистских кинополлюций на военную тему.

— Я говорю, что у вас зеленые глаза, и это хорошо. Значит, в вас нет крови грязных людишек.

Я улыбнулся.

— Или что у меня зеленые контактные линзы. — Я терпеть не мог расистов и злился, что Рок затащил меня к ним.

Генрих придвинулся, чтобы получше рассмотреть мои глаза, но Рок хлопнул его по спине и рассмеялся.

— Он пошутил, Генрих.

— Мы, «Воины Арийского Мирового Союза», не так легко относимся к чистоте расы. Я слышал, он провел ночь у фасольщиков.

— Он просто спал, Генрих, а не смешивал кровь. — Рок неодобрительно посмотрел на меня, обнял Генриха за плечи и отвел его подальше в глубь склада. — Это по делу, понимаешь?

— А что, Генрих, если бы я оказался «нечистым»?

Коротышка повернулся и медленно кивнул:

— Герр Штайн заплатил бы больше, а вы получили бы меньше. Впрочем, то же самое может случиться и из-за ваших взглядов.

— Полегче, Генрих, ты и так уже должен нашему человеку-тайне. Он стер в порошок лабораторию Жнецов. Кто их знает, с кого они там собирали урожай, который продавали на трансплантанты?

— Ja, хорошее замечание. — Генрих повернулся и повел Рока в лабиринт широких стеллажей, вздымающихся от пола до потолка. •

После их ухода я смог оглядеться. Если не считать неизбежных портретов Адольфа Гитлера, Эвана Мехема и Тома Метцгера, склад выглядел довольно обыкновенно. Он был двухэтажным, но в этой части перекрытие было снято, и вдоль стен на высоте примерно двенадцати футов шли висячие мостки. По мосткам прохаживались вооруженные охранники с автоматами, старательно отрабатывая высокомерные ухмылки.

Все «воины» были одеты в ту же униформу, что и Генрих: «серые» бриджи, заправленные в блестящие сапоги до колен и снабженные черными подтяжками. У всех, кроме троих человек, торсы были обнажены, а эти трое — один мужчина и две женщины — носили «серые» футболки с нацистским орлом на груди — видимо, в знак особых достижений.

Все они были одинаково жилистыми и волосы стригли коротко, причем мужчины предпочитали стоячий ежик, как у «зеленых беретов» или секьюрити в корпорациях, а женщины носили прически поэлегантнее, но и у них волосы не спускались ниже плеч. И, разумеется, у всех они были обесцвечены.

Не совсем обычным показалось мне то — я не сразу сумел это разглядеть, — что каждый подвергся небольшой косметической операции по вставке под кожу на голове прокладки, увеличивавшей высоту черепа. Высокие лбы могли бы придать им умный вид, если бы не поросячье невежество, сквозившее в глазах.

Зато пушки у них были впечатляющие. Не знаю, каким образом, но я сразу узнал автоматы МР-7 фирмы «Ханивел и Кох». Как и мой «крайт», они заряжались

десятимиллиметровыми патронами, по тридцать штук в изогнутых магазинах. Генрих вместо автомата носил пистолет. Я не смог разглядеть, какой именно, но предположил, что это древний «вальтер», хранимый, скорее, в качестве амулета или символа, нежели оружия.

Рок и Генрих быстро вернулись со всеми вещами, которые были мне нужны. Наплечная кобура «бианчи» отлично мне подошла, и Генрих лично пристегнул на положенное место два снаряженных магазина для «крайта». Кевларовый жилет, который они мне вручили, был способен остановить практически любую пулю. Я хмыкнул и бросил его на сиденье.

Еще они принесли две пары ботинок — это была, вероятно, идея Рока. Первые оказались просто хламом. Я отверг их сразу и выбрал более привлекательные шварцкопфовские. Примерив и убедившись, что они моего размера, я принялся их зашнуровывать, а Рок тем временем удалился куда-то, оставив меня наедине с Генрихом.

— Знаете ли, друг мой, вам не следует думать о нас так плохо, — сказал он, широким жестом обводя свою братию. — Мы защищаем все, чего достигли представители высшей расы. Вы же неглупый человек. Даже после одной ночи, проведенной в этой берлоге, вы должны были понять, что это за люди. Они ослабляют нас и тянут человечество назад, на животный уровень.

Я завязал второй ботинок, медленно выпрямился и взглянул на Генриха сверху вниз.

— Никакими силами не могу вообразить себя вашим другом. Единственное, что я увидел в том доме, — так это дружную семью, которая старается изо всех сил восполнить средства к существованию. Они угрожают вам значительно меньше, чем, например, я.

Я дал своим последним словам повиснуть в воздухе. Если бы взглядом можно было бы воспламенить что-то, Генрих испепелил бы меня — зато я смотрел на него холодно. Двое охранников остановились посмотреть на нас, и воздух, казалось, сгустился, словно в субмарине во время экстренного погружения. Я глядел Генриху в глаза и читал в них острейшее желание выхватить свой древ-

ний пистолет и выпалить в меня — но он понимал, что я заставлю его съесть эту пушку.

Появился Рок и встал рядом, скрестив на груди руки.

— Стоит мне отойти позвонить по телефону, как вы опять за свое. Ну что мне с вами делать?

Генрих отступил, и Рок бросил мне черную ветровку.

— Доброго дня тебе, Штайн. Только не стоит больше приводить сюда этого человека.

— Остынь, Генрих, он еще новичок в городе. Ему надо изучить местные нравы. — Рок полез в карман. — Сколько я тебе должен?

Нацист раздраженно поскреб правую ладонь большим пальцем левой руки.

— Полторы сотни, а патроны считайте моим подарком, человек-тайна. — Он взял у Рока пачку банкнот. — Надеюсь, вам хватит ума не истратить их все.

— Не волнуйся, Хэнк, — сказал я, подмигивая ему. — Последний патрон я оставляю тебе.

5

Вьезжая на дорогу, Рок включил кондиционер на максимум, взглянул на меня и покачал головой.

— Теперь я понимаю, почему Хэл сбывал вас мне. Он за меня учуял, что от вас неприятностей не оберешься.

Я стянул с себя наплечную кобуру, потом футболку.

— А мне вот весьма любопытно, как это тот самый Койот, который сумел заслужить уважение Хэла и Эстефана, сквозь пальцы смотрит на вашу торговлю с расистами.

— В самом деле? — На лице Пелла появилось суровое выражение. — Если вы такой умный, скажите-ка мне, что вы заметили, пока были внутри?

Эту игру в кто-кого ты проиграешь, Пелл.

— Ну, начнем с того, что я видел дюжину неонацистов, вооруженных самым современным оружием. Бронжилетов на них не было, значит, в своем убежище они чувствуют себя в безопасности. Далее, я заметил, что Генриху не хватило бы времени снарядить два магазина к «крайту», а следовательно, у них имеется склад. Вывод:

«Воины Арийского Мирового Союза» очень хорошо финансируются и готовы к войне.

Пелл дважды мигнул. Несомненно, он принял мои наблюдения к сведению.

— Для моих целей вполне достаточно. Но если вы так много заметили, то должны понимать, что я — человек разносторонний. Койот использует меня, поскольку ему нужен человек, способный вести переговоры с различными группировками. Вы видели то, что видели, а я побывал на складе и могу написать подробный доклад обо всем, что у них есть. Если дело дойдет до войны, скажем, с «Кровопускавателями», это поможет Койоту уравнивать шансы.

Я почему-то испытывал большие сомнения в том, что «уравнивание шансов» в сражениях уличных банд является целью Койота в Фениксе, но промолчал на этот счет. Натянув на себя кевларовый жилет и аккуратно застегивая его, я сказал:

— Хорошо. Стало быть, вы разведчик и «Воинам» нравится вести с вами дела. Но не думайте, что если вы им удобны, то я только поэтому стану лучшим приятелем Генриха.

— Да плюньте вы на него, мне до него дела нет! — с нарочитой беспечностью откликнулся Пелл. — Я с детства знаю Энрико Витале и не думаю, что, став блондином, он выглядит лучше. — Рок свернул на Сороковую улицу и поехал на север. — Послушайте, по телефону я звонил еще одной помощнице Койота. Она — специалист по компьютерам и определила тех, о ком вы говорили, как Карла Джексона и Вилли Харриса. Они работают в компании «Скорой помощи» «Колесо жизни». Два дежурства назад их отделение получило вызов в Слаймингтон.

Натягивая футболку, я зло усмехнулся.

— Как мы их найдем?

Пелл приподнял уголки губ в торжествующей улыбке.

— Джитт порылась в платежных файлах Джексона и обнаружила, что он частенько засиживается в «Дью Дроп Инн». У него открытый счет по карточке «Диджитал Экспресс», и полчаса назад он ею воспользовался. Еще миля после Томаса, и мы на месте.

Я кивнул:

— Превосходно.

— Только, когда мы войдем, предоставьте мне вести дело. «Дью» не такое уж плохое местечко.

— Ну да, там столуются только самые выдающиеся похитители трупов.

— Ладно, ладно, ваши чувства я понимаю, но вмешиваться не надо. Это просто пивная и бильярдная, и все. Тамошние парни не любят насилия.

Я прищурился и кивнул:

— Игра ваша, но результаты — мои.

— Договорились.

«Элита» остановилась перед трехэтажным зданием, построенным лет сорок назад. Судя по сломанному тележному колесу на внешней стене и дощатому тротуару, ведущему к входной двери, когда-то его переделывали в стиле Дальнего Запада. Если бы не «харлеи», прикованные цепями к коновязи, можно было бы подумать, что передо мной — декорация к вестерну.

Едва мы вышли из автомобиля, жара ударила меня, как кулаком. Я заправил в джинсы футболку с бронежилетом и надел наплечную кобуру. Рок нахмурился, но я, не обращая на него внимания, вытащил из перчаточного ящика «крайт» и, проверив предохранитель, сунул его в кобуру. Несмотря на жару, я накинул ветровку, чтобы скрыть пистолет.

— Вам он не понадобится.

— Значит, я им не воспользуюсь.

Войдя вслед за Пеллом внутрь, я невольно поморщился. Интерьер заведения явно не менялся со времен его основания. Дым, висящий в воздухе, гасил все цвета, но неоновые трубки, обвитые вокруг грубых колонн, и многочисленные серебряные полосы несколько оживляли общую атмосферу. Дрожащий свет рекламных надписей, призывающих покупать пиво таких марок, о которых никто не слышал вот уже четверть века, озаряли три бильярдных стола в дальнем углу. Я медленно двинулся к ним, стараясь по мере возможности держаться в тени, а Рок направился к длинной стойке и заговорил с барменом.

Клиентура заведения состояла в основном из «си них воротничков» и белых подонков, ищущих, где бы перехватить рюмочку за чужой счет. Обе официантки когда-то были симпатичными девушками, но работа в этой забегаловке выбила из них всю жизнерадостность. Когда я смотрел на них, та, что поменьше ростом, как раз смерила уничтожающим взглядом мужа, который похлопал ее пониже спины, а другая, пышнотелая блондинка с глубоким вырезом платья, устраивала настоящее шоу, наклоняясь над столиком, чтобы вытянуть у клиента чаевые побольше. Пили тут в основном дрянное мексиканское пиво, но и любителям опрокинуть стаканчик виски или текилы тоже нашлось бы, чем промочить глотку.

Пелл что-то втолковывал бармену, а тот пожимал плечами, и вдруг сквозь треск шаров я услышал голос Хриплого:

— Никому не сделать эту комбинацию.

Другой парень, на дюйм или два ниже меня ростом, улынулся:

— Как бы не так, Билли, я ее сделаю.

При звуке их голосов меня вновь захлестнул ужас той ночи, проведенной в мешке для трупов, и мои мускулы моментально напряглись, словно желая доказать мне, что больше не скованы параличом. Я присмотрелся к обоим парням, оценивая каждое их движение и прикидывая, способны ли они доставить мне неприятности. Впрочем, кроме бильярдных киев у них не было никакого оружия, а это означало, что доставить неприятности им я могу совершенно свободно.

Больше всего я желал нагнать на них столько же страха, сколько его натерпелся в ту ночь я.

Когда Джек нагнулся, прицеливаясь, я подошел к нему сзади и шлепнул ладонью по толстому концу кия. Джек промазал, чиркнув кием по столу, и обернулся. Он начал ругаться, но вдруг осознал, кто стоит перед ним. Его лицо стало мертвенно-бледным.

— Иисусе!

— Ты прав только наполовину. — Я сгреб его за ворот джинсовой куртки и, приподняв, усадил на угол стола, прямо над лузой. — Он тоже воскрес из мертвых, но был более склонен к прощению, нежели я. — Хрип-

лый двинулся было вокруг стола, но я остановил его взглядом. — Быть проданным на сувениры — это кого хочешь взбесит, Джек. К счастью для тебя, я понимаю шутки. — Я улыбнулся, и Джек улыбнулся вслед за мной; пот бисеринками выступил у него на лбу.

— Что тебе нужно?

Я потянулся и взял шар с цифрой «восемь».

— Мне нужно, чтобы ты подумал, что я имею в виду, заказывая шар номер восемь в угловую лузу. — Я прижал холодный шар к его губам. — Можешь оставить себе все, что получил от Жнецов. Мне эти деньги ни к чему, а они едва ли потребуют возмещения. — Я подождал немного, чтобы мои слова дошли до его сознания, и продолжал: — Но ты забрал все, что у меня было, все мое «барахло». Я хочу получить назад свои вещи. И кредитные карточки.

Едва ли Джеку удалось бы сказать что-либо осмысленное сквозь бильярдный шар, поэтому я убрал его, но недалеко — к левому глазу Джека, чтобы парень о нем не забыл.

— У меня нет ни того ни другого, — буркнул Джек. — Я сразу же все продал.

Я нахмурился, хотя на самом деле огорчился не слишком. Конечно, по документам и кредитным карточкам легко было бы установить мою личность, но ведь меня собирались убить, а какая-то там Джитт только что продемонстрировала, как легко можно выследить человека. В этом смысле толпа людей, всюю использующих мои кредитные карточки по всему городу, служила надежным прикрытием.

— А мои деньги?

— Наличных у вас было немного. Всего двести долларов, половина в долмарках, половина — в сертификатах «Лорики».

Долмарки являлись самой устойчивой валютой — более или менее. Официально в Северной Америке по-прежнему имели хождение доллары, но их стоимость сильно колебалась в зависимости от обменного курса дойчмарки, поэтому и был введен этот гибрид. Сертификаты корпораций основывались на чистой стоимости предприятия и тоже были довольно стабильны. Более

того, их можно было использовать в магазинах, принадлежавших компании, а значит, они были самой твердой валютой, какая могла попасть в руки простых людей.

Только, строго говоря, лишь у работников корпораций и дельцов «черного» рынка могли быть такие деньги. Не работал ли я на «Лорику»?

— Деньги вернешь. Что еще у тебя осталось?

— Ничего, ничего, честно!

— Этими милыми словами ты надеешься завершить наши отношения, не правда ли, Джек? — Я взглянул на Пелла: — Рок, закажи пива этому нераскаившемуся лжецу: ему понадобится обмыть восьмой шар, чтобы лучше прошел.

Рок соображал быстро. Он кивнул и громким голосом заказал пиво.

— Ничего от меня не скрывай, Джек, а то я настроен сыграть партию-другую, и уж тогда точно загоню этот вот шарик в лузу. Не думаю, что тебе это понравится. — Я взглянул на Хриплого, который опять придвинулся ближе. — И поверь мне, приятель, он тебе не НАСТОЛЬКО хороший друг.

— Джек, бумажник. Ты взял себе его бумажник.

У Джека был вид проповедника, которому подсказали забытую цитату из Библии.

— Точно, у меня ваш бумажник. — Его рука нырнула под куртку, но я отбросил ее. Он оскорбленно взглянул на меня, но вдруг сообразил, как я истолковал это движение, и судорожно сглотнул.

Я бросил шар номер восемь на стол и сам распахнул куртку Джека. Из внутреннего кармана торчал бумажник, который показался мне гораздо больше знакомым на ощупь, нежели на вид. Я раскрыл его и начал по одной вытряхивать купюры на пол. Вынув все, кроме двух сотен, о которых говорил Джек, я пошарил по другим отделениям, удовлетворенно хмыкнул и сунул бумажник в задний карман.

— Спасибо за партию, Джек. — Я одарил его самой ледяной улыбкой, на которую был способен. — Надеюсь, нам с тобой больше играть не придется, а то в другой раз дело может кончиться скоропостижной кончиной.

Пожимая ему руку, я заодно сдернул у него с запястья свои часы, и вряд ли он заметит их отсутствие раньше, чем через неделю.

Не оглядываясь, я пошел к выходу, каким-то сверхъестественным образом ощущая страх, почтение и подозрительность всех, кто был в баре. Казалось, они стали физическими объектами, доступными зрению. Разумеется, отчасти это объяснялось тем, что я видел ошеломление на лицах завсегдатаев, отчасти тем, что слышал приглушенную ругань, но было и нечто большее. Я чувствовал себя акулой, воспринимающей вибрации косяка насмерть перепуганных рыб, и, что хуже всего, ловил себя на том, что на многих смотрю, как на возможные жертвы.

Рок на пару секунд задержался — несомненно, для того, чтобы погреться в лучах моей славы. В конце концов я заговорил с ним и назвал его по имени. Учитывая работу Рока, «Дью» наверняка был для него источником и заказов, и информации. В ближайшем будущем здесь этому хамелеону не придется менять цвет.

С другой стороны, я бессознательно принялся разыгрывать личность, способную внушить трепет любому посетителю этого заведения. Входя, я не собирался ни во что вмешиваться и был более чем готов предоставить всю инициативу Пеллу. Бармен указал ему на Джексона, Пелл купил бы тому пива, закинул удочку насчет моих бумаг и потратил бы кучу Койотовых долмарок, чтобы купить то, что я отобрал даром. Результат был бы тот же, и я никак не мог решить, хотелось ли мне порисоваться перед Пеллом или просто вернуть Джеку часть того страха, который я испытал, когда меня продавали. Я подозревал, что второе объяснение более верное, но увидеть изумление на лице Пелла тоже было неплохо.

Рок вышел из бара, но ничего не сказал, пока мы не забрались в кондиционированный кокон «элиты».

— Он бы отдал и жену, и любовницу, стоило вам только сказать.

— Вероятно.

Я вытащил из заднего кармана бумажник и снова раскрыл его. Под пластиковым окошком, куда полагалось вставлять карточки, обнаружился твердый кусочек картона, и я

его вытащил. На лиловом фоне был оттиснут номер, а край картонки — зазубрен, словно ее откуда-то вырвали.

— Вы знаете, где находится «Эрнесто Апстрит»?

Пелл покосился на кусочек картона — талон платной автостоянки — в моей руке.

— Вы были у «Эрнесто»?

— А что, это запрещено?

— Нет, просто не думал, что вы — нюхач. Наверняка вы вели там теневую игру. — Он улыбнулся кривой улыбкой. — Разумеется, я могу предположить, что вы там обедали.

— А предположить, что вам известно, где это, вы в состоянии?

— Да. Перекресток Тридцать шестой улицы и Индиан-скул, на Втором уровне. — Пелл поджал губы. — Я поеду к «Билдмору». Хорошо бы пройти нам обоим, но, боюсь, навверх пропустят только вас.

— Ну так поехали.

— Уже едем. Нашли что-нибудь еще?

Я кивнул. В отделении для банкнот был кусочек гибкого пластика, вшитый при изготовлении. Под него кладут запасной ключ от машины или от дома, но маленький плоский ключ с крупными зубчиками на бородке, который я обнаружил там, был явно от чего-то другого. Впрочем, я знал, от чего.

— Ключ от сейфа. Вероятно, гостиничного, но, может быть, и бачковского. Здесь есть серийный номер.

— Интересно, — ухмыльнулся Рок. — Тайнственный клад.

— Все может быть.

Я улыбнулся в ответ и, предоставив Року мечтать о несказанном богатстве, откинулся на сиденье. Я очень надеялся, что клад даст мне ответ на главный вопрос: «Кто я такой»?

6

Пропускной пункт «Билдмора» напоминал скорее военную базу, нежели городскую службу. Его стены, возвышающиеся от земли до самой Застывшей

Тени, напомнили мне виденные когда-то изображения старой Берлинской стены со встроенными в нее фасадами домов, чьи окна и двери были заложены кирпичом. Кое-где их украшали рисунки самозваных художников, обрывки старых объявлений, но над всем царила эмблема «Билдмор».

Мы попытались въехать с перекрестка Тридцать второй и Кэмелбэк, но билдморовские охранники не пустили Рока на пандус, хотя у него был талон на автостоянку, и машина выглядела опрятно.

— Вот номер моего телефона, — сказал он, протягивая мне визитную карточку. — Вам придется подняться наверх самому и добраться до «Эрнесто» на «ультра-шаттле». Когда получите свой автомобиль, возвращайтесь сюда и съезжайте вниз. Если возникнут сложности, звоните мне.

— Понятно.

Я вылез из автомобиля и предъявил найденный в бумажнике талон одному из охранников, который отказался пустить нас. Он взял у меня карточку и, держа свой «армалит стормклауд» у правого плеча, тщательно изучил ее. Потом, отвернувшись, он сунул талон под ультрафиолетовую лампу. На лицевой стороне засветились зеленые полосы кода, замерцал красный луч считывающего лазера. Через несколько секунд по маленькому дисплею побежали какие-то буквы.

— В порядке. — Охранник проштамповал на пропуске контрольное время. — Это допуск на второй уровень, сэр. «Ультра-шаттл» прибудет минут через пятнадцать.

Забирая билет на автостоянку и пропуск, я улыбнулся.

— Благодарю вас.

— Сэр, и еще. — Охранник нагнулся ко мне. — Я знаю, что вы, распорядители, считаете игры внизу, в Тени, захватывающими, но я бы вам не рекомендовал. Время от времени кто-нибудь из ваших не возвращается, если вы понимаете, о чем я.

Да, у меня есть на этот счет кое-какая идея.

— Спасибо за предупреждение, друг. Я запомню.

Он указал мне на лифт с табличкой «Транзитный», и я вошел в кабину. Подчиняясь указаниям синтезиро-

ванного голоса, я вставил пропуск в приемную щель, и лифт немедленно вознес меня на следующий уровень. Двери открылись, и тот же компьютерный голос посоветовал мне, как пройти к остановке справа.

С высоты сорок футов город выглядел иначе. Отсюда ясно просматривался лабиринт дорог верхнего уровня, и по сравнению с его двойником внизу, казался совершенно пустынным. Кроме того, верхние улицы были неправдоподобно чистыми, видно было, что за ними хорошо ухаживают. Они не копировали рисунок улиц внизу, и, помня, о чем говорил Рок, я сделал вывод, что верхние дороги соединяют лишь точки, имеющие определенную важность, и им нет надобности проходить повсюду.

Осматриваясь, я видел несколько высоких зданий, но ни одно из них не доставало до Застывшей Тени. Взглянув на юг, я различил вдали комплекс «Лорики», а на западе — сплошную стену, ограждающую Центр.

В ожидании «ультра-шаттла», который должен был доставить меня к «Эрнесто Апстрит», я подошел к газетному киоску-автомату и сунул пятерку в приемную щель. Размышляя над выбором, я отметил, что сейчас середина июня, и, наконец, взял журнал «Феникс Метро». Раз уж я застрял здесь, неплохо бы узнать побольше об этих местах.

Получив свой журнал и две медные долларовые монеты с профилем Колумба, которые автомат выдал на сдачу, я начал пролистывать страницы и на одной внезапно увидел знакомую физиономию. В «Где они теперь?» красовался Хэл Гаррет, окруженный улыбающимися подростками. Я прочел:

Когда Хэл Гаррет отказался от годового контракта стоимостью пять с половиной миллионов долларов, многие полагали, что он окончит свои дни в государственной богадельне на углу Двадцать четвертой улицы и Ван Бюрен. «Нелегко было отказаться от такой суммы, но я почувствовал, что упускаю что-то более важное». Гаррет, который набирал по двадцать восемь очков за матч, выступая за «Феникс Санз» в прошлом сезоне, был, казалось, настроен продолжать игру и после сорока лет,

поэтому его отказ играть в следующем году ошеломил большинство наблюдателей.

Гаррет, ныне главный исполнительный директор благотворительного фонда «Солнечный луч», говорит, что оставил баскетбол, но не высшую лигу. «Как только выпадает возможность, я отправляюсь в парк и играю с подростками. Спорт может послужить способом выбраться из Затмения, но лишь для немногих счастливых. Если наши ребята хотят жить лучше, чем их родители, они должны научиться не убивать друг друга и найти себе дело.

По контексту я понял, что фонд «Солнечный луч» помогает подросткам получить средства и подготовку, необходимые, чтобы закончить образование. Еще в статье отмечалось, что Гаррет, поселившись на углу Тридцать шестой улицы и Палм Лэйн, обитает не так уж далеко от своего прежнего жилища в Центре, но утверждает, что теперь, в отличие от тех дней, чувствует, что вернулся домой. Этот пассаж почему-то вызвал у меня легкую улыбку, и я не спешил с ней расставаться.

Сине-желтый «ультра-шаттл» оповестил о своем прибытии пронзительным визгом тормозов. Двери открылись, и, ступив на борт, я сунул свой пропуск в считыватель рядом с водительским местом. На маленьком экране справа появилось название пункта назначения. Водитель закрыл двери и рванул с места прежде, чем я успел сесть, но я смело бросил вызов силе инерции и без особых затруднений уселся.

Статья о Гаррете добавила кое-что к моим догадкам о Койоте и его организации. Койот помог Эстефану, когда тот впервые появился в городе. Не менее вероятно было то, что Койот заметил усилия Гаррета в «Солнечном луче» и организовал взаимодействие, чтобы эффективнее использовать ресурсы и избегать дублирования. В эту схему отлично вписывался и Рок Пелл в роли проныры, который перелетает между различными группировками и собирает информацию.

Общая картина стала яснее, но на заднем плане моего сознания затаился назойливый вопрос: «Зачем они мне помогают?» Поразмыслив, я решил, что дело все-

таким было в том, что я попал в беду. Еще я подозревал, что в будущем они захотят, чтобы и я им помог. Я вспомнил слова Эстефана о «плате следующему» и подумал, что раз Койот помогал другим неудачникам, то мой случай не является чем-то особенным. Это немного успокоило мою подозрительность.

Исполнив еще одну симфонию для визжащих тормозов, «ультра-шаттл» высадил меня возле «Эрнесто Апстрит». Здание удивительно напоминало изысканный ресторан, и, если ряд дорогих автомобилей на стоянке о чем-нибудь говорил, ресторан, посещаемый людьми преуспевающими. Фасад его, с гладкими дорическими колоннами, был облицован искусственным мрамором и украшен уменьшенной копией микеланджеловского «Давида», благопристойно снабженной фиговым листком.

Привратник выжидательно положил руку в белой перчатке на дверную ручку, но я покачал головой, прошел к стоянке и протянул талон прыщавому юнцу, сидевшему в маленькой будке.

— Машина была здесь последние два дня. Я немного задержался.

Юнец пожал плечами и, отложив книжку с комиксами, сунул талон под считыватель, похожий на тот, которым пользовался охранник на пропускном пункте «Билдмора».

— Нет проблем, она еще здесь. С вас причитается за хранение. Двадцать семь пятьдесят.

Я вынул из бумажника три банкноты с портретом Рейгана, и он деловито пропустил их кодовые полосы через считыватель.

— Сдачи не надо, — сказал я.

На юнца моя щедрость не произвела ни малейшего впечатления. Он встал и пошел за моим автомобилем. Я взглянул на экран, но не смог разобраться в кодах. Из этой мешанины цифр и букв можно было бы многое узнать о моей жизни, но я был слеп.

Однако слепота моя не распространялась на автомобиль, который привел юнец. Огненно-красный «лансер» выглядел скорее не машиной, а акулой, охотящейся на пешеходов. Разумеется, он был местного производства, собранный скорее всего на заводе «Джи-Ди-Эм» в за-

падном Фениксе, но на международных состязаниях он мог обставить кого угодно. Я смутно припомнил уличные гонки на «лансере» против «мицубиси-феррари камикадзе» — это вполне могло сойти за вторую битву при Мидуэе.

Улыбка на лице юнца была вызвана не банкнотой с Рейганом, которую я ему дал, а короткой поездкой в моем автомобиле.

— Я о нем хорошо заботился.

— Уж я ценю это, поверь., — Я скользнул за руль, и парень захлопнул дверцу. Я пристегнул поясной ремень, но прежде чем закрепить сдвоенные ремни через грудь, открыл перчаточный ящик. Он был не таким большим, как в «элите» Рока, никакой косметики в нем не оказалось, но зато я нашел там нечто такое, что для меня было дороже золота.

Я быстро развернул прокатную квитанцию и улыбнулся. Удача! Автомобиль был выдан напрокат некоему Тихо Кейну. Имя было мне незнакомо, но я произнес его про себя пару раз, и оно мне понравилось. Подходящее имя, подходящий автомобиль. Теперь бы еще найти того, кто пытался меня убить, и все в порядке. Я аккуратно сложил квитанцию и сунул ее в карман ветровки.

Пристегнув остальные ремни, я включил сцепление и вырулил на дорогу. «Лансер» шел легко, словно вода, текущая по льду. На Тридцать второй улице впереди меня никого не было, и мне невыносимо захотелось как следует разогнать автомобиль. Взглянув в зеркальце в поисках машины «Скорпионз секьюрити» — которую, как я отлично понимал, мне все равно не удалось бы опознать, — я заметил «крайслер ле беф», который выехал со стоянки сразу за мной и быстро меня догонял.

В моей голове словно включилась машинка, оценивающая вероятность одновременного выезда со стоянки двух автомобилей. В городе с трехмиллионным населением они были невелики, если не учитывать того обстоятельства, что в последний раз меня видели именно здесь. Я покинул «Эрнесто» явно не один и не по собственной воле. Меня отвезли в Слаймингтон и бросили подышать. Тот, кто хотел видеть меня мертвым, ждал сообщения о найденном трупе, и не дождался. Услышав о неприят-

ностях у Жнецов, он мог установить наблюдение за моим автомобилем в надежде, что я заявлю свои права на него.

Едва я пришел к выводу, что это погоня, мое сердце забилося чаще. Кровь быстрее побежала по жилам, ноздри расширились. Я почувствовал такой же прилив энергии, как в тот раз, когда сцепился с Джексонсом. Меня ошеломило собственное желание остановить машину, вытащить «крайт» и открыть огонь.

Впрочем, я быстро подавил в себе жажду крови и резко свернул вправо, на восток по Кэмелбэк, зная, что есть только один способ определить, за мной ли гонятся эти парни. На Тридцать шестой улице я еще раз повернул направо, но «ле беф» остался висеть у меня на хвосте. Более того, водитель понял, что я его заметил, прибавил газу и перестроился в левый ряд. Из правого «крайслера» окна высунулась рука с пистолетом.

Я утопил педаль газа, и мотор громко взревел. «Лансер» рванулся вперед, и «ле беф» ринулся вдогонку. Я нажал на тормоз, выключил передачу, и «крайслер» ракетой промчался мимо. Его пассажир выстрелил, но на такой скорости точно прицелиться в мой автомобиль было практически невозможно.

Я рванул ручной тормоз. «Лансер» немедленно занесло и развернуло в обратную сторону. Когда «ле беф» снова возник в зеркальце заднего вида, я сбросил скорость, дал ему приблизиться и опять дал полный газ. «Лансер» дернулся, вдавив меня в спинку сиденья, и помчался как стрела. На ближайшем перекрестке я резко свернул направо, потом налево и потерял «крайслер» из виду.

Но, въехав на эту узкую боковую улицу, принадлежащую к редкой сети дорог над Фениксом, я понял, что тому, кто хочет ускользнуть от преследования, необходимо знать поле битвы лучше, чем противник. Я, очевидно, не удовлетворял этому требованию, иначе не стал бы сворачивать прямо под табличку «ТУПИК». Через сотню ярдов, останавливая «лансер» у глухой стены, я подумал, что в этой надписи есть что-то пророческое.

«Крайслер» закрыл собой улицу, не оставляя мне возможности выбраться. Его фары тускло отсвечивали на металлическом ограждении дороги. Он двигался мед-

ленно, словно механический зверь, подкрадывающийся к жертве.

Я отстегнул ремни и вылез из «лансера». Сделав два шага навстречу «ле бефу», я вынул «крайт», сдвинул предохранитель и, опустившись на колено, тщательно прицелился, держа пистолет обеими руками.

Редкий человек, оказавшись под прицелом, не впадет в панику. Пассажир «ле бефа», в попытке опередить события, по пояс высунулся из окна и прицелился в меня. Первые две его пули ударили в асфальт слева. Я ответил ему, и он обвис в окне, заливая кровью автомобиль, но тот, кто сидел за рулем, вероятно, решил, что я у него в руках.

Перенеся прицел на кабину, я быстро понял, откуда у водителя уверенность. «Ле беф» был снабжен пуленепробиваемыми стеклами и пулестойкими шинами. Корпус тоже был бронирован, и я безрезультатно высекал искры из капота и заливал свинцом ветровое стекло.

«Крайслер» прибавил скорость. Я заменил израсходованный магазин и выстрелил еще дважды, не двигаясь с места. «Крайслер», дьявольски завывая мотором, надвигался на меня. Я шагнул вправо, и водитель повернул, целясь в меня капотом с серебристой эмблемой фирмы. Он даже начал сбрасывать газ: ему не хотелось врезаться в мой автомобиль и вывалиться с эстакады.

Я метнулся влево, уклонившись от раскачивающих рук мертвеца в окне, и трижды выстрелил через открытое правое окошко «крайслера». Не знаю, куда я попал, но, видимо, куда нужно, потому что «крайслер» потерял управление. Я вжался в ограждение, а «ле беф» ударом захлопнул левую дверцу моего «лансера».

Зрелище было завораживающее. Фибергласовые боковые панели отлетали, взмывая в воздух. Стекла рассыпались искрами осколков, и они дождем потекли вниз, сверкая в уличных фонарях. С оглушительным треском «лансер» проломил ограждение и стремительно пропал из виду.

«Крайслер», высекая днищем искры, перевалился через край и канул следом за «лансером».

Яркая вспышка осветила улицу, и я бросился на землю. Меня осыпало обломками, и второй взрыв сотряс

эстакаду. Снизу протянулись языки пламени, словно в поисках новой пищи, и вдалеке послышался резкий вопль сирен.

Я убрал пистолет и рысцой побежал вдоль эстакады, к бетонной опоре. Барельефы на ней позволили мне спуститься без особого труда, тем более что благодаря пожару я хорошо видел, куда ставить ногу. Столкнувшись, автомобили разрушили и подожгли клинику каких-то хилеров.

Отыскав телефон-автомат, я сунул в щель медный доллар с профилем Колумба и, выудив из кармана карточку Пелла, набрал его номер.

— Рок, это твой человек-тайна. У меня был «лансер».

— Был? Что случилось?

— Ничего особенного. Подбери меня, и я тебе расскажу.

— Как я тебя найду? Где ты?

— Не знаю точно, — рассмеялся я. — Но я зажег сигнальный костер. Ты его не пропустишь.

Вешая трубку, я увидел, что у меня дрожат руки, и, глядя на бушующий в квартале от телефона пожар, почувствовал запоздалый страх. Промедли я долю секунды, меня бы зажало между автомобилями, и сейчас я бы тоже поджаривался в этом костре.

По спине у меня пробежала дрожь, и я искренне надеялся, что двое, бывшие в «крайслере», умерли от моих выстрелов до того, как их автомобиль свалился вниз.

«Скорпионз секьюрити» сноровисто оцепили место происшествия, потом прибыло пожарное подразделение, и яркое пламя быстро превратилось в удушливый дым. Когда прикатил Рок, пожарные уже начали разбирать дымящиеся, покрытые пеной обломки, снова и снова поглядывая то на полурасплавленные автомобили, то вверх на эстакаду.

— Вас понял, — сказал Рок в радиотелефон, пока я садился в машину. Он бросил взгляд на останки автомобилей и поморщился. — Если я когда-нибудь предлагал тебе свою машину, забудь о моем предложении.

На моем лице появилась слабая улыбка.

— Меня зовут Тихо Кейн. «Лансер» был взят напрокат.

— Рад слышать твое имя. — Рок развернул машину по широкой дуге и покотил прочь от пожара. — Я говорил с Хэлом. Он получил указания от Койота. Ты приглашен на большой совет. Койот решил, что твои проблемы — это и наши проблемы.

7

Рок привез меня к дому, похожему на заброшенное административное здание. Его окружала сетчатая изгородь, увенчанная спиралью из колючей проволоки, и повсюду висели знаки, угрожающие судебным иском за вторжение на территорию. Окна, выходящие на улицу, были заколочены, а стены покрыты непристойными рисунками и надписями. Рок набрал код номер на клавиатуре у ворот, и створки откатились в сторону. Как только мы въехали внутрь, ворота снова закрылись.

Рок объехал здание вокруг и поставил автомобиль на некое подобие закрытой стоянки. Набрав еще один код, он открыл заднюю дверь. Мы вошли. Удостоверившись, что дверь за ним закрыта надежно, Рок достал из кобуры, пристегнутой к лодыжке, небольшой, но грозный на вид автоматический «намбу» и положил его на столик в прихожей. Он бросил взгляд на мою наплечную кобуру, и я с неохотой проделал то же самое с «крайтом».

После этого Рок провел меня в хорошо освещенный конференц-зал с большим столом посередине. В зале было пять человек.

— Здравствуйте, — обратился Рок к ним. — Это Тихо Кейн, человек, у которого много врагов и никаких воспоминаний. Хэл Гаррет тебе уже знаком.

Я кивнул, и мы с Хэлом обменялись рукопожатием.

— Надеюсь, встреча прошла хорошо.

— Настолько хорошо, насколько можно было ожидать.

Рок показал на с иголки одетого латиноамериканца.

— Алехандро Хигуэра.

Хигуэра протянул мне руку, и я крепко ее пожал. Сложением и чертами лица он был очень похож на Эсте-

фана, но в культурном плане между ними была огромная разница. Алехандро был чисто выбрит и носил густые усы. Его волосы были подстрижены по последней моде, а костюм стоил раза в три больше, чем Эстефан зарабатывал за месяц. Когда он поправлял узел галстука, на запястье у него блеснул золотой «ролекс», а на мизинце я увидел большое кольцо с бриллиантом.

— Очень рад.

— Как и я, сеньор Хигуэра.

Рок двинулся дальше и представил мне стоящую отдельно от остальных необычную пару.

— Нэтч Ферал и Бат.

Нэтч Ферал означало «Дикая Плясунья», и я решил, что это прозвище. На первый взгляд девушка выглядела довольно изнеженной, но потом я заметил, что ее длинные выющиеся волосы заплетены и заправлены под ворот кожаной куртки, чтобы за них нельзя было ухватиться в драке. Маленькая и, несомненно, быстрая, она носила перчатки без пальцев, открывающие острые ногти, выкрашенные в черный цвет. У нее были черные волосы и кожа цвета кофе со сливками, но ярко-синий цвет миндалевидных глаз не оставлял камня на камне от расовых теорий старины Генриха.

Что касается Бата, то он выглядел как ожившая статуя героя социализма с квадратным подбородком. Бат уступал ростом Гаррету дюймов на восемь, но был фунтов на двадцать пять тяжелее и попадал, таким образом, в разряд супертяжеловесов. Этот немалый вес, судя по тому, что я мог разглядеть под его белой футболкой, делился в пропорции девяти к десяти между мускулами и шрамами. Руки его были сжаты в кулаки, и на костяшках пальцев я тоже увидел шрамы. Кем бы ни был этот человек, он выдержал много боев и, судя по его виду, выигрывал значительно чаще своих противников.

— Привет, — сказал я.

Нэтч покосилась на меня и что-то проворчала. Бат не стал утруждаться, решив, что она поприветствовала меня и за него.

Зато женщина, следующая по порядку, радушно протянула мне руку:

— Здравствуйте, мистер Кейн, меня зовут Марит Фиск.

Я широко улыбнулся и увидел в ее голубых глазах удовольствие от произведенного ею впечатления.

— Пожалуйста, называйте меня Тихо, мисс Фиск.

— Тогда и вы зовите меня Марит.

— Как пожелаете.

Пожимая ей руку, я почувствовал, что Рок рассержен. Я взглянул на него и увидел, что его глаза сузились. Впрочем, меня это мало заботило. Если у него есть сложности с Марит, пусть сам с ними и разбирается. Но, хотя я не знал, были они любовниками сейчас или в прошлом, или только в мечтах Рока, я не мог упрекнуть его в отсутствии вкуса.

При довольно большом для женщины росте у Марит были пышные плечи и тонкая талия. Длинные черные волосы доходили ей до середины спины. Сложенная атлетически, она была одной из тех немногих женщин, которые могут позволить себе носить спортивный костюм в обтяжку, не поплатившись за эту дерзость. Двухдюймовые каблуки подчеркивали длину ее ног. У нее была замечательная улыбка, и когда она улыбнулась мне, я понял, что встретил женщину, с которой хотел бы провести остаток жизни.

Уголкем глаза я заметил, что Нэтч тоже улыбается мне.

— Где Джитт? — проворчал Рок.

— Здесь. Мне надо было кое-что закончить.

Из другой двери появилась женщина, увидев которую, я непроизвольно насторожился. На первый взгляд ее можно было бы назвать красавицей. У нее были великолепные золотистые волосы и простенькое джинсовое платье, хотя и застегнутое наглухо, не могло скрыть безукоризненности ее фигуры.

Когда она вышла на свет, я понял, отчего включился мой подсознательный сигнал тревоги. Ее лицо было начисто лишено жизни. Казалось, она носила маску. Темные глаза абсолютно не сочетались с цветом волос и светлой кожей, и несмотря на идеальное телосложение, она двигалась с неуклюжестью молодого жеребенка, и ее движения напоминали рывки автомобиля с ручным переключением передач, когда за рулем сидит человек, не умеющий толком водить.

Я протянул ей руку:

— Привет, меня зовут...

— Тихо Кейн, я знаю, — на моем лице, вероятно, отразилось недоумение, а Джитт слегка прищурилась. — Рок сообщил мне об аварии, и я вошла в данные местного отделения «скорпионов». Проследив регистрационный номер автомобиля и идентификационные номера, я получила запись о сдаче в прокат. Теперь у меня есть ваши финансовые файлы и я знаю даже ваш счет в «Диджитал экспресс». В «Мизуно Шератон» в Центре за вами все еще числится номер.

Марит оперлась рукой на мое плечо и ввела меня в курс дела.

— Джитт Рэйвел у нас — координатор связи и, к счастью для нашей организации, входит в число лучших компьютерных эмпатов в мире. Я думаю, ей куда сложнее было замести за собой следы, чем получить саму информацию.

Мне было известно, что компьютерные эмпа́ты — это те, кого раньше называли просто хакерами. С помощью сверхъестественной интуиции и невероятно искусного программирования они могли проникнуть в любую компьютерную сеть. Я с признательностью улыбнулся Джитт и почтил ее искусство легким поклоном.

После слов Марит Джитт, казалось, немного оттаяла. Я протянул ей руку, и она, чуть помедлив, пожала ее. Кожа у нее была прохладной на ощупь, а рука — необычно легкой. Мою ладонь она взяла очень осторожно, и мы почти сразу разомкнули рукопожатие.

Хэл подошел к креслу, стоящему во главе стола.

— Джитт, есть ли сведения о тех двоих, которых Тихо спустил на землю?

Джитт, двигаясь как автомат, села ближе к середине стола и кивнула:

— Я заставила компьютер опознать одного из них как Тихо Кейна и внесла в его файлы достаточно беспорядка, чтобы ошибку не заметили еще пару дней. Другой — это Пол Грей. Он частный сыщик, работал преимущественно на «Лорика Индастриз». Как правило, пользовался услугами человека по имени Уоллес Гриффин, и я подозреваю, что и на этот раз они были вместе. «Ле беф» принадлежал «Лорике».

Мне показалось, что Джитт попыталась нахмуриться, перед тем как сказать следующую фразу.

— Мистер Кейн пользовался собственной кредитной карточкой для страховки прокатного автомобиля, но счета шлй на подставную компанию «Лорики». Кто-то на сто первом этаже принимает эти счета.

Я выбрал место напротив Хэла, а Марит села по правую руку от меня. Нэтч устроилась напротив Джитт, Алехандро сел рядом с ней, а Рок мрачно опустилсЯ в кресло между Джитт и Хэлом. Бат остался стоять, сложив на груди могучие руки.

— «Лорика» оплачивала мои счета? В таком случае зачем им кого-то на меня натравливать?

Хэл пожал плечами:

— Возможно, вы не уложились в срок. А может быть, кто-то решил сэкономить деньги. — Он взглянул на Рока: — Не случилось ли чего-нибудь любопытного с «Лорикой»?

Рок покачал головой:

— На заседании совета головы не полетели, если вы это имеете в виду. После переворота, который был два месяца назад, Ведьма полностью закрепила за собой власть. Нерис Лоринг не слишком приглядно выглядит в этой истории, но способ, которым она выставила своего папашу, Неро — это произведение искусства. Возможно, он и стареет, но все-таки не настолько стар. Основное достоинство инженера — опыт, у человека, который проектировал Застывшую Тень и сеть маглева, в голове наверняка есть еще пара замыслов.

Нэтч поцокала языком.

— На улицах болтают, что какие-то верноподданные быстренько убрали папочку в Каса Васио. Ведьма не знает, где он, и желает, чтобы его нашли. — Она посмотрела на меня со злой усмешкой. — Хорошо ли вы играете в прятки, Кейнмен?

— Не знаю. — Я положил ладони на стол. — До сих пор у меня неплохо получались поджоги и стрельба по движущимся мишеням.

Усмехнулись все, кроме Бата.

Он хмыкнул, и не могу сказать, что это улучшило мое самочувствие.

Марит похлопала меня по руке и на мгновение задержала пальцы на моем запястье.

— Хэл, похоже, что двойная связь с «Лорикой» — по моей части. Мне кажется, если удастся провести мистера Кейна на завтрашний прием «Лорики» в Центре, нам что-нибудь обломится.

Великан широко улыбнулся и наклонил голову:

— Хорошая мысль. А получится?

Александро уверенно кивнул:

— У меня есть приглашение.

Марит хищно улыбнулась.

— Значит, составим тройку. — Хэл поднял на нее глаза, и она добавила: — Хэл, дорогой, ты же не думаешь, что они посмеют меня не пустить?

Бат снова хмыкнул, а Хэл покачал головой.

— Нет, не думаю. Отлично, твое присутствие выбьет кое-кого из колеи, и нам может как следует повезти.

— Джитт, ты можешь изменить файлы «Мизуно» так, чтобы перевести мистера Кейна в другой номер?

В ответ на вопрос Марит Джитт утвердительно кивнула.

— Ты хочешь, чтобы я изменила комбинацию на двери в номере, где лежат его вещи, правильно?

— Да. Если ты это сделаешь, мы сможем их забрать. — Марит оглянулась на Хэла: — Не знаю, что там окажется, но нам, возможно, придется купить ему новую одежду для приема.

— Действуйте. Койот сказал, у него карт-бланш.

Джитт кивком подтвердила слова Хэла. В соседней комнате зазвонил телефон, и она вышла, чтобы ответить на звонок.

Рок откинулся в кресле.

— Ладно, приятель, когда получим твое барахло в отеле, я покажу местечко, где можно подыскать тебе сногшибательные шмотки.

— Вот именно — шмотки. — Марит продела левую руку под мой правый локоть. — Будет лучше, если я отвезу его в отель, а потом поеду с ним покупать одежду. Это прием на самом верху, Рок, а не те вечеринки в Затмении, где высший свет плющит пивные банки о твой лоб.

Рок побагровел и хотел возмутиться, но Хэл его перебил:

Она права, Рок. И потом, ты понадобишься здесь. Мне нужен полный отчет о том, что ты видел на складе у «Воинов». Я добился, чтобы «Кровопускатели» отложили большое наступление, но тебе предстоит испытать свое обаяние на вамсовцах и «Зомби». — Он оглядел остальных. — Смотрите и слушайте. Если узнаете, что в «Лорике» происходит что-то необычное, сообщите Джитт. Она все передаст Койоту.

Словно в ответ на упоминание этого имени, в дверях снова появилась Джитт.

— Мистер Кейн, Койот хотел бы с вами поговорить. Она протянула мне телефон.

Я взял трубку и поднес к уху. В ней слышалось легкое гудение, словно какое-то электрическое устройство создавало помехи.

— Алло?

— А, мистер Кейн, я рад наконец поговорить с вами. Вы были порядком заняты с тех пор, как появились в нашем городе.

— Несомненно.

— Именно так. — Койот сделал паузу, и я понял, что голос у него неестественный. Без сомнения, измененный с помощью механизма, чтобы нельзя было бы опознать. — Мистер Кейн, я и мои люди сделаем все, что в наших силах, чтобы разрешить загадку вашей личности. Я уверен, что мы добьемся успеха, но в обмен хотел бы попросить вас об одном одолжении.

Я улыбнулся.

— «Заплатить следующему», так?

— Точно так. — Я услышал смешок. — И я рад, что вы столь сообразительны, потому что, видите ли, один из людей, сидящих с вами в этой комнате, предатель. Мне хотелось бы, чтобы вы обнаружили и обезвредили его прежде, чем он успеет убить вас.

8

Марит посадила меня в свой «ариэль Джи-Ди-Эм». Я пристегнулся и молчал, пока она пробиралась сквозь поток транспорта на Скво Пик Паркуэй. Для

человека, склонного вдвое превышать скорость, она водила неплохо, а ее низко сидящий спортивный автомобиль держался на дороге так, словно его шины были сделаны из «велкро». Дорога шла то вверх, то вниз, как на горках в Диснейленде, и я воспользовался этим, чтобы изучить конструкцию эстакад.

Я сохранял на губах улыбку, которую Марит могла принять за молчаливое одобрение ее водительского умения, но на самом деле я улыбался, чтобы скрыть замешательство. Я только-только встретился с этими людьми и уже начинал им доверять, как Койот пустил крылатую ракету прямо в окно моего доверия. Разумеется, я немедленно принялся раскладывать его помощников по ящичкам и анализировать возможные мотивы, но я знал о них слишком мало, чтобы делать какие-то выводы. Рок Пелл попадал в список возможных кандидатов под номером первым, поскольку имел возможность позвонить из автомобиля, чтобы предупредить «Лорику» о том, что я отправился на стоянку. Но я уже придумал объяснение тому, почему меня там поджидали, и оно было более убедительным. На самом деле против Пелла говорили только его эгоизм и неосмотрительность, но если считать эти качества серьезным преступлением, то у меня не хватило бы патронов, чтобы воздать по заслугам каждому, кто в нем повинен.

Койот не сказал, каким способом я должен «обезвредить» предателя, но я не сомневался, что он предполагает убийство. Как ни странно, особой сложности я в том не видел, и это укрепило меня в убеждении, что я специалист, которого привлекают именно для устранения такого рода проблем. Я чувствовал уверенность, что раскрою предателя прежде, чем он или она успеет что-то сделать со мной, и надеялся только, что Койот не ошибся в своих подозрениях, и предатель действительно один. Будь их хотя бы двое, задача излишне бы усложнилась.

— Прикройте глаза, — вдруг сказала Марит.

— Что?

— Прикройте глаза, мы выезжаем из Затмения. — Марит включила поворот и направила «ариэль» на правую полосу. Над ней я увидел щит, гласящий: «Вы

въезжаете в Городской Центр. Автомобили с отсутствием допуска подлежат конфискации, а их владельцы преследуются в уголовном порядке».

— У отцов города туговато с чувством юмора, а?

— Нет. — Она прибавила газу перед крутым подъемом. — В течение примерно двадцати лет они делали все, что могли, от фестивалей до финансирования Гранпри, чтобы привлечь новых жителей в нижний город. Но чем сильнее они старались, тем больше народу выезжало в глубинку поглазеть на праздники и средневековые ярмарки. Стремление заново открыть Центр возникло не раньше, чем доступ сюда был ограничен кругом высокопоставленных персон, как и предполагалось с самого начала.

— Запретный плод?

— Вот именно. А теперь прикройте глаза.

Я поднял правую руку как раз в тот момент, когда автомобиль достиг верхней точки подъема и вынырнул на дневной свет. Сперва глаза у меня заболели, но быстро привыкли, и я опустил руку.

— Какая красота!

— Мы между Тартаром и Олимпом.

Городской Центр был похож на сияющий хрустальный город будущего, вздымающийся из глянцевого-черного океана. Высотой в пять этажей, он простирался через весь западный горизонт. Дюжина башен торчали над ним словно горы, и три из них насчитывали больше сотни этажей. Зеркальное серебро небоскребов вполеталось в блеск меди и свет розового мрамора основного города.

Правее я увидел «серые» опоры — скорее всего линию маглева, поезда на магнитной подвеске, входящую в Центр с южной стороны. Бросив взгляд вдоль линии, я увидел на юге еще два рукотворных острова, только поменьше.

— А там что?

— Прямо на юг — цитадель «Сумитомо-Диал», а к юго-востоку — комплекс «Ханивел и Кох». Кольцо маглева связывает семь цитаделей-спутников, а радиальные линии соединяют их с Центром. Нога того, кто живет в башнях, никогда не ступает на грешную землю.

Дорога снова пошла вниз, упираясь в центр массива зданий, которые были этажей на восемь выше Застывшей Тени. Мимо поплыли стены из зеркального стекла, и я внезапно заметил, что мы находимся внутри чего-то, напоминающего огромный торговый центр. Небо надойной перечеркивали крытые переходы и самодвижущиеся дорожки, переносящие людей из одной башни в другую, а ниже, спускаясь сквозь два очень высоких яруса, эскалаторы несли людей в невообразимую путаницу беломраморных коридоров, усеянных магазинами и магазинчиками.

Марит свернула на автостоянку. Мы выбрались из машины, и на водительское место уселся румяный паренек. Он протянул Марит талон, а она ему — пять долларов. Как только мы ступили на тротуар, парнишка направила «ариэль» по узкому проезду, ведущему в туннель.

— Куда он увел ваш автомобиль?

Марит взяла меня под руку.

— Сейчас мы на четыре яруса выше Застывшей Тени, то есть на уровне восемнадцатизэтажного дома. Пятый уровень, как раз на высоте Застывшей Тени, занят автостоянками. Если мы соберемся уезжать, машину доставят на любую дорогу, по нашему выбору.

Мы встали на эскалатор, ведущий вниз, и я задумался.

— Центр довольно велик. Как же мы будем передвигаться без автомобиля?

— Поезда по всей внешней части Шестого уровня и по диагоналям Седьмого доставят нас куда угодно, — свободной рукой Марит указала наискось через широкую площадь. — Вестибюль «Мизуно Шератон» как раз на Седьмом уровне, иначе нам пришлось бы спускаться лифтом на Шестой и ехать по кругу.

— Дайте-ка мне сообразить: значит, на Пятом уровне гаражи и стоянки, а на Шестом — поезда?

— Поезда и магазины. Причем преимущественно универсальные. Туда может пойти любой, и там же у нас театры, залы игровых автоматов и рестораны для средней публики. На Седьмом уровне рестораны более высокого класса и специализированные магазины. Там можно купить европейские или высококачественные латиноамериканские товары. На Седьмом уровне есть даже

новый Меркадо — выглядит точь-в-точь как мексиканская деревня. Это восхитительно, вам непременно понравится.

Пока мы медленно опускались сквозь Девятый и Восьмой уровни, я осматривался и заметил, что названия кое-каких магазинов мне знакомы. Цены явно возрастали от уровня к уровню, равно как и качество товаров. Восьмой уровень, который можно было принять за кусочек Токио, был переполнен. Девятый, по всей видимости, принадлежал немецким производителям и некоторым из лучших американских компаний, причем последние торговали почти исключительно оружием.

— Если доступ ограничен, кому дозволяется входить?

Марит успокаивающе пожала мне руку.

— Служащие магазинов и учреждений занимают уровни с Первого по Четвертый. Вне работы они редко бывают выше Шестого уровня, хотя им это не запрещается. Мне говорили, что многие из них отмечают праздники здесь, наверху. Администраторы и квалифицированные специалисты живут в башнях — учреждения идут с Пятнадцатого уровня и выше. Самые богатые, вроде Нерис Лоринг, обитают над облаками. Люди, занимающие промежуточное положение, как правило, поселяются вне города, в Парадиз Вэлли, если могут себе это позволить, а на работу приезжают сюда. Жителям Затмения запрещено входить в Центр, но если их пригласили в гости, тогда дозволяется.

— Это значит, редко, а скорее всего никогда.

— За исключением мужчин с вашей внешностью, — усмехнулась Марит.

Мы сошли с эскалатора и двинулись сквозь толпу к «Мизуно Шератон». Я его не узнал, но, поскольку не был знаком ни с чем здесь, не испытал особого потрясения. Толпа не отличалась густотой, а по разинутым ртам и указующим пальцам легко различались «недочеловеки», впервые приехавшие в Центр, и те, кто провел здесь достаточно времени, чтобы ничему не удивляться. Несмотря на то что люди выглядели чистенькими и благополучными, я почувствовал к ним нечто вроде жалости. Человеческого в них было столько же, сколько в

хозяюшках, обученных бродить по лабиринту на забаву хозяину.

В одном месте я увидел гигантский балкон, где был разбит самый настоящий городской парк. Его ограждал аккуратный беленький заборчик, в пруду плавали игрушечные кораблики. Няньки в униформе присматривали за детишками, играющими в мяч и качающимися на качелях. Все детишки были нарядно одеты: мальчики — в шорты, гольфы и белые рубашечки, девочки — в платьица с оборками, перчатки и капоры. Я огляделся, отыскивая признаки того, что это какая-то пьеса или костюмированное представление, но, судя по всему, передо мной была подлинная жизнь.

— Что, здесь действительно так одевают детей, чтобы пустить их играть в этот террариум-переросток?

Марит вполне серьезно кивнула.

— Бартон Барр Парк — только для тех, кто может себе его позволить. Для тех, кто хочет, чтобы его дети получали самое лучшее. Одним словом, здесь выращивают людей, которые когда-нибудь будут править и Центром, и окружающими корпвиллями.

В дверях отеля нас приветствовали две девушки. Мы вежливо улыбнулись в ответ, и Марит рассмеялась, услышав, что одна из них шепнула другой ее имя. Мы не задерживаясь прошли вестибюль к нужному ряду лифтов. Пока я разговаривал с Койотом, Марит получила все сведения о моем номере и теперь шла уверенно.

— Четыре-три-три-семь, — прошептала она, набирая код на двери. Красный светодиод сменил цвет на зеленый, и дверь со щелчком открылась. Марит пропустила меня вперед, и я не стал возражать, уповая, вопреки всякой логике, что увижу внутри что-нибудь достаточно знакомое, чтобы высечь искорку памяти.

Ничего подобного я не увидел.

Из окна открывался захватывающий вид на закат солнца, но в остальном — ничего примечательного. В конце концов, подумал я, в гостиничном номере нет места личному. Более того, если не считать окурков в пепельнице, номер выглядел так, словно я никогда в нем не бывал.

Я вздохнул.

— Наступило время тщательных, методичных поисков. Марит кивнула в знак согласия.

— Начну с платяного шкафа. — Она открыла дверку и уважительно присвистнула. — У вас хороший вкус. Костюмы, я думаю, итальянские. Ботинки определенно «Буччи импорте».

Я улыбнулся и принялся выдвигать ящики комода. Там я увидел четыре пары аккуратно сложенных трусов-плавок. Под ними оказались четыре пары цветных носков, так же аккуратно сложенных. В следующем ящике лежали четыре рубашки. Три были белые, а одна — светло-голубая. Все были свежевыстиранными и накрахмаленными до хруста.

Марит сняла с вешалки один из пиджаков.

— Странное дело.

Пиджак выглядел так, как и полагается выглядеть черному двубортному пиджаку с темными пуговицами.

— Что такое?

Марит нахмурилась и очаровательно надула губки.

— Я знаю, что это костюм от Армандо, потому что на одном из последних моих фотоснимков был мужчина в таком костюме.

— И?

— А на этом нет никаких ярлычков. — Она распахла пиджак, показывая мне подкладку. — Марка модельера, инструкции по чистке, ярлычок с размером — все срезано.

Я взглянул на рубашки во втором сверху ящике.

— Здесь то же самое. Вы думаете, костюм ношенный?

— Не знаю, не знаю. Но в чемодан его не укладывали, это уж точно.

Я прошел в ванную и включил свет. На полочке были аккуратно расставлены бритвенные принадлежности, предположительно принадлежавшие мне. Зубную пасту выдавливали из тюбика не более одного раза. Кисточка для бритья выглядела абсолютно свежей, как и лезвие в бритве. Флакон с гелем для бритья тоже казался новехоньким. Бутылочка с аспирином даже не была откупорена.

Озадаченный, я вернулся в комнату и обнаружил, что Марит перебралась от платяного шкафа к комоду. Она

уже успела открыть другой верхний ящик и присвоить лежавшие там солнечные очки.

— «Серенгети вермилльонз», весьма элегантно. Свитер от Диора, еще один — от Айсеберга, и прелестный набор золотых запонок с бриллиантами. Кто бы ни покупал для вас эти вещи, у него был хороший вкус и еще, возможно, подмазка от продавца.

Я помотал головой.

— Не совсем понимаю.

Марит подняла свитер, и хотя на нем тоже не было марки, я поверил, что эта вещь от Диора.

— Он вашего размера и подходящего стиля, но горчично-желтый — не ваш цвет. У вас замечательные зеленые глаза и такие резкие черты лица, что этот мягкий цвет вам вряд ли понравился бы. И запонки — ни у одной из ваших рубашек нет манжет под запонки. Подозреваю, что тот, кто покупал их, получил от продавца мзду за то, что согласился их взять.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, дорогой мой, что это, возможно, ваш номер, и вы, возможно, действительно жили в нем, но этих вещей вы не надевали. Они просто ждали здесь вашего прибытия.

Я бросил взгляд на платяной шкаф.

— Даже чемодан и саквояж?

Марит улыбнулась:

— На них нет и следа багажных ярлычков. — Она пожала плечами. — Если в этой комнате и есть какие-то секреты, то к ним чертовски трудно отыскать ключ.

— Ключ! — Я ударил себя ладонью по лбу и, сунув руку в карман, достал бумажник, а из него — ключ от сейфа. — Возможно, секреты лежат в специальном хранилище.

Имея ключ, получить сокровище, которое я когда-то запер в сейф, не составляло труда. Правда, бойкая девушка за конторкой потребовала, чтобы я расписался на карточке, но подделать собственную подпись оказалось нетрудно. Девушка взяла у меня ключ и вскоре вернулась с алюминиевым атташе-кейсом.

Поблагодарив ее, мы с Марит вернулись в вестибюль отеля, где я, громко извинившись, удалился в ближайший мужской туалет. Я проверил все кабинки, выбрал последнюю и заперся там. Устроившись поудобнее, я положил кейс на колени и, глядя на него, осознал, что не имею ни малейшего представления о правильной комбинации цифрового замка, и времени перебирать все возможные сочетания цифр у меня нет. Как правило, люди, устанавливая такую комбинацию, выбирают какую-то важную дату, но, поскольку я забыл даже кто я такой, этот способ был для меня бесполезен.

Я принялся размышлять. Судя по работе моего подсознания, я был очень методичным человеком, и потеря памяти не разрушила основ моей личности. Я по-прежнему еще действовал в соответствии со своим характером, только не знал, кто я такой. Чтобы отыскать комбинацию, приходилось, что называется, включить автопилот.

Исходя из особенностей моей натуры и, как я надеялся, опыта, было сомнительно, чтобы я выбрал для комбинации дату своего дня рождения или что-то в этом духе. Такой код легко взломать любому, у кого есть основные сведения обо мне. Весьма вероятно, что, устанавливая комбинацию, я выбрал случайное число. А если так, то либо я зазубрил его, либо прибег к какому-то приему, чтобы запомнить получше.

Мнемонические трюки — интереснейшая вещь. Взять хотя бы знаменитое «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Я знал, например, что сам накрепко запомнил разницу между штирбортом и бакбортом только потому, что в словах «штир» и «прав» поровну букв. Я постарался внушить себе, что какой бы мнемонический трюк я ни использовал на сей раз, он должен оказаться простым, вроде «штир-прав», и не зависящим от случайностей.

Я таращился на цифры замка, и внезапно меня озарило. В словах «низ» и «чет» букв тоже поровну. Если, заперев кейс, я начал с какой-то определенной цифры и сдвинул все четные на одну позицию вниз, а нечетные — на одну позицию вверх, то мнемоника могла помочь мне таким же образом восстановить комбинацию.

До тех пор, пока я буду проверять теорию «низ-чет, верх-нечет», используя нечетные цифры, чтобы зафиксировать изменения, формула будет сама собой меняться на обратную.

Улыбаясь, я принялся за дело. Подсознательно я уже был уверен, что ключевым числом должна являться восьмерка. Ведь в имени «Тихо Кейн» — восемь букв. Привязка комбинации к собственному имени должна работать хорошо, поскольку, если не происходит ничего сверхъестественного, никто его не забывает.

С другой стороны, если это был псевдоним, я мог выбирать разные от задания к заданию.

Эта мысль ударила меня как пуля между глаз. В конце концов, может быть, я уже не Тихо Кейн.

Я с дрожью нажал большими пальцами на кнопки защелок, и кейс открылся. Я осторожно приподнял крышку и прикусил нижнюю губу. Неудивительно, что «крайт» пришелся мне по руке.

Внутри кейса я увидел несколько предметов, уложенных в выемки, сделанные в поролоне. Сверху лежал «кольт крайт». Единственная разница между ним и тем, что был в моей кобуре, заключалась в том, что этот пистолет был вороненым, а не никелированным, и мушка его была помечена оранжевой флуоресцирующей точкой. Он был заряжен и готов к действию, а возле рукоятки покоились в вырезах поролона два запасных магазина.

Над ним и вокруг я увидел части разобранной снайперской винтовки «Армалит М-27 Кихолер», стреляющей 7,62-миллиметровыми патронами натовского образца, три большие обоймы по тридцать патронов в каждой и одна малая с пятью патронами, пули в которых были надпилены крест-накрест, чтобы сделать их разрывными. Винтовка была снабжена ультрафиолетовым лазерным прицелом «Аллард Текнолоджиз Эспайон». Нажав кнопку проверки батарей, я обнаружил, что он готов к работе и пристрелян на дистанцию 750 метров. Почему-то я знал, что на половине фокальной дальности отклонение пули у этой винтовки от линии визирования составляет плюс два дюйма, но достаточно хороший стрелок может попасть точно в прицельную метку.

Почему-то мне было известно, что я достаточно хороший стрелок.

Помимо оружия я нашел в кейсе четыре стопки сто-долларовых банкнот, уложенных в пачки по десять тысяч. Одну из них я сунул в карман. Следующее небольшое отверстие в поролоне принесло мне десять золотых десятидолларовых монет, каждая из которых стоила около шести сотен долмарок в банке и примерно вдвое дороже на «черном» рынке. В последней прорези обнаружился паспорт и водительские права на имя Тихо Кейна.

Я тщательно закрыл кейс и восстановил комбинацию по найденному мнемоническому приему.

Когда я вернулся в вестибюль, Марит приветливо улынулась мне.

— Ну как, нашли что-нибудь?

— Похоже, да. — Я взял у нее солнечные очки «Серенгети», прихваченные из моего номера. — Меня зовут Тихо Кейн. И насколько можно судить, я приехал в Феникс ради поправки здоровья — своего или кого-то еще.

9

— Так, значит, вы не доктор? Мамочка так мечтала, чтобы я вышла замуж за доктора. — Марит вновь завладела моей рукой и повела прочь от отеля. — А не могли бы вы сформулировать поточнее род ваших занятий?

— Поточнее не знаю. Похоже, я уполномоченный по улаживанию конфликтов, специализация — скоропостижные отставки. — Я интонацией выразил нежелание обсуждать этот вопрос. — Однако финансируют меня неплохо. Учитывая, что, забрав этот кейс и выехав из отеля, я поднял где-то тревогу, мне понадобится новая одежда и другие вещи.

— И вам нужен костюм для завтрашнего приема.

— Ну да. — Я махнул кейсом в сторону торгового центра. — Прошу вас, ведите.

Марит не производила впечатления человека, который шарахается от магазинов. Мы поднялись на Восьмой уровень и пустились в странствие по широкой галерее,

окружавшей открытую торговую площадь. Марит, хоча, указывала на витрины. На секунду-другую она задержалась возле радужной коллекции туфель, усеянных блестками, но тут же потянула меня к следующему магазину.

— Если я посмотрю на них слишком долго, то просто вынуждена буду купить пару. Не могу устоять, как другие не могут устоять перед щенком в зоомагазине. Ну вот, нам сюда.

Я взглянул на вывеску и прочитал знаки японской «кана».

— Вы, наверное, шутите.

Она нахмурилась:

— Нет, «Одежда для джентльменов», пожалуй, лучший магазин мужской одежды во всем Центре.

Услышав английское название магазина, я рассмеялся.

— Вы знаете, как он называется по-японски?

— Нет.

— «Дансей но ниндзен». Это значит — «полноценный мужчина». Во всех смыслах.

— Поверьте мне, — хихикнула она, — вы подходите.

Служащие магазина узнали Марит с первого взгляда и, убедившись, что я ее друг, сделались крайне предупредительными. Роджер, человек на год или два моложе меня и такого же телосложения, снял с шеи мерную ленту и принялся за работу. Делая измерения, он диктовал их двум помощникам, стоявшим за его спиной с ручками и блокнотами наготове.

— Желает ли Кейн-сан просто костюм, или речь пойдет о полной перемене облика?

Марит улыбнулась с напускной скромностью.

— Мистер Кейн желает полный гардероб. Качественный, но слегка консервативный. Ему требуется официальная одежда для завтрашнего приема, два деловых костюма и четыре смены повседневной одежды. Еще ему нужно белье, носки и полный набор бритвенных принадлежностей.

— Понятно, мисс Фиск. — Роджер выпрямился и, заставив меня развести руки в стороны, опоясал мне грудь

мерной лентой. — Будем ли мы учитывать кобуру и бронежилет, или что-то одно?

— Пожалуй, только бронежилет, Роджер, — ответил я, а следующие мои слова вызвали у него улыбку. — Вся одежда консервативная, кроме того, что я надену на завтрашний прием. Я хочу произвести впечатление.

Роджер возвел глаза к небесам.

— Если вы будете в обществе мисс Фиск, вы его произведете. Тем не менее мы можем пойти вам навстречу. — Он отвернулся и принялся диктовать цифры своим ассистентам. Один из них помчался отбирать заказанные вещи, а другой продолжал тщательно записывать все, что говорил Роджер. Наконец, Роджер отобрал у помощника ручку с блокнотом и знаком отослал его.

Роджер перевернул страницу блокнота и искоса взглянул на меня. Сделал набросок, нахмурился, добавил несколько линий потолще. Потом снова взглянул на меня, внес в рисунок последние поправки и с улыбкой показал его мне.

— Вот, что вы скажете? В нем присутствуют традиционные элементы, и вместе с тем он достаточно экстравагантен, чтобы на вас обратили внимание. И еще учтите, что при таком покрое легче скрыть кобуру, если вы все же решите ее надеть.

Изучив рисунок, я улыбнулся.

— А вы успеете приготовить все это к завтрашнему вечеру?

— Срочность работы скажется только на ее цене. — Роджер приподнял левую бровь. — Скажем, мэр мог бы примириться и с прошлогодним костюмом, но его в любом случае никто не замечает.

— Вы хорошо работаете, Роджер.

— Очень любезно с вашей стороны, сэр.

Я полез в карман и вытащил десятитысячную пачку банкнот. Десяток сотенных с портретом Трумэна я оставил себе и вручил Роджеру девять тысяч.

— Давайте положим это на мой счет. Мои размеры у вас есть, и вы можете начинать работу. Вознаградите свой персонал. Мне еще придется к вам обратиться.

Засовывая в карман тысячу долларов, я повернулся к Марит:

— Если вы проголодались, можно поесть где-нибудь, а готовые вещи заберем позже.

Она покачала головой.

— Роджер, доставьте все ко мне на квартиру.

— Как вам угодно, мисс Фиск. Мистер Кейн, очень приятно было познакомиться.

— Я стал на девять кусков беднее, и мне нечего даже показать за эти деньги, — расхохотался я, когда мы вышли из магазина.

— Роджеру вы можете доверять. Что касается цены, тут он вас надует, но в остальном он честен. — Она обвела взглядом торговые ряды. — Вам нравится японская кухня?

Я пожал плечами:

— Не знаю.

— Чувствуете любовь к приключениям?

— Марит, последние тридцать шесть часов я прожил в сплошном приключении. В меня стреляли, за мной гнались, меня чуть было не анатомировали заживо. Какой ресторан и чем может меня испугать?

Не отвечая, она указала на здание в четверти мили от нас.

— «Осоми». Он вам понравится. Пойдем.

Я предложил ей руку, и мы тронулись в путь.

— Судя по поведению служащих в отеле и в магазине, у меня сложилось впечатление, Марит, что вы стоите несколько выше, чем большинство людей, с которыми я сегодня встречался. Я прав, или амнезия просочилась и в мои умозаключения?

— Боюсь, что я личность скорее пресловутая, чем знаменитая. — Она провела рукой по волосам, убирая за ухо непослушную прядь. — Было время, когда мне бы не позволили даже близко подойти к Центру — как и почти всем, кого вы сегодня видели, кроме Алехандро и, может быть, Хэла. Как и они, я выросла среди номадов...

— Номадов?

— А, это сленг бюрократов. Низкое Образование, Минимально Адекватный Доход. НОМАД — классификация, применявшаяся ооновскими бюрократами к различ-

ным группам населения в освободившейся Восточной Европе. Это было в девяностых годах. Номады — это те, кого признавали способными поддерживать минимальный уровень жизни без государственной помощи, но чьи шансы на продвижение в обществе можно было считать нулевыми. Термин просочился в народ. — Она взглянула на толпу, заполнявшую Центр. — У нас он сохранил первоначальное значение и теперь им пугают непослушных детей. С другой стороны, люди Затмения демонстративно держатся за него. Всякий раз, когда в их жизни что-то улучшается, они переходят некую грань и гордятся своей победой.

Мы вошли в ресторан и сняли обувь у входа. После того как мы надели тапочки, японка в кимоно проводила нас к низкому столику. Столики были остроумно размещены над углублениями в полу, куда люди, не привыкшие в течение всего обеда сидеть по-японски, могли спустить ноги. Я пристроил в этом углублении кейс и опустил на колени перед столиком.

Марит взглянула на меня и слегка надулась:

— Так вы и ножку мне не пожмете.

Я улыбнулся и покачал головой:

— В таком ресторане это был бы признак дурного воспитания. Вы уже большая девочка и способны немного последить за своим поведением.

— Немного — может быть. Я отложу это на потом.

Подошла официантка, и мы заказали суси. Марит попросила еще виски с лимоном, а я предпочел воздержаться от выпивки.

— Марит, вы говорили, что выросли среди номадов? — спросил я, понизив голос.

Она кивнула:

— Мои родители держали небольшой магазинчик на углу Оук и Тридцать шестой. Это довольно близко от «Лорики», и мы кое-что имели с пролов, работающих там. Я как раз заканчивала школу, когда кто-то упомянул, что «Лорика» отбирает кандидатов в свою службу безопасности. Я подала заявление, и благодаря какой-то сложной формуле набора, составленной самой Нерис, меня зачислили курсантом. Я училась и через шесть месяцев поступила на работу. Это было пять лет назад

— Чему же вас обучали?

— Тренировки с оружием, рукопашный бой, антитеррористическая тактика, разгон толпы. Еще нам преподали курс хороших манер и познакомили с основными принципами работы детектива. По большей части нас учили, как оставаться незаметными, как охранять администраторов и как не пускать в цитадель тех, кому не полагается там быть.

— Интересно. — Пока она говорила, я прикидывал, что мне грозит, если я встану «Лорике» поперек дороги. — Но все-таки эта деятельность не могла вас особенно обесславить.

Она застенчиво улыбнулась, но ее голубые глаза озорно блеснули сквозь тонкую завесу черных волос.

— Нет-нет, дело не в этом. Я поработала чуть больше года, когда «Лорика» решила, что ей нужен специальный видеофильм, дабы проинструктировать администраторов, как следует вести себя в критических ситуациях. Войны уличных шаяк в Затмении иногда угрожают и цитаделям, поэтому мы хотели, чтобы наши люди знали, что делать в экстренных случаях. Меня выбрали на роль сотрудницы службы безопасности.

Она замолчала, потому что официантка принесла суси и виски с лимоном. Марит разломала палочки для еды и потерла их друг о друга, чтобы убрать заусенцы. Не уверенный, что сумею ими пользоваться, я повторял за ней все движения, но, когда я попробовал взять их так же, как она, палочки сами легли в мои пальцы. Подняв с тарелки крупинку риса, я положил ее в рот.

Марит кивнула, одобряя мои способности, и продолжила:

— Прежде во мне было не очень много такого, на что стоило бы посмотреть. Моя мать принадлежала к довольно пуританской церкви, так что косметика и яркая одежда проходили по ведомству дьявола. Мне с детства внушали, что я встречу своего принца, когда он будет разгружать поддоны с пивом в отцовском магазинчике, и потому я никогда не пыталась принарядиться, чтобы кого-нибудь привлечь.

— Итак, Золушка дождалась прикосновения феи-крестной?

Она улыбнулась.

— Сказка о гадком утенке, от начала и до конца. Когда они поработали надо мной, я не узнала себя в зеркале. Я внезапно стала красавицей. Я делала на съемочной площадке все, что мне говорили, и видеофильм стал хитом среди сотрудников «Лорики». Мне говорили, что его копии появлялись даже в прокатных лавочках в серии «Сражения — Приключения — Сделай сам». — Она помолчала. — В результате отдел маркетинга обратил на меня внимание. Меня вдруг вытряхнули из бронежилета и начали облачать в облегающие платья, чтобы я «улыбалась и указывала на продукт». Меня отловил агент, и я подписала контракт фотомодели, хотя нанимала меня исключительно «Лорика». Внезапно я оказалась в числе «номенклатуры».

— В числе деятелей. — Я намазал немного васابي на текка-маки и улыбнулся. — При таком успехе довольно странно, что вы торчите все время в Затмении.

— О, первый год был просто чудесным. Я переселила родителей в цитадель «Лорики», а себе купила собственное жилье. Я путешествовала, бывала на приемах и даже снималась в парочке эпизодов в голликрутских фильмах. Я была на вершине счастья. Мне только-только минуло двадцать, и я была настоящим *enfant terrible**. — Она отпила немного зеленого чая. — Как говорится, «гордость предшествует падению».

— На самом деле «погибели предшествует гордость и падению надменность» — Притчи, глава шестнадцатая, стих восемнадцатый.

Мои слова заставили ее вскинуть голову.

— Вы поразительный человек, мистер Кейн. — Она улыбнулась. — Конечно, если у вас такое имя, можно ли удивляться, что вы цитируете Библию.

И в самом деле — человек, носящий имя первого убийцы, Каина, и винтовку убийцы наемного, цитирует Библию на память. Что это — злая ирония, или в этом есть скрытый смысл, которого я пока не заметил?

— Итак, насколько же глубоко вы пали? От *enfant terrible* до *enfant perdu*?

* Буквально «потерянный ребенок» — французское название часового в передовом дозоре. — *Примеч. пер.*

— Думаю, не так глубоко. Один высокопоставленный администратор из «Лорики» решил, что раз «Лорика» владеет моим контрактом, значит, она владеет и мной. А когда он попытался настаивать на своих притязаниях, то обнаружил, что в «Лорике» очень хорошо обучают сотрудников безопасности. Я испортила ему улыбку, а еще больше — самооценку. После этого жена устроила ему ад при жизни, а теща, у которой имелся внушительный пакет акций, заставила «Лорику» избавиться от меня. Сведения о скандале просочились в желтую прессу, и я красовалась на первых полосах вместе с историями о детоедах с НЛО и человеке, который переспал со своей бабушкой, чтобы подарить отцу долгожданного брата.

— Звучит ужасно.

— Какое-то время так и было. Мой агент нашел мне работу в Японии, и я прожила там около года. Когда вернулась, волны улеглись, но кое-какая рябь осталась. Через друзей моих друзей я вышла на Рока и купила у него пистолет. Рок ввел меня в круг людей Койота, а я, в свою очередь, помогла найти Алехандро нескольких постоянных покупателей для его галереи на Седьмом уровне. Это в Меркадо.

— Мне хотелось бы как-нибудь зайти туда. — Я перегнулся через столик и ласково погладил ее по руке. — Значит, последние два года вы предоставляете Койоту доступ к обществу Городского Центра?

— Более или менее. Койот не просил меня вводить его в общество. Я встречалась с ним только дважды — если можно назвать встречей беседу с тенью внутри темного склада. По большей части я получаю указания через Джитт или по телефону, как вы сегодня. Койот описывает мне проблему в общих чертах и спрашивает, нет ли у меня на примете какого-то деятеля, способного ее разрешить.

— И склонны ли деятели решать проблемы Затмения?

— Конечно, если правильно представить им дело. — Она окунула в бокал кончик указательного пальца и слизнула с него капельку. — В большинстве своем они совсем неплохие люди, только чересчур озабочены собственной жизнью и карьерой. В разговоре с одними мож-

но воззвать к их чувству справедливости, особенно если провести какую-то параллель из их собственной жизни, когда кто-то помог им самим. Другие любят пощекотать нервы, работая с выходцем из Затмения. Иные соглашаются потому, что желают отомстить кому-то из Центра, а лучший способ для этого — устроить силовые игры в Затмении. — Марит озорно улыбнулась. — Я просто занимаюсь своим делом, а еще собираю сведения, слухи, враки и сливаю все это Койоту. Ну а когда ему нужно, чтобы я сама что-то сделала, я это делаю.

— Например, помогаете мне?

— Именно.

Я слегка сжал ее руку.

— У Джитт странный вид. Что с ней случилось?

Марит смущенно пожала плечами.

— Джитт очень скрытная, но кое-что она мне рассказывала. Вы извините меня, если я не стану злоупотреблять ее доверием?

Я покачал головой:

— Был бы огорчен, если бы вы это сделали. Просто я хочу увидеть ее в подлинном свете. Она явно подвергалась пластической операции. И, как я понимаю, операция прошла неудачно.

Марит пригубила из бокала.

— У нас часто ходят слухи о ком-то или чем-то, чему дали имя «Пигмалион».

— Вроде того скульптора из греческой мифологии.

— Верно. Говорят, он любит приносить в жизнь красоту. Он крадет некрасивых людей и изменяет их. Я думаю, это было бы неплохо, если бы он еще спрашивал этих людей, хотят ли они, чтобы их изменили.

Я кивнул.

— Судя по Джитт, этот Пигмалион мог бы зарабатывать своим искусством кучу монет.

— Да, только для этого требуются две вещи: делать то, что хочет клиент, и позволять клиенту с миром уйти. Джитт бежала от него, но воспоминания о том, что с ней случилось, у нее смутные. У нее даже нет представления, кто такой Пигмалион. Несколько раз в Драк-Сити или в Бокстоне находили брошенные тела невиданной красоты, и жители Затмения считают, что это творчес-

кие неудачи Пигмалиона. Большинство из них оказались самоубийцами. Наверное, некоторые люди просто не в силах вынести, когда их превращают в забаву.

— Не могу их за это винить.

— Я тоже. — Марит улыбнулась. — Джитт постепенно примирилась с судьбой, но гораздо лучше чувствует себя дома, среди своих компьютеров. Не могу припомнить, когда я последний раз видела ее где-то еще, кроме наших собраний.

Мы закончили трапезу в относительном молчании, потому что столики вокруг нас постепенно начали заполняться. Во многих отношениях наш разговор был довольно необычен, тем более что Марит лучше умела собирать информацию, нежели делиться ею. Хотя о себе она рассказывала без утайки, но подробности опускала, так что мне трудно было связать имена с конкретными людьми. Я подозревал, что это привычка, выработанная после того, как она вознеслась так высоко и пала так низко, но чувствовал, что Койот поощряет в ней эту склонность.

Разумеется, если бы разговор перешел на меня, то эта тема исчерпалась бы очень скоро. В течение этого дня я выяснил лишь, что умею читать по-японски, на память цитировать Библию и проявляю исключительный вкус к оружию индивидуального поражения. Сомнительно, чтобы эти открытия могли послужить темой застольной беседы. Еще меньше годилась для этого моя экскурсия к Жнецам.

Я оплатил счет и добавил хорошие чаевые, но деньги оставил на той стороне столика, где сидела Марит, чтобы официантка запомнила ее, а не красавчика, пришедшего вместе с ней. Марит заметила это и, когда мы выходили из ресторана, рассмеялась достаточно громко, чтобы привлечь к себе внимание и вызвать множество перешептываний, прикрывших меня дополнительной завесой анонимности.

Она повела меня вдоль всего торгового центра к лифтам между Башнями Годдарда. Одна из них была чуть ниже другой, и Марит, естественно, вызвала лифт второй.

— Куда мы идем?

— Увидите.

Чувствуя себя немного неловко в преддверии неизвестности, я утешался тем, что снаряжения в моем кейсе хватило бы, чтобы продержаться против отряда тяжеловооруженной охраны. Когда двери лифта закрылись, Марит вставила кодовую карту в щель в стене.

— Выбран двадцать седьмой этаж. Благодарю, мисс Фиск, — произнес лифт.

— Мило.

Она улыбнулась.

— А будет ещё лучше. •

Она была права. Лифт сорвался с места так, что у меня чуть не подогнулись колени.

— Благодарю за предупреждение.

— Не стоит.

На двадцать седьмом этаже мы перешли в другую кабину. Марит нажала кнопку, кабина закрылась и помчалась в сторону. Наконец, она замедлила ход и перед окончательной остановкой сдвинулась влево. Передняя стенка открылась прямо в холл обширной квартиры.

— Добро пожаловать в мое жилище.

Я вышел из кабины трансверсора, и стена закрылась у меня за спиной. Холл, величиной с гостиную в доме Эстефана, открывался в гостиную и столовую, где запросто мог бы поместиться весь его дом. За прозрачной стеной, выходящей на юг, открывалась панорама цитадели корпорации «Сумитомо-Диал» и Южного Горного Парка у ее подножия, но в вечерних сумерках я мог разглядеть только черный силуэт гор на фоне звездного неба и красные сигнальные огни на телевышках.

Комнаты казались сошедшими со страниц журнала по домашнему дизайну. Гостиная была обставлена кушетками и стульями, обтянутыми белой кожей, стеклянными столиками и направленными светильниками, подсвечивающими абстрактные картины на стенах. Столовая была выдержана в более традиционном стиле; стол и стулья вишневого дерева были отполированы почти до зеркального блеска. В буфете и шкафчиках сверкал хрусталь и поблескивал фарфор. Люстра из золота и хрусталя свисала над столом, почти касаясь чаши с фруктами, стоящей посередине.

Марит указала на правую, меньшую часть квартиры.

— Там кухня. Можете есть все, что найдете. Не знаю точно, что у меня имеется, но Хуанита и Анна не жалуются на отсутствие еды, когда бывают здесь днем.

Повернувшись, она показала на двери в правой стене длинного коридора, обшитого деревянными панелями.

— Там спальня для гостей, мой кабинет и просмотровая комната. В конце коридора — моя спальня.

Я нахмурился и поставил кейс у стены.

— Не вижу вещей, которые мы купили.

Марит на мгновение задумалась, потом пожала плечами.

— Возможно, Роджер велел посыльному повесить костюмы в шкаф, а все остальное убрать. Мы могли произвести на Роджера не совсем правильное впечатление. — Ее улыбка стала немного шире. — И, конечно, нам еще надо решить, где вы собираетесь провести эту ночь.

До сих пор я об этом не думал; этот вопрос даже не приходил мне в голову. Разумеется, возвращаться в отель было ничуть небезопаснее, чем пытаться получить мой автомобиль, — возможно, даже опаснее, после того как Пол Грей погиб, пытаясь убить меня. Точно так же неразумно было бы возвращаться в дом Эстефана: я не только подверг бы риску его семью, но и, по сути, сам бы отдал себя в руки преследователей. Эстефан мог уважать Койота и чувствовать себя в долгу перед ним, но это не значило, что его соседи не заметили меня или промолчали бы, если заметили.

— Отель и дом Эстефана исключаются. — Я сердито уставился в пол. — А без кредитной карточки мне не добыть нового номера в отеле ни за какие деньги.

Марит покачала головой.

— Вы меня не так поняли. Я заранее предполагала, что вы проведете эту ночь у меня. Я только хочу выяснить, удовлетворитесь ли вы спальней для гостей или, возможно, чувствуете любовь к приключениям?

Я поднял брови.

— Не хотите ли вы сказать, мисс Фиск, что желаете предложить мне место в хозяйской спальне?

Она подошла ко мне, ее руки скользнули по моей груди и обвились вокруг шеи.

— Я могла бы сказать и так, но хотела бы, чтобы вы подумали вот о чем. Можете вы вспомнить, скажем, последние сорок восемь часов?

Я слегка коснулся губами ее губ.

— Приблизительно.

— И все это время вас старались убить?

— Похоже на то.

Она стянула с меня куртку и уронила на пол.

— Так почему бы нам не провести эту ночь так, что-бы завтра, вспоминая свою жизнь, вы припомнили что-то, чему стоит порадоваться?

10

Очнуться в сердце черного тайфуна, когда оглушительный вой ветра вонзается в уши, — ощущение не из приятных. Я сел в постели; хватаясь правой рукой за простыни в поисках Марит, но ее не было. Пот струился с меня, словно кровь из перерезанного горла. Я хотел спустить ноги с кровати, но что-то мне мешало. Взглянув вниз, я увидел, что нижняя часть моего тела заключена в серый шелковистый кокон.

Когда завывание ветра перешло от звуков к цветам, не менее омерзительным и режущим глаз, я понял, что сплю и вижу сон. Но даже осознание того, что я пойман всего лишь во сне, не лишало фантазию силы. На месте радужных ветров появилась вихревая воронка, собравшаяся за восточным окном и затмившая собой восходящее солнце. Вихрь вспыхивал малиновым и неоновозеленым, пульсировал, из него вытягивались голубые электрические щупальца, словно плющ, ползущий на стену.

Я ненавижу сны и всегда ненавидел, потому что в них мой разум ставит проблемы, которые, и он это знает, я не в состоянии разрешить. Он ставит меня перед ситуациями, которых я стараюсь избегать. Как древний оракул, он загадывает загадки, называя их ответами, и предоставляет мне мучиться над их смыслом, который в лучшем случае оказывается банальным и почерпнутым из опыта, которого я толком не помню.

Сны провоцируют умственное напряжение, которое наяву могло бы свести с ума.

Но мой сон был странным, и я это сразу понял. Я не удивился, что воспринимаю сновидение как чуждое мне, и хотя его истоки могли крыться в воспоминаниях, доступ к которым был прекращен, я чувствовал, что сон пришел извне. Он не был порожден мною, хотя был связан мне и пользовался моей символикой. Подобно раковой опухоли, он маскировался под узнаваемые предметы, и поэтому я не мог уйти от него.

Едва шипящие голубые щупальца зацепились за край воронки, как картина сна сдвинулась. Я увидел, как щупальца утолщаются, словно то, из чего они росли, протаскивало себя сквозь отверстие воронки, которое теперь лежало параллельно полу. По мере того как оно приближалось кверху, щупальца теряли гибкость и затвердевали, одеваясь тонким хитином, усеянным шипами, шишками и рогами. Хозяин их представлялся мне густым дымно-серым облачком, впитывающим свет заслоненного им солнца.

Первыми проявились когти и суставы, существо вытаскивало себя из дыры, две руки превратились в четыре. Я не мог видеть его лица, но на голове разглядел корону с семью остриями и еще одним более высоким выступом в центре. Невозможно было сказать, носило ее существо, или корона росла из него.

Появилась одна пара ног, потом другая, и они вцепились в края воронки. Существо нависло над ней как паукообразная горгулья, глядящая на меня с церковной кровли. Одна рука протянулась ко мне, хитиновые сегменты выдвигались, как телескопическая антенна. Три когтя, расставленные под углом в сто двадцать градусов, почти дотянулись до меня, и я услышал, как хитин клацнул в миллиметре от моего носа.

— З-забава больже не желает моей лазки? — Создание говорило запахами и оттенками цветов, но в мозгу у меня раздавались слова. — З-забава не реж-жаётся?

Внезапно я почувствовал, что кто-то стоит сзади меня, где никого не могло быть. Когда этот кто-то заговорил, я услышал его голос. Я хотел повернуться и посмотреть,

но обнаружил, что меня держит хватка крепче тисков парализующего токсина.

Это сон. Твое тело спит. Все, что ты видишь, не настоящее.

Даже зная это, я почему-то был в ужасе.

— Забавой ты называешь рабов?

Создание подняло взгляд на меня:

— Если бы твоя зила равнялась твоей наглости, ты был бы настолько могуществен, что мог бы сделать рабом даже меня.

— Но, наверное, не забавой.

Я почувствовал на своих плечах руки и, повернув голову, увидел тень руки с золотым кольцом на безымянном пальце. На кольце был узор, который на первый взгляд был похож на египетский «Глаз Гора», но все же немного отличался. Зеленый глаз уставился на меня, и ужас начал меня отпускать.

Существо вновь потянулось ко мне, но я сумел отдернуть голову и избежать удара когтей.

— Не межай мне играть с моей з-забавой. Она принадлежит мне. Отдай мне мое.

— Твоя забава принадлежит только себе. Он не твой, и это место не твое. Уходи.

Золотая молния прорвала голубую дымку, высекая золотые искры из шипастой короны. Существо вытянуло задние лапы в попытке ухватиться за дальний край воронки, но промахнулось и зашаталось, стараясь восстановить равновесие. Широко разбросав все восемь пар рук, оно распласталось, словно огромный механический кран, и его конечности дрожали от напряжения.

— Вы, малые твари, так назлаждаетесь своими ничтожными победами. — Его голос начал искажаться, словно существо было и близко и далеко одновременно. — Ва-а-аж-ж-жа-а-а раз-за зта-а-анет на-а-аж-ж-жей пи-и-ищ-щ-щей ка-а-ак то-о-олько-о-о мы захотим. — Оно взглянуло на меня. — Иди ко-о-о мне-е-е, моя з-забава. Я во-о-ознаграж-ж-жу-у-у тво-о-ою-у-у пре-е-еданно-о-ость.

— Уходи, — повторил мой страж.

— Я вернуз-з-зь. — Существо судорожно пыталось удержаться в воронке, потом, словно прыгун, уступающий силе тяжести на середине прыжка, разжало лапы и кануло. Свет по краям воронки сделался ярче, но толь-

ко потому, что дыра стала затягиваться. Приподнявшись на постели, я видел, как она сжимается от размеров железнодорожного туннеля до дырочки от булавки и исчезает.

Позади раздался негромкий смех. Я повернулся, но успел увидеть лишь тающее видение человеческого силуэта. Он исчез, едва лучи солнца упали сквозь незавершенное окно спальни. Я оглянулся, и свет впился мне в голову. Мои руки подогнулись, и я рухнул носом в подушку.

— Прошу прощения, синьор.

Щурясь, я взглянул в угол комнаты. Мне улыбалась миловидная, чуть-чуть полноватая женщина. На ней было серое платье — по сути дела, униформа, — застегнутое на все пуговицы, с белым воротничком и манжетами.

— Синьорита Фиск, она сказала, чтобы я дала вам поспать, но через полчаса придет синьор Гаррет, поговорить с вами.

Я кивнул и перекатился на спину. Кокон, обвивавший во сне нижнюю половину моего тела, обернулся шелковой простыней цвета лаванды. Пожалуй, хорошо, что я завернулся в нее, хотя это и вызвало мое сновидение: под простыней я был совершенно голым и не желал попасть в неловкое положение.

— Хуанита или Анна?

— Хуанита, синьор.

В животе у меня заурчало.

— Который час?

— Полдень. Синьорита Фиск сказала подать вам завтрак, когда вы проснетесь. — Хуанита улыбнулась. — Я положила для вас в ванной свежие полотенца, и пока вы принимаете душ, я приготовлю еду.

— Ладно. Пожалуй, только сандвич.

— Хорошо, синьор.

— Спасибо, — сказал я ей вслед, потом выпутался из простыни и побрел в ванную. Закрыв за собой дверь, я увидел себя в трехстворчатом зеркале и вспомнил, что не брился по меньшей мере три дня. Черная щетина выгодно оттеняла черты моего худощавого лица. Может быть, не сбривать все?

Здесь мне не пришлось накачивать воду в бак, как в доме Эстефана. Овальная ванна, расположенная наискось в углу комнаты, была достаточно велика, чтобы вымыться в ней мой злополучный «лансер». Забираясь в нее, я подумал, не понадобится ли мне лесенка, чтобы вылезти. Задернув занавеску, я пустил воду и принялся мыться.

Освобожденный от важных дел, мой разум принял ся прокручивать недавнее сновидение. Единственным отчетливым образом, если не считать чудовища, был странный узор на перстне человека-тени. Он был образован комбинацией буквы «R» с рисунком «Глаза Гора». Я не мог припомнить, чтобы я видел его раньше, но, возможно, что-то всплыло из того времени, когда я еще не потерял память. Я мысленно сделал заметку спросить об этом Хэла.

Появление чудовища и то, что оно называло меня «забавой», было неудивительно, особенно после того, как Марит употребила это слово, описывая жертвы Пигмалиона. В данное время я не управлял ситуацией, и во многих отношениях это выглядело так, словно мной забавляются другие. Человек-тень был, конечно, метафорой моей скрытой личности или Койота. Казалось, сновидение ясно говорило, что, если мне помогут, я смогу уйти от кошмара.

Я улыбнулся. Сновидения никогда не бывают настолько простыми.

Я выключил воду и вытерся. Электрической бритвой из бритвенного набора, присланного Роджером, я снял почти всю щетину, кроме узкой полоски до самых усов. Я понимал, что этого недостаточно, чтобы сбить с толку тех, кто охотится за мной, но мне нравилось, как это выглядит.

Вернувшись в спальню, я пошарил по шкафам и обнаружил, что мою одежду принесли в хозяйскую спальню. Я подобрал к своим джинсам голубую рубашку, надел под нее бронежилет и завершил свой костюм свитером цвета морской волны. У Марит было довольно прохладно.

В гостиной меня уже дожидался Хэл. Он встал и тепло улыбнулся мне. На нем была спортивная футболка с эмблемой «Санз» на груди.

— С каждым днем вы выглядите все лучше и лучше. Как вы себя чувствуете?

— Чувствую ли я себя все больше собой?

Гаррет расхохотался и пошел вместе со мной в столовую. Я увидел, что Хуанита накрыла на двоих, и возле каждого прибора стоит открытая бутылка пива.

— Надеюсь, вы меня извините. Хуанита предложила, а я не припомню, чтобы когда-нибудь отказывался от еды.

Я сел за стол поближе к окну.

— Разумеется, прошу вас. Я люблю, когда есть с кем поговорить за едой.

Хэл уселся слева от меня.

— Марит отправилась подготовить решение одной небольшой проблемы, которую Койоту предстоит решить. Через пару часов она вернется, и вы будете готовиться к приему.

— Эта проблема — «Воины» и «Кровопускатели»?

Хэл, поставив локти на стол, взял свой сандвич с индюшатиной обеими руками.

— «Воины» хотят расширить свою территорию или по крайней мере вернуть участки, потерянные два года назад. Они нападают на «Кровопускателей» с востока и при этом прижимают их непосредственно к «Лорике». «Кровопускателям», по сути дела, не нужна территория, на которую претендуют «Воины», так что я пытаюсь решить все мирным путем. Но переговоры продвигаются туго.

— Представляю себе. — Я захрустел ломтиком жареной картошки. — Есть ли новости о моих делах?

Хэл стер следы майонеза с губ.

— Джитт утверждает, что, по официальным источникам, вы все еще мертвы. Деньги, которые вы дали Роджеру, были положены в банк на имя Юрайи Томпсона — единственно для того, чтобы сохранить видимость вашей смерти. Роджер об этом знает, и замена была произведена раньше, чем на его компьютере появилось что-либо еще. Мы даже имитировали запрос из Сан-Франциско от ваших родственников, которые требуют выдать им то, что осталось от вас после катастрофы.

Я задумался на секунду, а Хэл снова вгрызся в сандвич.

— Роджер работает на Койота?

Глаза Гаррета на миг остановились.

— Койот однажды помог Роджеру — так же, как мне, так же, как и всем нам. Поэтому он, конечно, сообщил обо всем Джитт. — Хэл оглянулся туда, где я поставил кейс, взятый из сейфа в отеле. — Нет, Марит не говорила мне о содержимом кейса, но упомянула, что вы его забрали, и поэтому Джитт смогла стереть все упоминания о нем.

— Как он завербовал вас? — Я взял сандвич и откусил немного.

Гаррет натянуто улыбнулся.

— Однажды вечером мне позвонили. Я как раз подумывал, не уйти ли из баскетбола. Высокооплачиваемый игрок изнашивается быстро, и я чувствовал, что иду пересекающимся курсом с законом больших чисел. Я уже организовал фонд «Солнечный луч», но считал, что могу провести еще год в НБА, рекламируя его и заработать побольше денег, чтобы в него вложить. Тот человек, он позвонил по моему домашнему номеру, которого не было в справочниках, и назвался Койотом. Я никогда о нем не слыхал, но он сказал мне, что если я решусь играть в этом сезоне, то на десятой игре мне сломают левую руку. Я оправлюсь как раз вовремя, чтобы успеть к играм чемпионата, но на седьмой игре умру и отправлюсь в сборную ада.

— Хм-м-м... — Я откусил от сандвича. — На вашем месте я бы решил, что либо это сумасшедший, либо меня хотят запугать.

— Да, он меня напугал, но, слушая его, я понял, что угрожает мне вовсе не он. — Хэл отпил глоток пива. — Он каким-то образом умудрился подсоединить мой факс к сети владельцев, и я увидел достаточно, чтобы понять: игры сезона уже режиссированы таким образом, чтобы в последний круг вышли вполне определенные команды, и хотя среди них победители будут, победа их станет в лучшем случае пирровой. Сумма и итог сезона были совершенно неутешительными.

— И вы подали в отставку.

— Верно. Я целиком посвятил себя фонду «Солнечный луч». Анонимные пожертвования пополнили мою казну, и сейчас даже банды с южных окраин, частенько воздерживаются от войны, чтобы поискать более мир-

ное решение своих проблем. — Он улыбнулся. — Който нередко намекал мне, когда намечается очередной инцидент, и я успевал предупредить события. За последние пять лет уровень насилия среди молодежи снизился на тридцать процентов.

— А теперь Генрих со своими ребятами хочет оживить эту отрасль?

— Вы верно схватили картину.

Я подумал о снайперской винтовке в моем кейсе.

— Если он станет вам чересчур докучать, дайте мне знать.

Хэл покачал головой.

— Вы с Батом мыслите одинаково. Решение данной ситуации состоит в том, чтобы понять, чего хочет Генрих, и придумать способ помочь ему, не заставляя других терять лицо — и терпение.

— Нелегко следовать этим путем, друг мой. — Я удил ломтик картошки поподжаристее. — Некоторые способны выслушивать доводы, — я откусил от ломтика половину, — а иных приходится убивать.

Хэл откинулся на спинку стула.

— От человека, очнувшегося в мешке для трупов, так и тянет холодом.

— Это ближе к истине, чем вам самому кажется. — Я потянулся и выдернул авторучку из-за воротника его футболки. Разгладив салфетку, я нарисовал знак, увиденный во сне. — Не знаете ли вы, что это такое?

Его рука, словно громадный коричневый тарантул, опустилась на бумагу и повернула ее.

— Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь это видел. Что это?

Я пожал плечами:

— Понятия не имею, я увидел это во сне. Хотите еще пива? — Он кивнул, и я позвал: — Хуанита, два пива, пожалуйста.

— Многие люди верят в сны, но только не я.

— А почему бы и нет?

— Потому что мне все время снится, как я промахиваюсь по кольцу.

Хуанита появилась из кухни с бутылками пива в каждой руке. Она поставила бутылки на стол и тут увидела салфетку.

— Эль Эспектро! — Она торопливо перекрестилась. Я схватил салфетку и поднес к ней поближе.

— Вы с этим встеречались?

Хуанита подняла руки, загоразиваясь от рисунка.

— Пожалуйста, синьор, пожалуйста! — Она повернулась и мгновенно исчезла.

Мы с Хэлом обменялись недоуменными взглядами.

— «Призрак»... Что она имела в виду?

Хэл выразительно пожал плечами.

— В Затмении этих «призраков» может быть миллион. Я слышал истории о «подлинных» вампирах в Драк-Сити, или о том, что какой-то таинственный «брухо» — колдун — ведет постоянную войну с демонами и дьяволами. Еще я слышал о волках-мутантах и других чудовищах, что бродят вокруг города... После этих штук с атомной станцией Пало Верде — кто знает... Но насколько я могу судить, все это фантазии.

Я поднял брови:

— Кто-нибудь мог бы сказать то же самое и о Койоте.

— Койот это другое дело.

— А именно?

— Он реален. Я его видел, разговаривал с ним. Я знаю, когда он собирается на войну, и знаком с людьми, которым он помогал — при моем участии, и через других. Например, Марит, или тот же Эстефан.

Я смял салфетку.

— Вы правы. Оставим призракам войну со сновидениями. — Я похлопал по бронежилету. — А Койот пусть управляется с реальностью.

11

После ленча Хэл отправился в Меркадо, чтобы вместе с Алехандро сделать некоторые приготовления к вечернему приему. Я предложил пойти с ним, но он отказался.

— Вы пока еще мертвы. Джитт говорила, что сможет продержать вас в могиле по крайней мере до вечера. А вечером ваше неожиданное воскрешение поразит кого-нибудь и поможет нам распутать клубок.'

— Будем надеяться. — Я пожал ему руку. — Последний вопрос: ходят ли какие-нибудь слухи о Неро Лоринге?

— Никаких.

Я не отпускал его руку.

— Причастей ли Койот к его освобождению от дочери и корпорации?

Хэл слегка стиснул мои пальцы.

— Если и причастен, меня он в это не вовлекал.

Мы разомкнули рукопожатие, и Хэл вошел в кабину трансверсора. По светящемуся красному табло цифровых часов я увидел, что уже один час пополудни. У меня не было представления, когда вернется Марит и на какое время назначен прием, так что я побрел в просмотровую, нашел пульт дистанционного управления и принялся обозревать телевизионный ландшафт.

Телевидение, несмотря на все свои сто семьдесят восемь каналов, оказалось безлюднее Пустынного Заповедника в Южных Горах. Если отбросить платные каналы, которые, как только я стал перебирать их, начали высвечивать счета в нижнем углу экрана, подавляющее большинство станций транслировало лишь черно-белое изображение. Смотреть это на настенном светодиодном экране «Сони» все равно что заказывать сушеный корм для собак в японском ресторане. Я ждал, что передачи будут банальными, но целый канал, посвященный повторному показу советских фильмов сорокалетней давности в духе «Рабочего и колхозницы», — это уже чресчур. Тем не менее я подумал, что на советских телевизорах, которые были у большинства людей, эти фильмы смотрелись бы очень неплохо.

Городской общественный канал позволял немного проникнуть в нравы Феникса. Его программы варьировались от рекламных видеофильмов, посвященных невероятно оптимистичным картинам того, каким станет Феникс через пять лет, до крайне причудливой смеси коротких сюжетов, отражающих резкий разрыв между

Центром и Затмением. Хиропрактики и натуропаты диагностировали болезни и предлагали исправить позвоночник тем пациентам, которые прижмутся спиной к экрану. Душевнобольные предупреждали о грядущих бедствиях и опаснейших заговорах, неведомых никому, кроме них. Почетные члены разнообразных сумасшедших домов — от «Аризонцев за охрану черных скорпионов» до «Скептиков Феникса» — призывали присоединиться к ним, заполняя эфир бесконечным потоком противоречивых и запутанных «фактов».

— Город мог бы назвать этот канал хорошим, плохим и безобразным, — пробормотал я, и тут на экране появилось лицо Генриха.

Его программа называлась «Люди чистоты». Он зачитывал, одно за другим, сообщения о преступлениях, совершенных людьми с цветной кожей, на фоне кадров, скопированных из программ новостей. Под конец, когда пошла лента, в которой он и его «почетная стража» забивали ногами чернокожего юношу, Генрих провозгласил: «Люди Феникса, придите к нам. Встаньте за наш город. Фениксу предначертано возродиться из пепла к величию. Грязные людишки — это пепел человечества. Придите к нам и верните себе свое наследие!»

Я невольно прицелился в него указательным пальцем, а большой отставил, словно взведенный курок «крайта».

— Когда-нибудь, Генрих.

За спиной у меня раздалась аплодисменты. Я вернулся вместе с глубоким креслом и увидел Марит, стоявшую в дверях.

— Я не слышал, как ты вошла.

— Эта комната звуконепроницаемая. Мне нравится твой вкус в выборе мишеней. Присматриваешься к врагу?

Я пожал плечами:

— Хэл не думает, что пуля весом сто восемьдесят гран, пролетающая три тысячи или около того футов в секунду, способна прочистить Генриху мозги, так что охота запрещена. — Я поднял левую руку и посмотрел на часы. — Сейчас шесть. Во сколько начинается вечеринка?

— Смотря по обстоятельствам. — Она собрала волосы на затылке в «конский хвост» и стянула их эластич-

ной лентой. — Официально начало — в семь тридцать. Мы явимся не раньше, чем на час позже, но к чему торопиться? Я иду в душ. Не хочешь потерять мне спинку?

По телевизору «Скептики Феникса» рьяно доказывали, что два тела, найденные в пустыне, определенно не могут быть троллями.

— Мусор туда, мусор оттуда. — Я нажал кнопку на пульте, и экран погас. — После таких передач просто необходимо помыться. Ведите, миледи.

Два часа спустя я смотрел на свое отражение в трехстворчатом зеркале. На мне были черные ботинки, черные носки, черные брюки со стрелками, наутюженными до бритвенной остроты, и жестко накрахмаленная белая рубашка с ониковыми запонками в манжетах. Воротничок я застегнул крупной серебряной прямоугольной запонкой из гематита, а галстук надевать не стал. Сам воротничок, без отворотов, неприятно давил на кадык.

— Чувствую себя волком в сутане.

Марит, сидящая за туалетным столиком, подняла взгляд и посмотрела на мое отражение в своем зеркале.

— Рада познакомиться, отец Кейн. Не могли бы вы потом позаботиться и о моих духовных нуждах?

Я улыбнулся ей:

— Ты так говоришь только потому, что я не выгляжу ни набожным, ни святым.

— О, я бы сказала, что ты вызываешь священный ужас.

— Сегодня вечером я должен произвести впечатление не на тебя.

— Восстав из могилы, ты нагонишь на них адский ужас.

— Аминь. — Я надел наплечную кобуру и сунул туда вороненый «крайт».

Марит помедлила, держа в руке тушь для ресниц.

— Ты думаешь, это необходимо?

— Надеюсь, что нет, но помню поговорку: «Восхваляй Господа, а патроны готовь». — Я вынул из шкафа пиджак. — Мне позволяют его пронести?

— По правилам — нет, но я тренировалась вместе с тем, кто руководит охраной сегодняшнего приема. Я сказала ему, что со мной будет телохранитель. Он тебя пропустит.

— Хорошо.

Я надел пиджак и широко улыбнулся. Это был многоцелевой пиджак. Он был уместен в обществе, достаточно необычен, чтобы его заметили, но не настолько причудлив, чтобы над ним стали смеяться — и совершенно скрывал кобуру. Судя по рисунку, Роджер взял за основу обычный пиджак с вырезом до талии, потом отвернул и расширил левый лацкан, в результате чего получился асимметричный двубортный пиджак, и с левой стороны было достаточно места, чтобы спрятать пистолет. Более того, благодаря тому, что Роджер оставил просвет в полоске велкро, на которую застегивался пиджак, я мог выхватить «крайт», не расстегивая его.

Я одернул пиджак и еще раз взглянул на себя в зеркало. Небольшой вырез на горле открывал запонку с гематитом. Пиджак сидел превосходно, и в нем мне было удобно. Даже моя узкая бородака подходила под образ, создаваемый одеждой, — образ человека, настолько опасного, насколько, боюсь, был опасен я.

Марит подошла ко мне сзади и поцеловала в правое ухо.

— Если я скажу, что ты священник, тебе весь вечер придется исповедовать женщин и обращать грешниц на путь истинный.

Я подмигнул ее отражению в зеркале:

— Скажи им, что я очень серьезно отношусь к обету безбрачия.

— Ха! Это только подольет масла в огонь. — Ее глаза потемнели и сузились. — Слух об этом может даже привлечь внимание самой Ведьмы.

— Нерис Лоринг?

Ноздри Марит раздулись.

— Той, Что Пожрет Своих Детей. — Она помотала головой. — Сейчас мне и думать о ней не хочется. — Отступив на два шага, она протянула руки: — Ну, скажи мне, хорошо ли я выгляжу?

Повернувшись к ней, я не мог скрыть довольной улыбки. На Марит было кожаное малиновое мини-платье, открытое и прилегающее к телу немного плотнее, чем кислород к водороду в молекуле воды. Губная помада и туфли на двухдюймовых шпильках были того же цвета. Она изогнулась, разглаживая белые чулки, и бросила

на меня невинный взгляд, чтобы убедиться в полноте произведенного впечатления.

Я прокашлялся.

— Если ты сделаешь это на приеме, мне придется стрелять.

Марит хихикнула и выпрямилась. Она добавила к своему костюму кулон с рубином и такие же серьги, потом натянула черный жакет, настолько короткий, что он едва прикрывал грудь.

— Мы с тобой подходим друг к другу. Я одета ошеломительно, а ты — просто убийственно.

Чтобы попасть на прием, мы добрались трансверсором до лифта и спустились на Девятый уровень. Оттуда прошли пешком к Центральной башне и поднялись скоростным лифтом на сорок пятый этаж. Двери медленно открылись. Сияние осветителей видеокамер ворвалось в кабину и вытравило все цвета, кроме самых ярких. Я поднял руку, прикрывая глаза, но Марит потянулась к свету, словно цветок к солнцу.

Фотовспышки мелькали, как взрывы во время авианалета, оставляя в глазах отпечатки, похожие на следы трассеров. Марит то и дело окликали по имени, и она поворачивалась на крики, улыбаясь, словно лиса, перехитрившая охотников. Охрана «Лорики» расчистила ей путь сквозь толпу репортеров, а я двигался в кильватере. Какой-то репортер спросил обо мне, но Марит с непринужденным равнодушием отмахнулась от него.

Охранник провел нас в короткий коридор, ведущий к скоростному лифту на самый верх башни. Марит первой прошла через металлодетектор и сказала лейтенанту охраны, сидевшему за конторкой:

— Привет, Чарли. Это Гюнтер, мой телохранитель. Я говорила о нем капитану Вильямсу.

Пожилой седой лейтенант встал и жестом велел мне обойти барьер. Я подошел и распахнул пиджак. Лейтенант потянулся и вынул «крайт» из кобуры. Ударив по защелке, он вытряхнул обойму, потом оттянул затвор, и патрон выскочил ему на ладонь.

— Мне нравится «крайт», мистер Гюнтер.

Вернувшись к конторке, он вытащил флуоресцентный оранжевый стопор, вставил его в патронник и отпустил затвор, оставив стопор торчать из казенника примерно на четверть дюйма. Потом вставил на место обойму и вернул пистолет мне.

— Обычная процедура. Мы не хотим, чтобы личные охранники стреляли первыми. Если заметите что-то необычное, сообщите одному из нас, идет?

— Идет. — Я постарался, чтобы мой голос звучал, как у человека, которого можно назвать Гюнтером. — Могу я получить назад свой патрон?

Пожилый лейтенант кивнул:

— Разумеется.

Он бросил мне патрон. Я сунул его в карман пиджака, застегнулся, улыбнулся лейтенанту и последовал за Марит к скоростному лифту. Лифтерша в белых перчатках нажала кнопку, и мы стали смотреть на табло, отсчитывающее этажи в обратном порядке, начиная с девяноста.

Я кивнул в сторону остальных лифтов:

— Ну и зоопарк.

Марит улыбнулась и слегка пожала мне руку.

— Местная пресса. Им нужны сплетни и звезды, чтобы сдобрить подборку новостей. Материалы о местных знаменитостях всегда хорошо расходятся. Они мечтают под них о том, как когда-нибудь сами переберутся в Центр. Помнится, в детстве я только об этом и грезил.

Лифт прибыл, и мы вошли в кабину. Чернокожая лифтерша вежливо улыбнулась и повернула рукоятку, посылавшую лифт к небесам. Поднимаясь, ни о чем не говорили. Когда мы проезжали восьмидесятый этаж, Марит в последний раз проверила свой макияж перед зеркальной стенкой лифта.

— Приготовься.

Двери открылись, и я напрягся, ожидая еще одного фейерверка, но ничего не произошло. Мы вышли в небольшой холл, выглядевший вполне обычно — только освещение было немного слабее. Широкие двери справа от нас были открыты в зал, занимавший и девяностый, и девяносто первый этаж Центральной башни. Его пол лежал на пол-этажа ниже холла, а верхний балкон нависал над

входом. Стены были стеклянными, и, видимо, поэтому лампы в огромных люстрах были притушены — чтобы гостям не досаждали блики.

Войдя в зал, я заметил, что он, по сути дела, представляет собой кольцо, почти неощутимо вращающееся против часовой стрелки. Средняя часть девяносто первого этажа была больше в диаметре, чем холл, расположенный под ней, и немного нависала. Я улыбнулся, заметив, что толпа слегка дрейфует в направлении, противоположном вращению пола. Люди, сами того не замечая, безуспешно пытались удержаться на одном месте по отношению к наружным ориентирам.

В окнах открывалась поистине великолепная панорама Феникса. Восходящая полная луна подсвечивала башни «Лорики», и в свете ее эстакады маглева были похожи на контрфорсы старинного собора. Мигающие красные и синие огни на верхушках башен вторили мерцанию звезд, а вдаль я увидел огни самолета, заходящего на посадку в аэропорт на юго-востоке от города.

Что удивило меня больше всего — насколько хорошо черные панели, накрывающие Затмение, отражают звезды и лунный свет. В темноте солнечные батареи можно было принять за гладь океана, и если бы я не стоял на полу, то затруднился бы определить, где верх, а где низ. Лунный свет — два осколка, обрамляющие силуэт «Лорики», — блестел на резких линиях стыков, но и эта картина не слишком отличалась от той, которую можно увидеть ночью на море.

Марит ступила в зал, и тотчас несколько человек окликнули ее по имени. Она шла сквозь толпу, кого-то целуя в щеку, с кем-то обнимаясь. Некоторые из мужчин прижимали ее теснее и задерживали дольше, чем ей хотелось бы, а тех, кого она по-настоящему терпеть не могла, Марит встречала преувеличенным протестом, и их лица сразу мрачнели.

Я хотел догнать ее, но меня перехватил человек в темно-синем костюме.

— Я капитан Вильямс, Брэд Вильямс.

— Гюнтер.

— Хорошо, Гюнтер. — Он посмотрел на Марит и улыбнулся. — Видите ли, здесь приняты некоторые правила.

Не разговаривайте, пока с вами не заговорили. Если заметите что-то необычное, сообщите об этом мне. Если вам покажется, что Марит вовлечена в неприятный разговор, или ситуация принимает скверный оборот, подойдите к ней и скажите, что ее зовут к телефону. Если действительно что-то начнется, стрельбу предоставьте нам. Если вам придется выводить Марит из затруднительного положения, постарайтесь не убивать гостей.

— Без проблем.

— Хорошо. Пить вам нельзя, но закусывайте сколько угодно.

— Благодарю.

Я неторопливо двинулся в зал, предоставив ему отлавливать и инструктировать очередного телохранителя. Марит по-прежнему работала в режиме приветствия. Спустившись еще на ступеньку, я быстро обвел взглядом доступное пространство в поисках возможных опасностей, но ничего особенного не увидел. Зная, что не буду чувствовать себя уверенно, пока не обойду полный круг, я спустился в зал и двинулся по кильватерному следу, который оставляла за собой Марит.

Сам прием, хотя его финансировала и устраивала «Лорика», был дан в честь фонда «Исполнение желаний». В зале, на внутренней, не вращающейся стене, были размещены картины и скульптуры, и рядом с каждой имелось небольшое табло. Администраторы «Лорики» подходили, беседовали о работах и о художниках, а потом брали листки бумаги и, прочитав их, набирали числа на маленькой клавиатуре. На табло рядом с картинами вспыхивали цифры, показывая текущие цены этого сдержанного и беззвучного аукциона.

Гости, несомненно, представляли собой сливки городского общества. Благодаря сегодняшнему просмотру телепрограмм, я без труда узнал в седовласом, аристократического вида мужчине Дариуса Мак-Нила, основателя корпорации «Билдмор». Но имена двух молодых женщин, пеплявших за него, я припомнить не мог, как ни старался, хотя, судя по их возрасту, это вполне могли быть его внучки. Мак-Нил оглушительно расхохотался шутке, которую отпустил мэр Феникса, и продемонстри-

ровал свою любовь к семье, ткнувшись носом в стройную шею одной из своих спутниц.

Посреди этого сборища сновали с подносами официанты и официантки. С заказом на спиртное я не торопился, но не мог отказать себе в удовольствии, когда официантка с подносом суси оказалась в пределах досягаемости. Тека-маки была настолько хороша, что я начал гадать, не «Осоми» ли поставлял на прием продукты.

Марит вернулась ко мне и взяла меня под руку.

— Пришествие. Я уверена, тебе захочется увидеть это зрелище.

Не говоря больше ни слова, она пробуксировала меня на другую половину зала, туда, где из люкса на девяносто первом этаже спускалась широкая лестница. Мы заняли места немного выше по течению, и нас медленно понесло к подножию лестницы. Справа мелькнул Александр, но, прежде чем я успел показать на него Марит, на вершине лестницы появилась Нерис Лоринг.

С первого же взгляда она показалась мне поразительно красивой женщиной. Выглядела она лет на сорок пять и обладала той зрелой уверенностью в себе, которая делает женщину подлинно обольстительной. Ее черные волосы спадали на плечи, обрамляя энергичное лицо. Из-за темных глаз и бровей в сочетании с кроваво-красной помадой на губах она казалась бледной, словно вампир. Корсаж ее черного открытого платья поблескивал немногими продуманно размещенными украшениями и подчеркивал безупречную фигуру. Бархатные юбки расширялись книзу, скрывая ноги, но спускаясь по лестнице она не проявила ни малейшего беспокойства. Нитка жемчуга обвивала ее шею, а когда Нерис легко коснулась перил кончиками пальцев, на правой руке блеснуло кольцо с бриллиантом.

Она улыбнулась с удовлетворением властителя, которого почтительным поклоном приветствуют верно-подданные. Она знала, что заслужила преклонение, и приветствовала его. Подсознательно я был возмущен тем, как она греется в лучах нашего внимания, но понимал, что с тем же успехом солнце могло бы возмущаться красотой цветка, который оно лелеет. Это была женщи-

на привлекательная, умная и наделенная властью — опасное и крайне возбуждающее сочетание, — и она явно умела использовать любое из своих качеств или все вместе, чтобы получить все, что пожелает.

Нерис спустилась с лестницы, и окружающие едва ли не с благоговением прошептали слова приветствия. Она не обратила на них никакого внимания и направилась прямо в зал. Я почувствовал, как насторожилась Марит, и увидел, как она выпрямилась во весь рост и вывела улыбку на полную мощность, когда директриса-распорядительница «Лорики» нацелилась на нее. Она собрала всю свою волю для столкновения, которое, учитывая ее отношения с «Лорикой», могло стать весьма опасным.

Нерис нейтрализовала Марит небрежным взглядом и протянула мне руку.

— Нас не представили друг другу официально. Я Нерис Лоринг. — Она крепко сжала мои пальцы и подарила мне улыбку, грозящую поглотить меня целиком. — Если бы я знала, что вы в Фениксе, мистер Кейн, то лично пригласила бы вас на этот прием.

12

Несмотря на два предупреждения, полученные мной, даже покойный Мел Гибсон, игравший в шекспировских пьесах, не смог бы на моем месте скрыть изумления, вызванного таким приветствием. Я увидел отражение своего изумления в глазах Нерис, и ее пожатие сделалось чуть крепче. Вымучивая улыбку, я почувствовал, как кровь приливает к моим щекам, и потупился, встретив взгляд ее черных глаз.

— Прошу прощения, мисс Лоринг. Мне следовало дать вам знать, но я не решился отрывать вас от дел. — Я снова взглянул ей в глаза. — Кроме того, мне казалось, что слишком самонадеянно просить у вас приглашения. Мисс Фиск попросила меня присоединиться к ней, и мне подумалось, что это наиболее легкий выход из положения.

— А, Марит, — сказала Нерис, даже не взглянув в ее сторону.

— Вы выглядите очень... подходященько, Нерис, — парировала Марит. Она слегка наклонилась и поцеловала меня в щеку. — Милый, я, пожалуй, попробую сторговать какую-нибудь картину. Я еще вернусь.

Она удалилась, а Нерис слегка скривила губы в довольной усмешке.

— Вы интересный человек, мистер Кейн. Насколько я понимаю, это из-за вас двое из моих служащих вчера оставили «Лорику».

Что за игру она ведет?

— Должно быть, это были независимые подрядчики. Они были слишком неуклюжи и глупы. Я и не думал, что они могут быть вашими людьми. Мне не нравится, когда за мной следят.

Она продела руку под мой локоть, вытянув все тепло, оставшееся после Марит.

— Я предпочитаю, чтобы работа была под контролем. Я рассматриваю это как гарантию качества.

Я был предупрежден и сумел спрятать свое удовлетворение, когда она подтвердила, что я нанят для некоей работы. Учитывая снаряжение, найденное в кейсе, и сумму, которую я получил, не приходилось сомневаться, что речь идет об убийстве. Если слова Нэтч Ферал о том, что Нерис разыскивает отца после того, как на него покушались два месяца назад, соответствовали истине, логично было бы предположить, что моей мишенью может быть он.

Мы начали неторопливо прогуливаться. Я нацепил фальшивую улыбку, но позволил проскользнуть в своем голосе нетерпеливым ноткам.

— Если вы нанимаете специалиста, то по каким критериям вы можете судить о его качестве?

— Прошу вас, скажите сами, мистер Кейн.

— Конечный продукт. — Я взглянул в окно. — Я думаю, вы должны обнаружить, что ваша проблема выпала за край земли.

Она понимающе улыбнулась.

— Мир круглый, мистер Кейн.

— Только для тех, кто не знает, как находить углы. — Я хлопнул ее по руке и мягко высвободился. — Не смею занимать ваше время, у вас есть и другие гости.

— Интересный вы человек, мистер Кейн. Не думала, что встречусь с вами лично. Если бы не те двое, что недавно оставили мою службу, я бы так и не узнала, как вы выглядите. — Её глаза сузились, она оглядела меня с ног до головы. — Цена профессионала очень высока.

— Но цена любителя еще выше. Не беспокойтесь, ваши деньги потрачены не зря.

— Как я и предполагала, положившись на превосходные рекомендации Скрипичника. — Она раскрыла руки, словно обнимая весь зал. — Прошу вас, пользуйтесь случаем — хотя вы и неудачно выбрали спутницу, — и если вы пожелаете что-то купить, я чувствую себя в долгу перед вашим великодушием.

Я поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Для меня удовольствие служить вам.

В ответ она приподняла брови и повернулась, приоткрывая тех, кем пренебрегла, увидев меня. Их негодование растаяло, как воск под паяльной лампой, а дух пал под ее испепеляющим взглядом. Не прошло и десяти секунд, как Нерис исчезла из виду, и в глубине души я засомневался, была ли она здесь вообще.

— Ла Бруха вцепилась в вас, как вампир в гемофилика. — Алехандро отпил шампанское из высокого бокала. — Сказала ли она что-нибудь полезное?

Я прикрыл глаза и сосредоточился.

— Каково бы ни было мое задание, фрахт оплатила она. И она же натравила на меня тех двоих возле «Эрнесто», но не потрудились извиниться за то, что они пытались меня убить. Я подумываю, не работали ли они еще на какую-то группу внутри «Лорики»?

— Не знаю. — Алехандро потерял пуговицы своего двубортного пиджака цвета морской волны в тонкую светлую полоску. — Но мне точно известно, что внутри «Лорики» до сих пор идет какая-то борьба. Уже прошла пара чисток.

— Есть у вас какие-нибудь шансы найти людей, знавших ее отца до увольнения? Каких-нибудь старых сотрудников, уволенных после того, как он ушел?

Галерист кивнул:

— Это нетрудно. Некоторые из них даже живут в Центре.

— А в Затмении?

— Я могу разузнать.

— Прошу прощения, мистер Хигуэра? — Женщина средних лет тронула Алехандро за правый рукав.

Он повернулся к ней и широко улыбнулся:

— Миссис Россон, чем могу служить?

Она улыбнулась мне, небрежно бросила: «Здравствуй-те» и снова заговорила с Алехандро:

— Не могу припомнить, чтобы я прежде видела у вас в галерее сюрреалистические работы Элизабет Тернер, но картину, выставленную здесь на аукцион, предложили именно вы. Она — одно из ваших недавних открытий?

Алехандро кивнул с заговорщическим видом:

— Я нашел ее два месяца назад. Она годами писала эти картины и тут же бросала. Я убедил ее расстаться с некоторыми.

Миссис Россон смущенно улыбнулась:

— Должна признаться, что цена на картину, выставленную здесь, уже великовата, но меня могли бы заинтересовать другие ее работы. Могу ли я позвонить вам завтра?

Алехандро важно кивнул:

— У меня есть еще два полотна, я даже не вставил их в рамы. Буду с нетерпением ждать вашего визита. — Женщина ушла, и он повернулся ко мне: — Извините, это окупает аренду. Еще что-нибудь от Лоринг?

— Она употребила слово «Скрипичник» так, словно это чье-то кодовое имя. Вам оно ни о чем не говорит?

— Нет, боюсь, что нет.

— Возможно, кому-то из бывших служащих оно что-то скажет... Если вы найдете хоть одного.

— Можно надеяться.

Подошла Марит и восстановила свои права на мою левую руку. На лице у нее была широченная ухмылка, и я почувствовал, что с тех пор, как она оставила меня, ее настроение намного улучшилось.

— Это просто замечательно!

— Да?

— Это самая жуткая картина на всем аукционе — не хочу вас обидеть, Алехандро, — и она называется

«Ничто у меня в животе», автор Элизабет Тернер. Это, ну, это...

Александр указал туда, где были развешаны полотна.

— Чтобы поверить, вы должны сами увидеть.

Марит кивнула, и мы втроем стали пробираться сквозь толпу. На картине было изображено человеческое тело, но в мертвенных тонах, с серо-зеленоватой кожей покойника. Впрочем, оно выглядело обтянутым скорее резиной, чем кожей, и туго свернулось в клубок в центре полотна. Лицо искаженной фигуры пряталось в тени, но рот у нее был — отчетливый рот со стиснутыми зубами, расположенный на правой пятке.

Я содрогнулся. Зрелище было ужасное, но тем не менее вызывало во мне сочувствие, ибо в нем я увидел себя. Спрятанное лицо было моей утраченной личностью, а попытки разомкнуть рот и выкрикнуть правду могли означать какое-то ключевое воспоминание. Расползающаяся кожа напоминала о моих попытках изменить себя. Нерис Лоринг явно считала, что наняла убийцу, чтобы убрать своего отца, и возможно, я действительно прибыл ради этого, но теперь у меня не было никакого желания становиться убийцей.

— Несомненно, впечатляющее полотно, — выдавил я.

Александр улыбнулся:

— Оно заговорило со мной, когда я его увидел. Образ отталкивающий, но техника прекрасная, и превосходное знание анатомии.

— Но могли бы вы прожить в одном доме с этим? — спросил я.

Он покачал головой, а Марит хихикнула.

— Вот почему это прелестно, — прежде чем сказать что-то еще, она оттащила нас подальше от картины. — Я считаю ее отвратительной и противной, но я выставила на нее цену. Нерис немедленно перекрыла мою ставку, и теперь у нас с ней небольшое сражение. Она победит, но ей это обойдется недешево.

Я поднял бровь:

— А с чего ты взяла, что она не хочет просто взвинтить цену, чтобы заставить тебя выложить деньги?

Александр покачал головой:

— Нерис никогда не проигрывала — за исключением, может быть, того случая, когда отец не согласился с ней и освободил Марит от пункта о «запрещении конкуренции» в контракте. Вот где истоки этой вражды. Она ни за что не сдастся.

— А значит, ей придется любоваться этой штукой до конца своих дней, — прошептала Марит.

Наверху, на балконе девяносто первого этажа, я увидел Нерис, пристально разглядывающую картину. Она еле заметно кивнула, и на табло появилась новая цена. Я видел удовлетворение на ее лице, но оно было вызвано не только тем, что она перекрыла ставку.

Она тоже отождествляла себя с картиной и, я это чувствовал, будет часами любоваться ею.

13

На следующее утро, едва открылись двери лифта, я подумал, что спустился в ад. Жара ударила меня словно боксер. Я ступил в нее, надеясь, что найду местечко попрохладнее, но не тут-то было. Обжигающий жар не спадал, и я чувствовал, как мой нос раскаляется изнутри.

Нэтч Ферал перешла через улицу.

— Добро пожаловать в реальность, Кейнмен.

— Добрый вечер... — начал я, но вдруг сообразил, что сейчас день. — Я хотел сказать...

— Ничего. В Затмении всегда ночь. — Она повернулась и пошла, предоставив мне догонять ее. — Вроде у нас есть наводка на одного малого, с которым ты захочешь поболтать. Только сперва зайдем к Бату.

Я кивнул ей в спину и быстро нагнал ее. На приеме Нерис быстро покончила с ценовой войной, затеянной Марит, и Марит, побитая, но непобежденная, отступая, разыграла целое представление. Поскольку Нерис разговаривала со мной в течение заметного, хотя и недолгого, времени, Марит, уходя, слегка укусила меня за ухо, намекая, что Нерис, может быть, и выиграла битву, но войну еще предстоит завершить.

Мы вернулись к ней домой, и она предельно красноречиво принесла извинения за то, что так бесстыдно использовала меня, чтобы дать сдачи Нерис.

Я проснулся, не помня никаких сновидений, и не стал тревожить Марит, предоставив ей наслаждаться заслуженным отдыхом. В просмотровой комнате я набрал номер оперативного каталога муниципальной библиотеки и выбрал всю информацию по теме «Скрипичник». Самое большее, что мне удалось найти, была весьма заслуживающая доверия статья о буре пауке-отшельнике, известном также под названием «скрипичник». Но, хотя они и встречаются в Фениксе, «черная вдова» попадает гораздо чаще, а скрипичников обычно считают несуществующими.

Как Койота.

В десять позвонил Алехандро и сказал, что они с Джитт составляют список членов старой гвардии «Лорики», отправленных в отставку после того, как Нерис сделала из своего папаша короля Лира. Большинство из них жили на виллах для отставных сотрудников, а счета и уход оплачивала «Лорика». Алехандро не оставил у меня сомнений в том, что Нерис будет держать их под контролем до тех пор, пока вся информация о «Лорике», которой они располагают, не потеряет рыночную ценность.

Еще он сказал, что Джитт нашла человека, который работал в «Лорике» со времени ее основания. Фил Костапан, чернокожий, всю жизнь проработал уборщиком в «Лорике». Она добавила его в список потому, что он был самым первым служащим Неро Лоринга, и тот лично присутствовал на обеде по случаю выхода Фили на пенсию. Она заметила, что эти двое всегда брали отпуск в одно и то же время, а Алехандро добавил, что им удавалось очень хорошо скрывать свою дружбу.

— Нэтч, ты уверена, что знаешь, где живет Костапан?

Она кивнула:

— Знаю, но он чем-то сильно напуган. Пошли слухи, что он уже умер.

— Умер?

Нэтч пожала плечами.

— Мертвый мертвому рознь, Кейнмен. Костапан не хочет, чтобы его искали, вот и считается, что он живет в могиле. Мне посчастливилось узнать больше. — Она проворно пробежала между автомобилями, а на той стороне оглянулась на меня и покачала головой.

Я подождал более безопасного разрыва в потоке движения и догнал ее перед бетонным зданием, похожим на бункер.

— Я просто умираю в ветровке и джинсах. Как ты можешь таскать на себе столько одежды?

Ответом мне было движение плеч, поднявшее и опустившее просторную кожаную куртку Нэтч. Под курткой у нее была свободная полосатая рубашка, а дальше — темно-зеленое гимнастическое трико. Прорехи джинсов, располосованных опытной рукой от бедер до лодыжек, открывали ноги, обтянутые черным эластиком. Белые кроссовки выглядели новыми, но шнурки она явно никогда не завязывала.

— Послушайте, я тут прожила всю жизнь. Сейчас только конец июня. До середины июля жарко не будет. Вы тут новичок. — Она кивнула на дверь бункера. — Пошли, это здесь.

Я с подозрением взглянул на здание.

— Что — «это»?

— «Ров». — Нэтч сунула руки в карманы и направилась к двери. — Бат здесь работает.

Эта краткая информация пробудила во мне серьезные опасения, а переступив порог, я убедился, что в этом заведении есть все, что нарисовало мне воображение, и даже больше. Поскольку во «Рву» стояла крошечная темень, приходилось довольствоваться запахами, и первое, что я ощутил, была вонь пота и дыма, крови и пива. Человеческие тела громоздились во мраке, обвиснув на стульях, словно их привязали за плечи к спинкам, выдернув позвоночники. По сравнению с этим местом «Дью Дроп инн.» был просто прием в «Лорике».

Понимая, что моим глазам понадобится целый геологический период, чтобы привыкнуть к темноте, я охотливо последовал за Нэтч в глубину «Рва». В свете, падавшем от кассового аппарата, я мельком заметил стойку бара, тянувшуюся вдоль всей левой стены. Избегая офи-

цианток, которые могли показаться красотками, когда не видно их лиц, мы погружались в «Ров», пока не достигли того, что мне показалось шеренгой людей, стоящих лицом к абсолютной черноте черной стены.

И тут во «Рву» зажглись огни.

Своим названием бар был обязан одной интересной особенности. В его дальнем конце была действительно вырыта яма глубиной футов двадцать. Вокруг нее были нарезаны узкие террасы, снабженные перилами и держателями для пластиковых пивных кружек. На террасы вели висячие мостики, по которым сновала прислуга, обслуживая клиентов, созерцающих ров.

Яма была ограждена бортиками и плексигласовыми стенками, позаимствованными, как мне показалось, с хоккейной площадки. Кое-где плексиглас был разбит, и там его заменяла проволочная сетка. Другая сетка, с ячейками покрупнее, крепилась к потолку бара, образуя купол, замыкающий мирок рва в самом себе.

Нэтч провела меня по мостику с правой стороны мимо вышибалы у лестницы. Мы спустились на дно ямы и встали в проходе. Сквозь плексиглас, покрытый потеками крови, я увидел Бата. Он как раз поворачивался лицом к двум последним противникам.

Два дня назад Бат показался мне крупным человеком, но сейчас, в центре ямы, он выглядел, как Геркулес. Кровь стекала по его обнаженной груди, но я знал, что это не его кровь. Бат подпустил противника ближе и, развернувшись всем телом, нанес ему по ребрам мощный удар правой. Я вздрогнул, услышав хруст, и сжался от отвращения, когда левый кулак Бата, описав дугу, едва не оторвал человеку голову.

Последний противник когда-то обучался боевым искусствам. Он взвился в воздух, целя ногой в голову Бата. Бат пригнулся и выставил левое предплечье вперед. Оно вошло между ног летящего на него человека, и локоть Бата с отвратительным чмоканьем ударил его в пах. Зрители непроизвольно качнулись, а противник Бата взвыл от боли. Он даже не успел упасть: правой рукой Бат обхватил его и, разбежавшись, ударил о плексиглас.

Потом оттащил и ударил еще раз. И еще. И еще. Наконец Бат отшвырнул обмякшее тело и начал осмат-

риваться в поисках нового противника. Остальные четверо спасались бегством, торопясь добраться до двери в дальнем конце арены. Бат подбодрил их пинками, а когда один из них попытался выставить перед собой руку, со злобной усмешкой сломал ее и громко расхохотался в ответ на мольбы о пощаде.

Я взглянул на Нэтч. Она пожала плечами.

— Любительский вечер. Ничего стоящего.

Бат вернулся туда, где лежал мастер боевых искусств. Подняв за пояс, он протаскил его лицом по грязи, а потом кинул в дверь, словно мешок с мусором. Оставшись один на арене, Бат торжествующим жестом воздел руки. Половина толпы одобрительно взревела, а остальные принялись проклинать его и швырять в него пластиковые кружки. Пиво выплескивалось на сетку, смешиваясь с кровью и грязью, но это Бата не задевало.

Он поворачивался, упиваясь обожанием толпы, и вдруг я увидел его глаза. Это были глаза волка, приглядывающегося к стаду овец. Все люди были для него жертвами, и он ничуть не насытился тем, что сокрушил пятерых. Хуже всего, что было видно с первого взгляда: он выходил на арену не ради денег, славы или желания доказать самому себе, что он стоит выше всех.

Он дрался потому, что ему нравилось причинять боль.

Огни снова померкли, и Бат покинул арену. В полумраке я увидел, как стальная маска жестокости, застывшая на его лице, смягчилась, когда он увидел Нэтч. На миг она снова вернулась, когда он взглянул на меня, и в этой вспышке, промелькнувшей в его темных глазах, я прочел открытое приглашение сразиться с ним в любое время.

Я покачал головой:

— Если мне захочется испытать свое здравомыслие, я лучше пойду в суд.

Нэтч на мгновение смутилась, потом пожала плечами, прошла за мостик и открыла дверь в раздевалку. Бат сразу влез в душевую кабинку, и полдюжины жестких струй ударили с разных сторон. Грязь размякла, кровь потекла в водосток. Бат закрыл кран, помотал головой, стряхивая воду с волос, вышел из душевой и направился к своему шкафчику.

Нэтч бросила ему полотенце, которое когда-то было пушистым и белым. Бат скинул боксерские трусы и вытерся, следя в основном за тем, чтобы не осталось следов крови. При такой жаре вода моментально испарялась, и на смену ей выступал пот.

Полотенце осталось чистым, зато на левом плече Бата проявился огромный синяк. Бат сел на скамейку перед шкафчиком и открыл дверь. Я ожидал увидеть внутри фотографии журнальных красоток, но шкафчик Бата украшало изображение крылатого ангела с копьем, свергающего демона с облаков. Бат благоговейно коснулся правой рукой картинки и перекрестился.

Потом он взглянул на меня:

— Спрашивай.

Я нахмурился:

— Спрашивать?

— Что ты хочешь обо мне знать? — Он натягивал белье. — Покончим с этим сразу.

— Идет. Почему «Бат»?

Он пожал плечами, но за него ответила Нэтч:

— Его настоящее имя Хвалибог Кабат. Это польское — его родители приехали оттуда незадолго до того, как открылась Восточная Европа.

— Бат легче произнести, и люди его не перевирают, — кивнул я, понимая теперь, что это за ангел на картинке. — Святой Михаил?

Бат кивнул.

Покровитель воинов. Но если Бат — поляк, значит, скорее всего католик, и в этом есть какой-то странный парадокс. Христианин, который работает гладиатором, потому что находит удовольствие в том, чтобы увечить людей. Мысленно возвращаясь к увиденному во «Рву», я не сомневался, что, кто бы ни был духовником Бата, этому священнику причитается дополнительная оплата за вредность, а Бат обречен на нескончаемое покаяние.

— Последний вопрос: что связывает вас с Койотом?

Бат встал и заправил футболку в джинсы.

— Я выступал в турнире профессионалов. Один антрепренер похитил моего друга, чтобы заставить меня отказаться от боя. Койот освободил заложника, а антрепр-

ренер скончался, когда мой противник вылетел с ринга и упал на него.

Нэтч, притулившись на краю скамейки, подняла прямые ноги и притянула к груди.

— После того боя один уборщик из «Лорики» очень благодарил Бата за победу. Он много поставил на Бата — ему нужны были деньги на лечение жены. Потом она все-таки умерла, но от случайной пули, а не от болезни.

Я сложил на груди руки.

— Этим уборщиком был Фил Костапан, и поэтому ты идешь с нами. Костапан тебе верит?

Закрывая шкафчик, Бат ответил мне одним-единственным кивком. Он не стал запирать шкафчик, и достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, почему ему это не нужно. Он протянул руку, Нэтч ухватилась за нее, и Бат одним плавным движением поставил девушку на ноги. Они улыбнулись друг другу и направились к выходу.

Я пошел следом, но не думаю, что они заметили меня прежде, чем мы оказались на улице.

14

Фил Костапан умудрился выбрать себе убежище, где можно было бы укрыться от лучшего следопыта в мире. Вдобавок к тому, что его считали мертвым, он жил там, где слились и широко разрослись две стоянки передвижных домов на месте бывшего Гринвудского мемориального кладбища. Шоссе номер десять проходило сквозь этот район, сразу за ним поворачивая к дорожной развязке, именуемой «Штабель», но не оказывало никакого воздействия на Бокстон.

Добраться туда оказалось не так трудно, как я думал, узнав, что ни у Нэтч, ни у Бата нет автомобиля. Мы вскочили в автобус, и он потащил нас наискось через западную часть Феникса, время от времени вытряхивая пассажиров и подбирая тех, кто голосовал на дороге. Неуклюжий, размалеванный яркими красками, горящи-

ми во мраке Затмения, он протискивался сквозь законченные улочки с грацией жука, страдающего водянкой.

Мы трое разместились за спиной водителя. Войдя в автобус, Бат заплатил за проезд, а потом уставился на оглушенного наркотиками бродягу, растянувшегося на сиденье. Малый приоткрыл глаз и моментально сообразил, что наркотическое путешествие грозит завести его в края злых духов. Он быстро слинял, а Бат пропустил к сиденью Нэтч и пожилую негритянку.

Компания, сидящая сзади, выглядела так, что можно было подумать, будто нас по ошибке занесло в автобус Министерства исправительных учреждений. Бат взялся за поручень и взглядом заставил этих парней сгрудиться в дальнем конце салона. В конце концов у кабины водителя остались только мы трое и пожилая негритянка, сидящая в тени Бата. Я ободряюще ей улыбнулся.

Тусклый свет автобусных фар прятал больше, нежели освещал, но все же я получил достаточно полное представление о том кошмаре, который являла собой большая часть Затмения. Здания, когда-то пригодные для жилья, теперь полностью обветшали. Целые кварталы выглядели заброшенными и были окружены баррикадами мусора. Казалось, что их построили для того, чтобы удержать тех, кто внутри, а не запретить входить кому-то снаружи. Еще удивительнее было то, что я нигде не увидел детей.

Фонари в этой части города были снесены, сбиты выстрелами или просто отключены, поэтому улицы освещались небольшими кострами. Нелепость этих костров в жаркий день посреди пустыни усугублялась облаками жирного дыма, который висел низко, захваченный панелями Затмения, откуда, словно закопченные опухоли, свисали скваттерские гнезда. Они не могли быть обитаемы в серьезном смысле слова, и тем не менее сверху на нас смотрели бесцветные лица.

Очередной пассажир, входя, толкнул меня, и я почувствовал, как бумажник выскользнул из заднего кармана моих джинсов. Прежде чем вор успел миновать Бата, я выдернул «крайт» и ткнул стволом ему в затылок.

— Раз ты взял мой бумажник, можешь прихватить в придачу и это. Тебе целиком или частями?

Человек с усилием сглотнул, повернулся и попытался улыбнуться, обнажив щербатые зубы.

— Прощу прощения, я стараюсь исправиться. В самом деле. — Он протянул мне бумажник, и я его взял.

Вор попробовал протиснуться мимо Бата, но Бат остановил его и сгреб за правую руку.

— Ты должен заплатить пошлину.

— Пошлину?

— Пошлину. — Лицо Бата утратило всякое выражение, глаза потемнели. — Какой у тебя любимый палец?

— Ч-что?

— Ответ неверный. — Мускулы на плече и руке Бата вздулись, и он вздернул воришку вверх и ударил запястьем о крышу автобуса. Пальцы сломались, словно сухие макаронины. — Ну вот, теперь ты исправлен.

Человек вскрикнул, но страх заставил его замолчать. Прижимая сломанную руку к груди, он, спотыкаясь, побрел в заднюю часть салона, где парни заставили его сделать со всеми «дай пять», изо всех сил ударяя ладонями по искалеченной руке, и только потом пропустили к сиденью.

— Спасибо, пожалуйста.

Бат кивнул:

— Ты быстрый. Хорошо.

Я уловил в его голосе уважение, и это меня порадовало. Вместе с тем мне не понравилось, что мне приятно уважение того, кто способен так легко и небрежно сломать руку человеку, который ему ничего не сделал. Впрочем, поразмыслив, я подумал, что Бат, вероятно, истовый католик и, как таковой, попросту подверг вора наказанию за нарушение заповеди «не укради». Бат в своем роде был на удивление последователен, и я хорошо мог представить, как после каждого боя он самым искренним образом исповедуется и, может быть, даже кается.

Автобус остановился в квартале от места нашего назначения. Нэтч вышла первой и уверенно направилась через улицу к четырем парням, ошивающимся на углу. На всех четверых были куртки с черным кругом на спине и надписью «Плэттермен». Увидев Нэтч, они начали охорашиваться, двигаясь как ленивые змеи. На меня они воззрились с подозрением, пытаясь понять, то

ли я переодетый полицейский, то ли потенциальная жертва. Потом из автобуса вышел Бат, и они сразу насторожились.

Нэтч провела с одним из парней сложный ритуал приветствия, состоящий из постукивания кулаками, шлепков ладонями и тычков, а потом подозвала меня.

— Кейнмен, это Зингер. Он получил на всю катушку и сидел во Флоренсе, а потом дал тягу и прибил сюда.

Зингер, долговязый и вялый чернокожий парень, не вынимал рук из карманов.

— Кейн. Это вроде как леденцы «Кенди кейн»?

Я пожал плечами.

— Я ничуть не сладкий, и языком меня не слизнешь, так что, наверное, нет. Просто Кейн — или Каин.

— Вроде как убийца, — спокойно добавил Бат.

Зингер оглядел меня сверху донизу и глумливо ухмыльнулся.

— Чего ему, Нэтч?

— Он хочет засвидетельствовать уважение покойному.

Парень задумался, а потом медленно кивнул и повернулся к своему приятелю с красной повязкой на голове.

— Бак вас проводит.

— Ладно.

Зингер схватил Нэтч за плечо.

— Если что случится...

С быстротой атакующей кобры Бат перехватил его запястье и сжал так, что пальцы раскрылись, как лепестки цветка. Нэтч повернулась и погладила Бата по свободной руке.

— Все в порядке, Бат, никто не пострадал.

— Пока что. — Бат улыбнулся жуткой улыбкой, показав крепкие, острые зубы. — Ты был на самом краешке, Зингер. — Он выпустил его руку. — Скажи ей спасибо.

Уличный босс отдернул руку, но не подал и виду, что ему больно.

— Милашка, налей этому малому брома или чего похожего. Ему надо остыть. Бак, веди.

Бак был поменьше ростом и покоренастее Зингера, но двигался расхлябанно, словно у него вместо мускулов были

резиновые ленты. Он не говорил ни слова и брел ленивой походкой, словно не имел к нам никакого отношения. Его окликали, а он подмигивал, свистел или ухал в ответ, но ни разу не сказал ничего членораздельного.

Бокстон выглядел в полном соответствии со своим названием. Передвижные дома и обычные здания громоздились в ужасающем беспорядке, образуя кучи, порой почти достигающие Застывшей Тени. Замусоренные переулки между трейлерами превращали Бокстон в крысиный садок, полный кривых тропинок и тупиков. Там, где переулки были достаточно широки, чтобы могла протиснуться машина, они то и дело петляли с целью затруднить продвижение и превратить любой автомобиль, особенно полицейский, в ловушку.

Бак провел нас в один из самых нижних трейлеров. Мы вошли не постучавшись, и Бак даже не подал виду, что заметил семью, сгрудившуюся в задней части дома. В тусклом сиянии телевизионного экрана мелькнули лица с приоткрытыми ртами — на нас никто не обращал внимания. Дед, сидящий в кресле-качалке, потягивал пиво, почесывал живот сквозь заляпанную чем-то футболку. Мать и старшая дочь качали на коленях детей, а двое ребят помладше сидели на полу так близко к телевизору, что я видел только их глаза.

Единственной искрой жизни в них было отражение телеэкрана. На обшарпанной плите стояли кастрюли с чем-то засохшим — рисом или бобами, но ели это, похожему, в основном крысы. Корки от пиццы и заляпанные жиром коробки были набросаны на откидном столике, прикрепленном к стене. Из крана сочилась в раковину ржавая вода, оставляя рыжие пятна на пластиковых тарелках.

Трейлер насквозь провонял несвежим пивом и человеческим потом, но возле раковины в пятнах ржавчины вонь перешибал другой запах — острый и не менее омерзительный запах плесени, словно мех, облепившей тарелки, кран и сливную трубу.

Мы прошли через внутренний дворик. Бак прислонил к куче мусора алюминиевую лесенку и полез сквозь дыру в днище другого трейлера. За ним последовала Нэтч, потом я, а Бат прикрывал тылы. Если бы не гус-

той дым и не бабка вместо деда, я мог бы поклясться, что мы вернулись в трейлер, лежащий ниже.

Таким образом мы миновали еще четыре трейлера, и везде было одно и то же. Если бы хомяки каким-то образом выросли до человеческих размеров, они бы чувствовали себя уютно в таких жилищах — и почти повсюду пол был словно заранее устлан слоем газет.

Бак провел нас через туннель, проходящий под автострадой, и узкой тропинке, которая упиралась в дыру в изгороди Гринвудского кладбища. Здесь, в самом сердце Бокстона, трейлеры были поставлены всего в два яруса и выглядели очень неплохо. Здесь явно жили местные лидеры и, судя по всему, чувствовали себя довольно уютно. Они устроили водопровод из дренажной системы кладбища и, похоже, подключили электричество, присоединившись прямо к солнечным батареям над головой.

Бак остановился и показал нам на мавзолей, встроенный в искусственный холм. На табличке я прочитал имя — «Фримен».

— Внутри, ребята, вы найдете то, что вам нужно.

Пройдя через темный проем и спустившись на две ступеньки, мы оказались в небольшой комнате с брезентовой раскладушкой в углу. На донышке перевернутой банки из-под кофе горела небольшая свеча. Рядом, подложив под поясницу подушку, сидел, опираясь спиной на бетонную стену, чернокожий старик. В узловатых руках он держал дешевую книжку с оторванной обложкой. Снаружи доносился рев легковых автомобилей и грузовиков, мчащихся по автострате.

Старик поднял очки на лоб и, мигая, взглянул на нас.

— Кто вы такие? — Он заложил страницу открыткой и убрал книжку.

Нэтч опустилась на колени и оперлась спиной о раскладушку. Бат устроился возле двери, а я остался стоять в тени, в ногах раскладушки. Нэтч послала старику умильнейшую улыбку и, немного помедлив, ответила:

— Мы здесь для того, чтобы спросить о Неро Лоринге. Костапан медленно покачал головой:

— Знать не знаю никаких мистеров Лорингов.

Я присел на корточки. Наши головы оказались на одном уровне, и старик инстинктивно подтянул колени к себе.

— Я понимаю, что у вас нет причин доверять нам, но нам известно, что вы хорошо знали Лоринга. Вы были его первым служащим, и он присутствовал на обеде по случаю вашей отставки. — Я ткнул большим пальцем в сторону Бата. — Вам знаком мистер Кабат, и вы знаете, что он не пришел бы сюда, если бы мы собирались причинить вам вред. Прошу вас, это очень важно.

Голос старика утратил акцент необразованного человека:

— Сынок, я же ни черта о тебе не знаю. А Бат просто дерется за деньги, я видел его на арене. Ему и горя нет, что со мной станет. Нэтч я встречал здесь, но она не из Бокстона. Ты, на мой взгляд, похож на служащего «Лорики». А теперь, если вам нечем меня переубедить, я хочу почитать спокойно.

Я кивнул и сложил руки на коленях.

— Скажу напрямик: понятия не имею почему, но двое служащих «Лорики» по приказу Нерис Лоринг пытались меня убить. Полагаю, если бы кто-то нашел ее отца и сохранил ему жизнь, ей бы это не слишком понравилось. Мне хотелось бы это сделать. Мне хотелось бы сделать многое.

— Вы его не найдете. Никто не найдет. — Костапан криво усмехнулся, и на его лице появилось отстраненное выражение, словно он припоминал что-то далекое. — Даже я не знаю, где сейчас Неро.

В этот момент я заметил странный красный отблеск в его левом глазу.

— Бак, — крикнул я, — сюда, скорее!

— Чего те... а-а-а-х!

Бак перекрыл своим телом луч прицельного лазера, отражение которого я увидел в глазу Костапана. Кажется, его сбил с ног звук выстрела, а не пуля. Бак скатился по ступенькам и растянулся на полу. На спине, с левой стороны, в его куртке была маленькая дырочка, и черная жижа уже начала растекаться под телом.

Костапан скрючился и подхватил Нэтч. Он свалил ее на раскладушку, и сам убрался с линии огня. Тем

временем я взлетел по ступенькам, выскочил наружу и откатился вправо. Вскочив на ноги, я отпрыгнул назад, одновременно выхватывая «крайт».

Наверху, на пешеходном мостике через автостраду, я увидел голого по пояс парня с обесцвеченными волосами. Он подхватил винтовку и рысцой побежал к фургону «фольксваген». Под вопли жителей я взбежал на небольшой холмик, повернул на два оборота лимб прицела, упал на колено, сдвинул предохранитель и поймал на мушку снайпера как раз в тот момент, когда он швырнул винтовку в раздвижные двери фургона.

Я нажал на собачку. Снайпер ткнулся головой вперед, но на таком расстоянии у меня не было уверенности, упал ли он потому, что пуля свистнула у него над головой, или оттого, что она ударила ниже, в затылок. Я выстрелил еще дважды, разбил правое зеркало заднего вида и продырявил дверь, но фургон рванулся с места так, что задымились покрышки, и исчез в потоке непрерывно сигнализирующих автомобилей.

Я поднялся на ноги. У подножия холмика стоял Бат, оценивая взглядом расстояние от меня до автомобиля. Он кивнул и слегка усмехнулся. Нэтч и Костапан вышли из склепа. На руках, рубашке и рыжевато-коричневых штанах старика была кровь.

— Эти сукины дети пытались меня убить.

Я взглянул на него.

— Вас? — Я стволом пистолета обвел зону обстрела, видимую с автострады. — Это были «Арийские Воины», и они, я думаю, искали любую мишень. Увидели снаружи Бака и решили его шлепнуть. К счастью, я заметил луч лазера. Двигайся Бак чуть быстрее, он мог бы добраться до укрытия.

Костапан вытер руки о штаны.

— Может статься, так и было, как ты говоришь.

— Может. А теперь скажите мне, зачем кому-то желать вашей смерти? — Я сунул «крайт» в наплечную кобуру. — Вы же сказали, что не знаете, где Неро Лоринг.

Плечи старика опустились, и внезапно он показался старше своего возраста.

— Нэтч, поди принеси мою книжку. У меня там открытка, на которой то место, куда мы ездили рыбачить.

Она не подписана, и ничего на ней нет, но я знаю, что она от Неро. Он жив и здоров.

— Вы думаете, он там?

Костапан покачал головой.

— Об этом месте все знают. Если Нерис хотела его убить, она бы его там нашла. Нет, он не там. — Фил взял книгу у Нэтч и вытащил открытку. — Но здесь почтовый штамп «Седона». Там живет много отставников. Хорошенькое местечко. Самое большое, что я могу вам сказать, так это, что он может быть там.

— Спасибо. — Я спустился с холмика. — Мне кажется, вам стоит поехать с нами и побеседовать с Хэлом Гарретом насчет другого жилья. «Плэттермены» вам не защита.

— Что? — Костапан показал на пешеходный мостик. — Стоит мне выйти из Бокстона, как меня сразу прикончат.

— Если вы останетесь здесь, прикончат наверняка. Спросите себя сами — если вам хотели сохранить жизнь, то почему поселили там, где вас можно застрелить прямо с автострады? Вас держали про запас, но в доступном месте. — Я взглянул на труп Бака. — Вероятно, они выжидали, пока Нерис Лоринг до того разволнуется, что назначит за вас приличную цену.

— Вот как? — Костапан скрестил руки на окровавленной груди. — Так вы думаете, что это был случайный выстрел, или что он предназначался мне?

— Как я уже сказал, по всей вероятности, случайный.

— Да-а, и вы, по всей вероятности, окликнули Бака, чтобы спасти именно его.

Бат понял, я видел это по его глазам. Нэтч понимать не хотела, а старик, так или иначе, знал всю правду.

— Мистер Костапан, живой вы мне нужнее, чем мертвый. Вы знаете или можете вспомнить что-то, что может оказаться полезным. Если отбросить все остальные причины, мне тоже хотелось бы сохранить вас про запас.

Старик взглянул на меня и поскреб в затылке.

— Похоже, это наиболее близко к честному разговору, чем все, что я слышал за последнее время. Я чертовски устал просиживать задницу, пока кто-то охотится

на меня. Драться я уже стар, но если вам нужна гончая, чтобы найти лису, то я присоединяюсь к охоте.

Мы покинули Бокстон тем же путем, что и пришли, и отыскиали небольшой круглосуточный магазинчик, откуда Нэтч позвонила Джитт. Сделав довольно полный доклад, она повесила трубку и сказала, что Рок уже выехал и скоро нас подберет. Я купил на всех содовой, а Костапан взял пайку сигарет.

У него так тряслись руки, что Бату пришлось помочь ему зажечь дешевый «гвоздик». Старик поднял глаза и заметил, что я смотрю на него.

— Вредная привычка, знаю. Я бросил десять лет назад.

Я пожал плечами и принялся оглядывать улицу.

— Нервы. Никотин успокоит вас и немного взбодрит. Он же потом убьет вас. Вы когда-нибудь слышали слово «скрипичник»?

Костапан глубоко задумался, а потом покачал головой:

— Я так понимаю, что вы имеете в виду не паука.

— Нет. Что-то связанное с «Лорикой».

— Ничего не могу припомнить.

— Вы знаете, над чем работал Лоринг, когда его выставили?

Плечи старика поднялись и опустились, вишневый огонек сигареты засветился ярче.

— Как раз был закончен последний участок маглева, и, думаю, он приступил к приемочным испытаниям. Он всегда делал такие отчеты по своим проектам задним числом. Говорил, что это помогает понять, где ты поступил правильно, а где — нет.

Едва ли это могло послужить причиной для отставки, но все же такое было возможно. Неро мог обнаружить крупный обман и финансовые махинации, раздувшие стоимость проекта. Его дочь намеревалась свить собственное гнездышко, и если Неро собирался донести на нее, она попробовала бы его остановить. Не исключено, что она отправила его в отставку, прежде чем убить, именно для того, чтобы скрыть мотив.

— Нэтч, если бы Нерис убила отца, какое агентство вело бы расследование?

— «Скорпионы». Они контролируют легальный бизнес в восточном районе.

— Купить их можно?

— Ты имеешь в виду, стали бы они прятать доказательства, связывающие ее с убийством? Наверное, нет. Во главе «Скорпионов» стоит настоящий ковбой, он воспитывает своих людей в духе аризонских рейнджеров. Они почти неподкупны, но даже у тюрьмы есть второй выход. Здесь лучшее правосудие, какое только можно купить за деньги.

— Что-то не сходится.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, что важного мог знать Неро Лоринг — настолько важного, чтобы его потребовалось убивать. Скандаль с раздутием цен можно было потушить одеялом взяток. Когда речь идет об отце и дочери, скорее всего нужно искать личную причину для ненависти, и я подозревал, что за всем этим кроется нечто большее.

Рок подкатил к магазину в «мерседесе 720 SLX» и остановился, не выключая двигателя. Мы забрались в машину. Костапан сел на заднем сиденье между Батом и Нэтч, а я свалился на пассажирское место рядом с Роком. Едва я захлопнул дверцу, Рок тронул машину.

— Не могли найти местечко получше? — поморщился он.

— Я рад, что кавалерия явилась на наш вызов.

— Да уж. — Он взглянул в зеркальце заднего вида. — Нэтч, выброси, ради всего святого, сигарету в окно? Извини, приятель, здесь курить не разрешается.

Бат взял у Костапана недокуренную сигарету и сунул себе в рот. Рок скривился, но промолчал, зная, что Бата лучше не трогать, и повернулся ко мне.

— А где Марит? Я слышал, вчерашний прием не удался, и вам пришлось рано уйти. У вас с ней, наверное, ничего не вышло.

Я покачал головой:

— Вышло. Сегодня мы заспались допоздна.

Рок ударил по кнопке сигнала и круто обогнул шахрахнувшийся в сторону «фиат». Бат улыбнулся, расселился даже Костапан. Я вынул «крайт» и установил прицел на дистанцию пятьдесят футов. Рок облаял еще

одного водителя, потом набрал код на клавиатуре кондиционера и снизил температуру до семидесяти двух по Фаренгейту. В довершение всего он запустил цифровую кассету с «Роллинг Стоунз» — «Живи в мире досуга».

С этой минуты никто из нас не произнес ни слова. Говорить на фоне музыки было бессмысленно, зато знакомая мелодия «Инвалидной коляски» немного успокоила нервы всем. Будь я в настроении, я бы попытался разговорить Рока насчет «Воинов Арийского Мирового Союза», но мне не хотелось делать это при Костапане. Если бы старик вообразил, что у нас есть что-то общее с теми, кто убил Бака, он бы нам ничего не сказал.

Рок высадил нас у резервной штаб-квартиры Койота, где я уже побывал, и умчался. Я оставил пистолет на столике в прихожей, и мы вошли в комнату для совещаний. Хэл Гаррет уже был на месте, а в соседней комнате я заметил силуэт Джитт и свет компьютерного терминала.

— Мистер Костапан, я — Хэл Гаррет. Рад, что вы в безопасности.

— Я тоже, мистер Гаррет. Очень приятно с вами познакомиться. Я ваш большой поклонник. — Костапан подтянул к себе кресло и сел; сели и остальные.

— Благодарю. — Хэл взглянул на меня. — Я слышал о том, что случилось. Каковы ваши выводы?

Я пожевал нижнюю губу.

— Итак, как мне представляется, перед нами стоят три различные проблемы. Первая — обнаружить, где находится Неро Лоринг. Его дочь по какой-то причине желает его смерти. Эту причину можно узнать несколькими путями, но проще всего услышать об этом от самого Лоринга. Он может не только рассказать нам, в чем состоит проблема, но, я подозреваю, у него уже есть разработанное решение, которым мы могли бы воспользоваться.

Гаррет кивнул.

— С тех пор как позвонила Нэтч, Джитт пытается найти хоть какую-то компьютерную информацию по Седоне, связанную с Лорингом. Но пока безрезультатно.

Костапан развел руками.

— Честно говоря, это все, что я могу сделать. Не представляю, где он может быть, если не там. Если он уехал

оттуда после того, как послал мне открытку, я ничем помочь не могу.

— О, я думаю, вы можете помочь нам во многом, мистер Костапан. — Я похлопал его по плечу. — Вы сорок лет работали на Лоринга. Вам, как никому другому, известны все входы и выходы в цитадели «Лорики». Если бы вы согласились поделиться своим опытом, мы могли бы начать разрабатывать план. Зная обстановку, нам будет гораздо легче решить загадку «Лорики» — если, конечно, она существует.

— Понимаю.

— Это была первая проблема, Тихо. Какова следующая? — спросил Хэл.

— Вторая проблема — Скрипичник. Нерис произнесла это слово, как произносят имя человека или название корпорации и таким заговорщицким тоном, словно оно связано с моим прошлым. Возможно, это имеет отношение к ее отцу — вернее, к тем трудностям, которые он ей доставляет. Как мне представляется, Скрипичник — это решающий элемент в загадке «Лорики». — Я откинулся на спинку кресла. — Ну а третья проблема — это ваши попытки не допустить столкновения «Кровопускателей» и ВАМС. Снайпер «Воинов» убил одного из «плэттерменов» в Бокстоне. Я стрелял в него и, может быть, даже попал, так что, возможно, они квиты.

Лицо Хэла помрачнело.

— Каковы, по-вашему, шансы на то, что «Лорика» платит «Арийцам», чтобы те устраивали неприятности?

— Низкие. Не вижу в этом выгоды для «Лорики». Бокстон примыкает к «Джинентех-Карбайд». «Кровопускатели» находятся близко к «Лорике». Расовая война никому из них не принесет ничего хорошего. — Я поднял раскрытые ладони. — Я по-прежнему уверен, что «Арийцев» кто-то финансирует, но этому «кому-то» хочется устроить неприятности всем компаниям в южной части долины.

— Согласен, и это отсекает кое-какие подозрения, хотя и не все. — Хэл сделал заметку на листке бумаги, сложил его и сунул в карман рубашки. — Есть у вас какой-нибудь план решения этих проблем?

— Разумеется. Давайте рассмотрим их в обратном порядке. Вам нужно удержать под контролем «Кровопускателей» и прочие шайки. Предложите им вместе со «Скорпионами» приглядывать за «Арийцами». Я знаю, что им этого не захочется, но если начнется война, многие будут убиты. Вы этого не хотите, но не хотят и они. — Я тяжело вздохнул. — Впрочем, если все же случится худшее, возможно, понадобится прямое вмешательство. Шайки все одинаковы, но «Арийцы», к сожалению, абсолютно не способны проявить благоразумие. Если их убрать, ситуацию вполне можно держать под контролем.

По лицу Хэла я заметил, что мысль об убийстве Генриха понравилась ему не больше, чем в прошлый раз.

— По этому пути мы пойдем, только если не будет иного выбора. Мне кажется, что пока я могу удержать крышку котла. У «Арийцев» не хватит людей, чтобы получить перевес, необходимый для победы в войне, так что какое-то время у нас в запасе имеется. А что нам делать со Скрипичником?

Я улыбнулся.

— У меня есть идея, которую я хотел бы обсудить с Алехандро. Поверьте мне, кое-что нам на этом обломится.

— Ладно. Я дам знать Алехандро, что вы зайдете поговорить к нему. А как насчет поисков Неро Лоринга?

— Если Джитт не добьется успеха, я думаю съездить в Седону.

Впервые я увидел страх в глазах Хэла и потрясение в глазах Бата. Обоих словно ударило током. Бат медленно скрестил руки на груди, а Хэл сцепил пальцы и поставил локти на стол.

— Возможно, вы пересмотрите это решение, Тихо.

— Я стараюсь не подставлять себя под пули, Хэл. В чем дело?

Он глубоко вздохнул, а Нэтч беспокойно заерзала в кресле.

— Седона совсем другая.

— Другая?

Гаррет серьезно кивнул:

— Лет двадцать — тридцать назад Седона была рассадником «мистиков». Люди ездили туда, чтобы заняться

медитацией в силовых узлах, которые они называли «воронками». Желающих становилось все больше, и постепенно там сформировались небольшие секты, следующие учению разных гуру. Сперва они вели себя мирно, но когда правительство и фермеры попытались ограничить им доступ на частные земли и в заповедники, секты перешли к прямой конфронтации.

Нэтч слабо усмехнулась.

— Представьте себе «Арийцев», которые судят о вас не по цвету вашей кожи, а по цвету ауры, Кейнмен.

— Вот именно. — Хэл устался в точку на столе, футах в двух от его рук. — Тамошняя пресса трубит о странных вещах, происходящих в Седоне, а на местных радиостанциях есть целые программы, посвященные «медиумическим явлениям». Семь лет назад там вспыхнула перестрелка, и погибли две съемочные группы, освещавшие ход событий.

Я замигал в изумлении:

— Не хотите ли вы мне сказать, что люди отправляются туда и не возвращаются? Там что, людоеды живут или еще что?

— Или еще что, — сказали сзади.

Я оглянулся и увидел в дверях Марит.

— Что ты имеешь в виду?

— Как говорил Хэл, там есть всякие секты. Если не будешь осторожен, тебе запросто могут промыть мозги. Приемы известны еще со времен Корейской войны. Но если ты будешь в компании здравомыслящего человека и не станешь слишком тесно с ними общаться, можно туда войти и выйти оттуда.

Я подмигнул Бату:

— Попытка не пытка. Бат пойдет со мной, не так ли?

Бат помотал головой:

— Разбить себе череп, это еще куда ни шло, но только не разум.

Марит подошла и встала у меня за спиной, положив руки мне на плечи.

— Пойду я. Я уже была там и до сих пор в своем уме.

Хэл вскинул голову:

— Да ты свихнулась!

— Нет, поэтому я и пойду. В гараже Центра у меня есть «рейндж-ровер II». Можно даже договориться о проводнике — я фотографировала там одного парня для «Аризона Хайуэйз». — Марит слегка сжала мне плечи. — Мы могли бы выехать утром и вернуться к следующему вечеру.

Из соседней комнаты вышла Джитт с сотовым телефоном в руке:

— Койот хочет поговорить с вами, Тихо.

Помня предыдущий разговор, я взял телефон с некоторым трепетом.

— Кейн слушает.

— Ах, мистер Кейн, как приятно слышать ваш голос. Могу только восхищаться вашим умением обращаться с пистолетом. Надеюсь, вы не пострадали.

— Нет, сэр, но один «плэттермен» схватил пулю. Мы привезли мистера Костапана, и он согласился помочь нам.

— Прекрасно, хотя с «плэттерменом» получилось нехорошо. Вы понимаете, что Неро Лоринг — это ключ к тайне вашей личности, не так ли?

— Да, сэр. — Я чувствовал, что Хэл не станет удерживать нас с Марит от поездки в Седону, но хотел укрепить свои позиции. — Кстати, Марит и я собираемся в Седону, чтобы исследовать единственную нить, ведущую к Лорингу.

— Седона? — механически измененный голос помедлил мгновение. — Это опасно, но я уверен, вы достаточно опытны, чтобы позаботиться о себе. Будьте осторожны и не путайте безрассудство с отвагой. Если почувствуете страх, выбирайтесь оттуда.

— Понятно, сэр.

— Превосходно. Доброй охоты. А теперь, если вам не трудно, дайте мне, пожалуйста, поговорить с Хэлом.

Я передал телефон Хэлу. Он слушал внимательно, два или три раза вставил «Да, сэр» и выключил телефон.

— Койот одобрил вашу поездку и велел обеспечить вам всю возможную помощь.

— Замечательно. — Я встал и взял Марит за руку. — Я встречаюсь с Алехандро прямо сейчас, а с утра мы отправимся. Будем звонить перед выездом, в полдень, в четыре и далее каждые четыре часа, пока не вернемся. Если в

течение двенадцати часов звонка не будет, высылайте кавалерию или вычеркивайте нас из списков.

Хэл кивнул.

— Не хотите ли увеличить свою огневую мощь?

Я подумал немного и покачал головой:

— Если, чтобы найти Неро Лоринга, придется стрелять, значит, проблема слишком велика и не зависит от размера пушки. Если нам хоть чуть-чуть повезет, я надеюсь обойтись вообще без единого выстрела.

15

В машине Марит мы вернулись в Центр и пробились в Меркадо сквозь толпы людей, возвращающихся с работы. Стены здания, в котором находилась галерея Алехандро, имитировали кладку из адабы в центре псевдомексиканской деревушки. Они были украшены рисунками по испанским и индейским мотивам, но краски были слишком яркие, древние таких просто не знали. В качестве имитации старины это смотрелось неплохо, но по сути было чуждо тому народу, чья культура подразумевалась.

С другой стороны, интерьер галереи мог быть позаимствован у любого центра изящных искусств. В полукруглом холле было достаточно солнечного света, и Алехандро снабдил его удобными креслами и небольшой стойкой с прохладительными напитками. Красочные плакаты на стенах рекламировали прошлые и будущие выставки, но подлинное искусство хранилось в верхней и центральной галереях.

В противоположность холлу галереи были длинными и узкими. Лестница поднималась крутым зигзагом — она начиналась в центральной галерее, уходила в сторону холла и только потом поворачивала в противоположную сторону, к верхней галерее. Возле подножия лестницы разместилась миловидная секретарша. Она сидела за массивным столом из красного дерева — довольно редкая вещь для нашего времени. Один уголок стола был обломан, и я

мог убедиться, что он цельнодеревянный, не фанерованный и не пластиковая подделка.

Секретарша улыбнулась Марит:

— Мисс Фиск, как приятно вновь встретить вас.

— Добрый день, Пац. Алехандро здесь?

Секретарша кивнула:

— У него сейчас клиент, но они должны скоро закончить. Если вы желаете подождать...

— Мы посмотрим картины.

— Я ему передам, что вы ждете.

Мы прошли в центральную галерею и медленно двинулись вдоль нее, любуясь картинами. Стены были выкрашены в нейтральный бежевый цвет, который в сочетании с угольно-серым ковром не отвлекал внимания от выставленных работ. Направленные светильники давали ровно столько света, сколько нужно, чтобы выявить цвета, но не забыть их и не создавать бликов.

— Алехандро известен тем, что достает новые и профессиональные работы для очень разборчивых клиентов. Большинство людей считает, что у него дар подмечать истинные произведения искусства и вкладывать в них деньги прежде, чем цена достигнет астрономической цифры. — Марит указала на сюрреалистическую картину, изображающую женщину-сильвана в алом плаще, стоящую на тропинке, ведущей к таинственному городу. На втором плане воин с мечом и маленькое нечеловеческое создание играли в какую-то игру раскрашенными палочками. — Вот еще одно полотно той художницы, что написала ту вещь, которую я пыталась купить прошлым вечером.

— Тернер, как ее там?

— Элизабет Тернер. Алехандро выследил ее по работам для рекламы и уже продал несколько ее картин.

Я внимательнее взглянул на полотно. У художницы была хорошая техника, и она умела придать фантазии убедительность.

— Может ли он устроить заказ на картину?

— Могу, разумеется. — Алехандро расцеловал Марит в обе щеки, а мне пожал руку. — Вы хотите картину? Вероятно, портрет?

— Не совсем. Где мы можем переговорить?

— В моем кабинете. — Он направился к холлу. — Марит, вы с нами?

Она покачала головой:

— Нет, как ни жаль, я оставляю тебя здесь, Тихо, и займусь подготовкой на завтра. Это сэкономит нам время.

Я быстро поцеловал ее.

— Встречаемся у тебя через час?

Она опять покачала головой:

— И снова — нет. Встретимся в «Дэнни Плэйс» около восьми. Пообедай заранее. — Она озорно улыбнулась, но больше ничего не сказала и вышла из галереи. Я, в свою очередь, последовал за Алехандро на верхнюю галерею к двери в дальнем ее конце. Открыв кабинет, Алехандро жестом пригласил меня внутрь.

Здесь было так же просторно и чисто, как в галерее. Алехандро работал стоя, за старинной конторкой, где не держал ничего, кроме черного телефона, блокнота и письменного прибора. Справа от двери был устроен уголок для переговоров: три удобных кожаных кресла и круглый кофейный столик. Он пригласил меня сесть, но меня задержали картины на стенах. За конторкой я увидел полотно явно кисти Пикассо, только я не мог его узнать. На левой стене висел Моне вместе с Сезанном и Поллоком. Позади, у самой двери, я увидел портрет работы Вьет Хельга, а напротив него — вариант «Подсолнухов» Ван Гога. Присмотревшись, я понял, что, хотя ни в одном каталоге нет этой картины, она столь же прекрасна и очаровательна, как и любая из тех, что я видел прежде.

Алехандро закрыл дверь.

— Вам нравится Ван Гог?

Я кивнул:

— Действительно нравится, но это, конечно, не подлинник. Иначе вы приняли бы куда более серьезные меры предосторожности. С другой стороны, это не копия известной картины, поэтому ее нельзя считать подделкой. Если бы вы решили продать ее в качестве недавно «найденного» полотна, то выручили бы немало. — Я взглянул на него. — Это вы написали?

Он покачал головой:

— Мой жребий в жизни — находить таланты, а не обладать им. Ее написал компаньон, умерший несколько лет назад. Те, другие полотна, написаны другими.

Я усмехнулся:

— Представляю, как соблазнительно было предложить богатому клиенту полотно, которое никто не осмелится отдать на экспертизу, особенно после, скажем, ограбления музея изящных искусств, получившего определенную огласку.

— Да, это было соблазнительно. — Алехандро скрестил руки на груди. — По сути, именно так я впервые стал работать на Койота.

— Как это?

— По каким-то причинам, известным только ему, Койот решил освободить кого-то от бремени частного собрания картин. Среди других полотен там был Дали сомнительного происхождения. — Алехандро сел и, закинув ногу на ногу, обнял колено руками. — Я слышал о краже, а потом мне позвонили. «Я Койот, — сказал мне звонивший. — Ваши люди проделали замечательную работу, и вашим клиентам, несомненно, интересно было бы узнать, насколько она замечательна».

Я присел на краешек кресла напротив него.

— Он вас шантажировал?

Алехандро прикрыл глаза.

— Это был не шантаж в прямом смысле слова, скорее предложение защиты. Он сказал, что я могу получить картины обратно, в обмен на информацию, которая есть у меня и может оказаться ценной для него. Он предположил, что, если бы мы работали вместе, это было бы выгодно для нас обоих.

— Мне не совсем ясно. Что он имел в виду, когда сказал, что вы можете получить картины обратно?

Алехандро улыбнулся, словно кот, слизавший сливки.

— Поразительно, сколько людей боятся повесить картину в комнату, проверенную экспертами по безопасности. Похоже, они считают, что в этой службе любой может стать вором. Пассивного «жучка» и так нелегко обнаружить, а найти «жучка», которого нет, совершенно невозможно.

— Понятно. — На месте Алехандро я тоже был бы удивлен и напуган, получив звонок от Койота, который раскусил меня и предлагает. Интересно было отметить, что Хэла Койот предупредил, а в случае с Алехандро

использовал мягкое принуждение. Я догадывался, что, обрабатывая Рока, ему пришлось прибегнуть к более сильным средствам.

— Так что вы хотели бы, Тихо?

— Мне нужен Феникс, на котором гигантский паук-скрипичник раскинул бы паутину по вершинам цитаделей и Центра. Пусть он цепляется за башню «Лорики Индастриз» или сидит на ней.

— Интересно. А в каком стиле?

Я задумался.

— Пожалуй, как можно ближе к фотореализму. Разумеется, это сюрреалистическая фантазия, только нельзя, чтобы она открывала слишком широкий простор для интерпретации. Оригинал должен появиться на выставке, но не подлежать продаже. Зато неплохо было бы отметить в каталоге, что можно заказать литографии.

Александр наклонил голову.

— Приманка. Вы хотите, чтобы я проследил за теми, кто будет о нем спрашивать, так?

— Прямо в точку. — Я встал. — Когда картина будет готова, я заплачу пять тысяч долларов. Кого вы можете предложить?

— Полагаю, вы хотите получить ее как можно скорее. — Я кивнул, и Александр мне улыбнулся. — Эстефан Рамирес работает в нужном стиле и быстро. Эти деньги ему пригодятся.

Я припомнил пятна краски на брюках Рамиреса.

— Хорошо. Я верну долг за то, что он для меня сделал. Как скоро?

— Возможно, всего два дня, считая от сегодняшнего. Он очень быстро работает.

— Замечательно.

Александр встал и протянул мне руку:

— Очень приятно было иметь с вами дело, сэр.

— Мне тоже, сэр.

— Есть какие-нибудь мысли насчет названия?

Я кивнул:

— Пусть паук готовится проглотить «Лорику», и мы назовем картину «Пожирающий сообщницу». Если даже эта вещь ничего не вытряхнет, тогда я уже не знаю, что нам может помочь.

Покинув галерею Хигуэры, я решил поесть, прежде чем уйти из Меркадо. В двух псевдомексиканских харчевнях публика мне показалась вульгарной, так что я остановил выбор на китайском ресторане под названием «Сесаме инн». Не знаю, почему они держали филиал в Меркадо, но здесь я обрел знакомое и безмятежное святилище посреди пластиковых ацтекских ягуаров и грингоизированного Мехико.

Я заказал сингтао, поражаясь тому, как Китай умудряется экспортировать продукты, не будучи способным накормить свое собственное население, и устроился в отдельной кабинке. Присматриваясь к тонкой резьбе по дереву и рисункам на рисовой бумаге, я испытал смутное чувство, что когда-то был здесь или в похожем месте, но амнезия свела на нет все мои попытки связать прошлое с настоящим.

Запустив решение проблемы со Скрипичником, я чувствовал удовлетворение. Учитывая, что круг клиентов Алехандро включал в себя богатейших людей Феникса, слухи о картине должны были распространиться быстро. Выследив того, кто проявит интерес к картине, и спросив его, мы бы, возможно, сумели понять, кто такой или что такое Скрипичник. Я был уверен, что на приманку клюнут, а уж Койот любого сумеет склонить к сотрудничеству — у него по этой части большой опыт.

Перечисляя Хэлу стоящие перед нами проблемы, я умолчал об одной — я не сказал о предателе. Хэлу я мог бы довериться, но присутствие остальных заставило меня придержать язык. Каждый из них мог оказаться «тем самым», и пока считалось, что я ничего не знаю, у меня было определенное преимущество.

Почему тем не менее я доверял Гаррету? Койот сказал, что предатель сделает все, чтобы меня убить. Хотя у всех помощников Койота хватило бы духу нажать на спусковой крючок, в отношении Хэла это было не так. Вся его деятельность, начиная от создания фонда и возни с подростками и кончая отказом от моего предложе-

ния пристрелить Генриха, говорила о том, что этот человек искренне ненавидит насилие.

Моим первым кандидатом на роль предателя по-прежнему оставался Рок Пелл. Я видел, что это бесчувственный и пустой человек, которому наплевать на все, кроме собственной выгоды. Нетрудно было представить, как он продается тому, кто больше заплатит. И все же, поскольку Койот не указал мне на него прямо, я понимал, что должен быть и другой кандидат — возможно, и не один.

Бат, несомненно, был более всех склонен к насилию, и я не должен был вычеркивать его из списка только потому, что мне приятно его уважение. Марит тоже была подходящей кандидатурой — хотя она-то уже десять раз могла прикончить меня без всякого риска. Алехандро ежедневно встречался с такими людьми, которые позвали в Феникс, а значит, его вполне могли нанять, чтобы избавиться от связанных со мной сложностей. Нэтч я с трудом мог представить в роли предателя, но дитя улицы знает, что порой ради того, чтобы выжить, приходится делать неприятные вещи. Например, перерезать мне глотку. А уж если она была заодно с Батом, справиться с этой парочкой было бы нелегко.

Джитт представляла для меня и наибольшую, и наименьшую угрозу. Являясь связной, она располагала большей информацией, чем любой другой. В принципе именно она могла дать мне ключ к тому, кто может оказаться предателем, — но добиться этого от нее было непросто, а если предателем была сама Джитт, она преспокойно бы навела меня на ложный след.

С другой стороны, Койот оказывал ей доверие, поддерживая связь со мной через нее. Эта кукла, сроднившаяся с компьютерами, вполне могла следить за нашими переговорами. Если Койот подозревал бы ее, он связывался бы со мной так или иначе, или вообще перевел бы в другую ячейку.

Тем не менее я пока еще был не готов посвятить Джитт в свои планы. Хотя ее искусство могло бы мне здорово помочь, я не был уверен, что она сохранит все в секрете, особенно от Марит. Но если «крот» — это именно Марит?

Приходилось действовать одному. Койот знал, что так получится и, думаю, хотел этого. У меня было странное чувство, что ему нужно не только, чтобы я нашел предателя, но и что-то еще. Однако не в силах догадаться, что именно, я мог только продолжать расследование и надеяться прожить достаточно долго, чтобы это узнать.

Подошел официант, и я заказал горячий кислый суп с пряностями и мясо в мандариновом соусе. Я отпил глоток пива, наслаждаясь его острой горечью. Мне пришло в голову, что единственный способ раскрыть предателя — это начать выдавать ограниченную информацию. Противник стал бы действовать, основываясь на ней, и я легко бы вычислил, кто переметнулся на другую сторону.

Заказ принесли быстро, и я заставил себя есть не торопясь. Суп был настолько острым, что у меня защипало в носу, и укуса было не слишком много. Покончив с ним, я перешел к мясу. Это было еще одно жгучее блюдо, но его острота скрадывалась сладким, даже чуть приторным соусом. Оно понравилось мне настолько, что я подумал: если я когда-нибудь пробовал его, то непременно бы вспомнил это и разорвал тиски своего беспомощства. Я методично прокладывал себе путь среди кусочков сухого красного перца и встал из-за стола гораздо более сытым, чем входило в мои намерения.

Веселее, сказал я себе. Если Седона такова, как думает Хэл, это может быть оказаться твоим последним хорошим обедом.

Я заплатил по счету и побрел обратно в Меркадо. Блуждая по извилистым улочкам, вымощенным булыжником, я наткнулся на интерактивный адресный справочник Центра. Потыкав пальцами в сенсорный экран, я выяснил, где находится «Дэнни Плэйс». Чтобы добраться туда, надо было подняться на один уровень выше и наполовину пересечь Центр. До восьми времени было много, и я решил пройтись, вместо того чтобы ехать поездом.

Во время этой прогулки я впервые смог по-настоящему увидеть тот мир, в котором жили люди вроде Нерис или Марит. Беломраморные галереи сверкали на солнце, на бронзовой отделке зданий не было и следа

грязи. Окна сияли чистотой, в фонтанах журчала прохладная, кристально чистая вода. Пышная зелень ласкала глаз, и Центр скорее напоминал джунгли, нежели оазис в пустыне.

Неожиданно взгляд мой упал на трех парней-латиноамериканцев, грузивших бочку с кактусом, поддон и все прочее на прицеп маленького электромобильчика. Все они были в накрахмаленной и отглаженной униформе и выглядели шикарно. Правда, пот пятнами проступал у них на спинах, но это было неудивительно, если учесть, с каким усердием они трудились. Дружно взявшись, парни взгромодили растение на прицеп, и один из них сразу же взял метелку, чтобы убрать землю, упавшую с поддона.

Прохожие шли мимо, словно их не существовало. Зато у каждого из парней не сходила с лица широкая словно приклеенная улыбка. Пот заливал им глаза, но они продолжали идиотически-радостно улыбаться. На мгновение я подумал, не находятся ли они под действием наркотика, но быстрый умный взгляд их темных глаз опроверг это предположение.

Эти латиноамериканцы носили улыбки, как маски на Рождество. Иначе было нельзя. Они работали в Центре, и для них это было вершиной счастья. Рожденные в темных трущобах Затмения, они каким-то образом пробивались к свету и были полны решимости сделать все, чтобы не скатиться обратно. При этом они думали не о себе, а о своих детях и внуках. Великое дело — зацепка в Центре!

Я стал криглядываться к другим людям-невидимкам — они работали по всему Центру. Женщины в униформе мыли окна. Юноши с метелками и совками патрулировали торговую площадь, подхватывая каждый окурок, брошенный местными жителями. Они кланялись и отступали в сторону, улыбаясь во весь рот в ответ на нелюбезные замечания, и лезли из кожи, чтобы продемонстрировать небожителям свою учтивость, на которую те не обращали никакого внимания.

Социал-дарвинисты заметили бы, что наиболее приспособленные к выживанию в данном обществе по праву получают то, чего другие добиваются на протяжении поко-

лений. Еще они сказали бы, что эти трудолюбивые члены низших классов заполняют нишу, оставшуюся незанятой высшим обществом и со временем сами медленно, но верно перейдут на вершину социальной лестницы.

Я понимал, что теоретически это верно. У Алехандро Хигуэры была собственная картинная галерея, но я подозревал, что его отец или дед пришли в Феникс из самых низов. Эстефан Рамирес мог использовать свой талант, чтобы претендовать на звание состоятельного человека, но пропасть между ним и Нерис Лоринг не заполнишь никакими деньгами. Расовые, социальные и экономические преграды помешали бы ему и подорвали бы в нем веру в себя. Даже если бы Эстефан все же пробился, он стал бы игрушкой, а не человеком, к которому относятся как к равному. Забавой.

Это слово звучало в моей голове, пока я поднимался на эскалаторе к «Дэнни Плэйс». «Забавой» называло меня существо из сновидения. Не было ли у меня хозяина, покровителя, который содержал меня так же, как некоторые богачи, разбирающиеся в искусстве, могли бы содержать Эстефана? Мог ли он зваться Скрипичником? Кстати, это объяснило бы появление во сне паукообразной твари.

Самым печальным из увиденного в Центре было вот что: таким, как Эстефан, потребуются целые поколения, чтобы достичь того, что люди, подобные Марит, имеют уже сейчас. К тому времени, конечно, богатые станут еще богаче. Между новыми и старыми всегда останется барьер, который будет лишь раздражать и разочаровывать новых. Огромная энергия будет растрачиваться впустую на ненависть к тем, кто не заслуживает даже презрения.

И, несомненно, это пороховая бочка. Генрих и его ребята — отличный тому пример. Разгневанные потерей того, что они считали заслуженным «по праву», сдающие позиции белые набрасывались на меньшинства, берущие верх. У них были не только беспочвенные представления о своем расовом превосходстве — даже их взывания к Америке заведомо были бессмысленными. Первыми американцами были американские индейцы, а испанцы, особенно на юго-западе, пришли сюда куда

раньше англосаксов. Используя порочные доказательства и сфабрикованную науку, предназначенную для того, чтобы сеять страх и ненависть, «Арийцы» пытались уничтожить тех, с кем не могли конкурировать.

Логика говорила, что поскольку все люди равны от рождения, то со всеми следует обращаться одинаково. Но этот мир игнорировал логику, разделяя людей и ограничивая их развитие. Дотации и благотворительные программы позволяли людям не голодать, но и не побуждали их искать лучшего жребия. Система, хотя и способная смягчать жестокость жизни, обрекала людей на сумеречное существование, которое не убивало, но и не давало никакой надежды, ничего, что я мог бы называть жизнью.

Работа в Центре позволяла жителям Затмения увидеть, что могло бы принадлежать им, и она же показывала, как трудно будет добиться этого. Результатом была восходящая спираль нищеты и горечи со стороны «номадов» и счастливого неведения о растущем недовольстве со стороны богачей.

Когда все это развалится, зрелище будет не из приятных.

Я сошел с эскалатора и взглянул на «Дэнни Плэйс». Сквозь огромные окна был виден выцветший интерьер, с первого взгляда сказавший мне, что это неоретробар в стиле шестидесятых. С угасающим чувством душевного трепета я переступил порог, подождал, пока глаза привыкнут к режущему сверканию флуоресцентных плакатов на стенах. В углу широкоэкранный проекционный телевизор показывал сцену из старой комедии о четырех молодых музыкантах, и битловское «Я хочу взять тебя за руку» грохотало из динамиков под потолком.

Увидев Марит, машущую мне рукой, я принялся прокладывать дорогу к ней через бар. По пути я заметил две вещи, которые показались мне крайне странными. Все официантки были высокими и стройными и носили длинные парики с прямыми каштановыми волосами. На каждой была рубашка со свободными рукавами, полиэстеровый жилет и расклешенные брюки персикового цвета. Все они носили значки с надписью «Привет, у нас День куропатки».

Еще необычнее выглядели бармены. По-моему, все они были мужчинами, хотя поручиться я мог только за двоих, потому что у них были бороды. Все были одеты одинаково: облегающие шорты, сапоги до колен на двухдюймовых каблуках, цветастые блузы и длинные светлые парики. У каждого под расстегнутой рубашкой виднелась не только волосатая грудь, но еще и туго набитый лифчик. Я представил себе, как кто-то, основательно нализавшись, всерьез принимает бармена за женщину и пробует подцепить «ее». Ну и сюрприз его ждет.

— Ретро-шестьдесят с барменами-трансвеститами. — Я поцеловал Марит. — Интересные местечки ты знаешь.

Марит, одетая в джинсовое платье, которое, вероятно, считалось новинкой в те дни, когда люди полагали, что Спиро Агню это коровья болезнь, ответила на поцелуй достаточно горячо, чтобы произвести впечатление на двух наших соседей по столу.

— На самом деле бармены — не любители переодеваний, но Дэнни, владелец заведения, требует от них этого. Зато у них хорошие чаевые.

— От такой карьеры воняет. — Я протянул руку мужчине, сидящему напротив меня. — Тихо Кейн.

— Уотсон Додд, «Билдмор оперэйшнз».

Худой до такой степени, что казался голодающим, Додд носил джинсовую жилетку, подчеркивающую узкие плечи и тонкую, как карандаш, шею. Его очки под Джона Леннона хотя и соответствовали обстановке, но постоянно сползали с ястребиного носа. Кадык у него дергался, как поплавок, а рубаха из мешковины свисала, как кожа линяющей змеи.

Мою руку он пожал с таким видом, будто я переболел чумой и все еще заразен, а потом показал на женщину рядом с собой.

— Дотти, моя маленькая родильная фабрика.

Дотти пожала мне руку крепче, чем ее муж. Свободное платье-колокол «левис» не скрывало ее беременности. Лицо казалось припухшим, и судя по ее объему и внешним признакам, до пополнения высшего класса оставался примерно месяц.

— Рада с вами познакомиться, — произнесла она, имея в виду именно то, что сказала и улыбнулась. — Марит

говорит, вы завтра собираетесь в Седону. Мы с Уотсоном встретились там.

— Я слышал, Седона довольно красива.

— Духовно обогащает, — вмешался Уотсон. Он поправил очки и напустил на себя вид мудреца. — Мы учились у Вождя Пробитананда Белое Перо, когда он был на связи с Кеш-Нуром, двадцать третьим императором Лемурии. Мы ходили по огню в Церкви Огненного Просвещения, и если бы я не предпочел новую работу, научились бы ходить и по воде.

Я постарался скрыть улыбку.

— Ходить по воде? Вот это фокус!

Уотсон остался серьезным.

— Никаких фокусов, Ти, по-настоящему. Научившись хождению по огню, мы могли преодолеть любые препятствия. Мы могли использовать силу разума, чтобы оградить себя, и не обжигались, проходя по горящим багровым углям. Босыми ногами, обратите внимание, и по углям, на которых то здесь, то там появлялись язычки пламени.

— По-моему, Уот, я видел по телевизору программу «Скептиков Феникса», и там говорилось, что все это чепуха...

Его ноздри расширились, удержав очки от самоубийственного прыжка на стол.

— Идиоты! Высмеивают то, чего не понимают. Есть вещи, перед которыми наука бессильна. Разум — вот ключ к освобождению всех возможностей. Еще год учебы, и мы смогли бы пешком перейти океан.

— Какое полезное умение в нашей пустыне, — лукаво подхватила Марит.

— Я хотела поучиться летать, но Уотсон боится высоты. — Дотти улыбнулась мужу. Он сердито оглянулся на нее, но она погладила левой рукой свой живот, и огни бара блеснули на ее обручальном кольце. Гнев немедленно покинул лицо Уотсона, и он снова стал самим собой.

Появилась официантка и приняла у нас заказ на напитки. Марит выбрала риппл с ломтиком лимона, а Дотти попросила дайкири. Уотсон, несомненно, чтобы поддержать репутацию настоящего мужчины, заказал

неразбавленный бурбон, добавив «двойной со льдом», и официантка посмотрела на меня.

— Я бы тоже взял дайкири. — Я подмигнул Дотти и сжал под столом колено Марит.

Уотсон обладал органической неспособностью скрыть вид самодовольного превосходства.

Началась новая песня, и Марит дернула меня за рукав.

— Пойдем, Кейн, потанцуй со мной.

Я удивленно поднял брови, а она нагнулась и прошептала мне на ухо:

— Говорят, танцевать — это все равно что заниматься сексом стоя. Хочешь проверить?

Я кивнул, и мы присоединились к многочисленной толпе, запрудившей танцевальную площадку. Нас теснили и толкали, пока мы не добрались до относительно спокойного места около середины. Музыка представляла собой голый ритм, и под нее легко было танцевать. К собственному удивлению, я без особого труда постиг движения этого танца — возможно, они были известны мне в прошлой жизни.

Марит, хотя и была одета по моде шестидесятых и танцевала под музыку шестидесятых, ничуть не выглядела старомодной. Она целиком отдалась музыке и быстро проделала ряд чувственных плавных па. Волосы прятали и открывали ее лицо, словно вуаль, а она с бесовской усмешкой на губах не сводила с меня лазурных глаз. Здесь, посреди зала, она танцевала лишь для меня, и будь у меня на уме что-то хоть отдаленно напоминающее науку, я бы без тени сомнения счел теорию относительно связи танцев и секса доказанной.

Но в доказательстве теорий вся соль заключается в том, что эксперимент должен быть повторяемым. Когда первая мелодия плавно перешла в «Этим утром я пробудился с любовью», Марит, танцуя, прижалась ко мне, поцеловала, быстро провела руками по моей груди сверху вниз и отпрянула. Позади нее, едва осознавая это, я заметил Уотсона и Дотти, проталкивающих к нам сквозь толпу. Я оглянулся на наш столик и увидел официантку, расставляющую бокалы. И еще я увидел, что кто-то стоит рядом с ней, кто-то, кого я должен был знать.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить это мучнисто-белое лицо, и тогда я понял, почему не узнал его сразу. Если не считать синеватого звездобразного шрама на щеке, этот человек выглядел точно-точно как брат-близнец того Жнеца, которому я выстрелил в лицо первой ночью в Затмении. Он не замечал меня, и его руки, затянутые в перчатки, что-то делали над столиком, хотя я не мог разглядеть, что именно. Зато я обратил внимание, что его левая рука короче правой.

Не раздумывая, я начал пробиваться к нему сквозь толпу. Он поднял глаза, увидел меня, повернулся и невозмутимо пошел к выходу. Потом бросил на меня взгляд через плечо и, увидев, что я почти добрался до края танцплощадки, рванулся и побежал к двери.

Понимая, что мне его не догнать, я стремглав бросился к нашему столику и опустился на колено. На полу я нашел половинку желатиновой капсулы с остатками белого порошка и сунул ее в карман. Выпрямившись, я заметил тонкую полосу пыли на столике, дугой соединяющую мой бокал с бокалом Дотти.

Подошла Марит. Я пошатнулся, наткнулся животом на столик, оперся на него, чтобы удержаться, и опрокинул. Бокалы полетели на пол, а я сумел вызвать на своем лице такую краску смущения, словно и впрямь готов был сгореть со стыда.

Марит нагнулась и похлопала меня по спине.

— С тобой все в порядке?

Я медленно кивнул и поднял столик. Лори, наша официантка, озабоченно взглянула на меня. Я поднял руку.

— Прошу простить, это просто головокружение. Такое иногда бывает со мной после танцев. Низкий уровень сахара в крови. — Я вытянул из кармана полусотенную банкноту. — Вот, принесите нам то же самое, а сдачу оставьте себе за беспокойство.

Девушка ушла за тряпкой, а Марит задумчиво убрала прядь волос за ухо.

— Что-то не так?

Вот именно, я только что увидел, как некто, воскресший из мертвых, пытался нас отравить.

— Просто мне показалось, что я заметил старого приятеля.

— Ты его вспомнил?

— Да. — Я пожал плечами. — Я вспомнил, что он мертв, и у него есть веские причины желать, чтобы я отправился той же дорогой.

17

Когда я подробно объяснил, что случилось, Марит была потрясена больше меня. Она сумела скрыть замешательство, когда вернулись Уотсон и Дотти, но сразу же торопливо извинилась за нас обоих, и мы вышли. Мы молча прошли к лифтам и направились домой.

Когда двери лифта за нами закрылись, Марит обняла меня, и я почувствовал, что она дрожит.

— Успокойся, Марит, все не так уж и плохо. Во всяком случае, никто не пострадал.

Спрятав лицо за завесой черных волос, она всхлинула и вытерла слезу с правой щеки.

— Знаю, Тихо, но от мысли, что я могу тебя потерять... Я не думала, что это будет так больно. — Она подняла глаза и провела по моей щеке пальцем, мокрым от слез. — Ты у меня в крови, Тихо Кейн.

Я поцеловал ее руку.

— А ты у меня. — Лифт остановился, и открылась панель трансверсора. — Рано в кровать, рано вставать, в Седону — и убийцам нас не догнать.

Несмотря на угрожающие высказывания Хэла относительно Седоны и покушение, спал я хорошо. Я был готов к новому кошмару с чудовищами, но, к своему удивлению, вообще не видел снов. Проснулся я быстро, горя нетерпением отправиться в путешествие. Приняв душ и наскоро позавтракав, мы с Марит отправились вниз за ее «рейндж-ровером».

Марит надела бриджи цвета хаки, рубашку сафари такого же цвета и сапоги до колен. У ее левого плеча красовались четыре патрона к дробовику, а в руках она несла футляр, где лежал помповый «моссберг» с писто-

летной рукоятью и укороченным стволом. На бедре у нее болтался «кольт-питон магнум» и обойм к нему было достаточно, чтобы выиграть небольшую войну. Черные очки и черная кепочка-бейсболка завершали ее наряд.

Мне пришлось довольствоваться своими ботинками, джинсами и одной из тех рубашек, которыми снабдил меня Роджер. Под рубашку я, как всегда, надел бронежилет, а сверху — наплечную кобуру и ветровку, скрывающую пистолет. Я прихватил два полных запасных магазина и сунул в ружейный футляр Марит коробку патронов. Хотя я и не думал, что нам представится случай пострелять, но считал, что ради чувства безопасности можно смириться с разочарованием.

Ярко-красный «рейндж-ровер», с которого еще капала вода после мойки, был заправлен под завязку. В нем имелся холодильник, который Анна забила прохладительными напитками, сэндвичами и виноградом. Я пристроил ружейный футляр на заднем сиденье, а сам влез на штурманское место. Марит скользнула за руль, и мы отбыли в Седону.

Хотя мы выехали рано, я все равно предполагал встретить оживленный поток людей, торопящихся на работу, но когда я сказал об этом Марит, она только покачала головой.

— Не забывай, дорогой, что те, кто работает в Центре, обычно живут здесь или приезжают из Затмения на лифтах. Оживленное движение можно увидеть, как правило, только в августе, когда жители Феникса уезжают в Сан-Диего в связи с сезоном муссонов.

— Муссоны? В пустыне?

— Муссоны. Они обычно приходят неделей позже, в начале июля. Грозы с молниями, каких ты никогда не видел. — Она улыбнулась. — Забавно, но когда после бури раскрывают Застывшую Тень, люди все равно не могут увидеть звезды, потому что все небо затянуто тучами.

Разговаривая, Марит легко вела «рейндж-ровер» мимо легионов припаркованных автомобилей. Одни были в пыли, другие — даже в такую рань — уже натерты воском и отполированы. Если бы не разнообразие марок, можно было подумать, что мы едем по трюму гигантского корабля для перевозки машин.

«Рейндж-ровер» взлетел на пандус, ведущий на Десятую автостраду. Мы выехали на нее как раз за туннелем, проходящим под Центром, и почти сразу же попали на развязку с автострадой № 17. Когда мы свернули на север, я вытянул шею, пытаюсь разглядеть то кладбище в Бокстоне, где погиб Бак, но ничего не увидел.

Марит, пользуясь отсутствием встречных машин, включила дальний свет.

— Надо вовремя заметить спринтеров, чтобы увернуться. Бедные ублюдки.

— О чем это ты?

— Система заботится о народе. Если ты ни на что больше не годен, можешь продать свое право голоса корпораторам или политикам, и они о тебе позаботятся. Для многих это не так уж и плохо: кормежка три раза в день, пива достаточно, чтобы напиться до одурения, и наконец, телевизор. Чертовски много для парней, которые не смогли удержаться на работе.

Я нахмурился.

— Не думаю, что участь этих ребят так уж хороша.

— Верно, зато устанавливается нижний уровень, дальше которого упасть невозможно. И при этом никто не запрещает тебе заниматься чем угодно и где-то работать — только большинство тех, кто выбрал этот путь, просто сдаются. Они вроде как умирают и ждут лишь того, чтобы прибрали и тело.

— А спринтеры?

— Это бегуны по автострадам. Самоубийцы. Они разочаровываются в жизни и решают уйти из нее, но на них лежит ответственность за семью. Вот они и выбегают на автостраду, а если ты идешь под сотню миль в час, как мы сейчас, гибнут не только эти придурки, но и водитель.

Внезапно я понял, куда она клонит.

— То есть человек надеется, что его семья получит страховку от твоей страховой компании?

— О крупных выплатах в таких случаях болтают по всему городу, но это не более чем легенды. Страховые компании, используя купленное право голоса, провели закон, по которому всякий, кто занимается спринтерством, признается, по сути дела, виновным в покушении на убий-

ство. Закон не только освобождает страховые компании от любых выплат по отношению к спринтерам, но и возлагает на жертву и ее имущество ответственность за повреждение автомобиля. — Она покачала головой. — Я знаю семьи, целиком разорившиеся в результате этого, и не хочу, чтобы это случилось с кем-то еще из-за меня.

Мы выехали из Затмения вблизи умирающего городка Дель Вебб — когда-то здесь был процветающий интернат для отставников. Температура снаружи зашкаливала за сто десять по Фаренгейту, и в окно я видел пустыню, по большей части состоящую из растрескавшейся глины и низких колючих кустарников. Начался затяжной подъем на Моголлонскую гряду к Флагстаффу. Мы проезжали по местам с веселенькими названиями вроде Ручей Большого Жука или Кровавый Пруд, а почва вокруг смахивала на черепки разбитых горшков из красной глины.

Чем дальше я всматривался, тем больше убеждался, что эта местность совершенно чужда мне. Скалы, скалы и опять скалы — повсюду. Камни, чудом удерживающиеся на крутых холмах, с которых давно снесло всю землю. Кактусы каким-то образом укоренились в спекшейся почве, и я не сомневался, что в каждой трещине, в каждой тени скрываются скорпионы и гремучие змеи.

По мере того как мы поднимались из долины, ландшафт понемногу менялся. Пустыня превращалась в засушливую прерию, хотя и не становилась при этом гостеприимнее. Редкие деревья, которые попадались на глаза, были чахлыми и засохшими. Рыжая пшеница, судя по цвету, созрела для уборки, но не поднималась выше колена.

Я поискал взглядом коров или другой скот, но не заметил ни одного живого существа.

Не было даже сбитых зверьков на дороге.

Я поглядел на Марит, но ее убогость пейзажа, по моему, нисколько не трогала. На секунду меня это обеспокоило, но потом я вспомнил, что она смотрит на вещи иначе, чем я. Я взял с нее пример и попытался успокоиться.

— Марит, так как ты связалась с Койотом? Ты кое-что объяснила прошлым вечером, но не все.

Она взглянула на меня так, словно не слышала вопроса, но прежде чем я успел его повторить, с застывшим лицом ответила:

— Я надеялась, что до этого не дойдет, но ты имеешь право знать. В группу меня привел Рок.

Она искала на моем лице признаки осуждения, но не нашла.

— Я давно знала Рока и... Ну, я прибежала к нему в такое время, когда мне было очень несладко. Сначала мы просто дружили, а потом у Койота возникли кое-какие сложности, и Рок подумал, что я могу помочь. Он устроил нам встречу, вот и все.

Я сурово усмехнулся.

— Это ответ на многие мои вопросы. И давно ли вы с Роком расстались?

Марит смотрела прямо перед собой.

— Полтора года назад. Рок до сих пор ревнует, но наши миры пересекаются редко, так что он ничего не может поделать. — Марит слабо улыбнулась. — Надеюсь, ты не станешь терять рассудок? Разговор о прошлых любовниках не слишком приятен, но Рок частенько ведет себя как осел, и я чувствую себя лучше, если не принимаю это близко к сердцу. Ты-то, надеюсь, не сумасшедший?

— Ты не моя собственность. Я не знаю, что с тобой было неделю назад. Какое же я имею право сердиться на то, что произошло, когда меня вообще не было? — Я ободряюще похлопал ее по руке. — С другой стороны, если он начнет тебя беспокоить, а ты не захочешь разбираться сама, я к твоим услугам.

— А, галантность еще не умерла. — Она перекинула переключатель сигнала поворота и свернула на шоссе номер 179, ведущее в Седону. — Седона и страна красных скал — места необычные. Прошло два года с тех пор, как я была там последний раз, и тогда они были просто великолепны. Надеюсь, они не слишком изменились.

Я никогда не бывал здесь и не мог судить об изменениях, но согласился, что местность очень красива. Красные скалы вздымались со дна каньона, как горы, привезенные с Марса. Вдоль течения Оук Крик росли тополя

и зелень составляла чудесный контраст с кроваво-красным цветом самой земли. Если бы даже предполагаемые энергетические узлы не существовали, одна красота Седоны привлекла бы сюда немало туристов.

К сожалению, из-за этих узлов здесь было больше населения, нежели бы хотелось. Мы въехали в Седону и припарковались перед Гостевым центром. Это был бы обычный купол, если бы не швартовочная мачта для НЛО, торчащая из него как шпиль, и не приветствия рядом с дверью. Помимо надписей на французском, английском, немецком, японском, корейском, китайском и испанском языках, я заметил еще три ряда причудливых символов, большей частью составленных из геометрических фигур, — нет сомнения, это были слова «Добро пожаловать» на внеземных языках.

Немного поспорив, Марит все же согласилась оставить дробовик в «ровере». Мы вошли в здание и были немедленно атакованы клубами мескитовых благовоний. Приглушенная музыка, звучащая отовсюду, была раздражающе неуловимой, и, насколько я мог разобрать, то появлялась, то исчезала, без всякой закономерности. Настенные плакаты представляли собой мешанину из рекламных снимков конца шестидесятых и фотографий тех же ландшафтов с силуэтами НЛО, не то застигнутых в момент посадки, не то пририсованных позже с помощью аэрографа.

Человек за конторкой улыбнулся нам и на первый взгляд показался мне обыкновенным парнем, пока я не заметил подкладку из фольги на его бейсболке с надписью «Смотри, Седона, я это сделал».

— Приветствую вас. Не встречались ли мы в наших прошлых жизнях при дворе Елизаветы, королевы-девички?

Я улыбнулся ему в ответ:

— Не знаю, друг мой. Моему отцу идет седьмой десяток, и он скоро выйдет в отставку. Мы хотели бы поинтересоваться, не могли бы вы дать нам какие-нибудь сведения об интернатах для отставников в этих местах. Мы хотим забрать его из Феникса и привезти сюда.

— Город в Озере. — Человек поскреб свою кепочку, и я заметил у него на груди карточку с именем: «Рамзес».

— Это интернат для отставников?

— Нет, так мы называем Феникс. — Рамзес нагнулся и застучал по клавиатуре компьютера, потом бросил взгляд на старый телевизор; приспособленный вместо монитора, двинул его в бок и уставился на экран. — Есть ли у вашего отца членство какой-нибудь группы?

Я покачал головой:

— Членство?

— Масоны? Иллюминаты? Церковь Огненного Просвещения Вождя Пробитананда Белое Перо?

— Нет, боюсь, что нет.

Рамзес с шипением втянул в себя воздух и снова набросился на клавиатуру. Наконец он ударил по клавише ввода и взглянул на меня.

— Поиск займет некоторое время, но я бы не возлагал на него особых надежд.

— Почему же?

Он улыбнулся сочувственно — насколько мог.

— Большинство зданий в этих местах принадлежат различным фондам, церквям, ассоциациям, сетям и межзвездным союзам, которые пришли в Седону ради силы, сосредоточенной здесь. Вряд ли удастся подыскать что-то человеку без членства. — Компьютер запищал, и он с удивлением уставился на экран. — Во имя Богини!

Этот вопль вызвал во мне интерес.

— Да?

— Как странно... Должно быть, Мари ввела на прошлой неделе... — Рамзес широко улыбнулся. — Вам повезло, мистер... нет, не говорите, я медиум...

— Кейн, — сказал я.

— Лэйн, конечно. Ну, мистер Лэйн, Ранчо Скрипичника, возможно, именно то, что вам нужно.

— Извините, меня зовут Кейн. Как вы называли это место?

— Ранчо Скрипичника. Это интернат для высокопоставленных отставников. Его открыли месяца два назад, но в контакт с нами вошли только сейчас. Здесь написано — «Мы рады забавам». Проедете из города примерно четыре мили по Фон Фалькенберг-роуд, а там увидите.

Я кивнул:

— Спасибо, Рамзес, вы очень мне помогли.

— Вы наш желанный гость, сэр. Если вам и миссис Мак-Лайн захочется еще раз встретиться с нами, мы будем рады вас принять.

Мы с Марит поспешно ретировались к «роверу». Отпирая автоматические замки на дверцах, она покачала головой:

— Тебе не кажется, что все получилось подозрительно удачно?

— Если вон те облака будут продолжать двигаться с такой скоростью, то нет.

— Это Аризона, к твоему сведению. Если погода тебе не понравилась, подожди минутку, и она переменится.

На горизонте, быстро приближаясь, скользили по небу охваченные паникой стада грозowych облаков. Между ними вспыхивали желтые молнии, а ниже облаков висела стелющаяся по земле грязно-бурая завеса, поглощающая все детали.

— Что это?

— Пыльная буря. Кстати, может оказаться опасной.

Я вытащил солнечные очки «Серенгети вермилльонз» и надел их. Обычно цветные линзы отфильтровывают свет так, что позволяют неплохо различать детали в тумане или в пыли, но это был не тот случай. Куда бы ни упал мой взгляд, он словно упирался в стену.

— Поедем или переждем в городе? — Марит повернула ключ зажигания, и мотор заурчал.

— Как скажешь. Ты за рулем.

Она взглянула на карту и усмехнулась по-волчьи.

— Едем.

Я пристегнул привязные ремни. Мы двинулись по извилистой главной улице и на другом конце города увидели поворот на Фон Фалькенберг-роуд. То и дело сверяясь с картой, мы свернули с шоссе номер 197 на проселок, проходивший через небольшой каньон, и за облаком пыли от колес скрылся город и настигающая нас буря.

Мы миновали особенно крутой поворот, и вдруг тьма сгустилась над нами, словно мы снова оказались в Затмении. Ветер ревел как раненый бык, и песок шипел, стегая «рейндж-ровер». Гравий и камни забарабанили

по автомобилю, и пыльная буря обрушилась на нас с полной силой. Марит немедленно включила фары, и два световых конуса вонзились в бурю мглу, но почти сразу раздался резкий треск, и левая фара погасла.

Огромное перекасти-поле пронеслось сквозь единственный луч света и ударилось о ветровое стекло. Марит вскрикнула и крепче вцепилась в руль.

— Я ее потеряла! Дорогу! Она пропала!

На одну тошнотворную, мучительную секунду движение «ровера» вновь стало плавным, словно мы возвращались в Феникс по автостраде номер 17. Потом сила тяжести вновь притянула его к земле, и мы помчались наугад в темноту.

18

Очнуться в смятом и разбитом «рейндж-ровере», чувствуя, как пыльная буря хлещет тебя по глазам, — ощущение не из приятных. А еще неприятнее обнаружить, что острый запах, который привел тебя в чувство, — это запах бензина из пробитого бензобака. Повиснув на привязных ремнях, я помотал головой, чтобы прояснилось в мозгах, но в результате она только еще сильнее заболела.

Я поднял левую руку ко лбу, и мои пальцы стали красными от крови. Повернув зеркальце заднего вида, я увидел, что она сочится из здоровенной ссадины и стекает к правому виску. Из этого я сделал единственно верный вывод: машина лежит на боку.

— Хорошо, что жив остался. — Я ударил по кнопке разъединения ремней и грохнулся вниз, ударившись о приборную доску. Колени заныли, в голове застучало. Развернувшись, словно червяк, я вылез через проем, где раньше было ветровое стекло. Судя по состоянию машины, мы скатились на дно оврага, но, пока я не выбрался из «ровера», у меня был более оптимистичный взгляд на последствия аварии.

Панели кузова и детали машины рассыпались по склону повсюду, насколько позволяла завеса пыли. Чу-

дом сохранившаяся часть капота была смята, как лист папиросной бумаги. Задняя часть «ровера» провисла там, где лопнула рама. Кабина не смялась в лепешку только милостью божьей, потому что в крыше виднелось несколько глубоких вмятин и пара дыр с зазубренными краями.

Ветер ударил мне в спину, и внезапно я смутно вспомнил, что в машине со мной был кто-то еще.

— Марит! МАРИТ! — закричал я, борясь с ветром. Водительской дверцы не было! Я начал карабкаться вверх по склону холма, с которого мы скатились, выкрикивая ее имя и пытаюсь сквозь слезы и пыль разглядеть человеческий силуэт.

Только когда буря улеглась, я нашел Марит. Ее выбросило сразу после аварии, и каким-то чудом она почти не пострадала. Она лежала на левом боку, лицо ее было закрыто волосами. Опустившись рядом с ней на колени, я перевернул ее на спину и убрал их. Она дышала ровно и пульс был нормальный, но на левой руке у нее был серьезный перелом. Кость торчала сквозь кожу, и кровь кольцом стекала по руке. Ей, должно быть, было очень больно, но еще большее было бы, если бы я попытался вправить кость. Укрытие. Ей нужно укрытие, а потом я должен найти помощь.

Я сам был в шоковом состоянии, но все же у меня хватило здравого смысла сообразить, что я не смогу отнести ее в безопасное место. Во-первых, я просто не представляю, где его найти, а во-вторых, сейчас у меня просто не хватит сил. Возможно, я сумел бы пешком вернуться в Седону и попросить Рамзеса послать кого-нибудь за Марит, но принести ее с собой я был не в состоянии. Оставалось только надеяться, что, пока меня не будет, с ней ничего не случится. В конце концов пыльная буря кончилась...

И тут разразилась гроза.

Даже пострадав от амнезии, я знал, что никогда не видел такой грозы. Сначала появились черные тучи, которые казались еще плотнее и тяжелее, чем Застывшая Тень. Потом многозубые вилки молний рванули к земле, и ослепительный свет на мгновение озарил глубины облачно-

го покрывала. Словно взрывы гранат, загрохотал гром, и первые капли дождя ударили в меня, точно пули.

Они были крупные, полновесные, сильные — и такие теплые, что казались скорее кровью, а не водой. Ливень стремительно нарастал, словно хотел довершить то, что начала буря.

Молнии то и дело заливали ландшафт серебряным огнем, и в этих вспышках красные скалы выглядели и впрямь залитыми кровью. Дождь, похожий на кровь, бичевал меня, а я старался своим телом прикрыть Марит.

Миллионовольтные разряды безжалостно штурмовали землю, и раскаты грома сливались в моих ушах в один непрерывный рев. В свете молний казалось, что полотнища дождя останавливаются на лету, чтобы потом еще сильнее обрушиться на меня.

Грозовой фронт прошел почти так же быстро, как налетел, и ливень сменился моросящим дождем. Какое-то время я оставался в напряжении, ожидая возобновления атаки; я понимал, что стихия обманывает меня и, как только я попытаюсь встать, снова швырнет меня на колени. Мы осмелились бросить ей вызов, мы хотели бежать от нее, и она сбила нас, как охотничий сокол сбивает кролика на бегу.

Когда гром замер вдали, и в ушах у меня перестало звенеть, я встал и огляделся. Высокие скалы, стоявшие на страже вокруг каньона, сияли лиловым огнем. Я потянулся к ближайшей, но не ощутил тепла, а отдернув руку, обнаружил на каждом пальце конус лилового пламени. Оно поползло по руке вниз, к эластичной манжете ветровки, окружило запястье огненным ореолом, но единственное, что я чувствовал, было мягкое, игривое щеко-чущее пощипывание. Словно буря, избив меня, теперь хотела загладить свою вину.

За спиной у меня вспыхнуло золотое сияние, и на Марит упала моя длинная тень. Я повернулся и поднял руки, заслоняясь от яркого света. В шести футах плыл на высоте моей головы сияющий золотой шар, увенчанный медной короной. Он медленно облетел меня по кругу, словно наблюдая за мной и пытаясь решить, чем может быть это жалкое промокшее создание.

Откуда-то из глубины моего сознания всплыло название того, что я видел. Лиловое свечение на скалах и на моих пальцах было огнями святого Эльма, а золотая сфера — шаровой молнией. Рассудком я понимал, что атмосферные условия идеальны для образования и того и другого, то есть это естественные явления, но, только что пережив грозовой блицкриг, я почувствовал в сердце страх. Что бы ни представляли собой эти явления, какие бы объяснения ни давали им бесстрастные ученые, я знал, что они — не от природы.

Золотой шар закончил облет и вдруг подпрыгнул в воздух на высоту футов двадцать. Пока я на него смотрел, с ним начали происходить странные метаморфозы. Золотой свет превратился в зеленый, а сфера перетекла в яйцевидную форму. Потрескивая, она продолжала вытягиваться, превращаясь в голубоватый прут, и на середине этого превращения от него отделилось множество крохотных зеленых шариков, очень похожих на молодые горошины.

Я не успел помешать: шарики, которых было неисчислимое множество, устремились к земле и заключили Марит в светящийся зеленый кокон. Я протянул руку, чтобы смахнуть их, но голубой прут налетел на меня, шипя и искрясь. Я отпрянул и почувствовал запах горелого пластика: на рукаве ветровки расплывалась оплавленная дыра.

Прут пронесся мимо меня и пробил треснувший бензобак «ровера». Голубое сияние утонуло в кипящем шаре красно-золотого огня, который покатился по дну каньона. Горящий «ровер» наполовину вкатился на дальний склон, лениво вернулся обратно и улегся в огненной луже.

Взрывная волна с силой толкнула меня и бросила на Марит. Я успел выставить руки, чтобы не упасть на нее, и камень вонзился мне в левую ладонь. Отдернув руку, я увидел порез, но он не причинил мне боли — зато снова заныли ушибленные о приборный щиток колени.

Зеленый кокон пропал, и в колеблющемся свете горящего «ровера» я увидел, что Марит открыла глаза и повернула голову ко мне.

— Только спокойнее, Марит. Мы попали в аварию. Тебя ранило. Я приведу помощь.

Она нахмурилась и приподнялась, опираясь на правый локоть. Левой рукой она схватила меня за запястье.

— Сдается мне, милый, что ранило только тебя.

Я уставился на ее левую руку. Сложный перелом исчез. Крови не было. Я вгляделся внимательнее, но не увидел даже шрама в том месте, где была рана.

— Твоя рука. Она была сломана.

Марит осторожно дотронулась до раны у меня на лбу.

— Ты уверен? Как ты себя чувствуешь?

Что же, мне все это привиделось?

— Я не сошел с ума, Марит. Я помню, что я видел. У тебя была сломана рука, а потом золотой шар начал... — Я замолчал, сообразив, как нелепо звучит эта история. — Надо выбраться отсюда.

— Согласна. — Она поднялась на ноги и помогла подняться мне. Накатила волна головокружения, и я чуть не упал, но Марит поддержала меня.

— Спасибо.

— Не стоит. Эта ссадина у тебя на голове выглядит скверно. — Она отвела меня под защиту скалы и усадила. — Посиди здесь. Я вернусь в Седону и приведу помощь.

— Нет, я сам! — Я почувствовал себя беспомощным и слабым. Одежда вдруг показалась тяжелой и холодной, я начал дрожать. Последние раскаты грома таяли вдаль, как и моя уверенность в том, что увиденное мной было на самом деле.

Яркая вспышка молнии высветила на краю каньона двоих. Их силуэты казались свитыми из колючей проволоки и внушали угрозу. Я с трудом преодолел побуждение выхватить пистолет и выпустить в этих двоих всю обойму — но, честно говоря, я сомневался даже в том, что они вообще существуют, не говоря уже о том, что опасны так, как подсказывало мне подсознание.

Впрочем, вопрос, реальны ли эти люди, решил сам собой: они пустили лошадей вниз по узкой тропке, и в свете горящего «ровера» я увидел, что они одеты в широкие черные дождевики и ковбойские шляпы. Потом слышалось цоканье копыт, звяканье шпор и скрип кожи. Всадники достигли дна каньона и направились к нам.

— Здорово, друзья, — приветствовал нас мужчина, который ехал первым. — Кажись, ваша железка приказала долго жить.

Марит, хоть и была насквозь мокрой и вымазанной в грязи, пустила в ход свое обаяние.

— Буря застигла нас врасплох.

— Бывает. — Мужчина сплюнул, и я понял, что вздутие у него на щеке — это табачная жвачка. — А мы тут проверяли стадо, когда накатила гроза. Возвращались домой и заметили огонь. Решили посмотреть.

Второй всадник выехал вперед, и когда он поднял голову, я увидел нежный женский профиль.

— Вы можете поехать с нами. Приведете себя в порядок, а потом мы отвезем вас в город на грузовике. — Женщина негромко рассмеялась, но почему-то это выглядело неестественно, и я насторожился. — Или вы настроены оставаться здесь и ждать, пока мы не вернемся домой и не позвоним в полицию?

Мужчина взглянул на нее.

— Если только буря опять не порвала провода.

— Верно, буря была ужасная. — Женщина улыбнулась Марит. — У меня найдется сухая одежда — если вас, конечно, не беспокоит, что она будет вам малость тесновата.

Мужчина освободил одно стремя и протянул руку Марит. Она поставила ногу в стремя и села позади него. Он взглянул на меня, пожал плечами:

— Надо уравнять груз лошадей, — и сказал Марит через плечо: — Держись за меня покрепче, милашка, а то, не дай бог, упадешь.

Женщина подъехала ко мне. Поскольку Марит не проявила признаков беспокойства, то и я подавил искушение сдернуть женщину с лошади и посадить в нее пять-шесть пуль. Вместо этого я поставил левую ногу в свободное стремя и был удивлен, с какой силой она помогла мне забраться в седло.

— Прижмитесь сильнее, иначе можете соскользнуть с седла, когда мы станем взбираться по склону. Обнимите меня за талию и держитесь крепче. — Женщина ухватила меня за бедро и подтянула к себе, заботясь, по моему, больше о собственном удовольствии, чем о моей безопасности. — Не бойтесь, — прошептала она, — я не сломаюсь.

Горящий «ровер» быстро остался позади, и когда мы начали подниматься на край каньона, мне в самом деле пришлось обхватить ее крепче, чтобы удержаться в седле. На горизонте сквозь поредевшие тучи пробивался золотистый солнечный свет, но над равниной, по которой мы ехали, еще сверкали молнии, и очередная вспышка вырвала из темноты что-то приземистое и угловатое — дом, к которому мы направлялись.

Когда мы подъехали ближе, я увидел, что он стар и потрепан непогодой.

— Похоже, света нет, — заметил мужчина, который вез Марит.

Женщина кивнула:

— Пожалуй, придется опять зажигать свечи.

Мужчина полуобернулся к Марит:

— Знаете что-нибудь о лошадях?

— Я ездила верхом, только немного.

— Хорошо, — спешившись перед домом, он повернулся и, взяв Марит за талию, вынул ее из седла и осторожно поставил на землю. Его руки задержались на ее талии немного дольше, чем необходимо, но кроме меня, казалось, никто этого не заметил. — Тогда вы поможете мне устроить лошадей, а ваш друг и моя жена тем временем соберут что-нибудь на стол.

— Я не прочь поработать за харчи, — улыбнулась Марит.

— Вот и отлично.

Его жена подождала, пока я слезу, потом быстро спешила, повернулась и внезапно столкнулась со мной грудь в грудь. Она ухватила меня за запястье, чтобы удержаться на ногах, и улыбнулась.

— Простите, я думала, вы уже отошли.

Муж взял поводья ее лошади, а она, не отпуская моей руки, потащила меня на веранду.

Марит, которая увлеченно шепталась и пересмеивалась с мужчиной, ничего не заметила.

На столбике у веранды висела деревянная дощечка с выжженной надписью: «Доннеры».

Женщина открыла дверь без ключа.

— Нам тут не от кого запирать двери. Иногда во двор забредает койот или искатель энергетических воронок, но с ними хлопот не бывает.

Войдя в дом, она скинула дождевик и шляпу, чиркнула спичкой и поднесла ее к свече на столике у двери. Когда запах серы рассеялся, в ноздри мне ударил затхлый дух старого дома и ветхой мебели. Воздух был слегка застоявшимся, словно в доме долгое время никто не жил.

Позднения вновь проснулись во мне, но я отнес их на счет мнительности, одолевшей меня после взрыва «ровера». Вполне может быть, что, регулярно объезжая стада, они действительно бывают здесь редко — или, что даже более правдоподобно, дом показался мне затхлым после свежей, омытой дождем равнины.

Женщина двинулась в глубь дома словно какое-то сказочное создание. Касаясь горячей свечой других свеч, она буквально озарила путь в кухню, и теперь я своими глазами увидел то, в чем уже убедились мои руки во время поездки. При среднем росте у женщины была очень тонкая талия и широкие бедра. Мокрые джинсы облегали ее словно вторая кожа, и фигура у нее была, несомненно, куда выигрышнее, чем у Марит.

Пламя свечей зажгло золотистые искорки в ее длинных белокурых волосах. Она повернулась и, встретив мой восхищенный взгляд, улыбнулась, а потом рассмеялась гортанным смехом.

— Давайте посмотрим, что у нас найдется перекусить.

Как зачарованный, я пошел за ней в кухню. Выдернув длинный хлебный нож из чурбана возле печи, она показала им на большую прямоугольную глыбу, смутно видневшуюся в углу комнаты. Свет маленьких огоньков отразился на острой кромке лезвия.

— В леднике есть мясо. Можно нарезать его и сделать сэндвичи.

С большой неохотой я отвел от нее взгляд и пошел к холодильнику. От растерянности я не придавал значения тому, что она назвала его ледником. Меня не насторожил свет в холодильнике: я знал, что лампочке положено загораться, когда открывается дверца, и мой разум не связал это воедино с предполагаемым отсутствием электричества в доме. Не это включило сигнал тревоги у меня в голове.

Включила его стариковская голова, лежащая на верхней полке. В выпученных глазах застыл весь ужас его

последних мгновений. Под головой на разных полках были аккуратно разложены другие части тела, и подогревший ломоть мяса на тарелке лежал в застывшем со-усе рядом с остатками печени, завернутой в прозрачную пленку.

Выброс адреналина прошел сквозь меня словно молния. Я повернулся, уже выхватив «крайт», и отскочил в сторону. Холодильник залил светом безумную женщину, несущуюся на меня с поднятым ножом. Она рубанула по тому месту, где я только что был, и зарычала, словно дикое чудовище в облике человека.

Я сдвинул предохранитель «крайта» и нажал на спуск. Первая пуля попала ей в плоский живот и бросила ее на кухонный стол. Нож выпал из ее пальцев, и я выстрелил снова. Пуля ударила ей в левое плечо, развернула и опрокинула наземь.

Я хотел перепрыгнуть через упавшее тело, но та, кого я уже считал мертвой, протянула руку и поймала меня за лодыжку. Я упал, больно ударившись левой рукой, а когда перекатился на спину, она снова нависла надо мной угрожающей тенью. Я инстинктивно ткнул в нее пистолетом и нажал спусковой крючок.

Первая пуля швырнула ее в холодильник и голова старика скатилась на пол. Вторая пуля попала ей в горло, и свет сразу стал красным. Последний выстрел разнес женщине череп, а заодно и бутыль с вином, стоящую на верхней полке.

На полу возле холодильника растеклась багровая лужа. Я ногой отпихнул голову старика и встал, неотрывно глядя на женщину и готовый при малейшем движении стрелять снова. И тут я услышал снаружи крик. Явственно представляя себе вместо головы старика голову Марит, я рванулся через прихожую к двери, выскочил на веранду, перемахнул через перила и побежал к конюшне.

Мужчина, волоча Марит за руку, выбежал из дверей и нырнул за угол. Я сделал рывок через открытое место, прижался спиной к стене конюшни и быстро выглянул из-за угла. Мужчина стоял неподалеку, сжимая левой рукой запястье Марит. Он был безоружен. Я сделал глу-

бокий вдох и выскочил из-за угла, выставив перед собой пистолет.

Никого!

Я рванулся вперед, туда, где они только что были, и не увидел никаких следов. И вдруг, сделав еще один шаг, я увидел их снова, но на расстоянии, большем, чем можно было пройти за эти мгновения.

— Отпусти ее!

Мужчина остановился. Его дождевик медленно превращался в плащ. Рубашка в красную клетку и джинсы стали алой туникой и голубыми средневековыми панталонами. Ковбойские сапоги превратились в ботфорты с отворотами, напомнившие мне корсаров далекого прошлого. Шляпа плавно преобразилась в черный бархатный берет, из которого проросло длинное зеленое перо, и я впервые заметил, что уши у него заостренные.

Марит вцепилась ногтями ему в запястье и вырвалась. Быстрее нападает змея — он ударил ее тыльной стороной руки, и она, упав на землю, осталась лежать неподвижно. Мужчина поднял правую руку, и его глаза вспыхнули фосфорическим блеском.

— Теперь ты в моих владениях, дитя человека! Здесь ты и умрешь!

Огни святого Эльма замерцали на кончиках его пальцев и собрались в большой огненный шар. Шар устремился ко мне, но я выстрелил два раза, и он взорвался, не долетев. Я перенес прицел на мужчину и еще дважды нажал спуск. Обе пули попали ему в грудь и опрокинули наземь.

Помня о схватке с его «женой», я подбежал и разрядил в него весь магазин, пустив последнюю пулю в голову. Вогнав в «край» новую обойму, я некоторое время следил за ним и, только удостоверившись, что он мертв, отступил туда, где в желтоватом тумане, стелющемся по земле, лежала Марит.

На лице у нее был синяк, из рассеченной губы сочилась кровь, но в остальном она выглядела вполне сносно, хотя и была без сознания. Я улыбнулся и погладил ее по здоровой щеке.

— Не бойся, малыш, теперь мы вернемся домой.

Уловив мерный шелест ее дыхания, я внезапно осознал, что больше не слышу грома. Я сделал шаг, но гравий не закрипел под моими ногами. Туман у самой земли бывает и в Аризоне, особенно после грозы, но желтый?! Повернувшись, я не увидел ни дома, ни конюшни — вообще ничего. Насколько хватало глаз, расстился подернутый желтым туманом невыразительный серый ландшафт с редкими вкраплениями каких-то лиловых пятен.

Я поднял глаза, ожидая увидеть звезды, но небо было пустым. Мой рассудок возопил о мести, и я пожалел, что позволил этому человеку умереть столь легкой смертью — если только он в самом деле был человеком.

Я опустился на колени рядом с Марит и отогнал туман от ее лица.

— Я обязательно верну нас домой, Марит. Обещаю.

«Как только соображу, к какому черту нас занесло».

19

-Можно щелкнуть каблуками и повторять «Лучше дома места нет», но сомневаюсь, что в данном случае это поможет.

Я обернулся и увидел человека — или, если быть точным, человеческий силуэт. Он был черным на черном, и я бы даже подумал, что это моя собственная тень, если бы не очертания бородки-эспаньолки и неяркий золотой ободок кольца на безымянном пальце его правой руки.

Тень пошевелила рукой, и я разглядел на кольце тот самый загадочный рисунок, который я видел во сне и нарисовал Хэлу, — символ, принадлежавший, по словам Хуаниты, Эль Эспектро.

— Впервые я увидел вас во сне. Быть может, я и сейчас сплю?

Тень вежливо рассмеялась.

— Нет, вы не спите, а если бы спали, то это, разумеется, был бы кошмар.

— Если верить горничной Марит, вы Эль Эспектро.

Человек рассмеялся снова, но на этот раз более искренне.

— Я думаю, что это возможно, хотя я уже позабыл, сколько разных имен носил. — Раскрыв руки, он обвел окружающую местность. — И еще я думаю, что лучше бы нам покинуть это место.

Я взглянул на гладкую, лишенную особых примет равнину.

— Где мы?

Эль Эспектро подошел к мертвецу и потрогал его ногой.

— Вероятно, это пристанище в протоизмерении он веками использовал для доступа в ваш мир. Это нехорошо, потому что оно соединяется с его родным измерением, и из-за этого у нас могут быть неприятности.

— Измерение? Кто этот чертов Доннер и что вы называете измерением? — Во рту у меня внезапно пересохло, и я почувствовал, что желтый туман отдает серой. — Откуда этот запах?

Человек-тень повернулся ко мне:

— Я отвечу на все ваши вопросы, хотя, возможно, вас не слишком обрадуют мои ответы, а потом нам надо будет уходить, если вы хотите остаться в живых. Вам придется делать все, что я скажу, не спрашивая ни о чем. Вы поняли?

— Да.

— Хорошо. Это был драолинг — по-вашему, законченный социопат в полном смысле этого слова. Он занял место Льюиса Кезеберга на Траки Лэйк в 1846 году и инспирировал акты каннибализма, связанные с легендой о «пирушке Доннеров». Когда полиция напала на след, он вернулся сюда и предоставил настоящему Льюису Кезебергу расхлебывать кашу. Он, или кто-то другой из его гнусного рода, ответствен за деятельность Джека Потрошителя, а сорок лет назад тоже, возможно, именно он подписался именем «Зодиак» под серией убийств в Калифорнии. Судя по имени, которое он себе выбрал, у него было чувство юмора. — Эль Эспектро указал в направлении, которое я считал южным: — Скажите мне, что вы видите?

— Серый ландшафт, пятна лилового. — Я пристальнее всмотрелся в пейзаж. — У лиловых пятен строение сложное. Вероятно, скалы или растительность. Еще я вижу в низинах желтый туман, такой же, как здесь.

— Хорошо. Какой запах вы чувствуете?

— Тухлые яйца, сера.

— Превосходно. — Он подошел ко мне и пощупал мой лоб. Его прикосновение напомнило мне огни святого Эльма, только оно не причиняло вреда и было чуть более щекочущим. — Последствия удара по голове проходят. Ваше восприятие этого места постепенно будет обостряться. Когда-нибудь вы можете даже научиться сюда приходить.

— Не думаю, чтобы мне этого захотелось.

— Понимаю вашу сдержанность, но, возможно, со временем вы обнаружите, что это место в некотором роде полезно для вас. — Эль Эспектро поднял левую руку ладонью вверх, и неподвижное тело Марит всплыло в воздух и остановилось примерно на уровне пояса. — Насколько легче проделывать это здесь! Если вы готовы, можно отправляться. В нашем распоряжении не более двух часов.

— И мы пойдем пешком? Неплохо! — Я взглянул на часы и увидел странную картину. Секундная стрелка двигалась как положено, и минутная с часовой были вроде в порядке, зато цифровое табло мигало и вспыхивало узором из линий и точек. Иногда в нем проскальзывала какая-то упорядоченность, и казалось, что он определяется некой формулой, которая выше моего понимания.

Если я буду слишком много размышлять над тем, что вижу, голова у меня заболит еще сильнее, а дела ничуть не улучшатся.

— Так вы сказали — домой?

— Да, обратно в Затмение. В Седоне вы не найдете ничего, что помогло бы вам в вашем задании. — Эль Эспектро двинулся на юг, и Марит плавно поплыла следом. Он сделал всего несколько шагов и, казалось, ушел очень далеко, но когда я побежал следом, то нагнал его в несколько прыжков.

— Откуда вы знаете, зачем мы в Седоне?

— Знаю, потому что знаю многое. — Он искоса взглянул на меня, и хотя его взгляд был лишен выражения, в нем чувствовалась веселость. — В нашем конкретном случае мне известно, что вы прибыли в Седону в поисках Неро Лоринга. Вы приехали сюда потому, что друг Лоринга получил от него открытку со штемпелем Седоны.

— Да, это правда. Но как вы узнали?

«Не мог ли предатель продать меня ему?»

— Нет, между вашим предателем и мною нет связи. А об открытке я знаю потому, что сам послал ее, по просьбе Лоринга.

Я потрясенно уставился на него.

— Или вы читаете мои мысли, или вы — это Койот.

— Койот? О нет, что вы! Я встречался с ним, и это весьма интересная личность, но я не он. — Эль Эспектро вел меня вверх, мимо сероватого камня, увенчанного колючим лиловым кустарником. — Я способен, в определенных местах и в определенные моменты, схватывать поверхностные мысли. А сейчас, поскольку вы ранены и к тому же слишком расстроены, вы не в состоянии так владеть своим разумом, как было бы в другом случае. Даже во сне вы превосходно владели собой. И если вы действительно собираетесь поставить миллион долмарок на то, что я не в своем уме, я могу найти вам немало желающих поддержать это пари.

Я покраснел.

— Простите, но моя память охватывает только события последней недели. Все эти штуки с измерениями сбивают с толку, и если честно, в них трудно поверить. — Теперь мы спускались со склона холма сквозь облако желтого тумана. — Я полагаю, что раз вы послали открытку по просьбе Лоринга, вы знаете, где он сейчас?

— Знаю.

— Скажите мне. Я обязан его найти.

Мы вышли из тумана, и Эль Эспектро покачал головой.

— Без разрешения Неро я этого не сделаю. Я не могу нарушить его доверия или создать угрозу его безопасности.

По его тону я понял, что бесполезно приводить аргументы.

— Но вы скажете мне, если он разрешит?

— Даже смерть не помешает мне доставить вам эту весть.

Он произнес это настолько решительно, что я невольно проникся доверием. Да, я верил, что человек, созданный из тени, живущий в измерении, которое явно лежит параллельно Земле, восстанет из мертвых, чтобы поделиться со мной информацией. Черт возьми, ведь латиноамериканцы зовут его «Духом». Может быть, он уже мертв.

— Во имя Господне, кто вы такой?

— Имена ничего вам не скажут, и я искренне подозреваю, что, «во имя Господне», я немногим более, чем просто никто. Я некто, кто годы назад, когда мир еще был разумным, узнал тайны, которые мне не полагалось знать. Я побывал в местах, не предназначенных для человека, и видел вещи, терзавшие мою душу. Я открыл в себе силы и способности, которых обычный мир не способен признать. Благодаря им я кое о чем узнал, и это заставило меня действовать, а потом я уже не смог остановиться. Во многих отношениях я похож на Койота, о котором вы говорили. Я выбрал путь борьбы с тем, что считаю злом и стараюсь помочь тем, кого осаждают тревоги. Разница между мной и Койотом в том, что он действует в материальном мире, потому что ему недостает врожденной способности к эмпатии, которая позволяет вам хоть что-то разглядеть в этом мире. Я же сражаюсь со скверной здесь или в царстве снов.

Я покачал головой.

— Не стану даже притворяться, что понял хоть что-то.

— В настоящий момент это самое мудрое решение. — Он поднял руку и присел. Марит плавно опустилась на землю, и я рядом с ней. — А вот этого я не ожидал.

Он положил левую руку мне на глаза. Полсекунды было темно, потом зрением более острым, чем мое, я увидел вдали кольцо. По краям его стояло больше десятка существ в одежде, напоминающей ту, в которой был убитый мной драолинг.

— Приятели Кезеберга?

— Вряд ли приятели, но не думаю, чтобы они наградили вас за его смерть. — Эль Эспектро убрал руку, и ко мне вернулось прежнее зрение. — Сколько у вас патронов?

— Двадцать восемь в двух магазинах.

Эль Эспектро нахмурился.

— И у вас десятимиллиметровый «кольт крайт»?

— Да.

— Маловато. Считайте по три пули на каждого драолинга, если не промахнетесь.

— Не промахнусь. — Я вспомнил, как стрелял по снайперу в Бокстоне.

— Превосходно. — Эль Эспектро встал и стряхнул с колен невидимую пыль. — Мы придем туда очень быстро. Это кольцо — пространственные врата, которые вернут вас в Феникс, только сначала надо взять над ними контроль. Если у нас будет время, хорошо бы разделаться по крайней мере с девятью драолингами, но, думаю, вам придется уложить всего шестерых. Только действовать надо быстро, потому что энергия, которую мы высвободим, убивая их, привлечет нежелательное внимание.

— Понятно.

— Хорошо. Я оставлю мисс Фиск здесь, а потом перенесу к нам.

Я снял «крайт» с предохранителя и взвел курок.

— Я готов.

— Пойдем.

Ей-богу, удар по голове сказался на моем глазомере: едва я сделал первый шаг, расстояние между нами и пространственными вратами стало стремительно таять. Драолинги не замечали нас, пока мы не подошли на выстрел. Эль Эспектро наставил на них палец, сжал руку в кулак и быстро раскрыл пальцы, поворачивая ладонь кверху.

Драолинг, стоявший в центре, внезапно загорелся и закричал на языке, который шептал мне в кошмарах. Его собратья повернулись к нему, но тут же отпрянули и бросились прочь. Горящий драолинг вертелся на месте, а остальные устремились на нас.

Я помнил слова Эль Эспектро, что нужно три пули, чтобы убить драолинга, и мой опыт с Доннерами подтверждал это. Вместе с тем я понимал, что, пока буду валить одного, остальные набросятся на меня. Поэтому я быстро всадил по пуле в трех драолингов, потом добавил ближайшему еще две, на четвертом выстреле разнес

ему голову и рванулся влево, отвлекая, а Эль Эспектро двинулся вправо.

Четыре драолинга приближались словно акулы, почувавшие кровь. Один свалился, когда пуля угодила ему в плечо, почти оторвав правую руку. Две пули в живот заставили следующего сложиться вдвое, но третий прыгнул через него прямо на меня. Я встретил его ударом ноги в лицо. Удар сломал ему шею, но, уже мертвый, драолинг повалил меня и прижал к земле.

Четвертый стремительно приближался. Я изогнулся вправо и вытянул руку с пистолетом. Первый выстрел пропал даром, но второй перебил ему бедро и он тоже упал, не добежав до меня. Он рвал землю, пытаясь ползти, но еще две пули разнесли ему голову и убили в нем желание убить меня.

Я столкнул с себя мертвого драолинга и встал. На противоположной стороне кольца, возле обсидианового обелиска, обрамленного золотом, я увидел Эль Эспекро. Вокруг пылало несколько костров, которые только что были драолингами. Я помахал ему, и он помахал в ответ, а потом тяжело привалился к обелиску. Сунув пистолет в кобуру, я подбежал и подхватил его.

— Не обращайтесь внимания. Жить буду. — Он вытянул руку в ту сторону, откуда мы пришли, и Марит поплыла по воздуху к нам, но не так высоко, как раньше. — Держите ее, пока я не уронил.

Я подбежал к Марит и, принимая ее на руки, почувствовал, что мой рукав мокрый от крови.

— Вы ранены!

— Царапина. Пустяк. — Эль Эспекро настойчиво показывал на кольцо. — Шагайте в самую середину. Я отошлю вас в Затмение. Не знаю точно, куда выходят эти врата, но как только окажетесь там, бегите прочь со всех ног.

— Почему?

— Я был неосторожен. Мой враг почуял энергию, которой я пользовался. И еще он почуял, что мы уязвимы. Я должен отослать вас, а затем уничтожить эти врата, иначе вас найдут — а вам бы это вряд ли понравилось.

Я перепрыгнул через кромку кольца и побежал к середине. Черная обсидиановая мозаика, вкрапленная в

золотой ободок, очень напоминала проводящие дорожки на печатных платах. Они прерывались возле ромбов из дымчатого кварца, внутри которых пульсировал серо-розовый свет.

Вдоль кольца побежал ослепительный свет, становясь с каждым кругом все ярче и ярче.

— А вы? — прокричал я сквозь нарастающий визг, раздавшийся от кольца.

«Не бойся за меня, Тихо Кейн. Мы со Скрипичником много раз играли в эту игру».

Свет и звук растаяли одновременно, и внезапно я увидел, что нахожусь в темном подвале многоэтажного дома. Прямо передо мной начиналась лестница, освещенная слабым светом натриевых ламп, сочащимся сверху. Я переступил то, что выглядело как нарисованный на полу желтый круг, и помчался по ступенькам, держа Марит на руках. Поднявшись, я перекинул ее через плечо и бросился к двери, ведущей наружу.

Верный своему слову, Эль Эспектро вернул нас в Затмение. Выскочив за дверь, я увидел справа пирамиду из трейлеров и сразу узнал место. Бокстон. Напрягая последние силы, я вскарабкался на баррикаду из ржавых обломков и соскользнул по бывшему кузову автомобиля на ту сторону.

Позади меня сверкнула золотисто-белая молния, и на мгновение под Застывшей Тенью поселилось солнце. Я упал на землю, прикрывая собой Марит, а когда поднял голову и обернулся, дом, из которого я только что выбежал, начал медленно оседать. Кирпичная пыль заволокла окна и хлынула наружу, когда здание обрушилось внутрь себя. Несколько ударов сердца — и от шестизэтажного дома остались только воспоминания.

Я вновь взвалил Марит на плечо. Эль Эспектро сказал, что они со Скрипичником много раз играли в эту игру. Надеюсь, он успел и на этот раз. Потом я вспомнил его обещание.

— Я знаю, он победит! — расхохотался я во весь голос. — Скрипичнику не выстоять против духа случайности!

И все же, смеясь, я глядел на свою левую руку и видел на рукаве незасохшую кровь.

Как только я привез Марит домой и Хуанита помогла уложить ее в постель, мы вызвали доктора. Доктор сказал — ничего серьезного, только сильное истощение и принялся задавать наводящие вопросы явно с целью определить, не я ли тому виной. В конце концов, с большой неохотой удовлетворившись версией о том, как мы из любопытства бродили по трущобам Затмения и стали жертвами неудачной попытки ограбления, он выписал ибупрофен — сильнодействующее лекарство, — и Анна отправилась его покупать. Доктор прописал Марит постельный режим и обильное питье, а потом осмотрел и меня, промыл рану на голове и наложил повязку.

— Если голова заболит, можете принять одну-две из ее таблеток. При симптомах серьезного сотрясения мозга позвоните мне и приходите в Главную башню.

— Спасибо, док. — Я проводил его до трансверсора, но кабина была занята, а когда она открылась, из нее вышел посыльный. Подождав, пока за доктором закроется дверь, я повернулся к нему: — Чем могу быть полезен?

— У меня послание для мистера Кейна. Это вы, сэр? — Посыльный, совсем юный паренек со свежим лицом, протянул мне блокнот: — Распишитесь под номером 33.

Я нацарапал свое имя, и он вручил мне маленький конверт цвета слоновой кости без обратного адреса. На лицевой стороне было каллиграфическим почерком выведено мое имя. Я перевернул конверт и вскрыл. Внутри оказался другой, поменьше, тоже надписанный моим именем. Из второго конверта я вытащил прямоугольный кусочек тисненого картона. На нем было написано:

«Мисс Нерис Лоринг просит мистера Тихо Кейна оказать ей честь своим присутствием на частном обеде сегодня в восемь часов вечера. Одежда официальная, коктейль в семь часов вечера. Просьба прислать ответ с посыльным».

Я задумчиво постучал карточкой по пальцам левой руки. Судя по показаниям цифрового табло на моих часах, Эль Эспектро вернул нас в Затмение в два часа

полудни, хотя стрелки в тот момент показывали десять вечера. Бросив взгляд на циферблат, я убедился, что до начала приема еще три с половиной часа, и понял, что не в силах отклонить приглашение. Нет сомнений, это будет захватывающее приключение.

Я поднял глаза:

— Вы ждете ответа?

Посыльный кивнул.

— Приглашение принято.

— Очень рад, сэр. Мне велено сказать вам, что пропуск для высокопоставленных гостей на маглев до башни «Лорики» ждет вас на станции Мэдисон-стрит. Вы можете воспользоваться верхним вестибюлем. По прибытии вас встретят.

Я нажал кнопку вызова трансверсора и сунул посыльному банкноту в десять долмарок. Попросив Хуаниту проводить его, я пошел в кабинет Марит и нашел в телефонной книге номер фонда «Солнечный луч». Услышав голос Хэла, я ничуть не удивился.

— Хэл, это Кейн. Мы вернулись. — Я вкратце рассказал ему о нашей прогулке, но опустил все невероятные события. По моим словам получалось, что нам рассказали о ранчо, показали дорогу, по пути нас застигла песчаная буря, и мы добирались до Феникса другим транспортом. Я сказал, что Марит ранена, но не слишком серьезно, а потом кинул бомбочку — приглашение Нерис.

— Ну и ну, быстро же вы продвигаетесь. Значит, обед в восемь часов? Ну что ж, к полуночи вы освободитесь — если только не захотите провести побольше времени с Нерис.

— Спасибо, это не входит в мои планы. — Я вспомнил картину, из-за которой была битва на аукционе. — Не думаю, что ее представления об удовольствии совпадают с моими.

— Отлично. В час ночи у меня назначена встреча, здесь, дома. Мне хотелось бы, чтобы и вы присутствовали, если сможете. — Он помедлил, словно бы в нерешительности. — Ко мне придут лидеры «Кровопускателей», «Нефритовых драконов» и «Дьяволов». Их все труднее успокоить. Мне думается, если они убедятся, что у меня есть средства обуздать «Арийцев»...

— То есть вы — бархатная перчатка, а я — стальной кулак?

— Нечто вроде этого. Мне не понадобится никого убивать, просто я хочу, чтобы вы произвели на них впечатление. Увидев новое лицо, они подумают, что я делаю какие-то ходы, которые помогут сохранить статус-кво.

— Понятно. Я буду.

— Спасибо. Значит, увидимся.

— Увидимся.

Повесив трубку, я набрал еще один номер. Поскольку официального костюма у меня не было, я позвонил Роджеру в «Одежду для джентльменов».

— Боюсь, я снова вынужден прибегнуть к вашим услугам, Роджер.

— Не беспокойтесь, мистер Кейн, — успокаивающе сказал он. — Мы уже начали работу над смокингом для вас. Он выполнен в том же стиле, что и остальные костюмы, но более строг. Мисс Лоринг будет поражена.

— Уж не умеете ли вы читать мысли, Роджер?

— Хотелось бы, мистер Кейн. Тогда бы мне не пришлось платить уйму денег службам доставки за списки приглашенных на приемы. — Он старался говорить тоном человека, уставшего от жизни, но я уловил в его голосе немалое самодовольство. — Ваше имя прозвучало сегодня утром, и мы тотчас же принялись за работу.

Я нахмурился.

— Зачем службам доставки нужны списки гостей?

— Дорогой мой мистер Кейн, не думаете же вы, что старейшие члены общественной элиты блестящей метрополии дадут прием ниже установленных стандартов? В нашем городе поставщики располагают обширными базами данных, куда заносятся сведения обо всем, от ограничений диеты до степени взаимной ненависти. Список приглашенных неукоснительно прогоняется через сложную программу, которая разрабатывает меню, советует, как лучше рассадить гостей за столом, устанавливает протокол и даже определяет расстояние между гостями в зависимости от того, насколько теплые между ними отношения и насколько скандальным был последний развод. Вам гарантируется, что вы никогда не отведаете одно и то же блюдо в течение года, а если у вас

есть собственный винный погреб или винокуренный завод, на стол будет подаваться только самое лучшее из того, что вы можете предложить. Довольно впечатляюще, не так ли?

— Да, пожалуй. — Я задумался на мгновение, а потом спросил: — Так если у вас есть список гостей, может быть, вы скажете мне, кто еще там будет?

— Только ради такого заказчика, как вы, мистер Кейн. Сегодняшний прием будет для очень узкого круга. Вы единственный гость, и насколько я могу судить, мисс Лоринг намерена подать вас на десерт.

— Что ж, я предупрежден. Спасибо, Роджер.

— Спасибо и вам, мистер Кейн. Ваш смокинг будет готов к шести вечера.

Слова у Роджера не расходились с делом. Я задремал и спал без сновидений, но в шесть часов вечера Хуанита меня разбудила: посыльный принес смокинг. Я принял душ, сменил повязку на голове и оделся. Смокинг сидел превосходно. «Крайт» я решил не брать, но все же надел под рубашку бронежилет. Хотя я и не предполагал, что на приеме может что-то случиться, но встреча с человеком из «Дэнни Плэйс» научила меня осторожности.

Хуанита любезно проинструктировала меня, как добраться до станции маглева на Мэдисон-стрит. Забавно, что она называла маглев «магломаным поездом», — я подумал, что в этом, вероятно, отразились тайные пожелания жителей Затмения, чем настоящие аварии. Вооружившись ее указаниями, я спустился на лифте до Двадцатого уровня, по самодвижущейся дорожке перебрался из Башни Годдарда номер один в Тихоокеанскую башню и спустился на Десятый уровень. На станции Мэдисон-стрит я удостоверил свою личность и, получив пропуск, был допущен в вестибюль для высокопоставленных гостей.

На стене висела гигантская схема маглева, которую я внимательно изучил. «Местные» поезда связывали Центр с цитаделями корпораций. «Кольцевые» курсировали против часовой стрелки между цитаделями. Еще имелся экспресс от Мэдисон-стрит и отделения Тихо-

океанского вокзала в Затмении до аэропорта, расположенного к юго-востоку от города. На протяжении всего маршрута он шел в туннеле, и пассажиры были избавлены от необходимости видеть, как живет большинство горожан. Вместо окон у него были экраны, и можно было по выбору либо смотреть местные телепередачи, либо наслаждаться синтезированным на компьютере видом пустыни.

Чтобы окончательно добраться до цели, я должен был проехать на местном поезде до станции «Ханивел и Кох». Там мне достаточно было перейти через вестибюль к кольцевой линии и сесть на поезд, который доставил бы меня прямо к «Лорика Индастриз». Чтобы попасть на местный поезд к «Лорике», мне пришлось бы ехать через Центр к станции Рэндольф-роуд, и если сопоставить скорости маглева и местных поездов, круговой маршрут сберегал по меньшей мере пятнадцать минут.

Поезд маглева, медленно вкатившийся на станцию, был в сечении треугольным. Нижняя, широкая часть обслуживала работников Центра, направляющихся к кольцевой линии, и людей, приезжающих в Центр на вечер. Верхняя палуба, более узкая, предназначалась для высокопоставленных гостей. Судя по виду тех, кто ждал в вестибюле вместе со мной, это были чиновники корпораций и гости из-за рубежа.

В вагон я вошел одним из последних. Роскошная обстановка верхней палубы могла поспорить красотой и удобством с квартирой Марит. Вместо жестких сидений из фибергласа, стоящих внизу, к нашим услугам были комфортабельные кресла, обитые плюшем и бархатом, а под покатой крышей я увидел кольцо телеэкранов. Стюардесса радушно приветствовала нас и помогла пристегнуть ремни. Она показала мне, как настраиваются маленькие наушники, потом уделила внимание остальным и дала сигнал машинисту, что мы готовы к отправлению.

Поезд стартовал со станции в шесть тридцать. Заходящее солнце отбрасывало длинные тени башен на восточную часть города. Когда мы вознеслись над Застывшей Тенью, я сразу понял, почему те, кто живет в Затмении, и

администраторы корпораций, никогда не сходились во взглядах на мир. Поднимаясь сюда, люди высшего круга видели город беспримерной красоты. Застывшая Тень казалась ровным и спокойным черным океаном. На стых ее играл солнечный свет, и цитадели вздымались из черных волн, как пики подводных гор.

Отсюда не было и намека на грязную, жестокую жизнь Затмения. Как ангелам в небесах или богам, обитающим в горных чертогах, сильным мира сего было ни к чему пачкать ноги, спускаясь на грешную землю. Застывшая Тень давала им энергию, нужную, чтобы поддерживать существование их мира, и она же избавляла их от необходимости знать хоть что-то о людях, живущих вне их владений.

Местный поезд доставил меня в самое сердце цитадели «Ханивел и Кох». Я быстро пересел на кольцевую линию и прибыл к «Лорике» десятью минутами раньше, чем предполагал. Я слегка опасался, что не узнаю встречающих — или они не узнают меня, — но, вспомнив, что Нерис Лоринг — умная женщина, перестал об этом тревожиться.

Впрочем, лишь выйдя из поезда, я полностью осознал, насколько она умна. Меня ждали трое, и ошибиться в том, кого они ждут, было невозможно. Двое были необычайно велики ростом — их костюмы пришлось бы впору цементным сточным трубам, — а третий был одет хотя и не так хорошо, как я, но все же намного лучше, чем в тот день, когда я видел его в последний раз. Его глаза прятались за стеклами темных очков. Он протянул мне руку.

— Добро пожаловать в «Лорику», мистер Кейн. Я Раду Лейх. Мисс Лоринг попросила меня встретить вас.

Глядя на него вблизи, я убедился, что у него действительно есть звездообразный шрам на правой щеке и некоторая асимметрия в лице, словно кто-то лишил его части скулы. Тем не менее сейчас шрам не так бросался в глаза, как вчера, в «Дэнни Плэйс», да и левая рука, без перчатки, не очень сильно отличалась от правой — только на ней не проглядывали сквозь кожу голубоватые вены.

Совпадение, сказал я себе. Да, Лейх был удивительно похож на того Жнеца, которому я выстрелил в лицо, и звездообразный шрам вполне мог быть напоминанием об этой ране — разумеется, если предположить, что пуля, пробив ему голову и выйдя через затылок, не убила его. Но это же невозможно.

Не более невозможно, чем возвращение из Седоны по серо-лиловым полям.

— Сделайте милость, мистер Лейх, проводите меня к вашему руководителю.

Он кивнул и повел меня прочь из вестибюля. С узкого мостика, по которому мы шли к центральным лифтовым шахтам, была видна вся цитадель «Лорики». Лифтовые шахты образовывали ось комплекса, а мостики подходили с шести направлений, словно спицы колеса. В Центре, построенном из белого мрамора, преобладали яркие цвета, но «Лорика» отдавала предпочтение темным оттенкам и зеркальным поверхностям. Изнутри комплекс выглядел словно туннель, соединяющий небо с адом.

Двое горилл топали за мной, не говоря ни слова. От них волнами расходилась непомерная скука, чуть скрашенная надеждой на развлечение. Я почувствовал, как возросла эта надежда, когда мы остановились возле лифта и Лейх вставил в щель карточку. Кабина опустилась по прозрачной шахте и остановилась перед нами. Дверь открылась, но Лейх покачал головой.

— Вы двое останетесь здесь.

Я вошел в кабину вслед за Лейхом, и он вставил в панель другую карточку. Лифт не стал разговаривать с ним, а молча взвился в высшие сферы цитадели. Сквозь дымчатые стеклянные стены я смотрел, как мимо проплывает этаж за этажом. Потом начался непрозрачный бетонный отрезок, и футах в двадцати над ним лифт остановился.

Выйдя, в первое мгновение я был ошеломлен сходством расцветки и планировки холла с воротами измерений. Стены и пол были облицованы черными мраморными плитами, соединенными между собой золотыми скрепами. С золотого полированного потолка лился отраженный свет ламп, скрытых на стыке со стенами. Слева

от меня два эбеновых сатира держали над головами плиту из черного мрамора, служившую столом, а над ней висело зеркало в золотой раме — чтобы гости могли привести в порядок одежду.

Напротив лифта возвышались двери, обитые золотом. При моем приближении они медленно отворились, и из них выползла белая туманная мгла. Я прошел сквозь нее, уловив легкий аромат сосны, и ощутил слабое дуновение, когда двери закрылись за мной. Я постоял, ожидая, пока уляжется туман, и когда он осел, мне на минуту показалось, что я каким-то образом вознесся на небеса.

В отличие от холла, во владениях Нерис можно было найти любые цвета, кроме черного. На первый взгляд создавалось впечатление, что своим цветом она избрала белый, но такое описание ее апартаментов было бы прискорбно неточным.

Когда остатки тумана рассеялись, я обнаружил, что стою на узком беломраморном мостике между двумя журчащими ручейками. Их русла были выложены перламутром — вероятнее всего, створками раковин, — и так искусно, что я, как ни присматривался, не мог разглядеть стыков.

Над ручьями, словно переливающаяся стена, была растянута между дорическими колоннами белоснежная шелковая занавесь. В просветах виднелись другие колонны и занавеси, образовывавшие, насколько я мог понять, призрачный лабиринт, способный измениться в любую минуту. Прикинув его размеры, я пришел к выводу, что жилище Нерис вполне может занимать всю верхнюю часть цитадели, а значит, мне предстоит искать хозяйку на площади приблизительно в полторы квадратные мили.

Я подошел к фонтану. Вода поднималась и падала вдоль центральной спирали, похожей на витой рог. Я подумал, не рог ли это нарвала-мутанта, но вспомнил, что последний представитель этого вида сдох четыре года назад. Спираль тоже была отделана перламутром, так же как и желобок, по которому вода выливалась из чаши фонтана и стекала в ручьи.

Миновав небольшой хрустальный мостик над правым потоком, я очутился в белом коридоре. Мягкий

шелк приглушал шаги. В конце коридора я опять повернул направо и улыбнулся красивой девушке, стоящей там. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить на лице невозмутимо-вежливую улыбку, потому что, кроме полоски темно-синего шелка, стягивающей черные волосы, и такого же цвета набедренной повязки, на ней ничего не было.

— Прощу вас, мистер Кейн, следуйте за мной.

— Как пожелаете.

Следовать за ней было нетрудно, но появление других девушек, одетых точно так же, несколько отвлекло мое внимание. Теперь мне было понятно, чего ждали и почему были так разочарованы гориллы. Что еще интереснее, мистер Лейх даже не сделал попытки заглянуть в дверь. Странно, а у меня не сложилось впечатления, что женщины его не интересуют. Возможно, подумал я, он смотрит на меня и на них, как на возможный источник дохода для Жнецов или, что еще хуже, питается людьми так же, как драолинги.

Девушка привела меня на островок в океане сплошной белизны. По пути мы пересекли еще один хрустальный мостик, и я поразился, как гармонично журчание воды сочетается с красотой обстановки. На островке я увидел тележку из стекла и золота с дюжиной графинов, ведерком льда и несколькими бокалами из резного хрусталя. За тележкой, ожидая заказа, стояла блондинка в зеленой набедренной повязке.

Подумав о том, что ночью мне еще идти к Хэлу, я счел за лучшее отказаться от крепких напитков и, улыбнувшись, попросил содовой с лимоном. Пока блондинка готовила мне заказ, я осмотрелся. Кроме нее, меня и тележки в круглой комнате, образованной белыми занавесями, не было ничего, но меня не покидало раздражающее ощущение, что за мной наблюдают.

Блондинка подала мне бокал. Я поблагодарил ее, но она не сказала в ответ ни слова. Глаза у нее тоже были зеленые, как и лента в волосах. Довольно привлекательная, она тем не менее не вызвала во мне особой чувственности, поскольку была абсолютно равнодушна к собственной наготе и держалась так же непринужденно, как я в своем костюме.

— Прелестное дитя, не правда ли? — раздался у меня за спиной голос Нерис.

Я обернулся, немного рассерженный тем, что не увидел и не услышал, как она подошла, но как только я взглянул на нее, мое раздражение сразу прошло, и я невольно расплылся в улыбке. Нерис была одета в черное платье со стоячим воротничком и сердцевидным вырезом, подчеркивающим шею и грудь. У платья был тесный корсаж, но ниже талии оно было свободным. Подол доставал почти до полу, а длинные рукава заканчивались треугольными выступами, прикрывающими ладони. Еще на Нерис было ожерелье из киновари и такие же серьги, каждая с изображением паука — впрочем, насколько я мог судить, это была «черная вдова», а не «скрипичник».

— Ее красота меркнет в вашем присутствии.

Я не знал, всегда ли ее служанки одеваются, вернее, раздеваются, как сегодня, но не мог не признать, что в этом есть своя мудрость. В платье, которое больше обещало, нежели показывало, Нерис Лоринг на их фоне становилась еще загадочнее и обольстительнее. Ее зрелая красота и сила характера сразу бросались в глаза, а обаяние и ум заставляли забыть о почти обнаженных служанках.

Нерис подошла ко мне и провела рукой по моему смокингу.

— Роджер хорошо поработал. Этот костюм вам к лицу.

Ее духи пахли орхидеями и вызвали мгновенное, мимолетное воспоминание о жаркой темноте.

— Благодарю. Вы в этом платье выглядите просто убийственно.

— Занятно вы подбираете слова, мистер Кейн. — Нерис кивнула блондинке, и та поднесла ей, как мне показалось, стопку неразбавленной водки с ломтиком лимона. Нерис приняла стопку правой рукой, а левой мягко взяла блондинку за подбородок. Слегка касаясь длинным, изогнутым, кроваво-красным ногтем загорелой кожи, Нерис провела большим пальцем по щеке служанки и жестом отпустила ее. Девушка удалилась молча, но по ее походке было видно, что она рада тому, что хозяйка ею довольна.

— Вы, конечно, обратили внимание, Тихо, что мне при-
служивают красивые женщины. Знаете почему?

Я покачал головой и отпил немного содовой.

— Согласитесь, они очень эффектны. Их нежные, мяг-
кие линии радуют глаз, а плавная грация чудесно гармо-
нирует со всем этим. — Она обвела рукой свои апартамен-
ты и, продолжая движение, погладила меня по плечу. — В
отличие от мужчин, они не угловаты, не жестки, не агрес-
сивны. Это инь, женское начало моего мира, а там, снару-
жи — янь. Они служат мне и не пускают в мое святилище
ничего, что могло бы меня потревожить.

Я понимающе улыбнулся.

— Счастлив тот, кто способен так легко изолировать
собственный мир.

— Моя цель — оградить, а не изолировать. Управление
многонациональной корпорацией опустошает душу, и
тогда я удаляюсь сюда, чтобы восстановить силы в этом
раю. — Держа руку у меня на плече, она скользнула мне
за спину и прошептала на ухо: — Если бы я подумала, что
вы хотите ее, я бы отдала ее вам. А она, по моей просьбе,
отдала бы вам себя. Ей бы это доставило удовольствие,
как и вам, я уверена. Вы могли бы остаться здесь навсегда,
с ней и другими, но я чувствую в вас стремление к чему-то
большему, чем быть просто... забавой.

Я сделал еще глоток из бокала, чтобы скрыть заме-
шательство. Мне не понравилось слово «забава».

— А что навело вас на эту мысль?

Она обошла меня и встала передо мной лицом к лицу,
так же, как я стоял с женщиной-драолингом в это утро.

— Мне известно, что у вас есть привычка, выполнив
задание, возвращаться домой и ждать нового назначе-
ния. Еще я знаю, что, готовясь к этому визиту, вы долж-
ны были довольно тщательно изучить «Лорику» и все,
что ей сопутствует. Не сомневаюсь, вы понимаете, что
здесь перед вами открываются определенные возмож-
ности. Но вы поймете, и очень скоро, что я могу предло-
жить вам безграничную власть.

Я заглянул в глубину ее черных глаз.

— И что я должен сделать ради того, чтобы ее получить?

— Я не предлагаю вам становиться моим любовни-
ком. Ваши таланты слишком важны, чтобы расточать

их на сексуальные излишества. Мой голод могут утолить и другие, но у вас есть мастерство, в котором я нуждаюсь. Бедняга Раду до сих пор был лучшим из того, чем я располагала, но его, как вы знаете, едва ли можно считать компетентным в этой области. — Она погладила меня по лицу. — А теперь скажите мне, ради чего вы остались в Фениксе?

Я задумался, прежде чем ответить: кое-что постепенно начало проясняться.

— Как вы и предполагали, я остался, чтобы изучить ситуацию. Я хотел лично увидеть состояние дел.

— О, вы увидели — ведь вы живете у нее. — Нерис громко рассмеялась. — Будь наша дражайшая Марит хоть вполовину красива так, как она о себе думает, я предложила бы ей место здесь, в моем святилище. И все же я хочу, чтобы вы работали на меня. Если вы пожелаете, я приму ее здесь и даже скажу мистеру Лейху, чтобы он воздержался от покушений на ее жизнь — тем более что он все равно ничего не добился в своей безнадежной вчерашней попытке.

— Я буду это ценить.

Глаза Нерис сузились, и она отвернулась.

— Сегодня вы ездили с ней в Седону. Зачем?

«Интересно, удастся ли ее встряхнуть?»

— До меня дошли слухи о вашем отце.

На мгновение Нерис застыла, потом окунула палец в бокал и уронила каплю напитка с ногтя себе на язык.

— Я думала, это дело улажено.

— Как и я — вот почему я решил проверить эту нить.

— И куда она вывела?

— В тупик — хотя, может быть, это лишь кажется. — Я слегка пожал плечами. — Придется пройти по ней дальше.

Нерис резко повернулась ко мне, и лицо ее было похоже на застывшую маску.

— И вы сообщите мне, если что-нибудь найдете?

— Разумеется.

Она отрывисто кивнула.

— Прошу простить меня, мистер Кейн. У меня вдруг разболелась голова. — Она взглянула на прислужницу. — Лилит, детка, развлеки мистера Кейна вместо меня. Позаботься, чтобы все его желания были удовлетворены.

Блондинка молча кивнула.

— Запомните, мистер Кейн, — шепотом прошептала Нерис. — Любое удовольствие, которое она даст вам, я способна продлить до бесконечности. И я это сделаю, когда вы скажете мне, что со слухами покончено. Но запомните также, что и мой гнев будет безграничен, если вы потерпите неудачу. Вам от него не скрыться.

21

З незапная перемена в настроении Нерис свела на нет все надежды на приятный вечер. Лилит извинилась передо мной и исчезла; другая служанка проводила меня в столовую, которая, впрочем, больше напоминала альков. Как и везде, границы комнаты были обозначены шелковыми занавесями, но одна сторона оставалась открытой, и гости могли наслаждаться великолепной картиной ночного Центра.

За столом я устроился так, чтобы окно было от меня справа. На противоположном конце, за двумя подсвечниками, между которыми стоял букет орхидей, стоял прибор, предназначавшийся для Нерис. Вернулась Лилит и села по левую руку от меня; ей подали отдельный прибор. Несмотря на то что хозяйки не было с нами, я живо ощущал ее присутствие.

Лилит переоделась и теперь была в изумрудно-зеленом платье того же покроя, что и у Нерис. Она оказалась умной и интересной собеседницей, у нее было хорошее чувство юмора, и она вежливо смеялась моим шуткам. Только благодаря ей обед прошел сносно, а иначе можно было бы подумать, что мы оказались на каких-то странных поминках.

Каждое блюдо — от закусок и супа до горячего и десерта — сначала ставилось перед пустующим креслом Нерис. Через пару минут его убирали, и тарелка с меньшей порцией того же самого появлялась перед Лилит. В этом явно была какая-то символика — но смысл ее от меня ускользал, а Лилит, казалось, не замечала ничего и с аппетитом съедала все, что ей подавали.

Я был огорчен, что Нерис ушла: она больше всех остальных могла помочь мне восстановить утерянную личность. Разгадка этой тайны была единственным моим желанием, и Лилит, к сожалению, была не в силах его удовлетворить. Тем не менее я был признателен ей за очаровательную компанию и беседу, которая помогла мне слегка успокоить нервы.

Будь Нерис здесь, телефонный звонок не смог бы прервать обед. Женщина в синем протянула мне маленький радиотелефон.

— Прошу прощения, мистер Кейн, просят вас, и очень настойчиво.

— Благодарю. — Я взял телефон и прижал к уху. — Кейн.

— Мистер Кейн, уходите оттуда немедленно. В Затмении вас ждет автомобиль. Уходите сейчас же! — Щелчок, и звонивший повесил трубку, но я без труда узнал этот голос, с легким механическим оттенком. Почему Койот хочет, чтобы я отсюда ушел?

Я закрыл телефон и вернул его женщине в синем.

— Лилит, мне придется уйти, у меня срочное дело.

Лилит потянулась за телефоном.

— Я вызову вам автомобиль.

— Спасибо, меня уже ждут. — Я улыбнулся и поцеловал ей руку. — Боюсь, все мои желания ограничатся просьбой показать мне, где выход.

Она взяла меня за руку и, отдавая телефон, велела служанке:

— Вызовите лифт и позаботьтесь, чтобы он не уехал. Скажите, чтобы его зарезервировали для срочной поездки. — Она взглянула на меня и добавила: — В Затмение.

Пользуясь только ей известными ориентирами, она вывела меня к холлу с лифтами. Дверь была открыта, кабина лифта пуста.

— Войдите и нажмите любую кнопку. Он привезет вас в Затмение.

— Спасибо. — Я нахмурился. — У вас не будет неприятностей из-за моего ухода? Нерис не рассердится?

Лилит легонько поцеловала меня в щеку.

— Не тревожьтесь. Она все понимает. Вы пожелали транспорт, и я его обеспечила. Все в порядке. Идите.

Я вошел в лифт и ткнул пальцем в первую попавшуюся кнопку. Двери закрылись, и кабина начала почти что свободное падение. Мелькающие этажи сливались в одну сплошную полосу, и мне пришлось ухватиться за поручни: закружилась голова. Я уже начал прикидывать, что от меня останется, если лифт не остановится, но тут падение начало замедляться, и когда я вышел в Затмение, только учащенный пульс напоминал мне о путешествии.

Я услышал сигнал автомобиля и увидел Алехандро, машущего мне с водительского сиденья зеленой «мазды» с откидным верхом. Подбежав к машине, я прыгнул на пассажирское сиденье, пристегнул ремень, и мы рванулись с места, почти как падающий лифт.

— Что случилось?

— Стреляли в Хэла. «Воины Арийского Мирового Союза».

Я взглянул на часы на приборной доске — половина двенадцатого, полтора часа до запланированной Хэлом встречи с бандами южной стороны.

— Подробности?

Алехандро вдавил до упора педаль газа и обогнал грузовик.

— Трое парнишек, еще не вступивших в ВАМС, пришли к Хэлу и сказали, что хотят помочь. Он их впустил, а они открыли стрельбу. Дети Хэла живы, но жена погибла. Сам он ранен. Похоже, будто она заслонила его собой. Двое вамсовцев убежали, а один запаниковал, сунулся в стенной шкаф, и тот захлопнулся. Сейчас Бат его стережет.

Алехандро заложил головокружительный вираж, обгоняя «кадиллак», и вылетел на Макдауэлл-роуд там, где Сорок шестая улица выходила из цитадели «Лорикки». Нас занесло, развернуло и стукнуло о бордюр, но Алехандро умело выправил машину и вновь надавил на газ. Над головой у меня неслись мигающие огни, отсвечивающие от Застывшей Тени.

— Кто мог знать о встрече?

— Кто угодно. Мы не держали это в секрете.

— Генрих послал не своих ребят, так что он сможет отпереться.

— Похоже на то. — Алехандро проскочил на красный свет на перекрестке с Сорок четвертой улицей, оставляя за собой скрежет тормозов и сердитые гудки. — В ящике для перчаток.

Я открыл перчаточный ящик и увидел там «бульдог» калибра ноль тридцать восемь в кобуре.

— Спасибо. Что, дело настолько плохо?

— «Кровопускатели», «Нефритовые драконы» и «Дьяволы» окружили дом Хэла. Они уже поймали одного из тех, что удрали, и ждут не дождутся, когда получат того, кто остался в доме.

Светофор на перекрестке Тридцать шестой улицы и Макдауэлл замигал, переключаясь на красный, но Алехандро нужно было повернуть. Он срезал угол, стукнулся о бордюр на Тридцать шестой улице, выкрутил руль вправо, возвращаясь в наш ряд, резко свернул в проезд и припарковал автомобиль на тротуаре у школьного двора. Мы перебежали Тридцать шестую и протолкались сквозь толпу, запрудившую улицу возле дома, где жил Хэл.

— И никакой полиции?

Алехандро покачал головой.

— «Скорпионы» держатся подальше от таких мест.

Я пробежал мимо «скорой помощи», распахнул дверь и влетел в гостиную. Там я остановился. Ковер и диван были пропитаны кровью. Линии пулевых пробоин в стенах начинались низко и уходили под потолок. Кровавые отпечатки пальцев на стене и кровавые следы вели в спальню. Я пошел туда, миновав Бата, который стоял на страже у закрытого стенного шкафа.

— Алехандро, кто забрал детей?

— Нэтч. Она отвезла их к деду и бабке, на западной стороне. «Дьяволы» расчистили путь, а «Кровопускатели» обеспечили безопасность.

— Хорошо.

В спальне лихорадочно сутились два санитара; коробки с инструментами и приборы были раскиданы по всей комнате. Хэл лежал на каталке, на лице у него была кислородная маска. Две тугие повязки — одна на груди, другая на животе — уже пропитались кровью. Правая рука Хэла была присоединена к капельнице, а левая притянута лямкой к каталке.

Увидев меня, Хэл попытался пошевелиться. Один из санитаров повернулся ко мне и сказал:

— Только говорите быстрее. Ему нельзя больше ждать. Он умрет, если... — Санитар внезапно побледнел.

— Привет, Джек! — весело приветствовал я его. — Давненько не виделись. Заигрался в бильярд допоздна?

Не дожидаясь ответа, я опустился на колени у изголовья Хэла.

— Держись, Хэл.

Левой рукой Хэл схватил меня за рукав.

— Что с детьми?

— Они в безопасности.

— Кенди?

— С Кенди все будет хорошо, Хэл, — солгал я. — Послушай, пусть эти ребята отвезут тебя в больницу, идет? Теперь твоя работа — выжить. Об остальном позаботимся мы.

Лицо Хэла исказилось от боли.

— Позаботься о моих малышах, Кейн. И никакой войны.

Я кивнул:

— Никакой войны.

— Кейн, никаких убийств. Никаких, пока есть хоть какой-то выбор.

— Никаких убийств, Хэл. Пусть санитары заберут тебя в клинику.

Он сжал мою руку.

— Дай слово, Кейн, никаких убийств.

— Никаких убийств, Хэл. Даю слово. — только и ты дай мне слово не умирать.

— Идет.

— Идет. — Я осторожно освободил свою руку и встал. — Забирайте его.

Знаком я велел Джеку задержаться, и когда второй санитар укатил Хэла за пределы слышимости, сгреб его за воротник:

— Если он умрет по дороге или если я узнаю, что его жену не довезли до морга, ты будешь умирать долго. Понял?

— Д-да.

— Хорошо. Одолжи мне вон тот зеленый травматологический набор. Заберешь его после.

— К-конечно. Отпустите меня?

Я отпустил его, прошел следом за ним в гостиную и остановился возле Бата.

— Парнишка в шкафу?

Великан кивнул.

— Патронов у него нет. Ножа тоже.

— Вытащи его, завяжи глаза и свяжи. — Я указал на лужу крови на полу. — Поставь его на колени вон там.

Я вышел из дома. «Скорая» уже отъезжала, медленно прокладывая себе дорогу через толпу. Чуть в стороне стояли три группы людей — несомненно, представители трех банд, приглашенных Хэлом на переговоры.

«Дьяволы» — почти сплошь латиноамериканцы — были одеты в черные футболки-безрукавки, на которых красной краской была изображена перевернутая звезда, сочащаяся кровью. Как и вамсовцы, «Дьяволы» подвергли себя косметической операции, которая сводилась, судя по первому взгляду, к добавлению рожек на лбу и заострению кончиков ушей. Ногти у них были окрашены в черный цвет, а более старшие члены банды носили зловещие мефистофельские бородки.

«Нефритовые драконы» тоже прибегли к услугам пластической хирургии. Прежде всего в глаза бросалась, разумеется, чешуя, покрывающая их лица, шеи, грудь, спины и руки. В отличие от «Дьяволов», у которых старшинство явно определялось длиной рожек, здесь на положение в банде указывал цвет чешуи. У младших членов она была бледно-голубой, а у старших постепенно приобретала глубокий зеленый тон, с золотой каемкой. Наиболее заслуженные члены банды переделали себе уши, удлинив и сделав их плоскими, так что они напоминали крылья летучей мыши, покрытые зеленой чешуей. Их предводителя отмечал еще и большой гребень на спине, который вздувался и опадал в такт дыханию, как рыбий плавник.

По сравнению с ними «Кровопускатели» в своих красно-синих кожаных куртках выглядели почти как нормальные люди. Когда-то это были несколько враждующих банд, но на пороге тысячелетия им пришлось

объединиться, чтобы выжить в конкурентной борьбе. Они тоже прибегли к услугам хирургов, но, как мне показалось, в сугубо утилитарных целях. Они увеличили надбровья и скулы, чтобы глаза были лучше защищены, и вшили, судя по гладкости кожи, в кисти рук металлические вставки, чтобы сподручнее было драться и справляться с отдачей оружия. Почти все они были неграми и, видимо, у своих предков переняли обычай наносить на лицо ритуальные шрамы.

Я указал на двух «Дьяволов» с самыми длинными рогами.

— Вы, двое, заходите.

Потом я выбрал главаря «Драконов» и того, кто больше всего смахивал на его помощника.

— Заходите и вы.

Наконец я повернулся к «Кровопускателям»; их предводителем был самый угрюмый малый, какого я только встречал.

— Ты и твой заместитель, заходите.

Предводитель медленно повернулся боком, картинно складывая на груди руки.

— Всякий воображала будет еще мне приказывать.

Главари других банд остановились, ожидая моей реакции.

— Видя, что более достойного способа провести время у вас нет, а также потому, что мистер Гаррет просил меня действовать вместо него, я прошу вас оказать мне честь и составить мне компанию там, внутри — и немедленно.

— Или что?

Мой голос перешел в сдавленное рычание:

— Я тебе не скажу «или что», потому что пустых угроз не терплю! Зато я скажу вот что: очевидно, что ваш союз, который сколотил Хэл, кого-то здорово напугал. Если вы будете заодно, вам никто не страшен, но если хотите, чтобы «Кровопускатели» остались вне круга, пожалуйста. Можете уходить хоть сейчас.

Я повернулся и пошел в дом. Двое «Дьяволов» и двое «Драконов» последовали за мной. «Кровопускатели» тоже пришли — только немного позже и словно бы сами по себе.

Поддерживая приличествующее расстояние между собой, главари молча рассматривали «Арийца», стоявшего на коленях в луже крови. Она уже начала пропитывать его вылинявшие джинсы и белые носки. Бат скрутил ему руки и ноги и полдской ткани, оторванной от его же футболки, завязал ему глаза. Парнишка дрежал и немного покачивался.

— Вот, джентльмены, один из тех, кто пытался убить Хэла Гаррета. Базусловно, Генрих будет отрешиваться, но именно он послал этих мальчишек на задание без самой элементарной подготовки. По следам пуль на стене вы можете убедиться, что они не могли даже удержать оружие при отдаче. — Я присел на корточки перед парнишкой. — Как тебя зовут?

— Заткнись, негролюб!

Главарь «Кровопускателей» шагнул вперед и проломил бы мальчишке череп ногой, если бы Бат не сцапал его за воротник и не оттащил назад.

— Чего тебе, ты? Я раздавлю этот кусок дерьма!

Я покачал головой.

— Нет. Никаких убийств. Хэл взял с меня слово не убивать.

«Кровопускатель» ткнул себя большим пальцем в грудь.

— Эй, Рейф ничего не обещал Хэлу!

— Впрочем, и я, кажется, не обещал Хэлу не убивать тебя, так что мы на равных, а? — Я схватил юного вамсовца за подбородок. — Так как твое имя?

Юнец излучал страх, как костер излучает тепло. Он хотел бы держаться с презрением, но егохватило только на один выкрик. Да и много ли можно ждать от мальчишки, который с завязанными глазами стоит на коленях в луже липкой крови, понимая, что вокруг него люди, которые хотят лишь его смерти? Он поднял голову и сказал по-немецки:

— Меня зовут Виллем.

— Хорошо. А теперь слушай, Виллем. Я знаю, что почти бесполезно вытягивать из тебя что-то о Генрихе. У меня не так уж много способов напугать тебя до нужной степени, особенно если я уже сказал, что не собираюсь никого убивать. Итак, я решил сделать кое-что другое — и,

как ни странно, это может спасти тебе жизнь. Тебе это не понравится, но я стараюсь ради твоего же блага, поверь мне. — Я взглянул на Алехандро. — Принесите-ка мне, пожалуйста, ЗЕЛЕНУЮ коробку из спальни.

Услышав слово «зеленую», Виллем забеспокоился, и я этим воспользовался.

— Я не сомневаюсь, Виллем, что Генрих, твой неустрашимый вождь, рассказал тебе все о «грязных людишках». Он говорил тебе, какие они дикие, и Рейф едва не подтвердил это, сплывав у тебя на голове. — Я быстро прочел имя, вышитое на груди Рейфова заместителя. — Зато Джалал, с другой стороны, довольно сдержан и цивилизован. Одним словом, парнишка, ты в плену предвзятого мнения, и я хочу дать тебе возможность исправиться.

Алехандро принес коробку. Открыв ее, я выбрал самый большой шприц, какой там только нашелся, сорвал с него обертку и провел шприцем под носом у Виллема так, словно предлагал ему высокосортную сигару.

— Вот, друг мой, этот шприц и послужит инструментом твоего просвещения. Ты, разумеется, знаешь, что белые люди — высшая раса, потому что у них чистая кровь. Да-а, Виллем, боюсь, что отныне твоя фамилия будет «Грязник».

Рейф свирепо взглянул на меня.

— Чего ты делаешь, ты? Ты хочешь, чтобы он раскололся, или вкатить ему образования через задницу? Дай его мне, я ему покажу, кто тут низшая раса. А потом мы пойдем и замочим еще парочку беленьких неженков.

— Заткнись, олух, не то я скажу Бату, чтобы открыл тебе голову и отнес в кегельбан. — Виллем истерически захохотал, но я оборвал его смех пощечиной. — Руки-ноги пойдут на кегли, а запасных частей никто не найдет, идиот. Что я собираюсь сделать, так это наполнить шприц кровью и закачать ее тебе, Виллем. Твоя кровь станет смешанной. Потом мы вывезем тебя в пустыню и оставим на солнышке, пока ты не почернеешь хорошенько.

— О Господи, — возопил Рейф. — Крови беляшек я достану тебе сколько угодно.

— Вот именно! — Я вытащил из травматологического набора иглу, распечатал ее и вставил в шприц. — Рейф, поскольку у тебя в голове не больше одной извилины, я думаю, ты подойдешь. Бат, заверни ему рукав и поддержи его, чтобы не дергался.

Рейф хотел отскочить, но Бат сдернул ему куртку на локти и лишил возможности сопротивляться. На бицепсе Рейфа пульсировала превосходная толстая вена.

— Отвали от меня, ты! Я не дам свою кровь этой мрази!

Я покачал головой и рассмеялся.

— Этой мрази? Какое извращенное чувство заставляет тебя думать, что ты его лучше? Ты, тупица, всегда готов пойти воевать, а из-за чего? Из-за того, что стреляли в человека, который хотел чего угодно, только не войны! Лежа на каталке, с дырой в груди и дырой в животе, он взял с меня слово, слово, черт побери, что я не допущу войны. Хэл явно сумел разглядеть в тебе гораздо больше, чем я, раз считал, что у тебя хватит мозгов понять, что смерть никому не поможет. — Я повернулся и взглянул на других главарей. — Вы все можете проваливать и браться за свои пушки, если хотите. Попробуйте пойти и перестрелять всех «Арийцев», если вам так нейдет. Я позабочусь, чтобы вам дали общий стол в морге. Черт, да я, пожалуй, сам, распродам вас «Жнецам», а денежки отправлю в фонд «Солнечный луч», потому что это единственный способ сделать так, чтобы война помогла хоть кому-то. — Я перевел дыхание и ухмыльнулся Рейфу. — Я думаю, не закачать ли тебе потом немного и его крови? Вы так сходно мыслите, что вам на роду написано быть кровными братьями.

— Не тронь меня этой штукой. — Рейф выпучил глаза и беспомощно забился в руках Бата.

Я сдернул с иглы пластиковый колпачок. Увидев это, Рейф закатил глаза и потерял сознание. Бат был немало удивлен, когда главарь банды повис у него на руках. Я знаком велел Бату посадить Рейфа на пол и сделал вид, будто беру у вождя кровь.

— Ох, Рейф, великолепно! Черная, дымится — как раз то, что мне нужно. — Внезапно я увидел, что Джа-

лал осторожно пробирается к двери. — Куда это ты собрался?

«Кровопускатель» улыбнулся.

— Я так рассудил, что, если вкатить Виллему столько черной крови, он будет меняться быстро. Я хотел согнать кого-нибудь из ватаги за жареными цыплятами и арбузом. — Негритянский акцент придал его словам издевательскую убедительность.

— Какое внимание с твоей стороны.

Джалал ухмыльнулся во весь рот:

— Для брата — все что угодно.

Снова порывшись в травматологическом наборе, я достал маленькую ампулу с эпинефрином — синтетическим адреналином — и набрал в шприц достаточно жидкости, чтобы Виллема пробрало до костей. Протирая ему руку ваткой, смоченной в спирте, я сказал:

— Это совсем не больно, сынок, — и взглянул на «Драконов»: — Когда начнет действовать, я попрошу и вас поделиться с ним кровью, чтобы он получил раскосые глаза и способности к математике. А «Дьяволы» научат его говорить по-испански и есть тортильи.

— Все что угодно, лишь бы спасти его от арианизма. Я воткнул Виллему иглу в дельтовидную мышцу.

— Ну, понеслась. Эй, взгляните-ка! Уже начинается! Виллем, подстегнутый эпинефрином, начал трястись.

— Цвет слабого чая, но уже темнеет.

— Ого, скоро он будет черным как боб!

— Цвет красного дерева, точно, — добавил главарь «Драконов».

Я запустил руку Виллему в волосы и осторожно взъерошил их.

— Взгляните-ка, как темнеют. Ох и сильная кровь у тебя, Рейф!

— Парень, — подколот Джалал, — а девочка у тебя есть? Моя сестричка как раз скучает.

Главарь «Дьяволов» покачал головой:

— Нет уж, моей сестре он тоже понравится.

Виллем вспотел так, что промокла повязка на глазах.

— Нет, вы не сделаете это со мной! Не сделаете!

— Мы уже сделали, Виллем, и после того, как вытащим тебя на солнышко, ты таким и останешься. Ты

навсегда станешь одним из грязных людишек. Ты читал книгу «Черный, как я»? Нет? Обязательно почитай, когда будет время. Правда, книжка старая, но я уверен, ребята помогут тебе советами. Есть у кого-нибудь часы? Который час?

— Полночь.

Я зашипел сквозь зубы.

— Черт, он меняется быстро, а до восхода еще шесть часов. Он может вернуться к прежнему виду, прежде чем мы зафиксируем изменения. Кто из вас знает, есть ли тут поблизости солярий?

— Да, есть, на перекрестке Тридцатой и Томаса, мили полторы отсюда. — Алехандро похлопал Виллема по спине. — Я могу его подбросить в два счета.

— Нет, не надо!

— Надо, Виллем, иначе к тебе вернется твое прежнее глупое «я». — Я положил тяжелую ладонь ему на плечо и дружески сжал. — У меня руки связаны, сынок.

— Нет, пожалуйста! Нет! — Он начал кричать и неудержимо трястись. Я знал, что эта дрожь вызвана эпинефрином, но и страх тут тоже сыграл свою роль: Виллем был напуган до глубины души и даже еще глубже. — Нет, пожалуйста!

— Виллем, — начал я тихим голосом, — ты просишь меня о милости, а ведь ты стрелял в моего друга. Ты должен доказать мне, что сожалеешь об этом и предложить компенсацию за то, что ты сделал. Ты едва не убил человека, который впустил тебя в дом, потому что ты просил его о помощи. Если бы я не дал ему слово, ты был бы уже мертв.

— Что вы хотите? — В голосе Виллема прозвучало отчаяние, и он начал заваливаться в сторону Алехандро.

— Ответов на некоторые вопросы.

— Если я знаю — конечно, на все, какие угодно!

— Ну вот, Виллем, мы почти дома.

Я встал и отвел главарей банд к двери.

— Вы знаете, что Гаррет хотел мира, так?

Они ответили кивками.

— Хорошо. То, что он сейчас скажет, может лишить вас благоразумия. Гаррет доверил мне переговоры с вами, и теперь вам придется доверить мне уладить это дело.

Вам лучше уйти и увести своих людей. Идет? Положитесь на меня и уходите.

Уши главаря «Драконов» шевельнулись и замерли.

— Идет. — Он взглянул на двух других главарей. — Продолжим перемирие, по крайней мере до тех пор, пока Гаррет не встанет на ноги?

Джалал и «Дьяволы» дали согласие. Потом Джалал кивнул мне:

— Я попридержу Рейфа.

— Спасибо.

Джалал выволок Рейфа из дома, и толпа снаружи стала рассасываться. Я снова присел на корточки перед Виллемом.

— Виллем, вопрос вот какой: Генрих получает изрядные субсидии, чтобы закупить оружие и начать войну здесь, на южной стороне Феникса. Его кто-то финансирует, и финансирует с умом. У них оружие от «Ханивел и Кох», но их цитадель находится в зоне военных действий, так что они скорее всего здесь ни при чём. Так вот, скажи мне, кто обустраивает фатерланд для фюрера Генриха?

Мальчишка поник головой.

— «Билдмор».

— Имена?

— Имени я не знаю, но он из службы безопасности, и у него куча долмарок.

— Хороший мальчик. Алехандро отведет тебя туда, где ты сможешь поспать до утра. К этому времени ты уже придешь в себя. А повязку на глазах мы оставим, потому что превращение делает их слишком чувствительными.

Алехандро помог парнишке подняться. Я перерезал веревки скальпелем, взятым из травматологического набора и, вставая, посмотрел на Бата.

— Ты все слышал?

Он кивнул.

— Отлично. Этим займется Джитт. Посмотрим, сумеет ли она отыскать вероятных кандидатов. Пусть запустит проверку конфликтных областей между «Билдмор», «Лорикой», «Ханивел и Кох», «Сумитомо-Диал» и

«Джинентех-Карбайд». Я хочу знать все о нашей мишене. Да, и пусть составит досье на Нерис Лоринг.

Бат медленно кивнул.

— Ты хорошо поработал. Я бы начал с того, что стал бы ломать ему кости.

— Искушение было и у меня, но я обещал.

— Я никогда не даю обещаний, которые не собираюсь выполнить.

— Ну а я даю только такие, которые, как мне кажется, выполнить в состоянии. — Я выглянул в окно. Толпа уже рассосалась. — Надеюсь только, что обстоятельства не помешают мне это сделать.

22

Я вернулся домой, к Марит, около часа ночи. Заглянув к ней и увидев, что она мирно спит, я не стал беспокоить ее, разделся в комнате для гостей и рухнул в постель. Хотя мне было бы и уютнее, и спокойнее, если бы она лежала рядом со мной, я не был уверен, что мне сейчас нужны спокойствие и уют.

Я не сомневался, что тот предатель, о котором говорил Койот, передал сведения о встрече у Хэла Генриху. Информация, полученная от Виллема, могла бы помочь выйти на того, кто нанял предателя, но тут в моей логике имелся большой пробел, который мне хотелось бы устранить. Подгонять под теорию факты — последнее дело. Надо искать теорию, соответствующую фактам.

Итак, каковы же факты, которыми я располагаю? Из того, о чем спрашивала Нерис и по ее реакции на мои слова, следовало, что меня пригласили со стороны, чтобы убрать со сцены ее отца. Ее настроение внезапно и резко изменилось именно в тот момент, когда я намекнул, что ее отец, возможно, еще жив. Очевидно, информация, которой он располагал, представляла опасность для Нерис — но я даже не мог предположить, к чему она относилась.

Еще меня интриговала ненависть Нерис к Марит, которой, по-видимому, объяснялось вчерашнее происше-

ствие в «Дэнни Плэйс», и я по-прежнему терялся в догадках, имеет ли Лейх отношение к тому «Жнецу», которого я застрелил во время побега. Я был уверен, что после таких ранений выжить невозможно, но после визита в иную реальность, когда я на собственном опыте убедился, как нелегко убить драолинга, моя уверенность заметно поколебалась.

И оставалась, разумеется, проблема предателя. Поскольку все члены ячейки знали о предстоящей встрече, на эту роль годился любой. Единственным способом выявить его, был отбор по принципу ограниченной информации. Несмотря на странность того, что произошло в Седоне, Рок Пелл выглядел наиболее подходящим кандидатом. Там нас заманили в заранее устроенную засаду, и он знал, что мы туда собираемся.

Тем не менее это был всего лишь повод для дальнейшего расследования в этом направлении, но никак не доказательство вины.

Пытаясь придумать различные задания для разных людей, я постепенно погрузился в сон. Но мое подсознание продолжало мусолить эту проблему, и результатом стало странное сновидение. Дело происходило на шикарной вечеринке с коктейлями, где каждый, с кем я встречался, казался существом из плоти и крови, но как только я отворачивался, превращался в тонкий, как лист бумаги, силуэт. Одна его сторона выглядела такой, каким человек выглядел при поверхностном рассмотрении, зато другая представляла его в наихудшем свете. Например, Рок, облаченный в нацистский мундир, пересчитывал тридцать серебряных монет.

Что самое странное, Койот появился сразу в виде белого силуэта и постоянно держался спиной к стене. Я не мог добиться от него ничего, кроме редких одобрительных кивков. Меня это разочаровало, но, когда я оказался перед зеркалом, оттуда на меня тоже глянул белый силуэт. Значит, в моем подсознании Койот и я были единым целым, и эта мысль встревожила меня — но по какой-то причине я бы и сам не смог объяснить.

Внезапно в мое сновидение вторглась черная тень. Я повернулся и увидел знакомое золотое кольцо.

— Эль Эспектро. Вы действительно здесь, или мне только снится?

Тень повернулась, оказавшись более вещественной, чем прочие обитатели моего сна.

— Здесь, так сказать, во плоти.

— Вы говорили с Лорингом?

Человек-тень кивнул:

— Я связался с ним, и это оказалось до странности легко. Боюсь, что он вступил в реальность, к встрече с которой не готов.

— То есть?

Эль Эспектро сделал правой рукой движение, словно отгоняя от зеркала туман, и фон моего сновидения тотчас исчез. Теперь я видел перед собой красноватую равнину, а над ней — черную чашу неба с мигающими звездами. Эль Эспектро шагнул в зеркало, и я последовал за ним. Обернувшись, я увидел, как мир моего сновидения сжимается в точку, взмывает и становится третьей звездой в поясе Ориона.

— Мы с вами только что сменили одну реальность на другую. О способности к этому говорит, в частности, умение видеть цветные сны, а не черно-белые, значит, ваше сознание способно справиться с большим количеством сигналов на входе. Некоторые люди слепы к этим сигналам, другие не могут их обрабатывать — я имею в виду, сами, без посторонней помощи.

— Не уверен, что понимаю, о чем вы мне говорите. — Я пожал плечами. — Насколько я себя помню, хотя это не очень много, я всегда видел цветные сны.

— Мы с вами принадлежим к одаренному меньшинству. Мы — те, кого шарлатаны и медиумы называют сенситивами. У нас есть природный дар принимать и обрабатывать больше сигналов, чем другие люди. По сути дела, это разновидность эмпатии, сродни способности видеть в ультрафиолетовом или инфракрасном диапазоне электромагнитных волн. Мы знаем, что первое доступно некоторым насекомым, а второе — змеям. Для нас, пока мы не обучены и не вооружены умением, эмпатия немногим более, чем умение чувствовать беспокойство в опасных ситуациях и воспринимать тревогу других.

Я улыбнулся.

— В то время как вы, обученный и вооруженный своим искусством, способны читать мысли и творить прочие чудеса.

Эль Эсфектро наклонил голову в знак согласия с моим замечанием.

— Верно, хотя на самом деле мои чудеса не слишком отличаются от салонных фокусов. Телекинез, пирокинез, телепатия, психометрия, ясновидение — все это лишь следствие того, что отличает нас от прочих. Мы такие же люди, как все, только сведущи в том, к чему другие слепы.

— И Неро Лоринг один из слепых.

— Именно. К несчастью. Как творческий человек, это один из самых блестящих умов, с какими я имел удовольствие встретиться. Его разум работает настолько быстро и таким сложным образом, что я способен уловить не более чем отзвуки поверхностных мыслей. Мне легче было бы прочесть «Войну и мир» по-эскимосски, чем углубиться в его разум. И все же, если бы он вчера оказался с нами в протоизмерении, то обнаружил, что попал в мир, наполненный серым желе. Он не видел бы ничего, кроме вас и меня, а если бы мы покинули его, то остался беспомощным.

Комета неудачи черкнула по небу.

— В том, как вы произнесли «к несчастью», мне чувствуется опасность.

— И к тому же немалая. Года четыре назад, как я теперь понимаю, Лоринг впервые заметил тревожные признаки и начал, по меньшей мере, подозревать о существовании измерений, отличных от того, в котором существует Земля. Он придумал устройство, которое, по его замыслу, должно было позволить ему обнаружить иную вселенную. Неро назвал его радиотелескопом, просматривающим другие измерения. Это было нечто вроде грубого аналога тех пространственных врат, через которые я отправил вас и мисс Фиск обратно в Затмение. Неро занимался этим в свободное время, но примерно четыре месяца назад он обнаружил нечто такое, что его потрясло. Два месяца спустя дочь выставила

Лоринга из компании и попыталась убрать совсем, но верные люди помогли ему скрыться.

— И меня вызвали, чтобы я его убил.

Эль Эспектро вскинул голову.

— Умозаключение или вы знаете точно?

— Умозаключение, но весьма обоснованное. Признаки есть, хотя, — я скрестил руки на груди, — я все еще страдаю от амнезии и до конца не уверен. Я сделал этот вывод на основании поведения Нерис. Она очень встревожилась, когда я сказал ей, что ездил в Седону по поводу слухов об ее отце.

— Это может многое усложнить. — Человек-тень ненадолго задумался, потом покачал головой. — Вам придется действовать очень осторожно.

— Не сомневайтесь. А теперь поскорее расскажите о Неро.

— А, да. Когда Лоринга выгнали, он потерял доступ к своей машине. Он провел много времени за изучением некоторых мистических текстов, описывающих иные измерения, иных существ и тому подобное. Не думаю, чтобы он верил в какие-то конкретные описания — скорее искал соответствия тому, что открыл с помощью своего димензиоскопа. У Эдгара По он нашел то, что искал, и решил поверить злобной клевете на мистера По, обнародованной Руфусом В. Грисуолдом.

— То есть о том, что По пристрастился к опиуму? — вставил я.

— Верно, или, скорее, неверно. По мог быть, как мы с вами, эмпатом с большим творческим даром и способностью заглядывать в иные измерения. Неро, начав с этого, укрылся там, где мог получать и использовать психотропные средства, с целью освободить свой разум и странствовать там, куда мог проникнуть с помощью димензиоскопа.

— И это не сработало?

— Представьте себе человека, который изучает географию, прыгнув на плот в надежде, что случайное течение перенесет его из Нью-Йорка в Европу. Неро разрушает свой разум — и разрушает его впустую. — В голосе Эль Эспектро зазвучала тревога. — Каким бы важным

ни представлялось ему это дело, в любом случае ему с ним не справиться.

— А чего вы хотите от меня?

— Рана, которую я получил, оказалась опаснее, чем я думал. Я не могу прийти к Неро и отрезвить его. Нужно, чтобы это сделали вы. Вы должны забрать его оттуда, где он сейчас, и оставить у моих друзей в Затмении.

— То есть выступить в качестве посредника?

— Это скорее ради вашей безопасности, нежели моей. — Эль Эспектро приложил ладонь к моему лбу. По коже пробежали мурашки, и я внезапно увидел маршрут, которым должен был ехать туда, где был Лоринг. — Вот, это вам поможет. Желаю удачи и счастья — и, пока вы не знаете, кто предатель, езжайте один.

Силуэт Эль Эспектро начал бледнеть, его голос постепенно затих. Там, где он только что стоял, над краем нашей планеты стал заниматься рассвет. Отвернувшись от яркого света, я почувствовал простыни, обвившиеся вокруг моих ног, и открыл глаза. В зеркальном фасаде цитадели «Сумитомо-Диал» отражалось восходящее солнце.

Я почувствовал запах кофе и взглянул на дверь. Там стояла Марит, в свободно подпоясанном шелковом халате, синем, как брюшко комнатной мухи. Когда она прислонилась к косяку, халат распахнулся, открывая шею, ложбинку на груди и плоский живот. Она держала у лица дымящуюся чашку и, казалось, собиралась вдыхать аромат кофе, чем пить его.

Я улыбнулся:

— Если кофе на вкус таков же, как и на запах, это высший класс.

Марит глубоко вдохнула и улыбнулась:

— Мне надо было проснуться. У меня был кошмар.

— О?

— Да, мне приснилось, что я просыпаюсь, а тебя нет рядом.

— Извини, ночью я не хотел тревожить твой сон.

— Понимаю, но, зная о Хэле, я беспокоилась.

Я сел в кровати и протянул ей руки. Она поставила чашку на ночной столик, забралась ко мне в постель, и я обнял ее.

— Не думал, что ты знаешь о Хэле.

— Джитт позвонила ночью и рассказала. Бедная Кенди! Я почувствовал, как она вздрогнула.

— Да. Но мы живы, и у меня есть след, который нужно исследовать Джитт и Бату.

— Правда? Я могу помочь?

Я покачал головой:

— В этом деле — нет. Но если ты еще один день проведешь в постели...

Она крепче прижалась ко мне.

— С тобой вместе?

— Хотелось бы. — Я приподнял ей подбородок и поцеловал ее в губы. — Мне надо съездить в индейскую резервацию. Если бы ты позвонила вниз и попросила приготовить для меня свой «ариэль», я был бы тебе очень признателен.

— Ради тебя я могу позвонить. Когда он тебе нужен?

— Через час.

— Через ча-а-ас? — Марит произнесла это, надувшись, и таким жалобным тоном, словно я говорил о наносекунде. Навалившись мне на грудь, она припечатала меня к постели. — Сойдемся на двух часах, мистер Кейн, и сделайте мне первый взнос в счет вашей признательности, чтобы скрепить договор.

— С удовольствием, мисс Фиск.

— Взаимно, мистер Кейн.

23

П окинув постель спустя изрядное время после того, как проснулся, я принял душ и облачился в повседневную одежду. Марит предложила потереть мне спинку, но я напомнил ей, что она должна еще позвонить насчет автомобиля. Она пошла звонить, заметив, что рассчитывает на выплату остальных девяноста процентов моей признательности по возвращении. Я предложил дать расписку, но она согласилась принять устное обязательство.

Чувствуя себя беспокойно, я взял с собой не только «кольт крайт», но и тот пистолет, что отобрал у «Жнецов», и свою снайперскую винтовку, хотя и оставил ее в кейсе. В индейской резервации Солт-Ривер нелишнее иметь при себе дальнобойное оружие.

Марит одобрила мои приготовления.

— Если ты прав и Ведьма наняла тебя убить своего папашу, то взять на его поиски столько оружия, сколько можешь унести, — неплохая идея. И все-таки лучше бы мне поехать с тобой — просто на всякий случай.

Я покачал головой:

— Нет. Я хочу, чтобы ты еще денек отдохнула. Если то, что мы узнаем от Лоринга, потребует решительных действий, ты должна быть готова.

Марит неохотно согласилась с этим аргументом и велела Хуаните приготовить мне с собой ленч. Я взял коричневый пакет с едой, и Марит поцеловала меня, словно домохозяйка, провожающая мужа на работу.

— Будь осторожен.

— Как всегда. — Я подмигнул ей. — Да, кстати, никому не говори об этом, ладно? Хэлу лишние заботы ни к чему — да у меня еще, может, ничего и не получится.

— Ладно.

Я спустился на Пятый уровень и взял «ариэль» возле транспортной зоны Макдауэлл. Служитель показал мне «преисподник» — на местном жаргоне так называли подъемник, доставляющий автомобили прямо наверх, если это было быстрее, чем выезжать из Центра по автострадам. Поскольку я собирался отправиться в резервацию прямо из Макдауэлла, я решил, что это сэкономит мне время.

Вероятно, в глубине души я был готов к тому, что за мной будет слежка, но никак не ожидал, что она окажется такой вульгарно открытой. В первый раз я заметил «хвоста» на перекрестке Шестнадцатой и Макдауэлл, а к тому времени, когда проезжал под Скво Пик Паркуэй, уже не сомневался. Я нажал на газ, и отражения уличных фонарей замелькали на капоте. Преследователь, понимая, что обнаружен, тоже прибавил скорость.

Я вытащил «крайт» из наплечной кобуры, положил его на сиденье рядом с собой и, опустив стекло с твоей

стороны, принялся следить в зеркальце заднего вида за грузовичком-пикапом с двумя «Арийцами» в кабине и третьим в кузове. Тот, что был в кузове, поднял винтовку, и я увидел вспышку выстрела за мгновение до того, как заднее стекло треснуло и разлетелось угловатыми ледяными брызгами.

Я был настолько поглощен тем, чтобы затруднить прицельную стрельбу по моему автомобилю, что едва не пропустил другую опасность. Во всякой ловушке должны быть приманка и жало. Я ошибся, приняв пикап за жало, в то время как он сделал именно то, что требуется от приманки, — отвлек на себя внимание. Он очень хорошо справился с этой задачей, и я чуть было не опоздал.

Из боковой улочки наперерез движению вылетел «харлей», на котором восседал беловолосый, голый по пояс «Ариец». На нем были зеркальные очки, но под левой линзой виднелся след звездообразного шрама. Он развернулся на меня, и я увидел на его груди еще два круглых шрама, таких старых на вид, что вряд ли они не могли быть следом пулевого ранения недельной давности. Затянутой в перчатку левой рукой он сжимал рукоять обреза-двустволки.

Я ударил по тормозам, и «харлей» проскочил мимо. Лейх перекинул обрез в другую руку, но я крутанул руль влево и ударил капотом по его мотоциклу. Он выронил обрез, и пока он боролся, пытаюсь удержать руль, я поравнялся с ним, высунул в окошко «крайт» и всадил в него две пули. Одна ударила его в бедро, другая — в грудь, и мотоцикл, вильнув, ушел в сторону.

В одном отношении Лейху повезло. «Форд-ревлон элан», в который он врезался, двигался не очень быстро. Лейх перелетел через руль, ударился в лобовое стекло, и его перебросило через крышу автомобиля. Он приземлился на ноги, но не удержался и заскользил на спине по осколкам стекла, мусору и кускам хромированной облицовки у обочины дороги.

Его мотоцикл, завершив вслед за ним кувырок через «элан», придавил Лейха сверху.

Пикап остановился возле распростертого Лейха, а я поехал дальше. В ушах звенело от выстрелов, во рту

чувствовался сухой и терпкий привкус кордита. Возможно, Марит была права. Возможно, мне лучше было остаться вместе с ней в постели.

На Тридцать шестой улице я остановился на красный свет позади «троттера Джи-Ди-Эм». Это была моя ошибка. Нижние этажи цитадели «Лорики», видимые слева, настойчиво советовали попытаться связать мистера Лейха и с мотоциклистом, которого я только что убил, и со «Жнецом», которого я застрелил в первую ночь моей новой жизни. Я отчаянно надеялся, что это окажется нелегко, но все три образа сливались в моем сознании легче, чем патроны, вставляемые в магазин. Он не похож на драолингов, но...

Я осознал, что красный свет горит дольше, чем ему положено, в ту же секунду, когда заметил пикап в зеркальце заднего вида. Я вывернул руль вправо и, дав полный газ, выскочил на тротуар. Правое крыло заскребло по стене, посыпались искры. Пешеходы выпрыгивали на проезжую часть, а я влетел напрямик в металлическую тележку, набитую всяческой гастрономией. Жестянки с супом и овощами забарабанили по капоту, а я снова вырулил на дорогу и дал полный газ.

За мной, проходя перекресток по широкой дуге, мчался пикап. Водитель сгорбился за рулем, пассажир рядом с ним выставил в окно пистолет. Я вильнул перед самым грузовичком и сбил им прицел, но водитель попытался протаранить меня, и я едва отвернул.

Пока мы проскакивали перекрестки с Сороковой и Сорок четвертой, грузовичок все пытался поравняться со мной, но я не давал. И тут, как раз на другой стороне Сорок четвертой, в кузове грузовичка встал стрелок и приложил к плечу винтовку, уперев левое предплечье на ляточную петлю, чтобы точнее целиться. Я резко крутанул баранку влево, и очередь прошла через правую часть автомобиля.

Я взглянул в зеркальце и включил последнюю передачу. Внезапно до меня дошло, что на первом стрелке не было перчаток. Я присмотрелся. Ветер размазывал по его лицу две красные полосы, идущие от уголков рта. Лоскут кожи на плече хлопал на ветру, открывая дель-

товидную мышцу. В довершение ко всему на бедре и в боку у парня с винтовкой я увидел пулевые ранения.

Это Лейх. Невозможно!

Еще две пули вонзились в подголовник пассажирского сиденья, и я увидел, как Лейх яростно дергает затвор винтовки. Когда мы промчались через Пятдесят вторую улицу и начали подъем между Папаго Баттс, я убрал ногу с педали газа и свернул в правый проезд. Водитель, обрадовавшись, что я сбросил скорость, проскочил вперед, чтобы занять позицию, откуда Лейх мог палить сколько душе угодно.

Но не тут-то было. Пока водитель крутил баранку, разворачивая грузовичок поперек дороги, я снова нажал на газ и поддел пикап точно под правое заднее колесо. Кабина у грузовичка была тяжелее, и его сразу же занесло. Я ударил снова и отстал, а он устремился под углом сорок пять градусов к первоначальному направлению.

Летя на скорости миль шестьдесят в час, пикап ударился о бордюр, подпрыгнул на добрых три фута и врезался в низкую стенку на другой стороне велосипедной дорожки. Мистера Лейха и тело первого стрелка выбросило из кузова, как катапультой. Стрелок шлепнулся, как и положено мертвецу, но Лейх пытался управлять своим полетом. Он приземлился на правую ногу, по инерции перекувырнулся через спину и попытался удержаться на ногах с помощью штурмовой винтовки «армалит». Разумеется, он упал и покатился, оставляя на асфальте клочья кожи, но все же сумел встать на ноги в десяти ярдах от места аварии.

Я подбил «аризлем» его ноги. Лейх развернулся, ударился о крыло, вылетел на разделительную полосу и завопил, приземлившись в объятия большого кактуса. Он повис там, словно в мрачной пасхальной мистерии, а на другой стороне дороги пикап привалился к насыпи и замер, задрав в воздух четыре вертящихся колеса.

Уезжая прочь от этой картины, я задавал себе два вопроса. Первый: что за черт этот Лейх? Я стрелял в него в общей сложности шесть раз. Я пустил его мотоцикл навстречу автомобилю на скорости шестьдесят миль в час и видел, как он принимает массаж на асфальте.

После этого он утолил жажду кровью своего сообщника и стоял на ногах достаточно твердо, чтобы метко стрелять из кузова мчащегося грузовика. Наконец, после того как его выбросило из пикапа, он покатился и встал. Я сбил его «ариэлем», но он все-таки умудрился остаться в живых и заорать, когда его накололо на кактус.

Где-нибудь в протоизмерении это, может, и было в порядке вещей, но появления бессмертного существа на улицах Феникса я никак не ожидал.

— Логично предположить, что этот Лейх, скажем, один из четверых близнецов, разделяющих между собой свои увечья с помощью той эмпатии, о которой говорил Эль Эспектро.

Оттого, что я произнес это предположение вслух, оно лучше не стало. Напрашивался вывод, что Лейх, как и драолинги, был порождением иного измерения, — но как он сюда попал, как связался с «Лорикой» и Нерис, и откуда знал, что ему нужно гнаться за мной именно в это утро, оставалось полем, открытым для умозаключений. Из этого набора загадок меня больше всего беспокоила последняя, но я отложил размышления до тех пор, пока не оставлю Неро Лоринга в безопасности у друзей Эль Эспектро.

Другой вопрос, разумеется, заключался в том, как объяснить Марит, что случилось с ее автомобилем.

— Да, приятель, — сказал я себе. — Тебе придется быть ОЧЕНЬ признательным.

Застывшая Тень накрывала собой восточную часть того, что прежде называлось Долиной Солнца, до самой Солт-Ривер. Я видел границу на карте, но никак не предполагал, что она окажется такой резкой. Чтобы улавливать утреннее солнце, панели Застывшей Тени перекрывали восточную часть Скоттсдэйла, оставляя просвет в двадцать футов лишь над основными дорогами.

По счастью, Макдауэлл-роуд принадлежала к ним, и я попал в резервацию, без остановки проскочив под Сто первой эстакадой. Снаружи, под восхитительными лучами солнца, я разогнал машину до семидесяти миль в час и предоставил встречному ветру выдувать через заднее окно осколки стекла и клочья набивки сиденья. Я

наслаждался теплом, и под ярким светом мой страх перед Лейхом отчасти растаял.

Я свернул на шоссе номер 87, ведущее на северо-восток, и поехал через самые сухие и негостеприимные земли, какие я только видел. В отдалении мелькали маленькие ветхие домики цвета рыжей грязи. Я не сразу сообразил, что они сделаны из адобы, и это меня поразило. В этот день, в этом веке, в тени одного из величайших городов Северной Америки, люди живут в домах, слепленных из грязи!

Недалеко за тем местом, где Билайн-хайвей пересекает Аризонский канал, я свернул на север по грунтовой дороге. Я ехал по ней, поднимая огромные клубы пыли, дважды вспугивал диких кроликов, и трижды мне попадались ржавые остовы автомобилей. Но несмотря ни на что, я уверенно держал курс на гору Соуик.

Эта гора, округлый красный кусок скалы, лежит на окружающей плоской равнине, словно комок глины, прилепнутый гончаром. Я обогнул ее с востока и остановился у дальнего края. Снова убрав в кобуру вороненый «крайт», я взял из машины кейс с винтовкой и пакет с сэндвичами. Кейс был помят срикошетившей пулей, а в одном из двух сэндвичей зияла большая дыра.

Я перебрался через пару небольших лощин и нашел тропинку, ведущую в неширокую расщелину между самой горой и большим утесом, — я видел ее, когда Эль Эспектро мысленно передавал мне карту. У подножия горы я встретил двух индейцев — молодого и очень старого.

— Здравствуйте, джентльмены. — Я старался держаться открыто и непринужденно, поскольку у молодого индейца висел на правом локте древний винчестер с рычагом для перезарядки. — Хороший день для прогулки.

Старик хрипло расхохотался. Молодой поднял ружье и положил на сгиб левой руки.

— Мистер, если вы проделали этот путь ради прогулки, вынужден вас разочаровать. Это земля резервации, и она закрыта для туристов. Можете разворачиваться и уходить.

В моем подсознании всплыла фраза, упрятанная туда Эль Эспектро.

— Я просто ищу видений, друзья. Отец Ведьмы нуждается в моей помощи.

Молодой готов был меня прогнать, но старик что-то ему сказал, и ствол винчестера качнулся к земле.

— Положите пакет и кейс. Снимите ветровку.

Я выполнил приказание и остался в одной тенниске-безрукавке с пристегнутой на груди кобурой.

— Что дальше?

Старик бросил бурдюк с водой к моим ногам.

— Поднимите мешок, который бросил мой дед, — приказал молодой, — и вымойте руки. Мойте их хорошенько.

После всего, что случилось утром, я и сам был не прочь сполоснуться. Подняв бурдюк, я полил на руки и понюхал воду. Она ничем не пахла. Я вымыл руки, заткнул бурдюк и снова бросил его старику.

— Если вы попросите меня надеть хирургический халат и пройти в операционную, то я сейчас же уйду.

Молодой поморщился на мою шутку, но старик снова залился хриплым смехом. Мы постояли минут пять; старик то и дело поглядывал то на солнце, то на меня. Наконец он что-то сказал молодому, ствол винтовки поднялся и ушел в сторону.

— Входите. Вы чисты.

Я нахмурился, пытаюсь собраться с мыслями.

— Чист?

Старик заговорил тихим, докучливым и в то же время властным голосом:

— В прежние дни создания зла не могли устоять против солнечного света. Но теперь у них есть защита от солнца. — Он положил трясущуюся руку на сильное плечо внука. — Ты подождешь здесь, Уилл. Будь на страже, а мы пойдем в Пещеру Сновидений.

— Да, дедушка.

Старик, чьи длинные седые волосы были прихвачены ремешком вокруг головы, повел меня по узкой тропке.

— Тебя послал Дух, Что Живет. Сказал ли он тебе, что ты должен найти?

— Нет.

Старик взглянул на меня через плечо пронзительными серыми глазами.

— Здесь мы далеко от того мира, который ты знал в Фениксе. И Неро Лоринг так же далек от нас, как ты от Феникса. Лоринг доверился мне, и я согласился помочь ему в поисках, но больше я ничем помочь ему не могу. Это дело для тебя.

— Кстати, меня зовут Тихо Кейн.

Старик негромко рассмеялся.

— Данное мне имя на твоём языке звучит: Тот, Чьи Grimасы как Свет в Глазу Ворона. Оно мне не льстит. Можешь называть меня Джордж.

— Джордж?

Он пожал плечами.

— В дни моей юности я учился писать по-английски, срисовывая надписи на монетах. Когда меня призвали во время Корейской войны, то предложили выбирать между Джорджем и Новусом. Первое имя сержанту легче было запомнить.

За разговором мы подошли к крутой извилистой тропинке, жавшейся к склону горы. Годы выветрили, но не сгладили вулканический камень. Один неверный шаг, и я разобьюсь в лепешку не хуже Лейха.

Джордж остановил меня на широком уступе. Слева шли зацепки для рук и ног, вырезанные в камне прежними поколениями. Наверху, над краем следующего уступа, виднелась верхняя часть чего-то, похожего на пещеру. Старик указал на нее.

— Это священная гора, а Пещера Сновидений — волшебное место. Неро Лоринг там уже три недели. Мы с Уиллом каждый день приносим ему еду и воду. Еще мы следим, чтобы его не потревожили те, кто желает ему зла. Когда поднимаешься, ничего ему не говори, пока он сам не заговорит с тобой. Он беседует с богами, и не нужно мешать этой беседе. — Старик вздохнул и присел в тени. — Не знаю, что ты там найдешь. Я не был в пещере с тех пор, как впервые привел его туда. Но что бы ты ни увидел, не трогай ничего — для него это может быть священо. Может быть, только это и поддерживает в нем жизнь. Слушай его внимательно, и когда он заговорит с тобой, как с тобой, значит, ты можешь забрать его. А я между тем, — он указал на мою кладь, — присмотрю за твоими вещами.

Я поставил кейс на землю и бросил старику пакет с сэндвичами.

— Если хотите, поешьте, но берегитесь отравления свинцом.

Он кивнул с серьезным видом.

— Портить еду — преступление.

Я начал подниматься, прислушиваясь к звукам, доносящимся сверху. Подъем оказался нетрудным, и всякий раз, когда я оглядывался, Джордж помахивал мне все меньшим и меньшим куском сэндвича. На самом верху я заметил кувшин с водой и пустую пластиковую тарелку, стоящие на уступе, который был немногим шире двупальной кровати.

Отверстие в горе явно было сделано человеческими руками и вело в туннель шириной фута три и длиной десять футов. Я пригнулся, чтобы не снять себе скальп о скалу, потом медленно выпрямился и вошел в Пещеру Сновидений.

Пещера освещалась только через отверстие в сводчатой крыше, и яркий луч света омывал сидящего в позе лотоса Неро Лоринга. Я не сразу понял, что он довольно мал ростом. Солнце играло на его безволосой макушке и голых плечах. Лоринг сидел, закатив глаза, и казалось, что он заключен в световой кокон в преддверии духовного преобразования.

Касаясь рукой стены, я осторожно двинулся по внешнему краю пещеры к небольшой нише. У меня было немного свободы передвижения, потому что Лоринг покрыл весь пол пещеры сложным рисунком из песка. Я видел песчаные рисунки, которыми торговали в Фениксе, но, хотя техника была мне знакома, смысл изображения был непонятен.

Центр рисунка был там, где сидел Лоринг. Семь линий делили его на равные части, и в каждой было изображено странное существо. Безусловно, это были символы, но символы чего, я не мог догадаться. Например, треснувшее яйцо, из которого выползло насекомоподобное чудовище. Или ненасытная большеротая тварь, загребавшая себе в пасть землю конечностями, которые заканчивались экскаваторными ковшми. Внезапно меня охватило чувство, что все это мне знакомо. Ключ к раз-

гадке был где-то внутри меня — не хватало только маленького кусочка головоломки.

Этим кусочком был внешний круг. Он был почти полностью сделан из черного песка, кроме тех мест, где на него наслаивался обычный. Эти части имели форму углов, начинающихся и заканчивающихся точками. Я знал, что уже видел такой рисунок, но не сразу вспомнил где.

Пространственные врата! Лоринг построил их из песка! Я перевел дыхание. Вот это да, здесь, наверное, не обошлось без сильнодействующих снадобий.

В семи маленьких горшочках, помещенных там, где на внешней окружности заканчивались расходящиеся линии, тлели какие-то благовония. Толстые струйки дыма плавали в воздухе, словно облака космической пыли в мировом пространстве. Едкий запах, который я не смог распознать, обжег мне нос, и у меня заслезились глаза. И когда слезы сделали окружающий меня мир расплывчатым и мутным, все вдруг переменялось.

Я увидел себя там, где был с Эль Эспектро. Я плыл над красной планетой, но теперь вокруг было множество человекоподобных существ в индейской одежде. Они пристально разглядывали меня, их очертания непрерывно менялись, они делались похожими на стеклянные витражи и вновь становились богами этого мира. Они не говорили ничего, но я чувствовал, что они побуждают меня действовать. И в то самое время, когда я почти поверил в то, что они существуют, фигуры начали исчезать, словно являлись всего лишь отражением мыслей, таившихся в моем сознании.

Внизу я увидел Неро Лоринга, сидящего в пыли красного мира. Шевельнув ногами, как рыба хвостом, я направил свой медленный полет к нему. И тут позади него, на голом скальном обрыве, появились образы, словно на гору проецировали кинофильм. Я увидел голову и плечи Лоринга и увидел, как скользят по ним тонкие нитки прицела. Я увидел лиловую точку, которой ультрафиолетовый лазер «Аллард Текнолоджиз Эспайон» метит жертву. Точка легла на лоб Лоринга, словно библейская Каинова печать, и я почувствовал, что мой правый указательный палец свело судорогой.

В мучительно точном замедленном движении я видел, как стовосьмидесятиграновая пуля с рассверленным сердечником входит в точку прицела. При столкновении капля ртути внутри пули ударила вперед и вырвалась из оболочки. Крохотные шарики ртути пронзили мозг, словно дробь. Пуля раскололась и вышла над шеей, оставив в черепе выходное отверстие, впятеро больше входной раны.

Голова Лоринга резко качнулась вперед, выпав из кадра, и фильм кончился. Я понял не рассуждая, что все увиденное было моим воспоминанием, относящимся к тому времени, когда я еще не попал в мешок для трупов. Не знаю, что за снадобье тлело в горшочках, но именно оно освободило это видение. Теперь я знал, что стрелял в Лоринга и убил. Я чувствовал это всей душой. Я убил Неро Лоринга — и все же он сидел передо мной.

Его глаза опустились, и обжигающий взгляд пронзил меня насквозь. Он заговорил, и голос его звучал так же безжизненно, как механический голос Койота в телефоне:

— Он сказал, что вы придете. Один раз как разрушитель, другой — как спаситель. — Лоринг протянул ко мне руки, словно передавая невидимую ношу. — Вы должны найти ее и привести ко мне. Ей нельзя у него оставаться.

Я нахмурился, пытаюсь проникнуть в смысл его слов.

— Кого «ее», и кто это — «он»?

— «Он» — Скрипичник. — В глазах Лоринга вспыхнуло безумие. — «Ее» — Нерис. В ваши руки предаю я душу своей дочери. Если вы не спасете ее, мы все погибнем!

24

Реальный мир вновь обрушился на меня, когда Лоринг упал посреди своего рисунка. Чувствуя, как по спине у меня пробегают мурашки, я позвал Джорджа. Довольно скоро он явился на зов и, осторожно переступая через линии, подошел к центру рисунка. Вдвоем мы подняли Лоринга, и я поразился тому, как

он истощен. Человек его роста должен был весить фунтов сто тридцать, а в нем не было даже сотни.

Мы с Джорджем протащили бесчувственного Лоринга через туннель и с помощью Уилла донесли до автомобиля. Я пристегнул Лоринга к простреленному сиденью, а кейс с винтовкой положил сзади. Захлопнув дверцу, я повернулся к Джорджу, чтобы его поблагодарить, и увидел, что он крадется вокруг автомобиля, широко расставив руки, словно птица, увидевшая змею.

Мы с Уиллом отступили, не сводя с него глаз. Джордж дошел до заднего бампера и вдруг упал наземь. Когда подбежали мы с Уиллом, он, извиваясь, выползал из-под машины, держа в руке липкий шелковистый кокон серого цвета. Он немедленно положил его на плоский камень и расплющил другим камнем.

— Когда ты ехал сюда, за тобой следили.

Я взглянул на черную жидкость, сочащуюся из-под камня, и на расстрелянный автомобиль.

— Да.

Джордж гордо кивнул.

— Вот почему. Это Зло. Лучше тебе не возвращаться той же дорогой, потому что там собраны силы, которые хотят остановить тебя.

Поскольку я с самого начала не собирался этого делать, то с легкостью согласился.

— Спасибо за все.

Уилл нахмурился.

— Я люблю и уважаю деда, но вы, белый, не можете всерьез верить во все эти мумбо-юмбо, которым он меня учил. Древность и древние чудовища не имеют силы в подлинном мире.

По этим словам Уилла я понял, что парень на перепутье. Один Уилл, современный, как многие его ровесники, грезил о жизни в Центре. В этом мире не было места суевериям и призракам. Это был поверхностный мир, где оказаться в нужном месте в нужный момент было важнее, чем сделать что-то реальное. Хотя попасть туда и удержаться там было трудно, во многих отношениях этот путь был легче, поскольку требовал только преданности работе в сочетании с такой же преданнос-

тью гедонизму и любовью к восхождению по социальной лестнице.

Другой Уилл, тот, что с младенческих лет слышал рассказы о старине, за свою жизнь увидел достаточно, чтобы у него появились вопросы. Дед, несомненно, учил его древним ритуалам и, если Уилл обладал тем, что Эль Эспектро называл скрытыми эмпатическими способностями, мог использовать их, чтобы помочь внуку овладеть этим даром. Уиллу хватало опыта догадаться, что чудеса, о которых говорил дед, могут быть настоящими, и понимал, что, если так, его мир становится листом на дереве, а не целым деревом.

— Не знаю, что ответить тебе, Уилл. Я видел вещи, которые заставили меня усомниться в том, что реально, а что нет. — Открывая дверцу машины, я кивнул Джорджу. — Если бы я мог поучиться тому, чему твой дед может меня научить, я бы обязательно это сделал. Если он неправ, ты по меньшей мере спасешь от забвения традиции, которые древнее письменной истории. А если он все-таки прав, то будешь куда лучше ориентироваться в том мире, который сам для себя выберешь.

Я сел в машину и завел двигатель. Отъезжая, я видел, как оба индейца возвращаются к Пещере Сновидений. Джордж протянул Уиллу половину сэндвича, а юноша положил руку на плечо старику.

Другой дорогой я проехал к Фаунтейн-Хиллз и вырулил на проспект Ши. По нему я вернулся в Скоттсдейл и вошел во мрак Затмения в районе Сто двадцатой улицы. Выехав на Сто первую эстакаду, я двинулся на юг, до самого Томаса. Там я свернул, обогнув сердцевину Драк-Сити, и оставил Лоринга у друзей Эль Эспектро в маленьком домике, расположенном между Хейденом и Пимой, далеко от шоссе. За всю дорогу он ни разу не проснулся, и когда я уезжал, его зрачки все еще были расширены от зелья, которым он пользовался.

Я проверил, нет ли за мной «хвоста», и, остановившись у лавочки, где был телефон-автомат, позвонил Марит.

— Привет, Тихо. Ну как?

— Кто-нибудь еще знал, что я собираюсь в резервацию?

— Нет, я никому не говорила, как ты просил, — ее голос утратил игривость. — Что случилось?

— «Арийцы» подцепили меня сразу, как только я выехал из Центра. Мне удалось уйти, но твоя машина порядком попорчена. — Я нахмурился. — Может быть, они просто следили за твоим автомобилем. Точно больше никто не знал?

— Нет... Хотя погоди. Когда мы вчера уезжали в Седону, Рок забрал «аризель» на обслуживание. Он всегда это делает. Прежде чем позвонить в гараж, я звонила ему, узнать, там ли она уже или ее еще ремонтируют. Я не говорила, куда ты поедешь, но сказала, что автомобиль нужен тебе. — Внезапно она осознала, что говорит. — У Рока могут быть дела с «Арийцами», но он бы не натравил их на тебя.

Конечно нет, дорогая, он просто продал меня «Лорике» по приказу Нерис.

— Ты права. Вероятно, у Генриха связи по всему городу. Не сомневаюсь, что эта история с Виллемом его разозлила. Надо предупредить остальных, чтобы тоже остерегались.

— Верно. — Марит помедлила, и ее голос немного оживился. — Слушай, звонила Джитт, говорила, что закончила ту работу, о которой ты просил. Она на обычном месте — если хочешь, съезди туда и узнай, что получилось.

— Я съезжу. Увидимся позже?

— Я остаюсь здесь, согреть тебе простыни. — Я услышал на том конце звук взбиваемой подушки. — Слушай, а сильно повреждена моя машина?

— Ох, мне надо идти, тут еще хотят позвонить. Пока.

Я повесил трубку и вернулся к «аризелю». Подъезжая к штаб-квартире, я высматривал «Арийцев», а под конец сделал широкий круг, чтобы удостовериться, что за мной не следят. Машину я оставил на обычном месте и, войдя, как всегда, положил оружие на полку у двери.

В конференц-зале я увидел Бата, сидящего перед устремленной грудой папок.

— Что-нибудь стоящее, Бат?

Он заворчал и кинул мне одну папку. Я поймал ее на лету и решил, что для своего заголовка она слишком тонкая.

— Нерис Лоринг. Увлекательное чтение?

— Светский треп, несколько стенограмм, медицинские записи. Как у всех управляющих корпорациями — сплошная кожа и никаких костей. — Бат взглянул через плечо на стоянку. — Над «аризелем» неплохо поработали.

Я улыбнулся.

— Надеюсь, это только начало. Похоже, уличным шайкам скоро найдется другое развлечение помимо того, чтобы стрелять друг в друга. У меня была ниточка к Лорингу, и кое-кому показалось, что ее нужно обрезать. Сейчас Лоринг в безопасном месте, и если нам повезет, из него можно будет вытянуть что-нибудь полезное.

Бат кивнул и вернулся к папке, которую держал в руках. Я сел и тоже взялся за чтение. Прочитав страниц десять из семидесяти, я решил, что Бат прав.

Жизнь Нерис, изложенная по датам, была почти обычной для женщины, которой за сорок. Дочь преуспевающего инженера и изобретателя, она родилась в 1968 году и прошла через все, что проходили обычные дети в те времена, включая отряды «Домовых» и герлскаутов. Отзывы учителей свидетельствовали, что она была блестящей ученицей; судя по тестам, ее способности к языку несколько превосходили способности к математике. В двенадцать лет она даже выиграла конкурс поэтов штата Аризона.

Все изменилось в четырнадцать лет. На день рождения ей подарили щенка, и она назвала его Пуговкой. Через неделю щенок забежал в бассейн и начал тонуть. Нерис нырнула за ним, но сама запуталась в чем-то и пробыла под водой по меньшей мере шесть минут. Отец вытащил ее, когда она была уже в состоянии клинической смерти.

Спасательная команда «Рурал-Метро» сумела восстановить сердцебиение и наладить дыхание. Ее самолетом перевезли в детскую больницу Феникса, и там она три месяца пролежала в коме. Энцефалограмма была почти ровная, а работу легких поддерживал респиратор. Родители были вынуждены согласиться на его выключение, но, когда респиратор выключили, она продолжала

дышать. Электроэнцефалограф показал оживление деятельности мозга. Через день Нерис очнулась, а через неделю выписалась из больницы. После этого она полгода проходила интенсивную физиотерапию: врачи сказали, что при таких повреждениях головного мозга заново учиться владеть своим телом — обычная вещь. В конце концов она была признана здоровой и даже сумела наверстать пропущенные полгода в школе имени Герарда.

Окончив школу, Нерис поступила в Аризонский университет, где специализировалась по бизнесу и инженерному делу. Она поступила в «Лорику» на низшую должность и прокладывала себе путь вверх до тех пор, пока не стала помогать отцу в конструкторской работе. Как раз тогда начались работы над проектом маглева. По окончании начальной фазы проектирования она целиком посвятила себя связям с деловыми партнерами «Лорики» и положила начало многим проектам. Это диверсифицировало компанию и помогло «Лорике» устоять во время кризиса 2005 года.

Впрочем, за это время Нерис упрочила не только компанию, но и свое положение в ней — упрочила настолько, что два месяца назад сумела с легкостью отправить отца в отставку. Как только он был уволен, она начала вычищать его приверженцев, и поток данных, использованных для составления доклада, почти совсем иссяк. Конец.

Я снова вернулся к разделу школьных отчетов. До несчастного случая Нерис была весьма образованной и ее способности к языку были выше средних. После инцидента они ненамного снизились, зато способности к математике возросли скачкообразно — по сути, она в этом плане приблизилась к совершенству настолько, насколько это вообще дано человеку.

Из своей комнаты вышла Джитт:

— Достаточно?

Я кивнул:

— Превосходная работа, особенно за такое короткое время. Вы заметили изменения в оценках после несчастного случая?

Джитт кивнула, как деревянная кукла:

— Я сверилась с литературой и просмотрела все, что относится к изменениям личности и интеллекта в результате травмы мозга, вызванной кислородным голоданием. То, что случилось с ней, нетипично и далеко выходит за рамки тех улучшений, которые в редких случаях наблюдались. Учитывая, что травма сопровождалась гипотермией, я бы сказала, что ее случай — единственный.

— Вот это да! Впечатляет!

Джитт подала мне еще один листок.

— «Скорпионы» провели баллистическую экспертизу относительно оружия, из которого застрелили Бака. Они считают, что это был «штейр марксман SSG P-IV» калибра ноль триста восемь. Не автоматический, магазин на пять или десять патронов, поставляется со скобой под оптические прицелы натовского образца. Очень хорошее оружие, но до модели «P-VI» ему далеко.

— Знаю. Спасибо. — Джитт повернулась, чтобы уйти, но я остановил ее. — Еще немного о Нерис. Нет ли у нас образцов ее почерка до происшествия, чтобы сравнить с тем, что она писала с тех пор?

Джитт покачала головой:

— Я искала их, но ничего не нашла. Сейчас я пытаюсь найти адреса ее школьных друзей, но школу Герарда закрыли в 1988 году, так что получить эти данные нелегко. Как только я их получу, сразу свяжусь с этими людьми — быть может, у них что-то найдется.

— Желаю удачи.

Джитт посмотрела на меня странным взглядом и пошла прочь. Холодноватая и умелая, она легко могла показаться всего лишь подвижным приложением к компьютерам, с которыми работала, но я понимал, что это не так. Она получила сильнейшие физические, эмоциональные и умственные травмы. Потеря памяти была для нее благословением, но, лишенная прошлого, она неизбежно определяла себя только через работу и измененное тело.

Размышляя о ней, я засомневался, действительно ли мне так уж охота узнать, кем я был. Несомненно, я убивал людей за деньги и не испытывал угрызений совести. Только встретив Хэла, проявившего такую заботу о

чужестранце, я начал понимать, что люди — это нечто большее, чем ходячие мишени. Я по-прежнему считал, что иные из них, вроде Лейха или Генриха, заслуживают смерти, но только не из-за денег и не потому, что они встали на пути у некоего бюрократа.

Вместе с тем я понимал, что вряд ли смогу успокоиться, не узнав все о собственной личности. А для этого мне предстоит проделать сложные маневры между мегакорпорациями этого мира и всем, что может обнаружиться за его пределами. Надеюсь, навыки, приобретенные мной в прошлой жизни, помогут мне в этом — как уже не раз помогали до сегодняшнего дня.

Вздыхнув, я забрал у Бата половину папок и принял их просматривать. В большинстве своем это были короткие сообщения, обрисовывающие области конкуренции между корпорациями южной части Феникса и «Билдмором». Из прочитанного я сделал вывод, что «Билдмор» пытается расшириться и диверсифицироваться так же, как «Лорика» под управлением Нерис четыре года назад. Экспансия привела к тому, что «Билдмор» начал конкурировать со всеми компаниями южной стороны, и я попытался свести воедино все конфликтные моменты, чтобы прикинуть, кто же выигрывает гонку.

Александро приехал довольно поздно и избежал смерти лишь потому, что воздержался от смеха при виде нас, по уши зарывшихся в бумаги.

— Тихо, я хотел показать вам цветной эскиз картины. Эстефан сегодня его принес.

Он протянул мне лист бристольского картона размером примерно шесть на восемь дюймов. Эстефан изобразил Феникс с высоты птичьего полета, как если бы зритель летел в сторону Центра. Гигантский коричневый паук цеплялся за нити исполинской паутины, покрывающей линию маглева и соединяющей все башни. Он выползал из темного туннеля возле цитадели «Лорики», и Эстефан, для пущего колорита, нарисовал обвитое паутиной тело какого-то насекомого на одной из башен.

— Мне нравится.

Александро гордо кивнул.

— Эстефан говорит, что картина будет три на четыре фута, и он закончит ее дня через два. Я позвоню, вы приедете и посмотрите. — Он слегка усмехнулся и постучал пальцем по наброску. — Я уже показывал эскиз нескольким людям, и кое-кто снял с него фотокопию для рассылки по факсу. Через два дня о ней уже будут знать все.

— Замечательно! Как только вы позвоните, я возьму деньги и приеду прямо к вам.

— Хорошо. — Алехандро спрятал набросок и направился к двери. — Да, кстати, если Марит хочет избавиться от автомобиля, я его приобрету. Я нашел покупателя на произведения ретро-геваристов-реалистов.

Узнав о предложении Алехандро, Марит слегка успокоилась. Она была очень расстроена — не столько тем, что погибла машина, сколько тем, что едва не погиб я. Я был ей очень за это признателен, и она отплатила мне не меньшей признательностью. Следующие два вечера мы проводили за обедами и за созерцанием представлений в центре «Аванти» и у «Винсента» в Башне Макао.

Зато дни у меня были заняты в конференц-зале, где я прорывался сквозь гору докладов. Марит помогала, когда могла, и втроем мы кое-как справлялись с потоком информации, которую Джитт вытягивала из компьютерной сети. В конце концов мы пришли к двум заключениям.

Во-первых, все сошлись на том, что «Билдмор», покровительствуя «Арийцам», не ставил целью уничтожить какого-то одного конкурента — этот удар был нацелен на всех. Как оказалось, стратегия «Билдмора» состояла в том, чтобы причинить неприятности и посмотреть, чем пожертвуют другие корпорации ради того, чтобы укрепить безопасность. Если какая-то из дочерних компаний в результате оставалась в пренебрежении, «Билдмор» предпринимал решительные действия и присоединял ее к своей империи.

Джитт подчеркнула, что эта стратегия является модификацией тактики, которую в двадцатом столетии использовали якудза. Поскольку японцы не способны на

открытый конфликт, они платили якудза, и те делали так, чтобы их оставили в покое. В Соединенных Штатах, чтобы вытряхнуть что-нибудь, необходимо было подорвать бизнес, и эта тактика применялась компаниями в Чикаго, Нью-Йорке и Майами — везде с несомненным эффектом.

Джитт сравнила списки работников «Билдмора» со списками тех корпораций, где раньше использовались похожие приемы, и обнаружила кандидата того человека, которого мы искали. Некто Барни Корвик работал во всех компаниях, которые действовали таким способом, и был недавно принят консультантом в «Билдмор» — чтобы научить компанию бороться против него. В «Билдморе» явно опасались, что «Лорика» начнет применять тактику сильной руки, чтобы увеличить свое влияние в Фениксе.

Его блестящим учеником и связующим звеном с компанией был Синклер Мак-Нил, один из четверых сыновей деспотичного основателя «Билдмора» Дариуса Мак-Нила. Синклер уже умудрился добиться того, что отец от него отрекся, и прожил некоторое время в Японии, где работал в корпорации, интересы которой явно противоречили интересам компании отца. Три года назад он вернулся в «Билдмор» в качестве специалиста по безопасности и быстро сделал карьеру на этом поприще. Было очевидно, что Синклер и есть тот, кто нам нужен.

— Думаю, придется нам поговорить с мистером Мак-Нилом, — сказал я, и тут зазвонил телефон.

Джитт взяла трубку, послушала, сказала: «Я ему сообщу». Положив трубку, она повернулась ко мне:

— Алехандро говорит, что Эстефан Рамирес привез картину. Несколько человек приглашены сегодня вечером на частный просмотр, но он подумал, что вам захочется взглянуть на нее первым.

— Я приду. Марит? Бат? Джитт?

Марит покачала головой:

— Через полчаса мы с Дотти отправимся по магазинам, так что я пас. Надеюсь узнать у нее что-нибудь о Синклере Мак-Ниле, ведь ее муж работает в «Билдморе».

Бат кивнул.

Джитт перевела взгляд с Марит на Бата, потом посмотрела на меня.

— Я не могу отсюда уйти. — Она отправилась в свое темное святилище, но на полдороги остановилась и обернулась: — Спасибо, что спросили.

Мы втроем погрузились в новый «аризель», арендованный Марит, и отправились в Центр. Служащий на стоянке, принимая автомобиль, вопросительно взглянул на Бата, но придержал язык и тронул с места без визга покрышек. Марит пошла к Дотти, которая ждала ее на Девятом уровне, а мы с Батом направились через ярус и на другой стороне отыскивали эскалатор, который вел на один уровень вниз, к Меркадо.

Я заметил, что Бат все время смотрит по сторонам.

— Ты не был здесь раньше?

Он покачал головой:

— Неофициально.

— Но ты бывал в Центре?

— Один раз, в «Букбиндер Билдинг». Богатый любитель предложил мне десять тысяч долмарок за бой с тайским бойцом, которого он привез самолетом. Устроил ринг в своем люксе, в пентхаусе.

— И чем же закончилось? — Я улыбнулся. — Я знаю, что ты победил.

— Бой вышел за пределы ринга. Я выкинул этого тайца в окно. Ну и еще кое-что побил.

— Что?

— Вазу династии Мин. Серебряный сервиз для почетных гостей. Роденовскую бронзу. — Бат свел брови. — Да, и еще одного профи, полузащитника «Кардиналов».

Он слегка улыбнулся, а я расхохотался от души.

— Так что больше тебя не приглашали?

— Догадливый. — Он указал на закусочную, мимо которой мы проходили. — Точно в такой я дрался в Акапультко.

— Вот здесь, — сказал я Бату, когда мы вышли к галерее Алехандро. — Постарайся ничего не разбить.

Внезапно в окнах галереи полыхнул огонь. Пламя и черный дым рванулись сквозь оконные решетки, и на асфальт посыпались брызги стекла и куски деревянных

переплетов. Земля содрогнулась от взрыва, и одна из дверных створок бешено заплесала на мостовой. Взрывной волной нас швырнуло на землю, и по всему Меркадо зазвенели разбитые стекла.

Мы с Батом были далеко от места взрыва и отделались царапинами. Из бара напротив выбегали охваченные паникой люди. На тех, кто сидел у окна, одежда висела клочьями, и по ней ручьями стекала кровь.

Бат поднялся и помог встать мне. Мы побежали к галерее, но огонь, бушующий внутри, был таким жарким, что мы не смогли подойти к двери ближе чем на пять футов. Пламя ревело, оконные решетки были раскалены докрасна. Я попытался заглянуть внутрь, но в дыму ничего не было видно.

Прибыли пожарные, и Бат оттащил меня к скамейке. Я тяжело опустился на нее, а он стоял рядом.

— Господи, Бат, я и подумать не мог...

— Спишут на несчастный случай, короткое замыкание, или скажут, что виновата краска, забытая в кладовке. — Щека у Бата подергивалась. — Это Ведьма.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сам говорил мне, что у нее нет вкуса. Она убирает картину с пауком и убирает Алехандро за то, что он привел кого-то на аукцион. Это она.

Я сжал губы и медленно кивнул.

— Ладно, ты это знаешь, и я знаю. Доказать мы не можем.

— Доказательства не нужны, я ЗНАЮ. Доказательства оставь своим друзьям и Неро Лорингу.

— Хорошо, что теперь?

— Я хочу познакомить тебя с одним моим другом. — Бат ухмыльнулся. — Он тебе понравится. Он торгует оружием.

25

Бат привел меня к зданию, похожему на лавочку ростовщика, приютившуюся в тени Центра. Толстый слой пыли наводил, скорее, на мысль о музее, не

жели о торговом заведении. Старые потускневшие музыкальные инструменты занимали левую стену, а многочисленные ружья — правую. Они были похожи на старых вояк, готовых атаковать потрепанные телевизоры, радиоприемники и тостеры, нагроможденные посередине. В стеклянных ящиках, вдоль стен, я увидел пистолеты и несколько любопытных ювелирных изделий, но ничего похожего на то, что требовалось, чтобы разгромить «Люрику» и дотянуться до Ведьмы, я не заметил.

Бат прошел сквозь тускло освещенную лавочку, не глядя по сторонам. Подросток, сидевший в кабинке кассира, взглянул на него, нажал кнопку, открывавшую проход в задней стене, и снова уткнулся в старую книжку фантастики. На меня он не обратил никакого внимания.

Поворот налево, затем направо — и мы остановились перед толстой стальной дверью. Камера под потолком изучила нас, послышался зуммер. Дверь со щелчком открылась, и Бат повел меня вниз по узкой винтовой лестнице. Ему приходилось пригибать голову, чтобы не задеть потолок, а его широкие плечи постоянно терлись о стены,

— Бат, я думал, что в Фениксе слишком твердый грунт, чтобы строить подземные сооружения.

— Так оно и есть. Это очень старые туннели. Когда-то здесь был Чайна-таун. Опиумные берлоги.

Бат продолжал пригибаться, даже когда мы вошли в помещение, напоминавшее, скорее, бомбоубежище, чем магазин. Стены были увешаны стендами для оружия, но они выглядели такими же недоделанными, как и потолок. Пол во многих местах прогнул и был застелен фанерой. В углу доски просели под тяжестью крайслеровского боевого экзоскелета. Я не мог представить, как его протащили сквозь такую дыру. В бывшей опиумокурильне имелось электричество и телефон, но вся проводка была открытой и проходила по толстым деревянным брускам.

Из-за конторки впереvalочку вышел карлик.

— Дзень добри, Хвалибог.

— Дзень добри, Бронислав. — Рука маленького человечка утонула в ручище Бата, и Бат оглянулся на меня. — Тихо Кейн, это Бронислав Джониак.

Я протянул карлику руку. Его пожатие было сильным, а ладонь — твердой и мозолистой.

— Рад познакомиться, мистер Джониак. Бат говорит, вы можете удовлетворить нашу потребность в оружии.

Человечек пригладил каштановые волосы и скрестил на груди руки.

— Я занимаюсь высококачественным оружием, мистер Кейн. Если вы намерены взять приступом телефонную будку, то вернитесь наверх. Там есть все, что для этого нужно.

Я покачал головой:

— Я несколько более честолюбив. Мне надо снарядить отряд из восьми человек. Речь пойдет об основных закупках — автоматическое вооружение, личное оружие, боеприпасы, связные устройства и взрывчатка. Заплатить могу наличными или золотом, по вашему выбору.

Лицо человечка медленно расплылось в улыбке еще до того, как я упомянул о деньгах.

— Приятно видеть человека, знающего, что ему нужно. — Бронислав вернулся за конторку и взобрался на высокий табурет. Положив на колени блокнот, он открыл чистую страничку и взял карандаш. — Не начать ли нам сначала?

Я кивнул:

— Итак, восемь портативных радиий с наушниками-микрофонами, в комплекте с питанием.

Бронислав начертил закорючку.

— Возможно, хотя, может быть, придется купить японские.

— Не имеет значения. Еще мне понадобятся два килограмма взрывчатки, «Семитек» или «Си-4», двенадцать радиовзрывателей, двадцать четыре чистых чипа памяти и программатор, чтобы прожечь их для речевой команды на подрыв. Неиспользованные чипы и программатор я верну.

Человечек поднял на меня черные глаза

— Дальше?

— Штурмовые винтовки, восемь штук. — Я повернулся к стенду, на который он указал. На нем было развешано с дюжину различных винтовок. — Бат, Нэтч умеет стрелять?

Великан кивнул:

— Мы все умеем.

— Отлично, это уже легче. Дайте мне восемь карабинов «кольт AR-15-A2» и к ним — по шесть полных двадцатизарядных магазинов с дуплексными патронами. Еще две тысячи патронов россыпью, тоже дуплексные. Справитесь?

Карлик пожал плечами.

— Дуплексные патроны добыть трудновато, но я могу. Полные автоматы, так?

— Я предпочел бы переключатель на одиночный огонь, короткие очереди и автомат.

— Ясно. Дальше?

— Личное оружие. — Я посмотрел на Бата: — Ты, наверное, знаешь вкусы своих друзей.

Бат принялся изучать стенды, и вдруг зазвонил телефон. Бронислав и Бат не обратили на него внимания, и это меня поразило. Но еще больше поразило меня собственное непреодолимое желание ответить на звонок. Не задумываясь, я поднял тяжелую трубку и приложил к уху:

— Кейн слушает.

— Это я, Эль Эспектро. Мне надо немедленно с вами встретиться. — Я узнал его голос, и сейчас же в голове у меня вспыхнула мысленная картина, как тогда, когда он показывал мне, как найти Лоринга. — Поторопитесь.

— Дайте мне полчаса.

— Это важно.

— Здесь тоже.

— Ладно. Поторопитесь.

— Пока. — Я положил трубку и, подняв глаза, увидел, что Бронислав и Бат смотрят на меня странным взглядом. — Ну ни один из вас даже не взглянул на него.

Бронислав медленно покачал головой:

— Он не звонил.

— Он звонил. — Я взглянул на Бата: — Вызывали меня.

Бат прищурился:

— Ни за что не поеду в Седону.

Я поглядел на телефон и нахмурился.

— Может быть, я поднял трубку прежде, чем он зазвонил.

Бат фыркнул. Бронислав проверил по списку:

— Итак, два «кольта» сорок пятого калибра, четыре «беретты-девять» и «дезерт игл магнум» для вас, Бат. — Карлик повернулся ко мне: — А что предпочитаете вы?

Я хотел было сказать, что мне достаточно моего «крайта», но вспомнил о живучести Лейха и передумал.

— Мне нужен пистолет, который стреляет мощным патроном и делает большую дырку. Одним словом, автоматический пистолет под винтовочный патрон «Магнум», наверное, лучшее, что вы можете предложить, так?

Бронислав соскользнул с табурета, и усмешка на его лице свидетельствовала о том, что случай с телефоном отнюдь не забыт. Он прошел в глубину комнаты, порылся за крайслеровским экзоскелетом и вернулся с ящичком розового дерева, похожим на дар волхвов. Он поставил ящичек на конторку, влез на сиденье и почтительно открыл крышку.

— Здесь, друг мой, ответ на вашу просьбу. Это «вилди вульф» с десятидюймовым стволом. Стреляет патронами «вилди магнум» калибра ноль четыреста семьдесят пять, это нестандартный патрон, с пуль в двести пятьдесят гран от патрона к винчестеру ноль двести сорок восемь. В магазине семь патронов. Пистолет весит больше четырех фунтов, с автоматикой на отводе газов, так что отдача у него меньше, чем у «дезерт игл» Бата. Дульная скорость 1750 футов в секунду, давление — 1725 фунтов на фут. Если оно может умереть, вы его убьете.

— А если не может?

— Вгоните в него одну пулю, и оно захочет умереть.

Я взял «вульф» и улыбнулся. Рукоять и вес были как раз мне по руке. Оружие с ребристым стволом, отделанное стальными щетками, выглядело как винтовка, переодетая пистолетом.

— Продано. — Я положил пистолет в ящичек и закрыл крышку.

— Еще что-нибудь?

— Разве что вы сможете обеспечить воздушную поддержку.

Карлик улыбнулся.

— Только не в Затмении. — Он пробежал глазами список, отмечая пункты. — Все, что вам нужно, есть у меня на складе, или можно достать немедленно. Завтра вы получите полный комплект.

— Хорошо, я подготовлю деньги...

Человечек оборвал меня, подняв руку:

— Заплатите Бату. Он привел вас, он вам доверяет, и, что еще важнее, я у него в долгу.

— Сделаю так, мистер Джониак. — Я снова пожал ему руку. — Очень приятно было иметь с вами дело. — Я хлопнул Бата по плечу. — Увидимся в конференц-зале через два часа. Проследи, чтобы Джитт вызвала всех. Нам кое-что надо спланировать.

Здание на углу Двенадцатой улицы и Рузвельта выглядело здесь совершенно неуместно — по многим причинам. Оно приютилось в небольшом прямоугольном каньоне, вдающемся в стену Центра. В отличие от остальных, этот дом каким-то чудом избежал внимания уличных художников. Точно так же не коснулся его и общий упадок, видный везде и повсюду. Грязь, копоть и мусор покрывали соседние здания и даже стену Центра, но не затрагивали это жилище.

Двухэтажное здание было сложено из кирпича, и фасад его был украшен толстенными колоннами. Двускатная крыша выглядела необычно среди приземистых, ядовито раскрашенных домов с плоскими кровлями; казалось, этот дом перенесен сюда из другого места и другого времени.

Я открыл калитку в сварной железной ограде и прошел по каменной дорожке к дверям. Я поднялся по ступенькам, пересек веранду, но, прежде чем я успел постучать в стеклянные двери, они сами открылись передо мной. Я вступил в маленький холл, двери закрылись, и

я остался наедине с двумя животными, похожими на доберман-пинчеров ростом с ирландского волкодава. Их размер в сочетании с низким рычанием и грозным красным огнем в глазах заставил меня пожалеть, что я не прихватил с собой «вилди вулф».

— Кара, Амхас. — Голос Эль Эспектро раздавался отовсюду. — Проводите мистера Кейна.

Одна собака осторожно взяла в пасть мою левую руку, а другая обошла меня и подтолкнула сзади. Выбора у меня не было, и я пошел, куда меня повели. Первая собака, Кара, отпустила мою руку и поднялась по ступеням с правой стороны узкого коридора, ведущего в глубину дома. Взобравшись за ней, я увидел, что она ждет в полутемном дверном проеме.

Большую часть комнаты со скошенным потолком занимала старинная кровать на четырех столбиках. Человек, в котором я узнал Эль Эспектро, лежал в постели, одетый в халат. Левая рука у него была на перевязи. Светильник на ночном столике оставлял половину его лица в тени. Толстая книга с пожелтевшими страницами лежала у него на коленях, а на кончике носа сидели очки.

Две вещи, которые удивили меня больше всего. Во-первых, на руках у Эль Эспектро были жемчужно-серые перчатки. Странная привычка, хотя я слышал о людях, помешанных на чистоте, — быть может, благодаря этому, да еще собакам, дом оставался в безукоризненном состоянии. Впрочем, в этой причуде не было ничего такого, с чем я не мог бы примириться. Куда больше поразила меня его возраст.

Во сне или в измерении драолингов Эль Эспектро казался не больше, чем силуэтом, но это был силуэт гораздо более молодого человека. У Эль Эспектро, лежащего на постели, были седые волосы, усы и эспаньолка. В его зеленых глазах оставалось достаточно огня, но тело было худым, а под глазами набухли темные мешки.

Он показал на кресло возле маленького письменного столика в углу, и оно скользнуло по паркету к ножке кровати.

— Прошу вас, садитесь.

Я принял приглашение, и собаки устроились по обеим сторонам от меня. Они легли на пол, но я не сомне-

вался, что по первому слову они вскочат и разорвут меня в клочья.

— Я пришел.

— Итак, вы здесь. — Эль Эспектро загадочно улыбнулся мне, снял очки и положил их на ночной столик. — Позвольте представиться.

Маленький белый прямоугольничек взлетел с ночного столика и подплыл ко мне. Я взял карточку и прочел вслух:

— Деймон Кроули.

Человек в постели слабо улыбнулся.

— Я мог бы добавить «Нечестивый», но это избитая шутка, ее придумал еще мой дед. Прошу прощения, что не назвался раньше, но у нас не было времени для посторонних разговоров.

Я пожал плечами и сунул карточку в карман пиджака.

— Как вы себя чувствуете?

— Клинок драолинга оказался чистым, что само по себе уже чудо. Больше, чем рана, меня беспокоит сломанное ребро. Я становлюсь староват для этого.

Я откинулся на спинку кресла, и оно заскрипело.

— Уточните, что значит «это»?

— Я делаю то же самое, что и Койот, но, как я уже говорил, в мирах, ему недоступных. В данном конкретном случае я сумел разгадать, чего искал Неро Лоринг. Но чтобы решить эту задачу, мне нужно ваше содействие и содействие всех остальных.

— В чем дело?

Он сел на подушках повыше и поморщился от боли.

— Нам придется немного вернуться в прошлое. Когда родилась Нерис Лоринг, ее отец был крайне озабочен тем, что она может пострадать от «синдрома внезапной детской смерти». Как и многие другие родители, озабоченные тем же самым, он принял меры. В данном случае он, инженер и изобретатель, подключил к своей дочери электроэнцефалограф и записал ее энцефалограмму. Он повторил запись, когда ей было четыре года, и врачи предположили у нее редкую форму эпилепсии. Предположение оправдалось, энцефалограмма девочки приобрела характерные признаки, но ее состояние было урегулиро-

вано с помощью медикаментов. Действия Неро могут показаться странными, но он просто делал то, что мог, используя те средства, которыми располагал.

Моя мысль обогнала Кроули.

— Итак, когда его дочь вышла из комы, у него были базисные энцефалограммы. Он сказал об этом врачам и, возможно, даже отметил расхождения. Врачи сказали, чтобы он не тревожился, что это вообще чудо и что он должен быть счастлив, так?

— Именно. И он был счастлив, особенно когда Нерис пошла по его стопам. Неро счел ее помощь при работе над Застывшей Тенью и маглевом очень полезной, но когда она отдалилась от него во время реализации проекта маглева, старые страхи вновь возродились. — Кроули поднял голову. — Вы знаете, что такое подменыш?

Я покачал головой.

— В старых волшебных сказках говорится об эльфах, которые похищают человеческих младенцев, подкладывая вместо них своих детей. Точно так же, как кукушка откладывает яйца в гнезда других птиц. Но в сказках упор делается на попытках вернуть похищенное и ничего не говорится о том, какую выгоду получает Маленький Народец, поместив одного из своих на место человека. Неро не сомневался, что в бассейн нырнула его дочь, но из воды он вытащил не ее. Он решил, что в другом измерении, где время течет намного быстрее, чем у нас, некие создания, наблюдающие за нашим миром, могли успеть создать подменыша и подкинуть его вместо Нерис.

Я прикусил губу.

— Знаете, если бы я не побывал в измерении драолингов, я бы назвал это бредом сумасшедшего.

— Именно так. Неро подумал о том же самом и начал работать над димензиоскопом. Он подключил к нему оборудование, на котором записывал энцефалограмму дочери, и воспользовался ее энцефалограммой для поиска подходящего измерения. Незадолго до отставки он его отыскал.

— Что?

Кроули медленно кивнул.

— Он обнаружил сигналы, соответствующие энцефалограмме его дочери. Шансы на случайное совпадение не превышали миллион к одному.

— Где она?

Эль Эспектро слегка улыбнулся:

— В 1924 году Владимир Обручев опубликовал книгу под названием «Плутония», где подробно описал путешествие русской экспедиции в места, которые ее члены считали лежащими у центра Земли. Они назвали эту страну Плутонией. В самом центре ее они обнаружили громадный вулкан, окруженный черными скалами и песками. Этому месту они дали название Черной Пустыни. Там, в обширном лесу, им встретились гигантские муравьи, которые строили огромные, похожие на небоскребы, муравейники. Судя по тому, что мне было сказано, Нерис находится там.

— Не хотите же вы сказать, что эта экспедиция была на самом деле?

Кроули пожал плечами:

— Была или не была, не имеет значения. Описание Обручева согласуется с тем, как описывал Плутонию Неро. Я думаю, что есть личности, обладающие, как По, или Кинг, или Дональдсон, достаточной способностью к эмпатии, чтобы перехватывать образы иных измерений. Единственное, в чем ошибся Обручев, так это в том, что он приписал созданиям, которых назвал «муравьями», лишь рудиментарный интеллект. И теперь крайне важно, чтобы мы проникли в Плутонию, забрали Нерис и вернулись с ней обратно.

Я нахмурился:

— Почему?

— Потому что, если вы не спасете мою дочь, этот мир подвергнется величайшему вторжению в его истории.

Я повернулся в кресле и увидел Неро Лоринга. Он тяжело привалился к косяку и едва стоял на ногах. Я быстро встал и предложил ему кресло. Он, пошатываясь, добрал до него и сел. Он казался очень больным, и по глазам его было видно, что его поддерживает единственно сила воли. Неро спрятал лицо в ладонях, потом отнял руки и вытер их о полосатую пижаму.

— Я понял, но слишком поздно, что, сам того не ведая, включил в димензиоскоп некоторые части системы маглева. Это и позволило ему просматривать места, находящиеся вне нашего измерения. Когда я начал переоценку проекта маглева, обнаружилось, что все эти особенности были введены по настоянию Нерис. Она всегда придумывала убедительные обоснования и чаще всего ссылалась на то, что в будущем они упростят расширение системы. Я видел в этом залог того, что она продолжит нашу работу, и «Лорика» останется жить вечно. Я делал все, что она говорила, потому что считал ее своими воротами в бессмертие.

Лоринг дрожал, выговаривая эти слова. Если бы не ровный тон его голоса, я бы подумал, что он обезумел. Все это звучало как бред сумасшедшего, но я тщательно следил за ходом его мысли и не мог не признать, что, если допустить существование иных измерений, сказанное им было вполне логично.

— Я решил, что мою дочь украли, и, разумеется, захотел ее вернуть. Я написал программную заплатку и использовал ее энцефалограмму в качестве ключа к энергопитанию пространственных врат. Я знал, что им придется доставить ее сюда, чтобы запустить свое устройство, и думал, что, контролируя «Лорику», сумею вырвать ее у них. Теперь я вижу, что не сумею, если мне не помогут.

Я покачал головой.

— Я что-то не понимаю. Им нужна энцефалограмма вашей дочери, чтобы стабилизировать энергетическую структуру пространственных врат?

— Да. Поддерживать открытые врата несложно, но открыть их очень трудно. Энергия должна быть правильно распределена, иначе нагрузка сбросится. Этим вратам требуется невероятно большая мощность, и только объединив всю энергию Феникса с энергией грозы, они могут надеяться на успех.

— Ладно, — что-то все еще не складывалось у меня в голове. — Где эти врата, почему нельзя их разрушить и кто такие «они»?

Лоринг повернулся и вцепился в мою руку.

— Врата здесь, и они слишком велики, чтобы их взорвать.

— Нет ничего, что было бы слишком велико для этого, мистер Лоринг.

— Вы что, не слышали, что я сказал? — Лоринг рванул на себе волосы. — Врата измерений окружают нас. Они — часть маглева и составляют с ним единое целое!

У меня отвисла челюсть. Я поглядел на Кроули.

— «Они»?

Кроули кивнул:

— Скрипичник.

26

Зидение гигантского паука с картины Эстефана, нависшего над Фениксом среди грозы, взорвалось в моей голове словно бомба. Я видел, как огромные паукообразные твари лезут на Феникс из дыры, открытой пространственными вратами. Они спускались на Застывшую Тень на шелковистых парашютах из собственной паутины. Они проламывали панели солнечных батарей, как рыбаки зимой проламывают лед. Они ныряли в проломы и устраивались наверху, раскинув тенета из липкого шелка.

— Почему, Кроули, почему?

Старик покачал головой:

— Не знаю. Возможно, они будут нас есть — или питаться нашей мысленной энергией. А может быть, мы и ни при чем, но наша планета оказалась узлом нескольких измерений. Скрипичник может использовать Землю как форпост в войне с драолингами или бежать от вторжения на его собственную родину. Причин может быть бесконечно много.

Если бы я не был в измерении драолингов, я бы решил, что эти два старика пьяны или выжили из ума. Но я был там, я видел Лейха, выжившего после смертельных ран, и верил в то, что они говорили.

— Значит, вам нужна команда, чтобы пойти и вызвать Нерис из этой Плутонии?

Кроули кивнул:

— Я могу забросить вас очень близко к тому месту, где ее держат. Неро сохранил вещи, которыми дорожила его дочь, и я чувствую ее душу. Ошибка не превысит ста метров.

— Сотня метров в паущем гнезде, так? — Я немного подумал. — Вы оба идете?

Они кивнули одновременно.

— Я помню, как говорил вам, что Неро Лоринг не сможет видеть вне нашего измерения, но если я буду с вами, то смогу поделиться своим зрением с ним и с другими. Это облегчит вам задачу.

— Забрав Нерис, мы должны пойти в «Лорику» и убить Ведьму. И еще — разрушить механизм управления пространственных врат. С какой точностью вы сможете забросить нас в «Лорику»?

— С какой угодно. Если у вас есть карта, можете заказывать место прибытия.

Я улыбнулся, припомнив план «Лорики», который составили Костапан и Марит.

— Идет. Мне еще нужно собрать отряд, но мы это сможем. Как я понимаю, медлить нельзя?

— Завтрашний полдень — крайний срок. — Кроули постучал по газете, лежащей рядом с ним на постели. — Завтра начинаются муссоны, и ожидается самая большая гроза за последнюю сотню лет.

Покинув жилище Кроули, я вернулся в квартиру Марит, чтобы собрать кое-какие вещи, и примерно через два часа прибыл в штаб-квартиру Койота. Я положил алюминиевый кейс на столик, достал двадцать тысяч наличными и снова запер кейс. К этим деньгам я добавил еще пять тысяч, выигранных на собачьих бегах. «Крайт» я оставил рядом и с улыбкой отметил, что все наши покупки уже сложены на полках в передней.

Я вошел в конференц-зал и через стол толкнул стопку денег Бату. Я ждал хоть какой-то реакции, но он даже не пошевелился. Нэтч стояла за его спиной, разминая ему плечи, а Марит и Костапан вяло обсуждали подробности одной из карт. Марит подняла на меня покрасневшие глаза.

— Слава Богу, ты жив. Где тебя носило?

Я нахмурился и указал на деньги.

— Сходил в Грейхаунд-парк, сделал несколько ставок. Мне нужно было развеяться и подумать. Что случилось? '

— Я боялась, что они и тебя убьют. — Марит стерла слезу со щеки. — Рока застрелили.

— Что? Когда, где, как?

Словно вызванная моим вопросом, Джитт появилась в дверях своей обители.

— Я только что восстановила записи телефонной компании по мобильному телефону Рока и по тому таксофону, возле которого он умер. В семь вечера Року позвонили по телефону в автомобиль. Разговор продолжался тридцать секунд. Оттуда он перешел к таксофону на углу Шестнадцатой улицы и Томаса. Звонок с другого таксофона, расположенного в «Вонг Плаза» через улицу напротив, пришел на эту группу таксофонов. Этот таксофон стоит рядом с тем, откуда звонили на автомобильный телефон Рока. Разговор продолжался две минуты. По всей видимости, Рок тут же набрал номер, который занесен в мой список номеров «Воинов Арийского Мирового Союза». Последний разговор продолжался пять минут и был прерван, когда пуля пробила трубку и разорвалась у Рока в голове.

— Черт побери! Он был нам нужен. — Я нахмурился и сел. — Минутку, а зачем это Рок звонил Генриху?

— Не имеет значения. Он мертв. — Марит взглянула на опустевшие кресла. — Хэл в больнице, Алехандро погиб, а теперь и Рок. Они пытаются убить и тебя, и меня. Вернуть тебе память оказалось куда опаснее, чем решать мелкие проблемы для Койота.

— Это опаснее, чем тебе кажется, но я должен это сделать. У меня нет выбора, и мне нужна твоя помощь. — Я положил ладони на стол. — Если точнее, Марит, мне нужно, чтобы ты позвонила Дотти. Мне нужно узнать, где сейчас Синклер Мак-Нил. Бат, нам с тобой придется его навестить и заставить придержать «Арийцев». Джитт, вы, Марит и Нэтч подберете всем броню — включая шлемы, если достанете. — Я указал на деньги, лежащие перед Батом. — Должно остаться достаточно, чтобы по-

крыть расходы. Нам понадобится семь комплектов, по одному для каждого, еще один размера Марит и один моего размера.

Лицо Джитт застыло, она покачала головой:

— Я не могу отсюда уйти.

— Боюсь, что придется. Рок погиб, и мне нужен еще один стрелок, а я знаю от Бата, что вы умеете стрелять. Кроме того, нам может понадобиться человек, умеющий обращаться с компьютерами. Так что вы избраны. — Я встал и мягко положил руку ей на плечо. — Я знаю, что вам тяжело, но вам придется пойти. У меня нет другого выбора, кроме как призвать вас. Можете позвонить Кой-оту, если хотите, но не думаю, чтобы он возражал.

Джитт стояла неподвижно не меньше десяти секунд, и с каждой из них напряжение в комнате нарастало. Я, новичок, которому они помогали, осмелился приказывать координатору группы. Я даже обнаглел до того, что велел ей позвонить своему боссу. Если она откажется, мне придется действовать в одиночку. С другой стороны, если она согласится, то и у всех исчезнут сомнения насчет того, кто командир в группе.

Джитт кивнула:

— Мне нужен час — запустить все в автоматическом режиме. Этого достаточно?

— Более чем. Спасибо. — Я сцепил руки. — Когда мы с Батом вернемся, я прожгу чипы для радиодетонаторов, так что мне потребуются образцы ваших голосов для ключевых слов. Если мы получим броню к полуночи, то успеем снарядиться, и я расскажу вам вкратце, что происходит.

Фил Костапан взглянул на меня:

— А мне что делать, сынок?

— Только то, что вы делали до сих пор, сэр. Карта башни «Лорики», которую вы составили, очень важна. — Я постучал по карте между лифтами, ведущими в апартаменты Нерис. — Это залог того, что нам удастся войти и остановить Ведьму.

Марит вышла из святилища Джитт с телефоном в руке и положила его на стол.

— Дотти говорит, что Синклер устраивает у себя совершенно официальную холостяцкую вечеринку для

нескольких японских бизнесменов. Я звонила Роджеру — все гости в списке из Сорока Семей. Может, ты передумаешь заходить к нему сегодня.

Я ухмыльнулся Бату:

— Спорим, твой старый приятель из Центра тоже там?

Он улыбнулся и хрустнул костяшками пальцев.

— Не беспокойся, Марит, мы будем очень осторожны. — Я присел на край стола. — Если Бат вздумает кого-то проткнуть, я прослежу, чтобы он воспользовался подходящей вилкой.

Телефон на столе зазвонил. Джитт взяла трубку, послушала, кивнула и передала мне.

— Кейн, это вас, Койот.

— Насколько я понимаю, мистер Кейн, проблемы с предателем больше не существует?

Я кивнул:

— Полагаю, что так, сэр.

— Хорошо. У вас одной заботой меньше. Меня ввели в курс того, о чем вы говорили с Кроули. Похоже, это надо сделать. — Голос Койота звучал отдаленно, словно он сам говорил из иного измерения. — Вы можете ему доверять.

— Я ему доверяю, как и всякому другому. Скорее всего дело будет мокрым.

— Примите меры предосторожности, но делайте то, что сочтете нужным. Все в ваших руках.

Я помедлил:

— Вы хотите сказать, что вас с нами не будет?

— Мне трудно это объяснить, но обстоятельства не позволяют мне участвовать в операции. Впрочем, если командуете вы, я уверен в успехе. И не беспокойтесь. Мы с вами уже встречались однажды и встретимся еще раз, когда все закончится.

Телефон отключился прежде, чем я успел потребовать, чтобы он объяснил свое последнее замечание. Внезапно я понял, что если мы уже встречались, то Койот мог бы рассказать обо мне гораздо больше, чем я узнал до сих пор. Лгал ли он мне, или манипулировал мною все это время? Я был ему нужен, чтобы отделить зерна от плевел, и в этом мои навыки принесли пользу. Соби-

рался ли он сказать мне, кто я такой, после того, как я уберу предателя, но решил помедлить с наградой, потому что возникло дело Неро Лоринга?

Кроули заметил, что он делает то же самое, что и Койот, но там, куда Койот не может попасть. Проблема Лоринга была из тех, которые Койот решить не мог. В обмен на тайну моей личности он мог бы предложить мне действовать вместо него в том месте, куда ему вход заказан. Как и в случае с Алехандро, я был вынужден действовать в пользу Койота. Койот использовал все средства, что были под рукой, заставляя людей делать то, что ему нужно.

Я охотно принял бы такую сделку, если бы Койот предложил мне ее открыто. Однако он этого не сделал, и это напоминало мне, что в его глазах я был всего лишь средством. Меня можно было использовать и выбросить, почти так же, как я раскрыл и убил Рока, позвонив ему по телефону. Мое упоминание, что мы с Батом раздобыли оружие, необходимое для удара по Генриху, заставило Рока предупредить «Арийцев».

Пуля в голову была для него милостью.

Койот искусен, сказал я себе, и вынужден вести эту игру, чтобы выжить. Я улыбнулся и поманил Бата за собой. Интересно, насколько искусен я?

У меня было тревожное предчувствие, что мне придется узнать это скорее, чем хотелось бы.

Марит сказала, что обед официальный, и по этому случаю я приоделся — сунул в кобуру серебристый «крайт». Если не считать этого, мы с Батом были одеты одинаково: в ботинки, джинсы, футболки и черные кожаные куртки. Я купил куртку в Центре, напротив того заведения, где Бат приобрел свою черную футболку «Красотки Ада».

Когда мы встретились, я взглянул на рисунок, изображающий трэш-гитаристку, всю в черной коже, попирающую шипастыми ботинками кого-то очень похожего на Уотсона Додда, и покачал головой.

— Я не уверен, Бат. Марит сказала «официальный».

— Знаю, потому-то я и купил эту, — буркнул Бат и пошел к станции маглева на Рэндольф-стрит.

Я догнал его.

— Слушай, Бат, «официальный» это немножко больше, чем просто «чистый».

— Знаю. Вот почему Хейди Стиллетто не голая. — Он оскалил зубы в свирепой ухмылке.

— Похоже, тебе это нравится, а?

— Люди дают муравьев каждый день. Удивительно ли, что муравьи так любят пикники?

— Хорошая мысль.

Мы вошли в общую секцию поезда маглева. Свободных сидений хватало, но Бату доставляло удовольствие прогуливаться вдоль вагона. Он ничего не говорил, только пристально поглядывал на служащих корпораций, одетых так же, как и мы. Эти бедняги могли воображать себя шикарными, одеваясь, как жители Затмения, или настолько храбрыми, чтобы и в самом деле поискать приключений под Застывшей Тенью, но встреча с Батом, несомненно, дала им повод усомниться в таких затеях.

Цитадель «Билдмора» можно было бы назвать «Холлским Архипелагом» из-за великого множества холлов, расположенных на пересечениях коридоров. В каждом холле стояла по меньшей мере одна модель какого-нибудь здания, построенного компанией. Я быстро понял, что вся цитадель была спланирована в виде карты мира, и по завершении очередного проекта уменьшенная модель занимала место в холле, ближайшем к расположению здания на карте.

В том холле, который был нам нужен, царил модель Сиерс Мегалит из Рио. Лифт остановился этажом ниже жилища Мак-Нила. Бат вытолкнул меня через люк в потолок, потом подтянулся сам и встал на крыше кабины. Мы поднялись по переплетению ферм, и Бат рычагом раскрыл двери лифта.

Мы, разумеется, оказались еще в одном холле, но на этом уровне башни было всего четыре жилища. Мы нашли апартаменты Мак-Нила, и Бат налег плечом на двустворчатую дверь. Она распахнулась, и мы неторопливо зашли, словно запоздавшие гости, слегка обиженные, что их оставили снаружи. Дворецкий сделал все, что мог, чтобы остановить нас, но Бат просто подхватил его и отнес в комнату, из которой тот только что вышел.

Марит не ошиблась, говоря, что все гости принадлежат к Сорока Семьям Феникса. Эта неформальная группа тяжеловесов бизнеса правила городом с шестидесятих годов, передавая дела от отца к сыну или от главного администратора к главному администратору. Она давно уже насчитывала куда больше, чем первоначальные сорок членов, но название сохранилось. Из дюжины мужчин, находившихся в комнате, обшитой ореховой панелью, семерых я узнал по рекламам, которые видел по телевизору. Четверо были японцами, и только последний, англосакс, был достаточно молодым, чтобы оказаться тем, кто нам нужен.

Марит упомянула, что вечеринка — для холостяков, но двенадцать очаровательных молодых леди, сидящих подле самых могущественных мужчин города, ставили под сомнение это утверждение. Я улыбнулся — и не только потому, что на них приятно было посмотреть. Поскольку они здесь, никто не станет без крайней необходимости устраивать расследование об этом собрании, официальное или в прессе.

Мне предстояло убедить всех, что крайней необходимости нет.

— Леди и джентльмены, прошу извинить за вторжение, но мне необходимо переговорить с мистером Мак-Нилом. — Я указал Синклеру на дверь. — Если позволите, сэр, я предпочел бы побеседовать приватно.

Синклер начал вставать, двигаясь нарочито медленно, чтобы показать, что он не боится, но отец железной рукой схватил его за запястье и пригвоздил к креслу, а потом седовласый патриарх Мак-Нил сверкнул на меня голубыми глазами.

— Я вас помню по другой вечеринке. Если у вас есть дело к моей корпорации, приходите в приемные часы. Я могу принять вас, скажем, через месяц.

Его шутка вызвала вежливый смех остальных гостей. Синклер, с другой стороны, начинал злиться. Он вертел в свободной руке серебряную вилку, его голубые глаза горели тем же огнем, что и у отца, только его гнев был направлен не на меня. Он сжал руку в кулак, и попытался вырваться, но старик держал его крепко, а

устраивать скандала никому не хотелось. Зная, как высоко ценят японцы почтение к старшим, я понимал, что Синклер сдерживается изо всех сил, и уважал его за это.

Я взглянул на Бата:

— Бат, очисти помещение.

Я был почти готов к тому, что он швырнет дворецкого на стол, разбрасывая подсвечники и круша фарфоровые чашки и тарелки. Я не хотел, чтобы он кого-то изувечил, но времени на уговоры не было, да я и сам был не прочь отомстить за Хэла. Я знал, что Бату нравится калечить людей, и он умеет это делать, но мне и не снилось, что у него есть свой стиль.

Он отпустил официанта.

— Есть в Затмении бар, называемый «Потерянный Голландец», — начал он. — В углу там стоит плевательница, которая стояла еще в те дни, когда в окна светило солнце и каждый день ее подогревало. В нее попадало все: жвачка, плевки, пиво — все что угодно, и никто никогда ее не чистил.

Он медленно двинулся вокруг стола и остановился напротив огромной серебряной супницы, наполненной похлебкой из моллюсков по-новоанглийски.

— Ага, примерно такая. Так вот, на прошлой неделе пришел один малый. Он сказал, что он золотоискатель, последние двадцать лет прожил в пустыне, и теперь ему хочется пить. Еще он сказал, что у него нет с собой даже медного доллара. Бармен велел ему выметаться, но золотоискатель сказал, что мог бы что-нибудь сделать за выпивку.

Бат улыбнулся, и тут я наконец разгадал его подлинную натуру — ему не просто нравилось увечить людей, ему нравилось быть безжалостным.

— Бармен показал ему на плевательницу. Он сказал: «Я дам тебе пива, сколько ты сможешь выпить, если ты сделаешь один глоток вон из той плевательницы».

Бат был великолепен в своей безжалостности.

Женщины беспокойно заерзали. Мужчины начали передергиваться. Японцы сбились в кучку, один из них переводил монолог. У меня вспотели ладони, а во рту пересохло.

Бат медленно поднял супницу и устоялся на суп так, словно это была основательно перебродившая смесь слюны и табачной жвачки.

— Золотоискатель поднял плевательницу. Посмотрел на нее, посмотрел на бармена. И сделал так!

Бат поднес огромную серебряную чашу к губам и начал пить, громко глотая. Суп проливался, расплескиваясь о его плечи. Ломтики картофеля и крупинки, покрытые сливками, разлетались словно шрапнель, поражая гостей, но никто не пошевелился. Все смотрели на Бата, как загнипнотизированные. Наконец он опрокинул супницу вверх дном и поймал последние капли на кончик языка. Темные глаза Бата наполнились весельем. Он втянул язык в рот и уронил супницу на пол.

— Бармен взглянул на золотоискателя, не веря своим глазам. «Старина, тебе достаточно было сделать один глоток!» — пробулькал Бат сквозь остатки супа, выливавшиеся у него изо рта. — «Знаю, я пробовал», — теперь Бат говорил голосом золотоискателя, — «но это все было... целиком».

У меня свело живот на ключевой фразе, но, в отличие от тех, кто был в комнате, я работал на пустой желудок. Американских гостей стошнило первыми, за ними — японцев, как только им перевели. Дариус Мак-Нил оттолкнул кресло и перегнулся пополам. Синклер воспользовался этим, высвободил руку и встал. Он приложил ко рту носовой платок и ничего не говорил, а гости тем временем один за другим вылетали за дверь.

Синклер, одетый в смокинг, был стройным и держался с достоинством. Он был на добрых пять дюймов ниже меня, атлетически сложен и настолько владел собой, что сумел подавить тошноту, вызванную шуточкой Бата. Когда в комнате остались только он и старший Мак-Нил, Синклер поднял брови и взглянул на Бата:

— Надеюсь, суп пришелся вам по вкусу?

Бат звучно рыгнул.

— Я передам ваш комплимент шеф-повару. — Синклер взглянул на побледневшее лицо отца, потом на меня. — Я весь внимание.

— Вы финансируете «Воинов Арийского Мирового Союза» в надежде, что они развяжут войну между улич-

ными бандами, и она позволит вам подавить конкурентов. Я хочу, чтобы вы это прекратили.

— Нет.

Я нахмурился.

— Нет?

Синклер взял бокал с белым вином и отпил немного.

— Нет, вы не правы в своем предположении, будто я плачу Генриху и его ребятам, чтобы они начали войну. Я знаком с этой техникой и знаю, как их остановить. Я держу их на поводке, чтобы они не навредили нам. Вот и все. И ничего более.

Я слушал его внимательно, почти уверенный в том, что он лжет, и все же понял, что он говорит правду. И тем не менее я не верил ему: ведь Виллем говорил вполне определенно, а Синклер был единственным, кто подходил под описание.

— Вы признаете, что давали им деньги?

— Признаю? Вы говорите так, словно это преступление. — Он поставил бокал на стол. — Я вошел с ними в контакт, я организовал выплату ежемесячных пособий, я даже платил им премиальные, когда они отваживали воришек, которые пытались нас потрошить. Но я не финансировал войну. Война не только порождает больше проблем, чем решает, это еще и дорого. Я даю им достаточно, чтобы они были пьяны и веселы, но не более. Только дурак может вооружить их и указать мишень.

— Если вы не делали этого, тогда кто же?

Дариус Мак-Нил выпрямился на стуле и громко расхохотался.

— Я!

— Что?! — Синклер повернулся к отцу. — Мы же договорились! Ты же дал слово!

Старик так грохнул кулаком по столу, что фужеры подпрыгнули.

— «Билдмор» — моя корпорация! Здесь я решаю, и я не обязан отчитываться перед тобой! Зачем платить за имущество, если не собираешься его использовать? И что такого, если эти фашистские ублюдки пойдут обстреливать «Лорику»? Кого это волнует?

— Меня, мистер Мак-Нил. — Я облокотился на один из опустевших стульев. — Это волнует меня, потому что

один из моих друзей оказался под перекрестным огнем. Его жену убили, а сам он в больнице.

Синклер вскинул голову.

— Хэл Гаррет...

— Верно, — кивнул я.

— Кто?

Синклер недоверчиво уставился на отца.

— Хэл Гаррет, баскетболист. Ты встречался с ним в прошлом году, когда давал почетный банкет в честь его фонда «Солнечный луч». Ты произнес хвалебную речь и передал ему десять тысяч в ценных бумагах корпорации.

Старик покачал головой.

— Что? В самом деле? Не припоминаю.

— Позвольте сказать вам нечто такое, что вы наверняка запомните, мистер Мак-Нил. — Я встретил его вызывающий взгляд взглядом, сулившим полное уничтожение. — Если Генрих и его люди сделают еще что-нибудь, хоть что-нибудь, я лично обеспечу вам похороны в закрытом гробу, не успеет пройти и неделя.

— Вам меня не запугать!

— Я не запугиваю, мистер Мак-Нил, просто представляю вам выбор.

Синклер покачал головой.

— Не беспокойтесь, дела с «Арийцами» сейчас же прекратятся.

— Черта с два они прекратятся! — Дариус Мак-Нил встал и одернул пиджак. — Я владею «Билдмором», и я определяю политику.

— Если вы будете платить Генриху и дальше, я уйду с работы.

Мак-Нил посмотрел на Синклера, как дезинсектор на таракана.

— Ты не можешь уйти с работы, потому что уже уволен.

Лицо Синклера вспыхнуло.

— Ладно, тогда я не постесняюсь пинком вышибить тебя из моего дома.

— А я, как домовладелец, не задумаюсь выселить тебя. Даю тебе неделю — и выметайся.

— Еще одно, мистер Мак-Нил, — прорычал я. — Вы платили за то, чтобы они угрохали «Лорику». Сколько бы вы дали за голову Ведьмы на блюде?

Мак-Нил прищурился.

— Назовите цену.

— Миллион долларов, выплаченных в фонд «Солнечный луч».

— Миллион! Это семь лет работы «Арийцев».

Я улыбнулся:

— Сколько платишь, столько и получаешь.

Он кивнул:

— А как я узнаю, что вы это сделали?

— Не беспокойтесь, — рассмеялся я, — это будет во всех газетах.

27

Когда мы уходили, Бат заметил одного из гостей и, громко рыгнув, заставил его снова блевать. Мы смеялись над этим всю дорогу до Центра. Потом мы расстались: Бат пошел подработать на карманные расходы вольной борьбой, а я направился в крепость Койота.

Следующие два часа я занимался тем, что отбирал речевые команды и программировал чипы для взрывателей. Я еще раз проверил оборудование, доставленное Брониславом, кое-что модифицировал и разложил все по кучкам, пометив снаряжение каждого цветными метками. Теперь моим людям оставалось только прийти и одеться — и мы были готовы к выходу.

Я вернулся к Марит за полночь. Когда открылась дверь трансверсора, я на мгновение испугался. Все лампы были погашены — их заменили свечи, мерцающие в темноте. Перед моими глазами встало воспоминание о доме близ Седоны, но оно испарилось, как только я увидел Марит, вышедшую мне навстречу.

Прозрачное платье облегалo ее, как белый туман. В дрожащем полусвете она казалась скорее призраком, чем живой женщиной. Я уловил запах цветов, и когда она остановилась, свет свечей отразился золотом в ее синих глазах. Она сложила обнаженные руки на талии и пальцами смяла ткань на левом бедре.

— Тихо, если мы пойдем против «Лорики», мы погибнем.

Она говорила трагическим шепотом, каким обычно произносятся такие зловещие предсказания. Ее руки покрылись мурашками, соски напряглись. Она не отводила от меня глаз, но в колеблющемся свете свечей казалось, что в них пляшут тысячи чертенят. Ее лицо было лишено выражения — с таким лицом люди ходят на похороны.

— Если ты так уверена в этом, Марит, откажись. Не ходи.

Она едва заметно покачала головой — таким легким движением, что даже волосы не шевельнулись, можно было подумать, что это игра света.

— Нет, я пойду. Я должна. Я обязана перед остальными. — Она моргнула, и лицо ее слегка ожило. — Я только хотела, чтобы ты знал, что я чувствую. Я хочу, чтобы ты понял, почему так важно, чтобы ты был со мной в эту ночь. Есть только один способ победить смерть — прогнать ее по-настоящему.

Она повернулась и за спиной протянула мне руку.

— Пойдем со мной, любовь моя. Посмеемся над смертью вместе.

На следующее утро мы с Марит пришли в штаб Койота рука об руку. Джитт была уже там; Бат и Нэтч пришли сразу же за нами, и, укладывая снаряжение для Лоринга и Кроули в вещевые мешки, я приступил к инструктажу.

— Ваше снаряжение маркировано цветными метками. Бат, у тебя красный цвет, у Марит — синий, у Нэтч — зеленый и у Джитт — золотой. Сначала надевайте броню, потом — все остальное. Если нужна будет помощь, скажите.

Нэтч нахмурилась.

— В Затмении еще ничего, но как мы поспремся в таком виде в «Лорику»? Я хочу сказать, не лучше ли сперва пробраться туда и уже внутри надеть это все?

Я кивнул:

— Хорошая мысль, но план немного изменился. Расставшись с Батом, я побеседовал с Лорингом и Кроули.

Бат содрогнулся.

— Кроули? Нельзя было подпускать тебя и на полсотни миль к Седоне.

— Верно. Лоринг сказал мне, что женщина, которая управляет «Лорикой», на самом деле не его дочь. Он сказал, что настоящую Нерис похитили, а эту подбросили вместо нее. Он пришел к этому выводу совсем недавно, и его выставили из «Лорики» прежде, чем он смог что-то сделать. Да и вряд ли бы он смог что-то сделать, если его дочь в плену. Так что сначала нам нужно спасти ее, а потом уже разбираться с Ведьмой.

Я ждал обвинений в сумасшествии, но все воспринял новость довольно легко. Как бы то ни было, в жизни Затмения странностей было более чем достаточно. Жители окрестностей Бокстона явно считали здание, через которое мы с Марит вернулись в Затмение, пристанищем чего-то сверхъестественного, но возвели баррикады против того, что могло оттуда прийти. Точно так же индейцы выработали весьма эффективные способы борьбы с созданиями вроде Лейха. Вместо того чтобы тревожиться о великом значении этих нелюдей и «иных мест», они просто-напросто расправлялись с ними.

Я начал снаряжаться. Надел оголовье радиостанции и сунул в правое ухо наушник. Рацию я пристегнул к поясу, включил ее, послушал шум помех и выключил. Наушник, он же микрофон, принимавший звуки, доходящие по евстахиевой трубе, точно подходил к уху, но не мешал слышать и все остальное.

Проверив рацию, я навьючил на себя боевое снаряжение, застегнул пояс и подтянул плечевые лямки. На животе у меня висело три подсумка, по два магазина к «AR-15-A2» в каждом. На спине был ранец, в котором лежали шесть брусков взрывчатки «семитек» со вставленными радиодетонаторами. В кобуре у правого бедра покоился «вилди вульф», а на левом, для равновесия, три магазина к нему. Под левую руку я надел кобуру «бианчи» с одним из моих «крайтов», под правую — три магазина, опять-таки для равновесия.

Включая карабин и сумку с запасными патронами на левом боку, на мне было более тридцати фунтов сна-

ряжения. Поскольку ремни помогали распределять вес, он не так ощущался и не должен был стеснять движений, даже если пришлось бы бежать или быстро увертываться. С живой массой намного легче управиться, чем с мертвым грузом, но слишком большая живая масса могла бы догнать меня и превратить меня всего в мертвый груз.

Мы с Батом помогли остальным влезть в снаряжение. У каждого его было поровну, и различие состояло только в том, что Бат и я несли пластиковую взрывчатку, а Нэтч, Марит и Джитт достались медкомплекты. Джитт, несмотря на внешнюю хрупкость, была выносливее, чем Нэтч или Марит. Марит проверила свое оружие и быстро ознакомила Джитт с доверенными ей смертоносными инструментами.

Потом мы погрузились в «ванагон», который я с Марит взял напрокат этим утром. Когда мы подъехали к дому Кроули, ворота автоматически открылись, и я загнал машину на маленькую стоянку. Деревянная изгородь отделяла двор от улицы, но калитка отворилась, как только мы подошли.

Кроули и Лоринг ждали нас во дворе. Лоринг оделся, как на рыбалку, но в его коричневых брюках имелось достаточно карманов для боевого снаряжения. Марит помогла ему влезть в его сбрую, и у них завязался приятный разговор о том, какова была «Лорика», пока Нерис не взяла на себя правление. Лоринг был польщен вниманием и рад обрести нового союзника.

Кроули взглянул на предназначенное для него снаряжение и улыбнулся.

— Карабины — хороший выбор, поскольку, если мои предположения верны, нам предстоит ближний бой. Мое оружие и патроны можете оставить, потому что я предпочитаю вот это.

Он опустил на колено и расстегнул молнию на своей нейлоновой сумке. Из нее он извлек два небольших кургузых пистолета, калибром лишь чуть-чуть уступавших моему «вилди вулфу». Один он протянул мне, и я улыбнулся.

— «Ингрэм мак», калибр сорок пять, со свободным затвором. Хорошенький пистолетик. — Я повертел ору-

жие в руках. — Старенький, но все еще смертоносный. Похоже, он пережил несколько войн.

— Реликвии ушедшей юности, друг мой.

Кроуди пристегнул рацію, потом надел снаряжение. Магазины к «AR-15-A2» он отстегнул и заменил магазинами к своим «инграмам». Один пистолет он положил в пустую сумку за плечами, а другой подвесил к наплечной лямке у правого плеча. У него и у Лоринга уже была броня, так что его карабин и оба бронежилета остались в вещевом мешке.

— Если вы готовы, — объявил Кроуди, — мы можем начать.

Двор за его домом был примечателен тем, что деревья и кусты там были в полной листве. Кроуди помянул нас к пруду «кои» у задней стены его владения и присел на корточки возле большой механической скульптуры, похожей на потомство от брака парового катка с мотоциклом «харлей-дэвидсон». Он перекинул переключатель, и внутри машины суетливо зачавкал насос.

Кроуди встал и вытер руки о штаны.

— Один из прежних владельцев этого дома вскоре после Второй мировой войны устроил здесь бомбоубежище. Еще до начала века, когда я купил этот дом, он был галереей авангардистов — тогда и появился этот пруд, прикрывающий вход в убежище. Я его восстановил, но приспособил совсем для других целей. Прежде оно служило для того, чтобы оберегать то, что внутри. Теперь оно служит для того, чтобы оберегать то, что снаружи.

Пока он говорил, вода из пруда сошла, открыв выпуклый люк, как на подводной лодке. Бат открутил штурвал, люк зашипел и открылся, разбрызгивая воду, накопившуюся в уплотнениях. Бат первым спустился по лесенке, вделанной в стену, за ним последовали мы и последним — Кроуди. Люк с лязгом захлопнулся, и я услышал, как щелкнули еще два переключателя.

Один из них, без сомнения, запускал насос на обратный ход. Другой, очевидно, включил свет: флуоресцентные лампы замигали и наполнили светом небольшое помещение. Если не считать нескольких потрепанных мечей, щитов и прочих старинных орудий убийства, раз-

вешанных по стенам, комната показалась мне пустой, но, шагнув влево, я увидел в дальнем углу небольшой черный ящик. Через мгновение он исчез и возник снова, как только я сделал движение.

— Что за черт?

Кроули прошел в угол, где стояло «оно», протянул руку в пустоту и сморщился, словно его ударило током. Прикосновение руки, казалось, ненадолго «заземлило» устройство, и я смог разглядеть его получше.

На первый взгляд это показалось мне большой деревянной конструкцией. Она была высотой в половину телефонной будки, такой же ширины и глубиной фута четыре. Она стояла вплотную к дальней стене комнаты, словно росла из нее. И я бы высказал вслух это предположение, если бы не боялся, что Кроули его подтвердит.

Мне показалось, что Кроули работает с какой-то панелью управления на дальней стене. Я подошел поближе, и в этот момент середина ящика вскипела серыми зигзагами, как на экране телевизора, оставшегося без антенны. Синие и красные искры бежали по серо-белому фону, но звука не было. Насколько я мог судить, ящик был просто большим телевизором без звукового канала.

Старик отступил от панели управления.

— Позвольте объяснить вкратце. Мы отправляемся в иное место, в иное измерение, которое, по сути дела, лежит довольно близко к нашему. Это место называется Плутония, хотя сомневаюсь, что тамошние жители знают об этом. Там применимы все физические законы, если не считать некоторых местных флуктуаций времени.

Джитт склонила голову набок:

— Поясните пожалуйста.

Кроули вздохнул:

— Не знаю, сумею ли. Иные измерения часто имеют особые свойства. Скажем, в греческом Аиде имеется область, именуемая Тартаром. Это, в сущности, небольшой набор замкнутых измерений, где физические законы сильно деформированы. Сизиф вечно катит свой камень в гору, потому что там, в его измерении, любое направление ведет в гору. Гиганта Тития весь день пожирают заживо коршуны, но за ночь он регенерирует, как и пти-

цы, поэтому его мучения могут длиться до бесконечности. Регенерация не его свойство, а свойство того места, где он заключен. В Плутонии, насколько я мог определить, существуют «фиксированные ячейки», где время течет не так, как обычно. Я думаю, что местные жители используют их в качестве холодильников, но, по сути, они способны замедлить старение. — Он ткнул большим пальцем в панель управления, которая мне показалась опаловым экраном с пульсирующими огоньками. — Я установил эту штуку так, чтобы она привела нас как можно ближе к тому месту, где держат Нерис Лоринг. Там находятся еще одни пространственные врата, и мы можем практически сразу столкнуться с враждебными действиями.

Я помотал головой:

— Минутку. А почему бы вам не доставить нас в какое-нибудь другое место?

Кроули тяжело вздохнул:

— У измерений существуют границы. Врата — это просто место, где можно пройти. Если бы я шел один, я не использовал бы это устройство. Я пошел бы сам по себе и выбрал бы наиболее выгодный маршрут. Но я не могу вас всех взять с собой, вот в чем штука. Впрочем, хотя существа Плутонии разумны, им нечего противопоставить нашему оружию. — Он вставил магазин в рукоятку «инграма». — И потом, имейте в виду, что эти существа опасны только тогда, когда их разозлишь.

— Замечательно. — Я подошел к ящику. — Что, просто пройти насквозь?

— Просто пройти.

— Ладно, друзья, включайте рации. Проверка связи, черный. — Я услышал, как они называют себя, каждый своим цветом, и улыбнулся. — Увидимся на той стороне.

Мерцающая завеса оказалась ледяной, и от холода у меня онемело все тело. Потом я почувствовал вспышку тепла и вынырнул на другой стороне. На мгновение у меня закружилась голова, потом я подпрыгнул, перекувырнулся вперед и приземлился уже вне пространственных врат.

Врата Плутонии были шестиугольными и такого же цвета, как ящик в убежище Кроули, — только там зигзаги сбегались к центру, а здесь, наоборот, расходились от центра к краям.

Другая трудность состояла в том, что врата Плутонии помещались в углублении в полу большой камеры. Свесившись через край, я протянул руку Бату, чья голова как раз вынырнула из ряби. Я дал ему время сориентироваться, потом он подпрыгнул, как я, и я помог ему вылезти.

Мы оба присели на корточки бок о бок, и я услышал в наушнике, как он шепотом бранится по-польски. Мы разом оттянули затворы карабинов и взяли на прицел единственный выход, который был виден в слабом свечении мха на стенах пещеры.

Бат огляделся и помотал головой.

— Что такое?

Он пожал плечами:

— Когда я был маленьким, у меня был искусственный муравейник.

— И что?

— Мне все снилось, что я так уменьшился, что смог забраться туда. — Он нахмурился. — Ну и дурак же я был.

— Почему?

— Я называл это мечтами. — Великан обвел пещеру стволом карабина. — А это были кошмары.

28

Остальные без проблем прошли через врата, и только Неро Лоринг на этой стороне стал слеп. Джитт взяла его за руку и не отпускала, пока не прибыл Кроули. Он появился в виде такого же темного силуэта, каким я его знал до встречи в Затмении.

Бат взглянул на него и помрачнел:

— Ну вот. Как только вернусь, спалю Седону к чертовой матери.

Кроули заразительно рассмеялся.

— Я одолжу вам спички.

Он прижал левую ладонь к глазам Неро Лоринга, и тот, оглядев помещение, скрывался и смахнул со щеки слезу, очевидно, представив себе, что его дочь провела столько лет в таком месте.

Потом он передернул затвор карабина.

— Чего же мы ждем? Пошли.

Кроули поднял руку.

— Минутку. — Он поднял другую руку, смешно растопырив пальцы, и, когда он повел ею вокруг, я заметил, что пальцы его дрожат. Кроули проделал несколько странных и сложных пассивов и наконец указал на проход.

— Мы на два уровня ниже. По наклонному коридору, сперва сразу направо, потом второй поворот налево. Она в третьем помещении слева.

Марит нахмурилась, глядя на него:

— Откуда вы знаете?

— Неро дал мне медальон, который обычно носила его дочь. Я сопоставил его эманации с тем, что чувствую здесь. Надо спешить. Что-то здесь не так.

Мы с Батом первыми выбрались в коридор. Блестящие полосы слизи бежали по стенам и потолку круглого туннеля. В темноте я не мог увидеть никакой разницы между ними, но, приблизившись, ощутил густую смесь запахов, словно сидел в баре между двумя женщинами, объявившими друг другу парфюмерную войну. Сначала я принял их за какую-то биологическую проводку, а потом подумал, что это просто местные украшения.

Джитт потрогала одну из линий.

— Феромоны. Все равно что цветные линии на стенах больницы. По-моему, вот эта средняя, толстая, ведет к чему-то важному, вроде еды или царицы.

Я присел на корточки чуть дальше по коридору и вытащил из сумки пластиковый заряд.

— Бат, поставь красный напротив меня, здесь, на стене.

Я прижал мину к грубому камню и перекинул маленький переключатель, взводящий ее. Загорелся крохотный огонек — знак того, что мина готова к действию.

Первый правый поворот, о котором говорил Кроули, привел нас из одного наклонного коридора в другой, ко-

торый постепенно расширялся, пока не превратился в большую горизонтальную галерею. Медленно продвигаясь вперед, я видел лишь лоскуты зеленого мерцания, плавающие в море черноты. В отдалении слышались какие-то постукивания и пощелкивания, словно какой-то чокнутый музыкант стучал барабанными палочками друг о друга.

— Кейн, стойте! — прошипело радио прямо мне в ухо.

Я остановился бы и без предупреждения Кроули, потому что уже уловил дуновение ветерка: что-то двигалось совсем рядом. Пощелкивания и потрескивания зазвучали ближе, потом остановились. Я услышал скрипучий звук, словно растягивали старую кожу. Два резких щелчка, словно кто-то ударил кремнем, раздались прямо у меня над головой. Я вздрогнул и замер.

В наушнике зазвучал голос Кроули:

— Спокойнее, Кейн, спокойнее. Тот, что возле вас, всего лишь рабочий. Для него вы пахнете не так, как еда, так что не беспокойтесь. Стойте тихо. Не стреляйте.

Как чревоушитель, я заговорил без голоса, и микрофон в ухе легко воспринял звук.

— Вы можете его видеть? В такой темноте?

— Этим навыком вы еще овладеете, если останетесь живы. Стойте тихо.

Я неслышно втянул в себя воздух сквозь сжатые зубы. Щелканье приблизилось, и на меня нахлынула волна густого, горьковато-сладкого запаха, похожего на запах увядших цветов. Я снова и снова слышал звук, над головой и справа, но, как ни старался разглядеть, что это такое, видел только тень, заслоняющую дальние лоскуты зеленого мха.

Капля пота скатилась с виска и медленно поползла по лицу. Моя правая рука начала дрожать, словно тяжесть карабина выпила всю ее силу. Бронежилет на мне стал влажным, и я почувствовал, что мне становится жарко. На лбу выступил пот, и еще одна капля проложила себе путь между бровями, по переносице, и ужалила меня в правый глаз.

Мое сердце билось так, что я боялся, как бы его не услышала тварь. Припомнив замечание Бата, я предста-

вил ее в виде огромного муравья, собирающегося схватить меня жвалами. Огромные, словно косы, лезвия на его челюстях перережут меня пополам. Это не тот путь, каким я собирался идти. Я чувствовал, что стоит мне двинуть стволом карабина, как я коснусь этой твари.

И вдруг пощелкивания и потрескивания начали удаляться. Я медленно перевел дыхание.

— Кроули, что это было?

— Плутонианий, насколько, я могу представить. — Его голос пресекся на мгновение, и за эту паузу куда-то испарился весь его юмор. — Мне это не нравится. Двенадцать шагов вперед и налево.

Я буквально выполнил его приказание и обнаружил, что нахожусь достаточно близко к другому коридору, освещенному чуть лучше.

— Кроули, что вам не нравится?

Зеленый свет тонул в его черной фигуре.

— Этот рабочий выписывал усами классический поисковый узор, но повернул, не коснувшись вас.

— Мое счастье.

— Или кто-то его отозвал. — Кроули указал дальше в туннель.

Марит проследила за направлением и привела нас к третьему проему слева. Там она вытащила из-за сапога нож и принялась отковыривать покрытый воском пласт паутины, закрывающий отверстие.

— Здесь дюймов шесть. Все равно что резать глину. Там, на той стороне, есть свет, настоящий.

Бат вынул свой нож и всадил восьмидюймовое лезвие на уровне плеча. Обхватив рукоять обеими руками, он потянул вниз, ступая из стороны в сторону. Восковая паутина отслоилась, как китовое сало, когда его отделяют от туши. Нэтч оттянула толстую мембрану, и Неро Лоринг первым нырнул внутрь.

Его крик в наушнике едва не оглушил меня. Я топорливо пролез в дыру и оказался в небольшом помещении. В нишах вдоль стен горели свечи, наполняя комнату мирным золотистым светом. Если бы не неправильная форма комнаты, ее обстановка, состоящая из двух полок, забитых романами, вполне могла бы сойти за скучную

обстановку спальни в какой-то частной школе с военным уклоном. Во всяком случае, она не была похожа на ужасный застенок, да и Нерис Лоринг, дремлющая на кровати с книгой на груди, отнюдь не казалась страдалицей.

Так что я не сразу сообразил, отчего ее отец в отчаянии упал на колени перед кроватью. Он обнял дочь и привлек к себе, но она даже не пошевелилась. Я подумал, что ее, может быть, усыпили, но, когда Неро приподнял ее, я понял, в чем дело.

Кожа на голове, вместе с черными волосами, откинулась, как плохой парик, и повисла на шее, словно капюшон. Вся затылочная часть черепа была срезана, мозг отсутствовал.

— Нет, нет! Она не мертва! Тело еще теплое! — стонал отец.

Я повернулся к Кроули и показал на кровать.

— Это невозможно. Мозг удален, и при этом ни капли крови? Так не бывает.

— Еще как бывает. — Он взял у Бата нож и полоснул меня по запястью. Я почувствовал остроту лезвия и, взглянув на свою руку, увидел порез. Он был неглубоким и недлинным, но совсем не кровоточил.

— Как это?

— Я вам уже говорил, что это место особое. Взгляните на свечи. — Он подошел к ближайшей свече и попытался ее задуть. Пламя даже не дрогнуло. — Они горят и не кончаются. Таковы свойства этого места.

Кроули нагнулся и поставил Неро Лоринга на ноги, а когда тот стал сопротивляться, сильно ударил его по лицу и оторвал его руки от тела девочки.

— Оставьте ее!

— Нет, это моя дочь!

— Это была ваша дочь. Вы говорили, что закодировали ее энцефалограмму в программе, управляющей маг-левым, так?

— Нерис!

Кроули снова ударил его и приподнял за ворот рубашки.

— Слушайте меня, Неро Лоринг! Они взяли мозг вашей дочери. Они используют его, чтобы запустить схему. Вы можете их остановить?

— Не знаю. — Лоринг покачал головой, утирая слезы глаз. — Думаю, что могу, но не знаю.

Держа его одной рукой, Кроули повернулся и ткнул пальцем в Джитт:

— Вы, вы были компьютерным эмпатом у Койота. Вы сумеете остановить машину?

— Возможно, если получу доступ к ней.

— Вы получите доступ. Кейн, подойдите.

Но прежде чем я успел сдвинуться с места, от входа послышалось громкое клацанье и треск рвущейся ткани. Я резко повернулся, скидывая карабин. Разрывая головой остатки преграды, в комнату лез самый большой муравей, какого я только видел. Он был шоколадно-коричневого цвета, а размером — немногим меньше, чем самец почти вымершего африканского слона.

Я инстинктивно нажал на спуск. Из ствола карабина вырвалось пламя, и поток дуплексных пуль проделал дюжину дыр в голове муравья. Отстреленная жвала загремела по полу, как лезвие косы из черной слоновой кости. Тварь отпрянула и врезалась в противоположную стену, потом забарахталась, пытаясь встать на все свои шесть ног, и тут длинная очередь Бата проделала у нее в груди дыру величиной с тыкву.

Я ждал предсмертного вскрика, но создание осталось безмолвным. Вместо этого комнату заполнил отвратительно едкий запах. У меня закружилась голова, Марит упала на колени, и ее стошнило. Я едва не упал, но ухватился за стол. Кроули уронил Лоринга и, пошатываясь, подошел ко мне; воздух в комнате понемногу начал очищаться.

— Слушайте внимательно. Вы должны протащить Неро и Джитт в «Лорику». Вы должны остановить Нерис и Скрипичника. — Он коснулся рукой моего лба, и в голове у меня вспыхнул образ опалесцирующей панели управления. — Управляющая последовательность: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» — всякий раз, как вы тронете огонек, он поменяет цвет на

следующий по спектру. Узор, который я запрограммировал для вас, приведет вас в подножие башни «Лорикки». Я знаю, что он сработает. Я уже побывал там.

— Когда помогали Койоту вытаскивать Неро, так?

Кроули вскинул голову и посмотрел на меня. Я почти видел его глаза сквозь тень.

— Вы очень проницательны, Кейн, но у нас нет времени щеголять проницательностью. Идите. Возвращайтесь тем же путем, которым пришли, и пройдите в башню через пространственные врата. Надеюсь, вы успеете.

— Вы должны пойти с нами.

Он покачал головой:

— Не могу. Здесь Скрипичник думает быстрее нас.

Бат вскинул карабин к плечу и выпустил две очереди в коридор.

— Они накапливаются, Кейн.

— Идите и возьмите Лоринга. Шанс, что он сможет пробиться к ней, мал, но все-таки существует. — Кроули взглянул на тело девочки. — А я посмотрю, нет ли отсюда другого выхода.

— Не рискуйте.

Кроули тихонько хихикнул.

— Я старик, но мы со Скрипичником еще не окончательно свели счеты.

— Ладно, идем. — Я полез в ранец, достал брикет пластиковой взрывчатки, взвел взрыватель и присел на корточки рядом с Батом. — Далеко они?

— Футов тридцать. Потолок низкий, осторожно.

— У меня есть идея получше. — Я вставил в ухо наушник и скатал пластик в небольшой шар с взрывателем в середине. — Не знаю, играл ли я на кегельбане, но...

Я сделал шаг из проема и запустил шарик вниз по коридору. По вогнутому полу круглого туннеля бомбочка катилась точно посередине. Маленький синий огонек мигал, а шар катился все дальше и дальше в глубину коридора. Когда он удалился на достаточное расстояние, я прижал наушник к уху и сказал: «Синий гребень».

Бомба взорвалась прямо под одним из плутонианиан и разнесла его на куски. Брюхо отлетело футов на десять,

обрызгав вонючей жидкостью других тварей. Голова свалилась на землю, и усики подергивались, выписывая поисковый узор, а жвалы судорожно сжимались.

Бат шагнул в коридор и выпустил еще две очереди.
— Чисто, пошли.

Я пропустил вперед Нэтч и Лоринга, а следом послал Марит и Джитт. За ними метнулся Бат, и вскоре я снова услышал стрельбу. Я обернулся пожелать удачи Кроули и увидел, что остался один.

— В любом случае счастливо, старина. Надеюсь, что Скрипичник не доберется ни до одного из нас.

29

Яркие вспышки выстрелов освещали Бата, который возвышался посреди коридора подобно мраморной статуе. Он и поливал огнем галерею, а остальные прикрывали короткий наклонный проход вниз.

— Пошевеливайся, Кейн.

Я вытащил из сумки новую бомбу.

— Иди, Бат. Я догоню. Когда услышишь ключевое слово, береги глаза.

Я побежал вперед, ориентируясь при свете выстрелов, а он выпустил еще несколько очередей и отступил. Добежав до начала коридора, я присел за тушей издыхающей твари и стал ждать, пока отойдет мой отряд.

Вспышки выстрелов давали достаточно света, и, приглядевшись, я обнаружил, что плутониане на самом деле не так уж похожи на гигантских насекомых. Тот, за которым я прятался, смахивал скорее на броненосца, благодаря толстой шкуре, покрытой костяными пластинками, и был теплым на ощупь, а вдоль хребта у него росли густые пучки шерсти. Если бы носорог принял облик насекомого, как раз получился бы плутонианин.

Твари выстроились в ряды и медленно продвигались по галерее. Взрыв в середине строя мог бы их дезорганизовать, но я, помня, что Кроули называл их роевым разумом, искал особь с антеннами подлиннее, надеясь, что это и будет подвижной командный центр.

Неудачно.

Плюнув, я скатал «семитек» в шар и взвел взрыватель. Светодиод засиял желтым. Опираясь левой рукой о тушу плутонианина, я закинул бомбу под самые верхние пятна света, какие только мог разглядеть в главной галерее.

— Пригнись! — Я выждал мгновение и добавил ключевое слово: — «Желтый хвост».

Бомба взорвалась под самым потолком и с невероятной силой. Несколько крупных, неуклюжих плутониан рухнули на пол, словно их сбило грузовиком. Другие слоноподобные муравьи наткнулись на своих собратьев и сцепились с ними не на жизнь, а на смерть. Те, кому взрывом оторвало усики, просто завертелись на месте.

Шелковистая паутина под потолком вспыхнула, отслоилась и накрыла плутониан огненным одеялом. Она облекала их, как вторая кожа, и поджаривала заживо. Удушливый предсмертный запах, смешанный с дымом и вонью горелого мяса, заполнил галерею ядовитым туманом.

Теперь света было даже больше, чем нужно. Я побежал к наклонному коридору и проскочил мимо Джитт и Марит. Они выпустили еще по паре очередей и побежали за мной вниз. Мы догнали Нэтч и Лоринга на повороте, и я увидел Бата, который махал рукой от входа в комнату, где были пространственные врата.

Когда все собрались вместе, я кивнул Бату, и он произнес: «Красный щелкун». Пол подпрыгнул — заряды взрывчатки, которые мы заложили в самом начале, взорвались и перекрыли проход, по которому мы пришли. Я указал на пространственные врата и велел всем рассестись по краю.

— Я разберусь с этой штукой. Перезарядите магазины, скорее всего нас ожидает горячий прием.

Я подбежал к консоли управления. На ней не было ни кнопок, ни ручек, но она была разделена на сетку десять на десять, в ячейках которой на мгновение вспыхивали красные, синие, зеленые островки.

Я тронул первый квадратик. Он изменил цвет с белого на красный, и одновременно я уловил легкий, слабый запах: вероятно, обоняние для плутониан играло ту

же роль, что для нас зрение. Я снова нажал на квадратик, и он стал оранжевым. Одновременно сменился запах.

Я быстро обнаружил, что после фиолетового цвета опять подвывается белый — без запаха, — и начал менять цвета, подбирая рисунок, который Кроули впечатал в меня. Как только я закончил узор, по вратам побежали зигзаги, сходящиеся к центру.

— Пошли! — Я вытащил из сумки еще один брусок «семитека», взвел взрыватель и прилепил взрывчатку к консоли управления. Со словами: «Счет пять, зеленый меч» я ступил на волны, и меня поглотил жгучий холод.

На той стороне я свалился лицом вниз в липкую вязкую массу, но, когда встал, она легко отлипла от рук и лица. Оглядевшись, я обнаружил, что слизистая субстанция обволакивает стены и упруго прогибается под ногами, вместо того чтобы тянуться за ними.

— Где мы? — Мы оказались внутри какого-то огромного цилиндра. Пол под слоем слизи слегка вибрировал, и я слышал приглушенные скрежещущие звуки, которые то приближались, то пропадали в отдалении. Я сравнил мысленный образ панели с тем, что передал мне Кроули, — они совпадали. — Либо мы в «Лорики», либо Кроули сделал большую ошибку.

Я поднял голову и, увидев, что Бат, пожимает плечами, стоя на потолке туннеля, начал склоняться к последнему выводу. Неро Лоринг, опустившись на одно колено, погрузил руку в слизь, ощупывая бетон под ней. Остальные, словно спицы в колесе, стояли внутри цилиндра, без всякого уважения к силе тяжести.

— Мы в центральном цилиндре, вокруг которого расположены главные лифты «Лорики». — Лоринг вынул руку из жижи и встал. — Я спроектировал здесь особый лифт, исключительно для себя. По этому цилиндру диаметром двадцать футов можно было подниматься до самого пентхауса. — Он показал назад через плечо. — В обычном смысле низ там, а мы обращены лицом вверх. Не знаю, каким образом здесь манипулируют с силой тяжести, но, похоже, что она концентрируется в слизи. Возможно, это механизм для доставки еды. Если мы будем осторожны и если это вещество доходит до самого верха, нам остается пройти всего метров триста.

Послышался отдаленный удар, и все, как по команде, упали ничком.

— Атака?

Нэтч покачала головой.

— Гроза. В Затмении она всегда так звучит.

— Гроза? Я думал, что буря не соберется до вечера, пока город не охладится настолько, чтобы над ним могли сгуститься облака.

— Она и не собиралась. — Марит взглянула на часы. — Смотрите, как странно.

Пока она говорила, я бросил взгляд на свои часы. Циферблат со стрелками показывал четверть десятого утра, и это совпадало с моим ощущением времени. Но цифровое табло говорило, что сейчас половина девятого вечера — то есть самое время начаться грозе.

— Похоже, время в Плутонии течет очень медленно. Лоринг указал вверх.

— Не имеет значения, который час, буря надвигается. Мы должны остановить Ведьму.

Идти вверх по цилиндру было довольно странно, особенно потому, что Бат упорно оставался в прежнем положении и казался мне висящим на потолке. Мы двигались медленно и осторожно, но не встретили никаких препятствий. Слой слизи нигде не прерывался и не отказывался держать нас.

В дальнем конце цилиндра открылся проход меньшего размера. Он был вполовину меньше в диаметре, и слизь покрывала только его стены и пол. Проход уходил по спирали вниз, и из-за изгиба я не мог судить о его длине. Вероятно, здесь был своего рода шлюз, где гравитация трубы совмещалась с силой тяжести во внешнем мире.

Лоринг сказал, что ничего не знает об этом, но подтвердил мои догадки относительно назначения спирального спуска.

— Это новая конструкция, но, насколько я могу понять, она должна вывести нас в пентхаус.

— Я пойду первым и дам сигнал, если все будет чисто.

Я вставил обойму в карабин и пошел по боковому туннелю. Я двигался по стене, но вскоре слизь кончи-

лась, проход пошел горизонтально и открылся в беломощелковый мир Нерис Лоринг.

Я помедлил у выхода, взглянул в обе стороны, но за колеблющимися, хлопающими стенами ничего нельзя было разглядеть.

— Кажется, чисто, — прошептал я в радиоприемник. — Идите медленно — вдруг я ошибся.

Шагнув из проема, я обнаружил, что действительно ошибся — да еще как! Кто-то спрыгнул на меня со стены и опрокинул на землю. Я перекатился, уходя от удара, и хотел развернуться, но сильный пинок по ребрам не дал мне этого сделать. Мой карабин загремел по полу и свалился в ручей, а сам я отлетел к невысокой стене и врезался в нее загремком.

Мистер Лейх, затянутый в черное с головы до пят, стоял посреди комнаты и негромко смеялся. Он вытер руки о бедра и сжал кулаки. Позади него, как раздавленные жуки на чистой белизне стен, виднелись два отпечатка ладоней на слизи, точно над входом.

— Надеюсь, я не заставил вас провисеть слишком долго, мистер Лейх?

Темные очки «рэйбан» скрывали его глаза, но я не ожидал увидеть в них веселье. Впрочем, оно достаточно ясно прозвучало в его голосе.

— Вы большой шалун, мистер Кейн. Я вам должен, и она сказала, что я могу делать с вами все что угодно. — Он сладострастно облизал губы и улыбнулся.

Я подобрал под себя ноги и встал.

— Если я вам так нужен, возьмите, — и положил руку на рукоять «вилди вулфа».

Лейх покачал головой.

— Ты все еще не понимаешь, да, человечек? Ты стрелял в меня четыре раза. Ты заставил меня ободрать всю кожу, проехавшись по асфальту. Когда ты ударил меня автомобилем, ты сломал мне ногу в восьми местах. Парамедик сказал, что я никогда не буду ходить, но я выпил его кровь и вышел из кабинета, приплясывая. Ты можешь сражаться со мной не больше, чем корова с мясником. — Он показал на мой пистолет: — Баляй. Сделай свой лучший выстрел. Ничему ты не научился.

Я вытащил «вилди» и снял его с предохранителя.

— Напротив, мистер Лейх, я научился многому.

Первая пуля ударила его в правое плечо, и очки упали на пол. Лейх вновь развернулся ко мне, показывая, что может выдержать все мои сюрпризы, но вдруг осознал, что предмет, лежащий на полу позади него, не что иное, как его правая рука.

— Не разваливайтесь дальше, мистер Лейх, — укоризненно сказал я, — или мне вас называть «мистер Левша»?

Он посмотрел на меня, и чистая сверхчеловеческая ненависть пылала в его глазах. Он зарычал что-то, но мой второй выстрел перебил ему гортань и позвоночник. Кровь залила белые полотнища, хлопающие как паруса под ветром. Тело Лейха свалилось в ручей, где уже лежал мой карабин, а голова ударилась о пол и подскочила, как мячик. Лежа на боку, она еще секунд пять грызла воздух, а потом мистер Лейх успокоился в луже крови.

В проеме появились Бат и Джитт с карабинами на изготовку.

— Есть затруднения?

— Нет, Бат, все в порядке. — Я сунул пистолет в кобуру. За Батом вылезли Нэтч и Лоринг. Марит замыкала строй. — Она оставила на страже только его. Либо она очень глупа, либо...

— ...либо вам меня уже не остановить!

Слова, подкрепленные раскатом грома, разнеслись по всему помещению. Я обернулся кругом, стараясь рассмотреть Нерис в ее шелковом лабиринте. Как паук в паутине.

Кровавые пятна на полотнищах слева от меня начали медленно расползаться и расти. Они расширялись до тех пор, пока не поглотили всю белую ткань, потом перешли на следующее полотнище, и дальше. Все шелковые занавеси напитались кровью, она капала на мрамор и стекала в ручьи. Они переполнились, алая жидкость выплеснулась на пол и потащила прочь тело Лейха.

Потом она просочилась в мои ботинки, теплая и липкая, как и полагается крови.

И внезапно все занавеси вспыхнули ярким магниевым пламенем, словно на представлении иллюзиониста. Я едва успел заслонить глаза и закашлялся от едкого дыма. Помещение наполнилось жаром, я испугался, что на мне вот-вот загорятся волосы, но жар так же внезапно пропал.

Я открыл глаза в новом мире. Все, что было белым, сделалось черным, и теперь, когда занавеси исчезли, стали видны бесчисленные маленюкие ниши. Не считая цвета, они ничуть не изменились с того памятного вечера. Свет померк, и пентхаус погрузился во мрак — за исключением одного предмета.

Три сводчатых окна на западе были обращены к городу, и за ними открывался захватывающий и ужасный вид. Грозовые облака заполняли все небо, и призрачные белые вспышки окаймляли их серебром.

Я и за мной остальные молча подошли к окнам. Перед ними, на постаменте, напоминающем алтарь, стояла Нерис. На ней было белое платье в классическом греческом стиле, только очень короткое. Золотая шнуровка корсажа была не затянута, и она сжимала в руках украшенные кистями концы шнуров, словно только так могла сдерживать свою силу.

Когда я ступил на хрустальный мостик перед постаментом, во мне проснулось тревожное чувство просителя, приближающегося к божеству, чтобы молить о благодеянии, но я отогнал его и прорычал:

— Все кончено, Нерис. Мы все знаем.

— Вы неправы, Кейн, все еще только начинается. — Она гортанно рассмеялась. — Вы не в состоянии остановить меня, и этим обязаны самому Неро Лорингу.

Она ленивым жестом показала на стойку с аппаратурой, медленно поворачивающуюся к нам. В тени она показалась мне чем-то вроде блестящего полировкой и хромом макета, но когда стойка окончательно выехала на свет, я понял, что создать такое человеку не под силу.

Черные кабели, бегущие из угла в угол, могли бы быть оптическими волокнами, если бы на концах они не расширялись, превращаясь в псевдоподии, присосавшиеся к корпусу, словно пиявки. Кабели пульсировали в

такт проходящей энергии, и в панелях, к которым они сходились, менялись цвета. Сами панели сначала показались мне сложным набором светодиодов, но я тут же разглядел, что это чешуйчатая кожа, меняющая цвета подобно хамелеону.

Пока я смотрел, в середине устройства поднялся полупрозрачный люцитовый столбик и развернулся веером, как хвост павлина. В верхней, широкой части я увидел странные кольца, погруженные в полупрозрачную массу, и с ужасом понял, что это тонкие срезы мозга, зажатые между слоями синтетика.

Ведьма с восторгом взглянула на машину.

— Поздоровайся, дорогая.

Черная мембрана в передней части машины задрожала, как диффузор динамика, и послышался голос девочки:

— Прости, папа. Я не хочу этого делать, но не могу остановиться.

— Нерис! — закричал Лоринг и ткнул пальцем в Ведьму. — Что ты с ней сделала?

Глаза Ведьмы сузились.

— Только то, к чему ты вынуждал меня сам, глупец. Ты тщился помешать мне и моему повелителю. Ты использовал ее энцефалограмму, я использовала ее мозг. Все, что ты видишь, — дело твоих рук. — Она повернулась и взглянула на линию маглева, на которой заиграли первые огни святого Эльма. — Это невозможно остановить.

— Мы можем взорвать линию. — Я указал туда, откуда мы пришли. — Бат, идем.

Ведьма расхохоталась мне в лицо.

— Никуда вы не пойдете.

— Уж не вы ли собираетесь меня остановить?

— Нет. — Ведьма покачала головой. — Ну, забава моя, можешь показать себя. Ты хорошо поработала.

Марит отступила на шаг и подняла карабин.

— Вы понимаете, что на таком расстоянии я не промахнусь, и бронежилеты не помогут. Не заставляйте меня убивать вас. Я этого не хочу. Просто положите оружие.

Наш арсенал загремел по полу.

Ведьма сложила руки на груди.

— Видите ли, мистер Кейн, Скрипичник не единственный, кто держит людей для забавы. Я бы убила вас за то, что вы сделали, но наказывать чужие игрушки не моя обязанность. Я отложу это до прибытия Скрипичника. — Вспышка молнии на миг превратила ее лицо в серебристую маску. — А оно, судя по тому, как развиваются события, не заставит себя ждать.

30

Я взглянул на Марит и покачал головой.

— Марит, как ты могла?

— Я не хотела ранить тебя, Тихо. Я не хотела.

Я слышал ее слова, но мольба о понимании, звучащая в ее голосе, умерла в ее черных зрачках.

— Остановись, Марит. Стреляй в нее. Вернись.

— Я не могу, Тихо, не могу. — Марит вздрогнула. — Я слишком далеко зашла, чтобы дать себя обмануть.

Ведьма слегка усмехнулась.

— В этом ваша ошибка, мистер Кейн. Все, что вы ей можете предложить, это теплая постель. Я, с другой стороны, могу предложить ей бессмертие. Я могу предложить ей вечную красоту и богатство. Я могу дать ей все, по чему она тосковала еще ребенком. Взамен я хотела, чтобы она привела мне Койота. Она не сумела, но на данный момент вы гораздо более ценный приз. — Нерис простерла руки, словно мать, призывающая детей. — Вы все проявили находчивость. Я признаю это, и мое уважение к вам больше, чем вы полагаете. Придите ко мне. Обнимите меня. Станьте моими слугами, и милостью Скрипичника все ваши мечты осуществляться.

Бат скрестил на груди руки.

— Ты хочешь сказать, что тогда я смогу тебя убить дважды?

Ведьма покачала головой.

— Как это забавно, мистер Кабат. — Марит, обойдя нас кругом, встала рядом с хозяйкой, и Ведьма указала

ей на Бата. — Когда я скажу, моя дорогая, прикончи его так, чтобы он умер медленно и в мучениях.

— Как пожелаете, госпожа.

— А остальные? Неро, ты досадил мне, но я позволю тебе жить. Ты, Ферал, сможешь получить все, что пожелаешь. А тебе, Джитт Рэйвел, я помогу освоиться с твоим телом. Я верну тебе цельность. Выбор за вами.

Снаружи небо взорвалось серебряными зигзагами, и у меня в наушнике затрещали разряды. Буря накатывалась от Скво Пик, и гром kloкотал, как рычание в волчьей глотке. Молнии словно шагали вниз по склону горы. Они били в громоотводы, защищающие Застывшую Тень, и на краткие мгновения извивающиеся канаты энергии привязывали облака к земле. Когда они разрывались, тьма снова окутывала город, но лиловое кольцо маглева светилось все ярче.

Нэтч прикусила губу и покачала головой:

— Я бы не пошла к тебе, даже будь ты на самом деле такой мудрой и могущественной, какой себя воображаешь. Никаких сделок, сучка.

Глаза Ведьмы сверкнули.

— Рэйвел?

— Ты и твой род воруете у людей человеческое. Единственный способ, которым ты можешь вернуть мне цельность, это украсть ее у других. — Джитт качнула головой один раз. — Бесплезная сделка.

— Глупцы! Разве вы не видите того, что видит она?

— Нет, не видим. — Бат помотал головой. — Но глаза у нас открыты.

— Марит, — печально прошептал я по радио.

Она взглянула на меня.

— Тихо?

— Прости.

— Простить? За что?

Я попытался вспомнить, какой она была накануне ночью.

И не смог.

— Вот за это. Саломея.

Едва отзвучало это слово, заряд «семитека», вмонтированный в корпус ее рации, взорвался. Свинцовая пуля,

помещенная в центре выемки заряда, вырвалась из пластикового корпуса рации, раздробив пряжку ремня. Осколки пластика и пуля рассекли лямку и ударили в бронежилет. Сила взрыва развернула Марит, а пуля, пройдя через грудь, пробила легкое и разорвала легочную артерию. Поворачиваясь, Марит подняла ствол карабина, и он ударил Ведьму по лицу.

Ведьма упала с постамента и пропала из виду. Я бросился на пол и встал уже с «вулфом» в руке. Бат опустился на колено и подобрал карабин. Нэтч схватила Неро Лоринга и оттащила его от постамента, а Джитт бросилась к компьютеру. Внезапно рядом с ней что-то мелькнуло, и Джитт отлетела в сторону, опрокинув Нэтч вместе с Лорингом.

Ведьма вернулась в своем подлинном обличье. Поверх ее настоящего лица все еще была маска Нерис, но бледная кожа натянулась, и сквозь нее просвечивало зеленое. Кожа рук превратилась в мертвенно-бледные перчатки, заканчивавшиеся на запястьях рваными краями. Острые черные когти проткнули кожу на кончиках пальцев и поблескивали каплями яда.

Скользя вперед, она выползла из шкуры, которую носила в облике подменыша. Черный язык, раздвоенный как у змеи, облизывал красные губы Нерис. От горла по груди, почти человеческой, и животу, вдоль всех двадцати футов змеевидного тела шли желтые чешуйки цвета старой слоновой кости. Зеленые чешуйки защищали руки и плечи. Она смигнула мембраны, изображавшие прежние глаза Нерис, и я увидел эллиптические зрачки с янтарной радужкой.

— Мне больше не нужен этот обман! Пришествие моего повелителя близко!

Мы с Батом открыли огонь одновременно, но он выпустил полный магазин быстрее, чем я. Дуплексные пули прочертили линию через торс Ведьмы, от того места, где полагалось быть левому бедру, до правого плеча. Мои пять выстрелов пришлось в горло и голову, раскроив маску человеческого лица.

Ведьма упала с постамента и на мгновение пропала из глаз, но тут же поднялась снова. Я видел разбитые

чешуйки там, куда угодили пули Бата, но они на глазах заживали.

— Вам меня не убить! Ваше оружие слишком слабо! Я непобедима!

Позади меня захохотал Неро Лоринг, а Бат, Нэтч и Джитт сосредоточили огонь на Ведьме. Пули отскакивали от ее головы и груди, дробя стекла за ее спиной. Буря ворвалась в разбитые окна и хлестнула ее по лицу черными волосами, которые она носила, когда притворялась человеком. Крупные осколки мокрого стекла, куврякаясь, пропадали в ночи. Я вспрыгнул на постамент и вывернул карабин из мертвых пальцев Марит. Вода струилась по спине Ведьмы, сбегала по чешуе, и капли отлетали от нее, как и пули.

Хохот Лоринга пробивался сквозь раскаты грома, и казалось, ранил ее сильнее, чем наши выстрелы. Свернувшись у основания разбитого окна, Ведьма зашипела и уже готова была броситься на него, но потом повернула голову и взглянула на меня. Ее руки дернулись, и она устремилась ко мне.

Ведьма двигалась быстро, но пол был усеян мокрым стеклом, и кольцам ее змеиного тела не за что было зацепиться. Она сделала выпад, и сила отдачи наполовину выбросила ее за окно. Растопыренные когти прошли мимо меня и сквозь пластиковую облицовку вонзились в плиту постамента.

Она взглянула на меня снизу вверх, змеиным языком смахнула с лица остатки человеческой кожи и, подтягивая себя руками, угрожающе прошипела:

— Это еще не конец!

Зеленое змеиное кольцо появилось над краем окна, но Джитт очередью из карабина сбросила его в ночь.

— Конец.

Я спрыгнул с постамента, и он, освобожденный от моей тяжести, медленно пополз к разбитому окну. Я прицелился и выпустил в него весь магазин. Пули превратили постамент в щепы и пластиковую крошку, а ветер выдул обломки, прихватив заодно Ведьму и тело Марит.

Я подбежал к окну и выглянул, держась за раму. Сквозь полотнища дождя падало что-то маленькое, чер-

ное, похожее на хлыст, бьющий по воздуху. В яркой вспышке молнии было видно, как оно ударилось о Застывшую Тень. Взлетели искры, и возле основания цитадели «Лорики» вспыхнуло огненное «S».

Я отвернулся от окна и прокричал, перекрывая воющий ветер:

— Неро, Джитт, что там с компьютером? — Маглев разгорался все ярче, и семь спиральных радуг уже поднимались от линий маглева, связывающих цитадели с Центром. — Что бы она ни начала, это нужно остановить.

Джитт взглянула на машину и покачала головой:

— Я не уверена, что могу что-то сделать. Будь у меня время, я разобралась бы в нейронных связях, которые заставляют ее работать. — Она указала на два толстых кабеля, подходящих к основанию веера со срезами мозга. — Все входы и выходы собраны здесь и фильтруются через мозг Нерис. Расшифровать мозг четырнадцатилетней девочки невозможно.

Я повернулся к Неро:

— Вы закодировали энцефалограммы?

Ветер бил в бронежилет Лоринга и развевал остатки его волос.

— Она ненавидела математику, и ее я использовал для запуска программ. Энцефалограмму, снятую во время решения математических задач!

— А остановка?

— Пение. Ее любимая рождественская песенка, «Тихая ночь»!

Сильный и очень близкий удар молнии очертил перед окном силуэт Бата.

— Так заставь ее петь, Лоринг, не то нам всем придется затянуть «Реквием»! Господи Иисусе, ты только взгляни, Кейн!

Радуги оторвались от цитаделей и закружились над Центром, как лопасти винта вертолета. Они вращались все быстрее и быстрее, сливались в плоскость, которая медленно выгибалась, превращаясь в чашу, накрывающую город. Фейерверк крутился с безумной скоростью, молнии били все чаще, пронзая светящийся купол и втягиваясь в его вихревое движение.

Края чаши коснулись маглева. Еще мгновение она продолжала вращаться, потом застыла. Давление внутри купола возрастало, у меня заложило уши. Внизу, в цитадели, посыпались стекла. Сердце забилося тяжело, стало трудно дышать. Я хотел отойти от окна, но воздух сделался плотным, словно бетон.

Внезапно середина чаши поднялась вверх, и вся воронка опять начала вращаться. Я упал навзничь и на секунду потерял небо из виду, а когда поднялся, все изменилось, и я почувствовал себя так, словно последние три дня обедал только бритвенными лезвиями, заедая их толченым стеклом.

Светящаяся воронка исчезла, от нее осталось только зеленое и неоновое-красное сетчатое сплетение, которое, возможно, составляло ее каркас. Вокруг и сквозь него были видны бурлящие тучи, а середина, казалось, уходила за облака, и в сердцевине воронки не было ничего, кроме пустоты. Разряды молний били в сеть, и тогда она на мгновение вспыхивала желто-золотым цветом — но потом вновь возвращался красно-зеленый.

Я крикнул Джитт и Лорингу:

— Лучше бы вам что-нибудь сделать! Это что-то сверхъестественное!

Джитт в ярости стиснула кулачки.

— Эта Ведьма знала, что делала. Большинство срезов из левого полушария. Математика, логика и практически нет языка.

Лоринг стоял на коленях перед машиной.

— Давай, Нерис, мы должны это сделать. «Ночь святая мирно спит...»

Мембрана ответила:

— Не могу, папочка. Не могу.

— Придумайте что-нибудь! — Первое голубое щупальце уже зацепилось за край воронки. — Бат, сматывайся живее и прихвати Нэтч. Не знаю, далеко ли ты сможешь уйти...

Бат помотал головой. Из воронки появилось второе щупальце.

— Я не побегу.

Он вогнал в карабин новую обойму и передернул затвор.

Щупальца уплотнялись, создание вытягивало себя из дыры, пробитой в небе. Появился панцирь, усеянный крючьями, шишками и шипами. Вместо прежнего дымчато-серого оц обрел свой естественный светло-коричневый цвет. Как и плутониане оно, без сомнения, явилось в своем собственном виде: голова и лицо паучьи, фасеточные глаза и острые жвала, способные откусить вершину одной из Башен Годдарда.

Держась за сеть одним щупальцем, существо вытянуло другое от центра города к цитадели «Лорики». Одним из трех расставленных пальцев существо подцепило горящее тело, которое было Ведьмой, поднесло палец к пасти и ощутило вкус пепла.

Жужжащий, трескучий голос возник в моей голове.

— З-знова ее з-занезло. Низ-зшая, но з-з претензиями.

— Джитт! Сделай что-нибудь!

— Ничего нельзя сделать, Кейн. Эти части мозга просто не могут петь!

Создание повернуло голову и взглянуло на меня:

— Моя з-забава, ты идеж-жь против меня?

— Я тебе не забава!

— З-зильный выз-зов. Как бы з-зломить твою реж-жимость, но оз-зтавить твой раз-зум в целоз-зти?

— Пожалуйста, детка, спой мне, — молил Лоринг перед черным ящиком.

— Не могу, папочка.

Создание потянулось ко мне, но тут молнии в двух местах ударили в сеть. Нацеленные на меня когти снова превратились в голубой силуэт, от металлических оконных рам полетели искры. Когти прошли сквозь рамы, запахло озоном. Я отпрыгнул, а Бат успел пригнуться.

— Он еще уязвим! Пой! — закричал я.

— Не могу, — простонала машина.

Не зная, есть ли у нее визуальные датчики, я указал на паука.

— Ты должна. Если не сможешь, Скрипичник убьет твоего отца.

— Нет, только не папу!

Я устоял на машину, но голос, ответивший мне, раздавался слева. Я повернулся и увидел, как девочка в тунике из плутонианского шелка пробежала через комнату и прикинула к Неро Лорингу.

— Папа, я не дам им тебя обидеть. Не дам!

— Нерис! — Лоринг отстранил ее на вытянутую руку и снова прижал к себе. — «Тихая ночь», ты должна спеть «Тихую ночь».

— «Ночь святая мирно спит...» — послушно запела девочка.

Я взглянул на воронку. Она оставалась такой же яркой. С площадки в Центре взлетел вертолет и направился к Скрипичнику.

— «Скорпионы», — уверенно сказал Бат.

— Джитт, это не действует.

Скрипичник презрительно смахнул вертолет с неба. Тот взорвался, когда когти прошли сквозь него. Пылающие обломки закувыркались в воздухе, и еще одна панель Застывшей Тени вспыхнула и погасла.

Бат взглянул на компьютер:

— Джитт, это и вправду не действует!

Джитт указала на черный ящик:

— Нерис не подключена к машине.

Она ухватила за кабели и потянула, но они не поддавались. Кукольное личико Джитт превратилось в искаленную маску ярости. Она рванула изо всех сил. Один кабель отошел, новый рывок освободил и второй.

Тонкие цепочки желтых искр протянулись между пластинами рецепторов.

— Будет больно, Нерис, но тебе это не повредит. Пой, девочка, пой!

Электроды с шипением коснулись висков девочки, и над головой у нее поднялись два облачка дыма. Нерис застыла, ее голова дернулась, но потом она справилась с болью и, подавшись вперед, взглянула прямо на Скрипичника.

— Ночь святая мирно спит... — запела она дрожащим голосом.

С каждой нотой нити воронки вздрагивали и колебались, словно струны гитары или рояля. Там, где по

ним пробегала рябь, свет мерк на мгновение, а потом разгорался бело-золотым. На соединениях вспыхивали искры, и в ответ им из туч били молнии.

— Все уснуло, все молчит...

Очертания Скрипичника дрогнули и замерцали. Голубой свет запульсировал по всему его телу. Нити воронки, за которые он цеплялся, начали оплавляться, как лед под паяльной лампой.

— В мирном свете глаз родных... Спит младенец, кроток и тих...

Образ Скрипичника вытянулся и расплылся. Воронка утратила твердость, и радужные огни помчались в обратную сторону. Они вихрем неслись по небу, и Скрипичник завертелся вместе с ними, подобно гигантской юле. Теперь его почти невозможно было рассмотреть.

— И в небесной вышине... Дреmlют звезды в тишине.

Хватка Скрипичника ослабла, и радужный водоворот втянул его в себя, словно таракана, смытого в унитаз.

31

Очнуться в сердце грозы, чувствуя, как молнии заставляют содрогаться саму землю, — ощущение не из приятных. Под ногами у меня хрустело стекло. Я положил левую руку на металлическую стойку и позволил буре ударить и поглотить меня, надеясь, что ей это не удастся.

Гроза, которую мы видели до сих пор, была не более чем увертюрой к буйству стихий, хлеставших город сейчас: Мать-Природа приняла и освободила энергию, аккумулярованную в воронке. Почти непрерывные удары молний высвечивали здания резким, контрастным светом. Казалось, будто Земля после нападения из иных измерений хочет промыть рану начисто, чтобы не осталось и следа заразы.

Капитан Брэд Вильямс дежурил в эту ночь и прибыл с отрядом охранников вскоре после того, как воронка исчезла. Он узнал Неро Лоринга и принял предложен-

ную им версию о коротком замыкании, которое и причинило все повреждения. По его глазам я понял, что он не поверил ни одному слову, но ему отчаянно нужно было хоть какое-то мало-мальски разумное объяснение. Он забрал с собой Неро и Нерис, а вместе с ними и всех помощников Койота, оставив меня наедине с бурей и мыслями.

Так много произошло за столь короткое время, что я попросту был растерян. Десять дней назад я был никем. Я не знал, кто я и что. За следующие полторы недели выяснилось, что я — наемный убийца, нанятый, чтобы убить Неро Лоринга. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я начал работать на него, пытаюсь уничтожить создание, которое заняло место его дочери и оплатило мой контракт. Попутно я убрал двоих предателей в организации Койота и способствовал провалу попытки иномерной твари захватить господство над человечеством.

Забава повернулась против своего господина и по крайней мере на этот раз от него ускользнула. Я был не столь наивен, чтобы считать, что мы уничтожили Скрипичника. Существо, способное разработать такой сложный и долговременный заговор, создать пространственные врата величиной с целый город, безусловно, предусмотрело и запасные варианты прорыва. Я послужил орудием его поражения и понимал, что возмездие будет жестоким и беспощадным.

Погруженный в свои мысли, я бродил по разгромленным владениям Ведьмы. Как только жизнь в цитадели «Лорики» стала входить в нормальное русло и в пентхаусе появилось электричество, я нашел в задней комнате телевизор и поймал специальный выпуск новостей, посвященный событиям в цитадели «Лорики». Диктор рассказал все, как было, хотя Скрипичник на видеопленке получился неважно, а потом пошел ролик, в котором глава Скептиков Феникса комментировал происшедшее. Их исполнительный директор объяснял случившееся сложным взаимодействием огней святого Эльма, необычно мощного полярного сияния и приступа массовой истерии.

Он говорил очень убедительно — неверно, но убедительно. Я вполне мог представить, как огромное большинство людей — вроде Брэда Вильямса — поступится свидетельством собственных глаз в пользу его объяснения. Станным образом я понял, что в своей жизни действовал точно так же. Я видел Лейха, но отвергал то, что было у меня перед глазами, потому что самое простое объяснение — что он быстро регенерирует — лежало далеко за пределами возможностей, которые меня учили принимать.

Я видел Лейха. Я видел Ведьму в ее подлинном облике. Я побывал в измерениях, лежащих за пределами того, в котором существует наш мир. Я многое пережил, и мое отношение к понятию «нормальное» несколько переменялось. И все же, если бы мне довелось рассказать Скептикам обо всем, что я видел и сделал, у меня бы не нашлось убедительного доказательства, что это было на самом деле, и они бы решили, что я обманщик или обманутый.

Внезапно я отчасти понял, что двигало Кроули и Койотом. Это были люди, осознавшие, что существует нечто, лежащее вне обычного человеческого опыта. Кроули сказал, что Койот был бы слеп в иных измерениях, и поэтому ограничил свои действия Землей, в то время как сам Кроули действовал повсюду. Вместо того чтобы пытаться объяснить природу вселенной людям, неспособным принять ее или понять, они взяли на себя ответственность за решение проблем, которым большинство людей даже отказывало в существовании.

— Кажется, вы очень хорошо понимаете суть вещей, Тихо.

Я обернулся и увидел человека примерно моего роста, с темными волосами, усами и эспаньолкой. Он спокойно шел через опустошенный пентхаус и улыбнулся, когда я протянул ему руку.

— Тихо Кейн. А вы, наверное, Койот.

Человек рассмеялся, и я уловил в его голосе знакомые нотки, но не мог припомнить, где я их слышал.

— Вы уже второй раз приходите к этому заключению. — Он снял серую перчатку, и на его правой руке блеснуло золотое кольцо.

— Кроули? Но вы так молоды. Вы же не могли...

— По логике этого мира, может, и нет, но где-то это возможно. — Его пожатие было сильным, он энергично тряхнул мою руку. — Это был решительно неприятный эксперимент.

Я прищурил глаза.

— Вы забрали тело Нерис Лоринг в то измерение Тартара, где Титий отращивает за ночь все, что коршуны съедают за день?

Он кивнул:

— Благодаря особенностям своей темницы, Нерис не была по-настоящему мертва. Я доставил ее прямо туда, и путешествие было не из легких. Поскольку у нее сохранилась большая часть ствола мозга, сам мозг восстановился. На это ушло шесть месяцев, но приятно видеть, что твои усилия окупились.

Я уставился на него.

— Время, как я вижу, течет там гораздо быстрее, чем здесь?

— Это действительно так, но, находясь там, этого не почувствуешь. Она восстанавливала мозг, а я залечивал свои немощи — возраст. Если бы не Нерис, я бы решил, что это отвратительнейшее место. Делать совершенно нечего, разве что стрелять коршунов и слушать, как малограмотный титан денно и ночью поносит Аполлона.

— Это вы доставили Нерис сюда? Я вас не видел.

— Вы были немного заняты. Я ушел быстро, мне надо было замести следы. Кроме того, я установил контакт с Койотом. — Его зеленые глаза сощурились. — Если пожелаете, я провожу вас к нему.

— Прошу вас.

Кроули ухватился за ремень моего снаряжения.

— Очистите свой разум. Сосредоточьтесь на том, что бы ничего не чувствовать и все же чувствовать все. Следите за дыханием. Вы хотите открыть врата между вами и измерениями, находящимися вне нашего.

— Понимаю. — Я глубоко вдохнул и позволил воздуху медленно выходить. Я заставил себя забыть о боли и огорчении, я представил себе стену реальности в виде

театрального занавеса и осторожно попытался раздвинуть ее.

— Хорошо.

Я почувствовал, как Кроули тянет меня за ремень, и двинулся вперед. Промелькнули манящие цветные вспышки, и каждая была окном в иное измерение. Некоторые, вероятно, самые близкие к Земле и больше всех похожие на нее, дышали теплом и поддерживали мой дух. Других мы избегали — и пока двигались, пространство темнело и искажалось все больше, но единственный способ описать это — сказать, что с движением вперед мне становилось все холоднее и холоднее.

Наконец мы прибыли в голое, пустынное место, которое сперва показалось мне той самой красной планетой, где я видел Неро Лоринга. Но когда глаза мои привыкли, я понял, что красная она только в круге, центром которого был силуэт Кроули. За его линией колыхались лишь белые, черные и «серые» тени. В черном небе ярко пылало солнце, но мне было холодно.

Вне круга я увидел человека. Он показался мне невысоким, и я понимал, что это не только потому, что он больше смахивал на кадр из фильма, словно был спроецирован передо мной. Он выглядел лет на сорок, черно-волосый, с четкими чертами лица. В его темных глазах была глубина, и я мог заглянуть в них, хотя весь образ был плоским. Уголок его правого глаза подергивался, и я подумал, что человек, который задумал все это, имеет право проявить свое напряжение.

Он открыто улыбнулся, и тревога покинула его лицо.

— У вас был трудный вечер, мистер Кейн. Примите мои соболезнования о том, что случилось с мисс Фиск, и мое почтение за то, что вы подготовились на случай, если Пелл окажется не единственным предателем. Я такой возможности не учел. Итак, вы закодировали Марит как Саломею. Полагаю, остальным вы дали такие же библейские мнемоники.

— Да, — хотя радио давно смолкло, я все же машинально потянулся проверить, выключена ли моя рация. — Бат был Самсоном, Нэтч — Далилой, а Джитт — Лилит. Лоринг — Адам.

За его спиной чиркнул по небу метеор.

— А Кроули? Вы подготовили и его, или вы ему доверяли?

Я взглянул на человека-тень и пожал плечами:

— Люцифер.

Койот помедлил немного, потом кивнул:

— Вы именно таковы, как я думал. Вы заслужили ответ, и вы наконец его получите.

— Буду очень рад. Так кто же я?

Маленький человек скрестил руки на груди.

— Должен извиниться перед вами за то, что я столь невежливо вами манипулировал. Как сказал вам Кроули, я не способен свободно проходить через измерения. Я понимал, что мне нужен кто-то вроде вас, чтобы работать там за меня, но чтобы заставить вас это сделать, нужен был сильный стимул. В вашем случае это была ваша личность. Прошу прощения, но я знал, кто вы, еще до того, как вы очнулись, и знал я это потому, что именно я похитил вашу личность.

У меня отвисла челюсть.

— Вы — что? Так все это был обман?

— Да, но, думаю, необходимый. — Лицо Койота затвердело. — Я расскажу вкратце, а Джитт обеспечит вас файлами, которые подтвердят мои слова. Как вы уже догадывались, вы — наемный убийца. Один из лучших в мире. Возможно, вы в первой семерке, в первой десятке — наверняка. Это я знаю потому, что... Ну, я знаю это. У вас впечатляющий послужной список, особенно в том, что касается жертв, которых надо отслеживать. Вы были одним из фаворитов Скрипичника, и в этом причина того, что вас послали в Феникс за Неро Лорингом. Насколько мне известно, вы никогда не промахивались. Вы поразительный и ужасный человек. Однако, исследуя вас, я обнаружил два слабых места. Одним было пристрастие к дорогим прокатным автомобилям, что позволило нам провести нить к тому имени, которое вы использовали здесь. Вы сами избрали его, и я нахожу в нем интересную символику: «Тихо» происходит от греческого «Тихон» — «попадающий в цель». Ну а Кейн —

Каин — имя братоубийцы. Все остальное, что вы знали о Тихо Кейне, было подделкой, которую мне пришлось состряпать, поскольку было известно, что после каждого удара вами овладевал приступ азарта. Подозреваю, что, убив кого-то, вы подсознательно хотели дать вселенной шанс расквитаться. Мои агенты нашли вас, одурманили, и после того как мы создали Тихо Кейна, которого вы должны были искать, они вас освободили.

— Стоп, стоп, стоп! — Я повернулся к Кроули: — А что из этого знали вы?

Он загадочно пожал плечами:

— Достаточно много. Койот сообщил мне по секрету, что намерен повернуть против Скрипичника одно из его орудий, и попросил помочь. Я оказал помощь и ему, и вам.

Я снова взглянул на Койота:

— Но в этом нет никакого смысла! Раз вы знали, кто я, почему бы вам было не убить меня и не покончить со всем этим сразу? Если учесть вашу деятельность и то, чем занимается Кроули, не могу представить, чтобы кто-то из вас захотел оставить мне жизнь.

Койот опустил глаза.

— У меня были свои причины.

— Значит, это причины неверные. Такие же неверные, как и ваше утверждение, что я никогда не промахивался. Я встретил Неро Лоринга. И промахнулся.

Койот медленно пошел вдоль границы цветного круга.

— Я хотел, чтобы вы нашли предателя и остановили Нерис Лоринг. С первой задачей я мог бы справиться и сам, но решил, что лучше порекомендовать ее вам. В этой группе единственной, кому я мог доверять, была Джитт. Все остальные попадали под подозрение, и я не был уверен, что сумею решить задачу единственно возможным путем. Вы смогли это сделать. Проблема Нерис Лоринг требовала человека, обладающего уникальными навыками и способностями. То, что вам удалось ее остановить, доказывает, что вы именно тот, кому я могу сделать следующее предложение: я хочу, чтобы вы заменили меня.

— Заменить вас? Не понимаю.

Койот остановился.

— У меня редкое заболевание головного мозга, синдром Герстманна-Штраусслера-Шейнкера. Он вызывает перерождение нервов, слабоумие и смерть. Мне поставили диагноз всего за месяц до того, как вы прибыли в Феникс, и это заставило меня изменить планы. Доктора обещали мне не так уж много времени, и я был вынужден сделать некоторые приготовления. Они включали и вас.

Я взглянул на человека-тень:

— Почему вы не взяли его к Титию? Он бы излечился.

— Нет. — Кроули горестно покачал головой. — Это генетический синдром. Если он начинается, это естественный процесс. Регенерация могла бы только усилить заболевание, а не излечить. Физически он бы восстановился, но его мозг разрушился бы даже быстрее.

Я был ошеломлен просьбой Койота и рассказом о его болезни.

— Здесь, э-э-э, есть о чем подумать. — Я протянул ему руку. — Пойдем с нами, ведь можно обсудить это и позже. Мне нужно время подумать...

Тот, кого звали Койотом, покачал головой:

— Боюсь, что не смогу вам его дать.

— Что вы хотите сказать? Вы еще мыслите. Мы могли бы все отработать.

— Поздно. — Койот присел на корточки. — Я знал, что вы откроетесь моим людям только после того, как нанесете удар по Неро Лорингу. Тогда вы попали бы под мою власть, но я не имел права сорвать борьбу против Нерис и понимал, что не смогу обмануть вас и заставить поверить в успех, используя какой-нибудь трюк. Поэтому я занял место Неро Лоринга, и в тот день, когда вы видели, как умер Лоринг, в вашем прицеле был я.

Я не отвел глаз от взгляда мертвого человека и вспоминал видение на обрыве, в Пещере Сновидений. Все-таки я убил его. Я убил Неро Лоринга выстрелом в голову, но у меня не было способа узнать, что это кто-то другой, переодетый. Само представление о том, что человек может пойти на верную смерть, в моем мире не существовало.

— Вы умерли?

Легкая улыбка тронула губы Койота.

— Я никогда не смог бы обмануть вас при жизни, так что пришлось сделать это после смерти. Джитт сумела создать программу — синтезатор Койота, которая, если снабжать ее входными данными, генерировала расплывчатые, но внешне разумные послания. Я мог предугадать, как пойдут дела, мы составили диалоги, и я их записал заранее. Компьютер при необходимости вырезал и вставлял записи. Пока вы верили, что я жив, и работали, чтобы разрешить загадку вашей личности, мы с вами делали одно дело. Вы узнали стиль моей работы и цели, а в файлах, оставленных мной, найдете ответы на вопросы, которые могут у вас появиться. — Он безнадежно покачал головой. — Мне жаль, что пришлось загадать вам эту сложную загадку, но только заставив вас взглянуть на мир глазами обычного человека, я мог донести до вас, как отчаянно я нуждаюсь в человеке, который, обладая вашими навыками, заменил бы меня. Если вы займете мое место, у вас появятся средства строить там, где вы прежде сжигали, и создавать там, где разрушали. Возможно, вам не удастся оставить после себя улучшенный мир, но замедлить его падение в глубины ада вы сможете.

Я хрипло проговорил:

— То есть заплатить следующему.

— Именно. — Койот сжал руки. — Я взял вашу жизнь, а вы берете мою. Джитт приготовила для вас инъекцию, которая, если вы пожелаете, разблокирует искусственную амнезию. Вы можете вернуться к своему прежнему «я», и если вы все объясните Скрипичнику, он, возможно, даже примет вас снова. Если нет, я уверен, что другие Темные Властелины будут счастливы заиметь такого сотрудника.

Я помотал головой:

— Не знаю... Я просто не знаю.

— Джитт может рассказать вам больше, намного больше, но выбор за вами, Тихо Кейн. — Койот пожал плечами, и мир вокруг него начал темнеть. — Мое время в облике Койота закончилось.

— Погодите, ответьте мне, почему Койот?

Меркнувший призрак рассмеялся.

— Темные Властелины — те, что вроде Скрипичника и даже хуже него, — считают нас вредными животными, которых нужно истребить. Когда в прошлом, в девятнадцатом и двадцатом веках, проводились программы истребления вредных животных, койоты не только отказались вымирать, они процветали. Койоты переселились в города и обманули тех, кто пытался их уничтожить. Какой еще тотем я мог выбрать?

Мир вне красного круга провалился в черноту. Я повернулся к Кроули и увидел, что сквозь тьму пробивается свет. Он нарастал, разгорался все ярче, и внезапно я увидел, что мы снова находимся в Фениксе и стоим на склоне горы Кэмелбэк, глядя на юго-запад поверх Застывшей Тени. Оглянувшись, я заметил, что мы вернулись на Землю возле одного из просторных особняков, построенных на склоне горы.

Кроули молча указал на ступени, вырезанные в скале. Он поднялся вслед за мной к парадной двери, вошел и, затворив ее за собой, повел меня вниз, в подвал через стальную дверь, скрытую за дубовыми панелями в кабинете.

Прямоугольная потайная комната была обставлена просто. Войдя, я прежде всего увидел широкоэкранный проекционный телевизор. Справа стоял ряд компьютеров, напротив выстроились вдоль стены десять картотечных шкафов. В центре разместился длинный стол, вокруг которого — двенадцать кресел. Ближе вдоль стен стояли лабораторные столы со всевозможным оборудованием — от химических анализаторов и сканирующих электронных микроскопов до электронных приборов и инструментов оружейника.

У стола стояла Джитт — и одна-единственная слеза скатилась по ее безупречному лицу, когда она поставила рядом с сотовым телефоном, серебряный поднос, на котором лежал шприц. Одна-единственная капля блеснула на кончике иглы. Я взглянул на Джитт, гадая, что творится за этой застывшей маской.

— Койот говорил, что у вас есть информация, которая поможет мне принять решение.

Джитт кивнула:

— По соглашению, которое Койот заключил с Неро Лорингом, вас представят как его племянника, Микаэля Лоринга. Вы станете главным исполнительным директором «Лорики Индастриз», со всеми прилагающимися правами и привилегиями. Неро тщательно подобрал совет директоров, который будет управлять компанией, так что тяжесть повседневных дел ограничится лишь теми, что вы выберете сами.

— Или, — заметил я, — тем, что позволят невзгоды, связанные с превращением в Койота.

— Как пожелаете. У «Лорики» есть отделения по всему миру. Вам будут доступны поистине неограниченные ресурсы, а те средства, которые Койот использовал в своей работе, позволят вам действовать скрытно и с беспрецедентной легкостью.

По спине у меня пробежала дрожь.

— Кем он был, Джитт? Кем был Койот? Как его звали по-настоящему?

Она мигнула один раз.

— Эта информация мне неизвестна. Он был Койотом. Я не знаю, был ли он первым, единственным и будет ли он последним Койотом. Вы видели его и знаете столько же, сколько и я.

Койот. Человек, который натравил на собственных людей профессионального убийцу, чтобы найти того, кто его предавал. Человек, заставлявший других работать на него. Он украл мою личность и отправил в погоню за ней, которая не только поставила под угрозу мою жизнь, но и заставила меня убить многих людей, включая его помощников, которым он прежде доверял. Он послужил причиной смерти ни в чем не повинных людей, в том числе и жены Гаррета.

Я посмотрел на шприц. По сути дела, так ли уж велика разница между мной и Койотом? Я убивал за плату, и это приносило мне удовлетворение. Он делал то же самое. А то, что ему казалось, будто он делает мир лучше, не имело никакого значения.

Или имело?

Он сам подставил голову под пулю в надежде на то, что его дело не умрет.

Я протянул руку и взял телефон. Быстро набрал номер и, когда на том конце мне ответил сонный голос, слегка улыбнулся.

— Алло, мистер Синклер Мак-Нил? — Он выругался, а я по-прежнему улыбался. — Я понимаю, что в настоящее время вы не у дел, но, мне кажется, мы могли бы неплохо поработать вместе. Послушайте, не так уж важно, кто я такой, но вы, исключительно простоты ради, можете называть меня Койотом.

ЗЛО НАРАСТАЕТ

ОТ АВТОРА

Разумеется, все события этой книги вымышленные, но вымысел этот основан на исследовании НЛО. И несмотря на то, что большую часть информации невозможно проверить, некоторым из вас может показаться, что эта книга не содержит в себе вымысла, а излагает факты. И вы будете по-своему правы, так как я представляю себе свою повесть как предупреждение (даже Бату не удавалось совладать со многими энлэошными штучками.)

Все факты и термины взяты из семинаров, радиопередач и книг по уфологии. Автор искренне старался придать всему этому как можно более фантастический вид, но вскоре бросил эту затею. Иногда правда выглядит гораздо менее убедительно, чем вымысел.

Для более подробного рассмотрения предмета Уфологии и феномена НЛО советую моим читателям обратиться к следующим книгам:

UFOs Explained (New York: Random House, 1974).

UFOs: The Public Deceived (Buffalo: Prometheus Books 1983).

UFO Abductions: A dangerous game (Buffalo: Prometheus Books 1988).

Все эти книги написаны Филиппом Дж. Классом, человеком, которому я посвятил «Восхождение Зла».

ПРОЛОГ

Страшный крик ужаса и отчаяния жгучей волной окатил ее и вывел из стасиса. Она задрожала; по спине пробежал озноб. Очнулась. И еще пару минут боролась

с сильнейшим желанием вернуться обратно, в сладкое забытие.

Где?

Почему?

Но разум ее уже просыпался, и через мгновение она поняла, где находится. Обрывки памяти промелькнули в сознании, словно высвеченные стробоскопом: серые фигуры тащат ее по темным туннелям все глубже и глубже — а она все глубже и глубже уходит в себя, чтобы спастись. Спастись и суметь подготовиться.

При мысли о необходимости подготовки и о том, что за этим стоит, ее прошиб холодный пот. Сначала ей показалось, что это реакция на воспоминания, но потом она услышала слабый отзвук зловещего смеха. Звук был замедленным, но она интуитивно поняла, что существо, которому принадлежит этот смех, находится где-то близко, едва ли не в этом же измерении. Надо было вернуться обратно в стасис, чтобы сохранить рассудок.

Это он! Он по-прежнему существует, хотя прошло столько времени! Снова раздался крик — он прозвучал гораздо ближе, чем смех. Именно поэтому крик сумел пробить все ментальные щиты, которые она поставила в целях собственной безопасности. *Итак, он был здесь, в этом измерении, но его изгнали. Он потерпел поражение. Только как это оказалось возможно?*

Она с трудом открыла глаза и, дождавшись, когда предметы обретут четкость, нетерпеливо взглянула на дисплей прямо над экранами системы жизнеобеспечения ее капсулы стасис-поля. Зеленые цифры показывали целевое время и прошедшее. Последняя величина встревожила ее куда больше, чем все, что было до этого. *Я находилась в стасисе время, эквивалентное 3,27144 единичным отрезкам существования, а по проекту это должно было занять 4,978831. Я еще не готова!*

Она снова взглянула на первую цифру и, нахмурившись, стала подсчитывать. Итак, с тех пор, как меня поместили в стасис-поле, для Земли прошло двадцать шесть единичных отрезков. *Быть может, за это время земляне достигли такого прогресса, что сумели с ним справиться? Быть может, опасность уже миновала?*

Отвратительный смех то усиливался, то затихал, как стихает музыка, когда звуки относит ветер. Иногда она слышала его совсем близко, иногда — так далеко, что сомневалась, не примерещилось ли. Злоба, звучавшая в нем, постепенно сошла на нет, сменившись почти отеческой гордостью и уважением. Она знала, что это значит: кто-то привлек к себе излишнее внимание этого существа, и вскоре оно обрушит на него ужасную, смертельную кару.

Я была помещена в стасис, чтобы сразиться с ним и защитить несчастных от его мести. Я превратилась в скальпель, безжалостный и острейший, при помощи которого эта страшная опухоль будет удалена раз и навсегда. Она коснулась пальцами внутренней обшивки капсулы стасис-поля и, перед тем как снова услышать крик, опять подумала: *я не готова.*

В эмоциональном спектре смеха возникла новая составляющая, и это ранило ее, словно острый клинок. Она автоматически блокировала боль и создала еще один ментальный щит. Прорвавшись сквозь стену неприятных ощущений, она видела, обоняла, чувствовала, читала и слышала его и его мысли. За их переплетением довольно трудно было следить, хотя они, несомненно, имели единую задачу и цель. Казалось, биллионы разумов звучат в унисон одному, словно все оркестры мира подыгрывали одной-единственной флейте пикколо.

Она постепенно начала преодолевать оцепенение, неизбежное после пребывания в капсуле стасис-поля, и даже слегка улыбнулась. *Итак, вот он, тот, кто зовется Скрипичником. Да уж, имечко подходящее. У него есть здесь приспешники — много приспешников, — но есть и те, кто сражается с ним. Его самый любимый подручный от него отвернулся и теперь борется против Хозяина. Впрочем, Скрипичника это не пугает. Он задумал ловушку и, заманив в нее своих врагов, отнимет у них победу.*

Тайны мыслей Скрипичника затягивали ее все глубже и глубже. На дисплее последняя цифра выросла на единицу, и одновременно с этим возросла уверенность Скрипичника в успехе. Уловив это чувство, она похо-

лодела, и во рту у нее появился металлический привкус страха.

Я не готова! — кричала одна часть ее сознания, но палец, будто бы по собственной воле, потянулся вверх. Поднять его было так трудно, словно она пыталась сдвинуть ту гору, под которой ее погребли когда-то. Может быть, стоило подождать, пока на дисплее не вспыхнет 4,978831 и капсула откроется автоматически, но что-то в мыслях Скрипичника подсказывало ей, что медлить нельзя. Миллиметр за миллиметром ее палец поднимался все выше и наконец коснулся кнопки. Раздался легкий щелчок.

Этот звук утонул в шипении воздуха, выходящего из капсулы. Крышка приподнялась, и сверху пролился слабый свет. Девушка заморгала, но не от света, а от пыли, клубами ворвавшейся в щель. Потом капсула открылась, и пыль медленно осела.

Девушка вздохнула.

Громкое эхо, отразившееся от каменных стен, напугало ее. Вспомнив, что здешние обитатели, вместо того чтобы общаться при помощи телепатии, произносят вслух звуки, она опять улыбнулась. Она родилась здесь и лишь незадолго до погружения в стасис сумела убедить родителей пользоваться для общения передачей мыслей, а не речью.

Круговерть мыслей Скрипичника мешала хотя бы на мгновение предаться приятным воспоминаниям о прежней жизни. Она попыталась прервать с ним связь, но безуспешно. Результатом была лишь напрасная трата сил и вспышка боли, от которой она едва не потеряла сознание.

Девушка подняла руки, и свет с потолка отразился от золотистых ногтей. Подтянувшись, она вылезла из капсулы и соскользнула на пол. Ноги не слушались, и ей пришлось усесться прямо на камень.

Она огляделась по сторонам. Ее взгляд без усилия проникал сквозь полумрак, но ничего подозрительного она не увидела. В небольшой комнате кроме нее не было никого и стояла полная тишина.

Она привстала на колени, помогая себе руками, и ощутила под пальцами толстый слой пыли. Странное ощу-

щение. Непривычное. Она потрянула руки. *Давненько, похоже, сюда никто не заглядывал.*

Она поднялась на ноги и осмотрелась. Деревянный ящик с какими-то металлическими обломками, за ним — четыре картотечных шкафа. *Доктор говорил, что никому не придет в голову обыскивать эту комнату. И он оказался прав.*

Ее взгляд упал на тяжелую железную дверь, и она вспомнила о ключе, который доктор Чандра повесил ей на шею. Только сейчас она почувствовала холодное прикосновение металла к груди. Она сняла ключ и решила потренироваться с замком, чтобы потом не возникло проблем.

Но замка на двери не было.

Встав на цыпочки, она ощупала дверь сверху донизу, но ни защепки, ни скважины, ни выступа не нашла. Отойдя на шаг, она обшарила стены рядом с дверью и обнаружила клавиатуру.

Девушка улыбнулась: такие устройства были ей хорошо знакомы. Положив ладонь на замок, она приказала ему открыться.

Ничего.

Со второго раза тоже не получилось. Девушка ужаснулась — неужели за время, проведенное в стасисе, она разучилась пользоваться своей силой? Но это невозможно, наоборот, ее возможности должны были возрасти... теоретически. А практика порой бывает весьма далека от теории. На нее опять навалились сомнения и страх оказаться в ловушке.

Третья попытка тоже была неудачной, но на четвертый раз она уловила, что некоторые из кнопок ощущаются иначе, чем остальные. Она пробежалась по клавишам легкими касаниями пальцев и убедилась в своей правоте.

Ну конечно, ведь люди их нажимают. Они не умеют открывать замки при помощи телепатии. Что ж, четыре клавиши определены, но какова последовательность?

Она еще раз проверила клавиатуру. Код из четырех цифр — вряд ли такое может быть. Впрочем, одна клавиша прослушивалась более четко, чем прочие три, — значит, на нее нажимали дважды. Вторая в верхнем ряду; восьмерка, судя по положению. Остальные распо-

лагались в разных местах клавиатуры, образуя некую геометрическую фигуру: шестерка находилась ниже и немного правее восьмерки. Двойка — опять же в центре ряда, но в самом низу. И на другом конце того же ряда — четверка, рядом с цифрой 6.

Итак, код из пяти цифр, четыре из которых известны наверняка. Есть смысл попробовать. Она еще раз посмотрела на клавиатуру. *Если набрать неправильную комбинацию — включится сигнализация, а этого мне совсем не нужно. Придется искать другой способ...*

Нахмурившись, она попыталась вспомнить что-нибудь, что бы помогло ей открыть дверь. Картины прошлого проплывали перед глазами: доктор Чандра, добрейший человек в Федеральном тренировочном центре Лиазона. Она улыбнулась, вспомнив его и других людей, которые ее учили. Мать всегда говорила, что «люди небрежны, тщеславны и неаккуратны».

Небрежны. Вместо того чтобы запоминать цифры, они записывали их на бумажке. Она посмотрела на клавиатуру и улыбнулась. *Шпаргалки и мнемонические приемы. Что ж, это может помочь. Так, на что должна быть похожа эта фигура?*

Она тронула клавиши и набрала 8-6-2-4-8. Получился алмаз.

Пара восьмерок и неполный стрит. Да уж, не торгуешься с такой картой.

Она даже не поняла, откуда взялась эта мысль, но тут дверь открылась.

Девушка осторожно выглянула и, не заметив опасности, выскользнула из комнаты. Внезапно она увидела справа небольшую нишу, освещенную желтым светом лампы. Там за конторкой сидел солдат и читал газету.

— Черт побери! — Он вскочил, оглядел девушку с головы до ног и попятился. — О Боже!

Его мысли побежали как муравьи. Сначала — приятное удивление, ибо он первым делом заметил, что девушка совершенно голая. Потом бросил взгляд на золотые волосы, и это еще больше его возбудило. Затем его мечты омрачила реальность. Он вспомнил, что находится на посту, а значит, не должен думать о девушках, одетых или раздетых. Прежде всего это посторонний, а

его работа — держать посторонних подальше от того, что ВВС хранят в этом подвале. После этого он испугался.

Солдат еще раз взглянул на нее, на сей раз совсем другим взглядом, не принимая во внимание ни золотые волосы, ни обнаженное тело. В его ужасе она увидела собственное отражение. Ее иссиня-черная кожа и золотистые с металлическим отливом ногти поразили его, хотя, видимо, ему уже приходилось видеть нечто подобное в одном из борделей Лас-Вегаса; даже золотистые полоски, бегущие от пальцев вверх по руке и от щиколоток вверх по ногам, не показались ему чем-то из ряда вон выходящим. Но глаза...

Большие, миндалевидные — у него отчаянно заколотилось сердце. Разглядев вертикальные, немигающие зрачки, он вспомнил, что панически боится змей. Солдат отпрянул еще на шаг и застыл, глядя, как объект его вожделения на глазах превращается в чудовище,

Почувствовав состояние парня, она поняла, что не сможет успокоить его мирным способом. Она развела руки, внушила ему, будто он видит, как ее ноги превращаются в змеиный хвост, а раздвоенный длинный язык тянется к нему.

Глаза солдата закатились. Он повалился на стул, а потом, бесчувственный, упал на пол.

Она присела возле него и коснулась рукой его лба. Найдя область кратковременной памяти, она быстро ее просмотрела и увидела страничку из газеты: женщина с большой грудью, вываливающейся из платья. *Жаль, что эта Джейн Фонда не блондинка, как тебе нравится, но ты будешь доволен.*

Потом она проникла глубже, и перед ней открылся мир его фантазий. У нее не было времени просматривать их все; она торопливо подменила основные мечтой о Джейн Фонда и, когда на губах солдата заиграла радостная улыбка, принялась расстегивать на нем рубашку...

Брюки пришлось подвернуть, а в ремне пробить новую дырку, но в общем одежда была удобной и теплой.

С ботинками вышло хуже, они оказались на несколько размеров больше, чем нужно. Пригодилась и газета.

Разворачивая ее, она увидела фотоснимок и замерла на мгновение. *Итак, он был здесь.*

Большая фотография, почти на всю полосу, сделанная, очевидно, ночью, изображала огромное чудовище, возвышающееся над небоскребом. Она никогда не видела Скрипичника, но теперь поняла, что описание ей дали абсолютно точное.

Вглядевшись в символы под фотографией, она попыталась вспомнить, что они значат. У нее получилось:

«Генетически дефектный паук атакует мифическую птицу, возрождающуюся из собственного пепла».

Понимая, что перевод скорее всего неточен, она еще раз вгляделась в текст и, увидев, что название птицы, кроме заголовка, упоминается еще и в самом тексте, пришла к выводу, что Феникс — это, видимо название какого-то места.

— Ф-фе-е-никс, — медленно произнесла она, пробуя на вкус человеческую речь. Речь мира, в котором она родилась, но который был ей чужим. Как и она ему. *Феникс. Здесь Скрипичник потерпел поражение. Здесь живут его противники — живут, не зная о грозящей опасности.* Она скомкала газету и сунула ее в ботинки. *Их надо предупредить.*

1

Койот поправил галстук движением, каким, по его мнению, сделал бы это Микаэль Лоринг, и повернулся к столу, поскольку Лилит ввела посетителя — господина Синклера Мак-Нила. Койот быстро подошел к нему.

— С вашей стороны весьма любезно приехать так быстро, господин Мак-Нил.

Невысокий темноволосый Мак-Нил опасливо взглянул на Койота, но протянутую руку пожал.

— Приглашение подразумевало, что дело чрезвычайной срочности, вот я и поторопился. — Его голубые глаза сузились. — По-моему, мы уже встречались, мистер Лоринг. — Он покосился на третьего мужчину в комнате. — Но, кажется, в тот раз вы были в обществе другого человека.

Койот кивнул и, увидев, что Лилит по-прежнему стоит в дверях, сказал ей:

— Пока все, Лилит. Сообщи мне, когда пришлют шаттл.

— Да, мистер Лоринг.

Как только она закрыла за собой дверь, Койот указал на мужчину, который до этого молча сидел по другую сторону стола:

— Синклер Мак-Нил, это — Деймон Кроули.

Синклер посмотрел на Кроули, но руки не подал.

— Мы уже встречались с мистером Кроули. На вечеринке примерно год назад, знаете, в Башне Годдарда. Только тогда он был гораздо старше вас. Он ваш отец?

Кроули рукой в перчатке брезгливо ударил себя по коленке и сделал вид, что не услышал вопроса.

— Как сейчас помню, ее устраивал Дейтрич. Врачи обожают такие сборища.

Синклер повернулся к Койоту:

— Так вы теперь, значит, мистер Лоринг. Ловко! Но все-таки, как я полагаю, вы ведь Койот, не так ли — и позвали меня сюда не для того, чтобы поговорить о погоде.

Койот улыбнулся.

— Присядьте. — Он сам опустился на краешек стола и протянул руку к стопке свежих газет. — Жаль, что так вышло с вашим отцом и вас выгнали из «Билдмора». Вы правы, я был там. Но сейчас «Лорике» нужен человек с вашими способностями, и у меня есть для вас особое поручение. — Он протянул Синклеру газету. — Вы читали этот материал о Фениксе?

Синклер взглянул на название газеты и фыркнул:

— «Полуночника» я не читаю.

— Я знаю. И знаю, что вы выписываете «Токио симбун» и «Японские новости» — две газеты на японском, которые печатают Ямагучи-гуми. Вы жертвуете деньги по подписке на четырнадцать журналов, но достойными внимания считаете только «Методы промышленной безопасности» и «Бюллетень борьбы с терроризмом». Между прочим, ваша статья о взяточничестве в кругах исполнительной власти за границей весьма неплоха. — Койот заметил, как хорошо Синклер скрыл удивление. — Как вы проверяли меня, мистер Мак-Нил, так и я проверял

вас. Именно поэтому вы сейчас здесь. А теперь вернемся к первоначальному вопросу: вы читали о том, что случилось в Фениксе две недели назад?

Синклер выдавил из себя улыбку:

— Я просмотрел пару выпусков новостей, но статья «Паук-мутант нападает на Феникс» нет, я ее не читал. А что касается самого инцидента, — он посмотрел на свои руки, — я все начисто проспал. И потом — я никогда не питал интереса к групповым галлюцинациям.

Кроули наклонился вперед:

— А что, если я предположу, что за дымом этой статьи скрывается огонек правды?

— Об этом вам лучше поговорить с отцом, он неплохо разбирается, где ложь, а где правда.

— Хорошо, мистер Мак-Нил, очень хорошо. — Койот прошелся по комнате и уселся в кресло. — Ваш скептицизм вам пригодится, ибо то, что мы собираемся вам рассказать, весьма удивительно. Дело в том, что эти события происходили в действительности, несмотря на то, что на первый взгляд они кажутся небылицей.

Мак-Нил бросил газету на пол.

— И вы хотите скормить мне еще одну? У меня нет времени.

Койот пропустил мимо ушей его сарказм: он заранее знал, что Мак-Нил отреагирует именно так. Интереснее посмотреть, что он скажет, узнав, каким образом Скрипичника удалось остановить.

— Мистер Мак-Нил, это существо на фотографии — настоящее. Вы знаете, что все башни Феникса оснащены по последнему слову техники. Две недели назад, во время грозы, в основание одной из них ударила молния, возникло сверхнапряжение и открылось окно в соседнюю реальность. Оттуда и пришел этот паук.

Синклер покивал:

— Иная реальность, вот как? По-моему, вы слишком часто смотрите сериал про капитана Крушера.

— На самом деле существует множество реальностей, или, как их еще называют, «измерений». Просто случилось так, что Земля является связующим звеном в цепи реальностей и поэтому мы иногда видим странные существа. — Койот поежился. — А главное, что

цель этих существ — разрушить, к чертям собачьим, наш мир для собственного развлечения.

Синклер встал:

— Они могут развлекаться за наш счет, вы — за мой, но мне сейчас не до развлечений. Я не собираюсь верить всякой чепухе. Счастливо оставаться, джентльмены.

— Кроули, вы были правы. Покажите ему.

Человек в сером костюме чуть подался вперед:

— На той вечеринке, помните, мы столкнулись в туалете, когда я мыл руки. Вы обратили внимание на довольно странный шрам у меня на левой руке и сказали, что раньше такое видели только на пойманных рыбах.

Кроули неторопливо стянул перчатку, и Койот увидел на тыльной стороне ладони круглый, узловатый зарубцевавшийся шрам. Кроули поднял руку, чтобы Мак-Нил рассмотрел получше.

— Укус миноги. Я помню этот шрам. — Синклер посмотрел на лицо Кроули, потом — на его руку. — Но тот человек со шрамом был лет на двадцать или тридцать моложе. Вы его просто подделали?

— Потрогайте, если хотите. Убедитесь, что он настоящий. — Кроули протянул Синклеру руку, и тот заколебался. — Вы помните, что в туалете нас было только двое, и никто, повторяю, никто, кроме вас, не видел этого шрама. Неужели вы думаете, что я исключительно для того, чтобы сейчас вас разжалобить, располосовал себе руку скальпелем, а потом специальным образом заживлял, чтобы получилась именно такая форма?

Синклер снова посмотрел на руку Кроули, а потом на его лицо:

— В это легче поверить, чем в то, что вы стали моложе на несколько десятков лет.

Кроули надел перчатку.

— Существуют измерения, где некоторые вещи... меняются.

Койот откинулся в кресле:

— Простые объяснения не всегда верные. Особенно когда имеешь дело со Скрипичником, с этим так называемым пауком-мутантом. Есть измерение, где время течет медленнее. Это часть Тартара, греческого ада, где живет титан Титий. В этом измерении ткани регенери-

руют очень быстро, и можно залечить практически любое ранение. Кроули лечил там девочку, которая была ранена Скрипичником. В процессе этого он сам помолодел лет на двадцать—тридцать, хотя шрам у него остался — и это наглядное доказательство существования иных измерений.

Синклер плюхнулся в кресло и посмотрел на Койота и Кроули так, будто попал в компанию сумасшедших:

— Я вас слушаю, но пока вы меня еще не убедили.

Койот побарабанил пальцами по крышке стола.

— Что ж, ладно. Все эти истории о йети, Несси, летающих тарелках и зомби имеют под собой вполне реальную основу. Ученые, полагая, что простое объяснение всегда самое верное, придумывают, будто древние люди с помощью таких сказок объясняли те явления природы, которые не могли понять. Как они, как вы, так и я сам, пока не столкнулся со Скрипичником буквально нос к носу, не мог поверить, что это не продукт мифологического сознания, а вполне точное описание того, что было на самом деле. Теперь я знаю: другие измерения существуют, и на протяжении всей человеческой истории они давали о себе знать.

— То есть вы хотите сказать, что граф Дракула был настоящим вампиром из параллельного мира?

— Возможно. Но скорее всего он был обычным человеком, попавшим под влияние Темного Властелина. — Койот расстегнул на рубашке верхнюю пуговицу и ослабил галстук, словно ему стало вдруг душно. — Я не жду, что вы поверите, будто все странности в мире — результат деятельности Темного Властелина, — навалом людей, которые готовы угробить жизнь на создание очередной псевдонаучной чепухи, — я просто хочу, чтобы вы осознали: такие вещи, как Скрипичник, существуют, и с ними надо бороться. И хотя это прозвучит мелодраматично, я прошу, чтобы ты помог мне спасти наш мир от Скрипичника.

— Как только у меня будет свободный уик-энд — пожалуйста.

Койот улыбнулся:

— Рад, что чувство юмора тебе не изменяет. Оно тебе пригодится.

— Вы говорили, что хотите предложить мне работу?

— Да. До недавнего времени я был наемным убийцей и служил Скрипичнику. Меня отправили в Феникс с заданием убить Неро Лоринга. Но у меня открылись глаза на истинное положение вещей, и я встал на сторону человечества. Теперь я намерен бороться со Злом до конца.

— Так, значит, Скрипичник и есть Темный Властелин? Койот кивнул.

— И у него есть на Земле организация?

Койот кивнул снова.

Кроули скрестил ноги.

— Скрипичник — только один из многих. Пигмалион, Мертвый Язык, Барон Самдэй и множество других обрабатывают нашу планету. У Скрипичника аппетиты побольше, и его влияние на Земле сильнее.

— Чтобы скорее установить свое господство на Земле, Скрипичник создал организацию, которая готовит убийц и шпионов. Я лишь приблизительно знаю, где она располагается. Уточнить ее местонахождение и немного понаблюдать — в этом будет заключаться ваша работа. — Койот размял пальцы и посмотрел на Синклера с полной серьезностью. — Именно за этим вы отправитесь в Японию.

Мак-Нил вскинул голову и сжал ручки кресла.

— В Японию? Не думаю, что вы заставите меня поехать в Страну восходящего солнца. Вы же читали мое досье, мне нельзя там появляться.

— Я знаю о вашем конфликте с якудза, но, кроме вас, это некому сделать, — раздался сигнал, и Койот наклонился к переговорному устройству: — Да, Лилит?

— Шаттл прибыл, мистер Лоринг.

— Что ж, пора отчаливать. Прошу прощения, что прерываю беседу, но мне надо поторопиться, самолет вылетает через пару часов.

— Эй, а я что, должен действовать вслепую?

Койот встал и пошел к двери.

— Мисс Акрес предоставит вам всю необходимую информацию и посвятит в подробности вашего задания. Она уже заказала вам номер в токийском отеле и подготовила документы. Вы получите пятьдесят тысяч на

счет и пять тысяч на руки. Надеюсь, ваш любимый пистолет по-прежнему «беретта M92S».

Синклер растерянно кивнул.

— Но без прикрытия работать в Японии будет чертовски трудно.

— Совершенно с вами согласен. Именно поэтому в «Нью-Палас-отеле» вас будет кое-кто ждать. Мисс Акрес через неделю отправится в токийское представительство «Лорики», и если она вам понадобится, ищите ее там. И еще. — Койот открыл кейс и достал толстую папку. — Передайте это в Главную Башню Феникса, комната 10542.

Синклер взвесил папку на руке:

— Хэлу Гаррету?

Койот одобрительно кивнул:

— Абсолютно верно, а откуда вы знаете?

— У меня хорошая память на цифры. После твоего визита ко мне в квартиру я навел справки о Гаррете и запомнил номер комнаты.

— Ну и отлично, значит, тебе будет проще. Я свяжусь с тобой в Токио, как только смогу, но с мистером Кроули вы встретитесь раньше.

— И еще, Койот...

— Да?

— Вы — наемный убийца, почему же вы сами не возьметесь за это дело?

Койот улыбнулся:

— Потому что я не знаю, где находится организация, и посылаю вас, чтобы вы это выяснили. Впрочем, Кроули, так же как и я, считает, что мне нужно закончить обучение, которое мне планировал Скрипичник, поэтому я должен уехать. Надолго ли — я и сам не знаю. Но если я управлюсь достаточно быстро, а вы выполните задание, то мы сумеем нанести Скрипичнику поражение.

— А если мы облажаемся?

Койот кивнул на Кроули:

— Помните его шрам?

Синклер кивнул.

— Представьте себе, какая у нас будет жизнь после того, как Скрипичник сделает то же самое с нашей Землей.

Синклер прикрыл глаза от пыли, которую взметнул шаттл, отрываясь от земли. «Перегрин CV-27» на секунду завис, превращаясь из подобия вертолета в небольшой самолет, а затем, набирая скорость, рванул-ся по направлению к аэропорту.

Отбросив с лица прядь волос, Син посмотрел на Феникс. С вершины башни «Лорижи» были видны все сто этажей надземного города. Далеко внизу копошились две бригады рабочих «Аризона паблик сервис», устранившая последствия бури, которая случилась пару недель назад.

Четыре рукотворных острова плавали в черном океане, называемом «Застывшая Тень». На северо-востоке возвышался комплекс «Билдмора», и, поглядев в ту сторону, Синклер позволил себе с гордостью улыбнуться. Это был самый большой из островов. По сравнению с ним остальные казались просто крошечными.

Из центра города, как из гнезда, по всем направлениям торопились скоростные поезда; они связывали между собой башни и несли им жизнь, как кровеносные сосуды несут жизнь внутренним органам. Син вырос в Билдморе и жил там, когда не уезжал в Европу или Японию, и это зрелище было ему не в диковинку. В день его восемнадцатилетия отец привел Сина на крышу башни и, указав широким жестом руки на город внизу, торжественно произнес:

— Когда-нибудь все это будет твоим.

И я бы поверил, если бы не знал, что моим троим старшим братьям он говорил то же самое...

— Мистер Мак-Нил?

Он обернулся и в коридоре, ведущем внутрь башни, увидел мисс Акрес:

— Да, мисс Акрес, в чем дело?

Блондинка кивнула ему один раз и заученно улыбнулась:

— Мистер Лоринг велел мне проинструктировать вас и передать все необходимое. Будьте добры пойти со мной.

Син в последний раз посмотрел на город и вдохнул полные легкие сухого воздуха пустыни и рассмеялся:

— Не меньше 110 по Фаренгейту. Хорошо хоть воздух сухой. В Японии в это время года высокая влажность.

— Мистер Мак-Нил?

— Простите. — Он кивнул и пошел вслед за Лилит внутрь башни. Двери за ними автоматически закрылись. В кондиционированном воздухе дышать было значительно легче. — Многие приезжие говорят, что в Фениксе очень жарко, но сухо, и поэтому, дескать, жить можно. Объяснять им, что в печи тоже сухо и жарко — бесполезно. И все-таки здесь переносить жару проще, чем в Токио.

Лилит кивнула, но Син понимал, что это просто жест вежливости. Девушке были совершенно не интересны разговоры о погоде. Лестница закончилась тяжелой железной дверью, рядом с которой мерцал электронный замок. Лилит прижала ладонь к нему, и он заиграл огоньками, считывая отпечаток.

Девушка придержала дверь, а Син достал из кармана платок и вытер замок. Они вошли внутрь и оказались в приемной офиса Лоринга. Деревянная панель задвинулась, и не осталось даже щели, будто двери на этом месте никогда и не было. Син улыбнулся, свернул платок и убрал его обратно в карман.

Мгновение Лилит молча сверлила его взглядом своих зеленых глаз, а потом все-таки спросила:

— Простите, но зачем вы это сделали?

— Я ведь специалист по безопасности, не так ли? Этот зеленый свет и довольно мудреный сканер «Тоджикорп» скопировала у замков фирмы «Аллард Текнолоджи». Но кое-какие программы, вшитые в чипы, им слизать не удалось, поэтому существует парочка фокусов, с помощью которых не представляет труда вскрыть такой замок. — Он пожал плечами. — Впрочем, воров такой квалификации довольно мало, а кроме того, даже из них далеко не все располагают необходимыми средствами.

— Понятно. — Лилит одернула жакет и включила наручный диктофон: — Заметка: заменить все замки на устройства фирмы «Аллард Текнолоджи».

Она опустила руку и жестом велела Сину идти за ней.

— Забавная вещица, — кивнул он на диктофон.

— Я заказала такую же для вас. — Лилит кивнула рыжеволосой секретарше и провела Сина в свой кабинет. Пока дверь за ними закрывалась, он обвел быстрым взглядом комнату, выдержанную в пепельных тонах. Золотой ковер и большие окна делали ее зрительно больше, чем она была на самом деле. Из окна в стене, обращенной на север, открывался потрясающий вид на Сквейв Пик и Кэймблэк Маунтин.

Лилит жестом указала на стул рядом с большим стеклянным офисным столом. Сначала Син не понял, как можно работать за столом, на котором не стоит решительно ничего, даже телефона, но увидев, как Лилит касается его поверхности, сразу все понял.

Вся поверхность стола — сенсорный жидкокристаллический дисплей.

— Это что же, Большой Голубой XR-8500? — Он наклонился вперед, но конструкция была задумана так, что изображение на дисплее мог видеть только тот, кто стоял со стороны стула. — Надо же, я только читал о таком.

Лилит улыбнулась и не отказала себе в удовольствии похвастаться.

— Это усовершенствованный прототип, XR-9900. — Она ткнула пальчиком в экран и негромко сказала: — Дафнэ, принесите чемодан мистера Мак-Нила.

За спиной у Сина раскрылась дверь, и секретарша внесла алюминиевый кейс. Син посмотрел на замок и увидел, что все цифры кода выставлены на «0». Он подождал, пока Дафнэ выйдет из комнаты, и лишь после этого опустил чемоданчик на пол.

— Код — день вашего рождения, — сказала Лилит. Внутри — паспорт, удостоверение личности, кредитки, билеты на самолет и пять тысяч долларов наличными. От себя я положила туда досье на мистера Гаррета. Он живет в комнате... — Она взглянула на стол.

— 10542, — опередил ее Мак-Нил.

— Неплохо. — Лилит склонила голову. — Не ожидала, что вы запомните.

Син улыбнулся.

— Я специально тренировал память на числа. Весьма полезно в некоторых случаях. Например, этот чемодан закодирован на день моего рождения, но ведь эту дату будет знать каждый, кто прочтет мое досье. Я предпочитаю дать коду случайное число, а потом заучить его.

Син ждал, что Лилит снова потянется к диктофону, но она этого не сделала.

— Хотите проверить содержимое?

— Да нет, я вам верю.

С тобой, птичка, все в порядке, но вот с твоим боссом придется повозиться.

— Я хотел бы связаться с вами сразу после вашего приезда в Японию.

— Если я вам понадобится, мистер Мак-Нил.

Она улыбнулась, и он невольно поморщился. За свою жизнь Син достаточно насмотрелся подобных улыбок, заставляющих думать, что у тебя расстегнулась ширинка или в зубах застрял шпинат. Лилит недвусмысленно давала ему понять, что отношения у них не пойдут дальше деловых, и это вполне устраивало Сина. Однако в Японии ему наверняка придется вести светскую жизнь, а какой может быть выход в свет без надежной, проверенной дамы?

Лилит проводила его до лифта:

— Счастливого путешествия, мистер Мак-Нил.

— Спасибо, мисс Акрес.

Он вошел в металлическую капсулу, нажал кнопку и стал ждать, пока двери откроются и перед ним окажется линия маглева. Кабина рванулась вниз так стремительно, будто кто-то подрезал канаты, но где-то на уровне 12-го этажа пошла медленнее. Син смотрел, как мимо проплывают этажи громадной башни «Лорики», и не переставал удивляться слабости системы безопасности компании. Впрочем, его мысли быстро вернулись к насущным проблемам.

Итак, Микаэль Лоринг, он же Койот, и Деймон Кроули купили газетку с историей про гигантского паука. Син слукавил немного, сказав, что проспал всю грозу; он слышал какие-то восторженные вопли, но не придавал им значения. Потом ходили слухи, что ребята из АПС

нашли кучки пепла и сломанное оружие. Но даже если и так, увидеть эти улики не удастся никому.

Син обладал хорошим воображением: в его профессии это необходимо. Когда имеешь дело с охранными системами, надо уметь придумывать невозможные способы их взлома, чтобы этого самого взлома не допустить. В Японии он не раз поражал своих хозяев такими фокусами, которые им и не снились, а однажды вошел в главный компьютер компании «Тоджикорп» и несколько часов кряду таскал оттуда все, что попадалось под руку, а охранные системы даже не пикнули.

Но во всем остальном Син считал себя здоровым скептиком. Возможно, йети действительно обитают в тибетских горах, но он не собирался в них верить, пока не увидит собственными глазами, как йети сидит в компании Лилит у костра на снегу.

Была еще одна сложность: Сину нравился Койот, нравилась холодная отвага, с которой он до сих пор действовал, нравилось его отношение к Хэлу Гаррету и даже то, как он быстро вошел в роль мистера Лоринга. Мак-Нил с трудом мог понять, как такой человек поверил в сказки про гигантского паука — причем поверил настолько, что послал специалиста, довольно дорогого, в Японию, для того, чтобы разыскать якобы существующую там школу убийц, где сотнями разгуливают прихвостни этого членистоногого мутанта.

Это задание — просто глупость, а с его — Сина — стороны было еще большей глупостью на него согласиться.

Двери с легким урчанием распахнулись, и Син вошел в комнату ожидания вагона VIP.

Ну что ж, на самый крайний случай можно посмотреть досье Гаррета и, если удастся, поговорить с ним. Возможно, у него я узнаю больше, чем если поеду в Японию. В конце концов Феникс — мой родной дом.

Линию маглева построил когда-то Неро Лоринг, который основал «Лорику», как Дариус Мак-Нил основал «Билдмор». Составы состояли из треугольного поезда и вагонов. Первый класс, на самом верху, где было просторно, уютно и тихо, предназначался для особо важных персон. В среднем условия были немного похуже, а внизу

публика попроще была вынуждена толкаться в переполненных стоячих вагончиках.

Син достал из кармана бумажник и вытащил оттуда пластиковую карточку с эмблемой «Билдмора». Он вставил ее в слот возле двери и хотел было войти, но наткнулся на закрытую дверь, а карточка выехала обратно. По ту сторону двери появилась девушка в блестящей униформе:

— В чем дело, сэр, я могу вам помочь?

— Да. — Син постучал пальцем по стеклу. — Откройте мне дверь. Должно быть, карточка опять размагнитилась.

Лицо девушки из приветливого сделалось официально деловым:

— Сэр, это комната ожидания для VIP, вы, видимо, ошиблись, вам нужен бизнес-класс.

— Что? — Син посмотрел на карточку и еще раз постучал по стеклу. — Попробуйте еще раз, прошу вас!

Девушка покачала головой:

— Сэр, у вас недостаточный доступ. «Билдмор» не относит вас к числу своих служащих.

Вот сукин сын! Он стиснул зубы, чтобы не выругаться. *Ублюдок!*

Син пошел прочь, гневно потрясая кейсом. И неожиданно вспомнил, что лежит внутри.

Что ж, Койот, сейчас посмотрим, что ты мне тут подсунул.

Син перешел улицу и присел на скамейку. Покопавшись в недрах металлического кейса, он достал пластиковую карточку и, захлопнув крышку, снова пошел к комнате ожидания.

Заметив его, девушка уже было потянулась к кнопке вызова охраны, но назойливый посетитель вставил карточку в слот, и двери раскрылись. Синклер шагнул внутрь и вытащил карточку с другой стороны. Бросив взгляд на дисплей, чтобы узнать, когда приходит следующий маглев, он присел рядом с двумя мужчинами в деловых костюмах. Интересно, что бы эти ребята сказали по поводу зомби или гигантского паука?

Тем временем девушка вышла из своей кабинки и подошла к Сину.

— Сэр, вам не стоит ждать здесь.

— Почему? У меня хорошая карточка.

Она нервно улыбнулась и понизила голос:

— Нет, сэр, проблема не в этом, — и, взяв его легонько за рукав, добавила: — Это обычная комната ожидания. Будьте добры. Идите за мной.

Удивленный, Син достал свою карточку и внимательно посмотрел на нее. Все было так же, как и на карточке компании его отца; только вместо эмблемы «Билдмора» стояла эмблема «Лорики». И должность была написана смешная: вице-президент по специальным связям. По краям карточки шла белая полоса. Такой полосы Сину еще видеть не приходилось.

Девушка провела его в комнату, расположенную напротив станции.

— Пожалуйста, ваш карт-бланш, — попросила она и, когда Син отдал ей карточку, вставила ее в слот. Дверь буквально улетела в потолок, и перед ними открылось небольшое помещение, которое, после того как Син сделал первый шаг, оказалось баром.

За стойками суетились два проворных бармена. В углу стояли колонки, люди непринужденно танцевали, а в потолке зажигались и гасли разноцветные квадраты. Между дверью и стойками довольно плотно стояли столы, а одна из стен почти сплошь состояла из дверей, ведущих в маленькие уютные кабинки. Всего лишь две из них были закрыты.

Син нахмурился. *Что еще за чертовщина?*

За стойками, потягивая из высоких стаканов напитки, сидели молодые женщины и мужчины. Все как по команде повернулись к двери и уставились на вошедших. Провожатая Синклера сунула карточку ему в руку:

— Я ухажу, сэр, — ее улыбка стала шире, — если только вы не захотите, чтобы я осталась.

Син покачал головой. Девушка перестала улыбаться и пошла к выходу. Вдогонку Син сказал ей «спасибо» и спросил:

— Как я понимаю, та дверь в конце бара ведет на перрон?

— Да, конечно. Ваша карточка ее откроет.

Син снова поблагодарил ее и пошел к стойке. Быстрым взглядом окинув женщин, он повернулся к бармену:

— Никогда не думал, что здесь есть такое.

Бармен понимающе улыбнулся:

— А, вы здесь впервые, понятно. Вы получили карт-бланш, а с ним и все прочее. Что вам налить?

— Пиво — «Генри Вейнардс», если у вас есть.

Из дальнего угла бара к нему направилась хорошенькая брюнетка, напомнившая Сину некую Кристину — не очень приятные воспоминания. Он поднял руку:

— Можно просто пива.

Брюнетка остановилась и вернулась к своему столу такой походкой, что Син почти пожалел о своем решении. Бармен поставил перед ним запотевшую бутылку пива и отошел к другому краю стойки. Мак-Нил отпил. Пиво приятно освежило горло.

Гигантский паук вторгся в наш Феникс? Койот знал об этом баре, а я — нет. Возможно, он знает и то, о чем говорит.

Служанка на десятом этаже Главной Башни Феникса любезно проводила Сина в пятое крыло, в комнату № 42. Он легонько постучал в дверь, а потом толкнул ее и вошел внутрь.

— Мистер Гаррет, я Синклер Мак-Нил. Не знаю, помните ли вы...

Он осекся, увидев, что у Гаррета есть еще посетители.

Сам Хэл лежал на огромной больничной койке. Рядом висели две капельницы: одна с прозрачной, другая с розоватой жидкостью. Тонкая прозрачная трубка в носу снабжала Гаррета кислородом. Несмотря на широкий халат, было видно, что он весь заматан бинтами.

Хэл выглядел довольно бодрым, и легкий огонек в его глазах сказал Сину, что он не накачан обезболивающими до предела и вполне способен трезво соображать. Негр медленно поднял и опустил огромную руку, не то в знак приветствия, не то в знак нежелания разговаривать.

— ...Мак-Нил... помню... твой отец вложил десять тысяч.

Син кивнул Гаррету и тому посетителю, которого он узнал, и аккуратно прикрыл за собой дверь. В углу у

самой кровати стоял мужчина ростом ниже Хэла, но явно сильнее и тяжелее. Неприветливый взгляд темных глаз из-под лохматых, нависших на лоб волос вонзился в Сина, как два железных прута, а бугры его мышц напомнили Мак-Нилу статую неосоциалистического героя, которую он однажды видел в Тиране.

Похоже, на нем та же самая майка, в которой он был, когда явился к нам на прием с Койотом. И, похоже, с тех пор он ее не стирал.

В ногах кровати сидела маленькая девушка, похожая на мулатку. Она приветливо улыбнулась Сину. Кокетливый пучок на затылке, перевязанный голубой ленточкой, совершенно не вязался с кожаной мужской курткой, леопардовыми колготками и тяжелыми высокими сапогами.

Син решил, что, видимо, ленточку женщина отрезала у Гаррета от халата. Он так задумался об этом, что едва не налетел на еще одну посетительницу — девушку, которая чем-то напомнила ему Лилит. Длинноногая блондинка — из тех, что десятилетиями трудятся секретаршами, чтобы под конец жизни начать хоть как-то влиять на дела компании. Хотя, глядя, как девушка складывает руки на груди и оправляет длинную юбку, которую она носила с наглухо застегнутой блузкой, Син подумал, что это одна из местных монашек, которая зашла навестить раненого.

Здоровяк в углу сделал шаг к Сину:

— Вы ошиблись комнатой, мистер Мак-Нил.

Гаррет снова поднял руку, а девушка, сидящая на кровати, схватила здоровяка за запястье.

— Бат, я знаю, что его отец дал деньги этим ублюдкам... Все в порядке.

Син увидел боль, мелькнувшую в глазах Гаррета; он понимал, что это не физическая боль. Те же убийцы, чьи выстрелы приковали его к постели, меньше чем год назад застрелили его жену и едва не развязали войну банд в сумрачном мире Застывшей Тени.

— Мне очень жаль, мистер Гаррет. Я должен был это предотвратить, но не смог. — Син повернулся к Бату и добавил: — А если тебе нужен кусок моего папаши, мо-

жешь взять мое пальто и делать с ним что угодно, когда я уйду.

Хэл улыбнулся, и Бат вернулся в свой угол.

— Это Нэтч Ферал и Джитт Рэйвел. С Хвалибогом Кабатом вы уже встречались.

Син кивнул Нэтч — той девушке, что сидела на кровати. Джитт потупилась, а Бат скрестил руки на груди и стал сверлить Сина взглядом.

— Меня прислал Койот, чтобы я отдал вам досье.

При упоминании о Койоте лица Хэла и Нэтч осветились. Даже Джитт подняла глаза и улыбнулась. Открывая чемодан, Син обратил внимание, что Бат продолжает смотреть на него с неприязнью. Мак-Нил быстро достал папку и протянул ее Нэтч.

Она открыла папку и стала держать ее так, чтобы Хэлу было удобно читать.

Тот быстро пробежал глазами пару страниц, а потом откинулся на спину и закрыл глаза.

— Джитт, прочти, пожалуйста, и скажи им.

Джитт взяла папку и быстро пролистала.

— Койот ненадолго покинул Феникс. Говорит, чтобы мы были начеку и держали с ним связь через мистера Мак-Нила, который будет находиться в Токио.

— Почему ты, Мак-Нил?

И правда, почему я?

Но прежде чем он успел ответить, Хэл поднял руку:

— Потому что мы должны остаться здесь и не допустить войны банд, Нэтч.

— А кроме того, — вмешался Мак-Нил, — я какое-то время жил в Японии и знаю, как там оставаться незамеченным.

— Не горячись, Мак-Нил, — сказал Бат. — Тебя послали туда совсем не поэтому.

— А почему? — удивился Син.

— Ты не связан с Койотом.

— И?

Бат улыбнулся, как каннибал в морге:

— И стало быть, ты — расходный материал.

Она почувствовала змею задолго до того, как увидела ее или услышала ее шорох. В пустыне Невады, где нет ни души, это было нетрудно. На серебристой дорожке змея казалась темным камнем. В ней было не меньше четырех футов. Свернутые в тугий пучок кольца застыли неподвижно. Шевелилась лишь голова.

Раджани протянула к ней руку, и змея зашипела громче, словно предупреждала: «Только двинься — и я укушу». Раджани опустилась на колени, на всякий случай убрав голые руки в карманы кожаной пилотской куртки. Она сосредоточилась и, пронзая примитивные инстинкты силой своего разума, остановила волны страха змеи и повернула их обратно, к источнику.

Не бойся меня, сестра, твой яд не вреден мне. Она улыбнулась, услышав, что шипение стало стихать. Я твой союзник, сестра, я — маленькое солнце, которое согреет тебя. Если ты поведешь меня, я буду тебя защищать.

Слова помогали ей передать чувство покоя и безопасности. Примитивный мозг змеи уловил их и откликнулся на них. Змея развернула кольца и перетекла ближе к Раджани. Раджани вынула руку из кармана и протянула ее перед собой.

Меня зовут Раджани. Я не причиню тебе вреда.

Раздвоенный язычок змеи ткнулся ей в ладонь.

Да, у меня странный вкус, но я ведь не похожа на твою добычу? Мы будем друзьями.

Раджани расстегнула куртку, затем — рубашку. Змея скользнула вперед и угнездилась между рубашкой и теплым телом Раджани. Обернувшись вокруг девушки дважды, она успокоилась.

Раджани медленно встала на ноги. Она ждала, что змея снова начнет беспокоиться, но этого не случилось. Раджани была почти уверена, что змеиный яд не причинит ей вреда, однако проверять не хотела. Во-первых, в детстве она питалась едой, которую привозили с Земли, а во-вторых, мать не раз говорила, что существа ее природы и люди очень легко скрещиваются. Из уроков по

биологии Раджани помнила, что змеи питаются мелкими грызунами, и сделала вывод, что если змея проголодается, то небольшой кусочек человеческой, например, руки вполне подойдет ей для завтрака.

С базы «Зона 51» Раджани выбиралась два дня. Это было трудно, хотя и легче, чем ожидалось, так как охранные системы были запрограммированы на предотвращение попытки войти на базу, а не выйти оттуда.

Пришлось украсть куртку: под горой было довольно холодно. С одеждой ей вообще повезло. Она даже смогла выбрать из большого ящика то, что больше подходит для девушки. На складе было столько пыли, будто никто не заглядывал туда уже месяца три, и Раджани не могла взять в толк, почему такие ценные вещи так небрежно хранятся: ведь они замечательно защищают от холода.

Итак, она стащила пару ботинок и убрала волосы под бейсболку. Взглянув в зеркало, которое стояло там же, она попыталась увидеть себя глазами обычного человека и решила, что вполне сойдет за бедную девочку, которая вынуждена из-за нехватки денег донашивать папины шмотки. В этом было даже свое преимущество, так как одежда скрадывала диспропорцию между головой и туловищем: у соплеменников Раджани относительно большие размеры головы были больше, чем у людей.

Самым трудным было выйти из ворот базы. Но тут ей пришла на помощь удача: неожиданно в воздухе пронеслись, заходя на посадку, два черных самолета, и солдаты, которые охраняли ворота, повернулись взглянуть.

— Похоже, F-42 завершили ночные маневры.

Второй охранник сдвинул фуражку и почесал затылок:

— А правда, что они могут обнаруживать «стелсы»?

Его напарник рассмеялся:

— Еще бы! Я сам летал на таком — видит их запросто. А эти яйцеголовые говорят, что скоро будет радар, который покажет в «стелсе» все до молекулы.

— Я думаю.

Раджани убежала в пустыню. Слово «яйцеголовый» ассоциировалось у нее со страхом и отвращением. Так иногда доктор Чандра называл одного из своих помощников, Никласа Ханта. Когда этот низенький человек

смотрел на Раджани, она чувствовала волны того же самого отвращения, основанного на страхе, и они лишь слегка утихали, если Никлас заговаривал с Чандрой.

Доктор называл это предубеждением. На интеллектуальном уровне Раджани понимала механизм того, как неизвестное обращается в ненавистное. Но благодаря своей способности к эмпатии она чувствовала это отвращение к себе гораздо сильнее и глубже, чем Чандра, и ей не было никакого дела до того, что, как говорил Никлас, это связано с какой-то неприятной историей, случившейся с ним в детстве.

Легкое шипение змеи вернуло Раджани к реальности. Сначала она подумала, что ее плохие мысли разозлили змею, но потом расслышала лай собаки и плач ребенка неподалеку. Повернувшись к ветру лицом, девушка быстро установила направление к источнику звука и двинулась туда.

Она взмокла от пота, пока поднималась и спускалась с высоких дюн. Дул сильный ветер, и, хотя кактусы немного защищали, все равно приходилось нагибаться как можно ниже, чтобы не наглотаться песка. Способность Раджани видеть в темноте позволяла ей передвигаться совершенно бесшумно. Наконец она вышла к краю палаточного лагеря.

Прячась в темноте, Раджани провела рекогносцировку и увидела в лагере двух детишек, прикованных к металлическому колышку, воткнутому в землю рядом с костром. Они были одеты в рабочие робы, и пыль покрыла их с головы до ног; только на щеках слезы оставили в ней темные дорожки. Девочка, стараясь скрыть собственный страх, успокаивала мальчика, который был ее младше. Рядом вертелась собака, и между ней и детьми Раджани уловила узы союзничества. Продолжая осмотр, Раджани обнаружила грузовик и двоих мужчин, которые лежали неподвижно — вероятно, спали.

Бесшумно, как тень, девушка вошла в лагерь. Волна изумления, вылетевшая из сознания девочки при виде Раджани, едва не заставила ее вскрикнуть. Девушка подняла руку, показывая, что просит хранить тишину, и повернулась влево, к собаке.

Да, брат мой, я пришла стать вашим другом. Я освобожу тебя и твоих друзей.

Шерсть на загривке пса опустилась. Он лизнул руку Раджани, и это, кажется, немного успокоило прикованную девочку. Мальчик, который, видимо, приходился ей братом, посмотрел одним глазом на чужую тетю. Раджани улыбнулась ему и, подойдя ближе, взялась за цепь обеими руками.

Девочка зашикала на нее:

— Нет, нет! Уходи, оставь нас! — шептала она, и хотя ее голос не был громче лязга цепи, страх и паника, излучаемые ею, буквально сбивали Раджани с ног. Любопытство мальчика тоже сменилось страхом, но к этому страху примешивалась надежда на освобождение.

Его чувства были на удивление сильны — воспринимать их было все равно что смотреть на солнце в большой телескоп. Раджани прижала к вискам кулаки. Какая боль! Промедление грозило безумием, и она мгновенно отгородилась ментальным щитом. Теперь страх детей Раджани видела только по их глазам.

Расшатав колышек, она вынула его из земли. Зазвенели цепи, но дети сразу же подхватили их, чтобы не шуметь.

— Вы свободны.

Внезапно чья-то рука схватила ее за плечо и резко развернула. Неопрятный толстяк в расстегнутой на животе рубашке спросил, отдавая ее неприятным запахом изо рта:

— А ты что тут делаешь?

Он потянулся к ее бейсболке, но Раджани сама резко вздернула подбородок, и ее золотые волосы рассыпались по плечам.

— Смотри-ка, Боксез, у нас тут сюрприз, — ухмыльнулся толстяк. Он рванул ее за ворот и обнажил грудь. — Ого! Да ты симпатичная! Я первый!

Раджани не ожидала такого напора и в первое мгновение могла думать только о грубых руках, хватающих ее за грудь. Толстяк потащил ее за собой, но неожиданно вскрикнул и упал навзничь. Вокруг его руки обвилась змея.

На крик подбежал Боксез в одних джинсах и равных носках и уставился на Раджани бычьим взглядом. Он схватил ее, но она вцепилась золотыми ногтями ему в лицо. Он завизжал и, отшвырнув ее, закрыл руками окровавленные щеки.

Раджани тяжело упала на землю. Она даже не успела подняться, как на Боксеца набросился пес и, схватив его за когу, повалил. Через мгновение рядом была девочка с цепью в руках. Она обвила цепью Боксеца и, упершись крепче ногами, дернула. Раздался отвратительный хруст. Раджани закричала от ужаса, но быстро пришла в себя и посмотрела на толстяка: тот лежал под ближайшим кактусом. Ноги его слегка шевелились, но полное отсутствие эмоциональных волн не оставляло сомнений, что его нервная система поражена. Вокруг его шеи обвилась змея, словно торжествуя победу.

Раджани быстро сканировала ближайшую территорию, но не обнаружила никого, кроме двух трупов, девочки с мальчиком и собаки. Ментальные щиты ей пришлось снова поднять на полную мощность: волна ненависти, идущая от девочки, была просто обжигающей. Мальчик заплакал, и собака лизнула его в лицо.

Присев возле костра, Раджани застегнула рубашку на единственную оставшуюся пуговицу. Девочка подошла и села рядом. В свете пламени ее соломенные волосы отливали алым.

— Боксез знал, что когда-нибудь я его убью.

От ее тона Раджани вздрогнула. *Ее биологический возраст двенадцать или тринадцать единичных отрезков существования, но этот голос и этот гнев...*

Девочка бросила цепь и скрестила руки на груди.

— Меня зовут Дороти, а это Мики. Тот, кого укусила твоя змея, — дядя Энди. Боксез — его приятель. Они привезли нас сюда, чтобы продать.

— Продать? — Раджани взглянула на мальчика, который кутался в простыню. — Твои родители об этом знают?

— Родители? Конечно, знают, просто у них кончились деньги и они решили меня продать.

— Что?

— С тех пор как умерла мама, у папы дела идут неважно. — Мики захныкал, и Дороти повернулась к нему: — Ладно, ладно, ты не виноват. Папа не хотел тебя обидеть, когда говорил это.

Мальчик замолк, и в глазах его снова вспыхнуло любопытство. Он украдкой поглядывал на Раджани из-под простыни, и она улыбнулась.

— Твой брат стесняется.

— Да уж, бойким его не назовешь. Только вы не подумайте, мой отец неплохой человек. Честный. Он хорошо с нами обращался. Мики, скажи тете спасибо за то, что она нам помогла.

— Паибо, — промямлил мальчик из темноты. Он уже набрался храбрости сбросить простыню и теперь с интересом смотрел на пляшущие языки костра. Встретившись глазами с Раджани, он, сам того не желая, улыбнулся и тут же застенчиво потупился.

— Сколько тебе лет, Мики?

Он выставил перед собой открытую ладонь.

— Пять?

Малыш радостно кивнул.

Дороти погладила его по вихрастой головке.

— Все хорошо, Мики, эта тетя — добрая. Если бы она была плохая, Рекс бы ее укусил.

Раджани в подтверждение слов девочки улыбнулась малышу и обвела взглядом лагерь.

— На грузовике аризонский номер. Я полагаю, вы недалеко от дома?

Дороти покачала головой:

— Нет, мы недалеко от...

— Флаи, — перебил малыш. Огонь внезапно осветил его лицо. Казалось, даже нарочно нельзя слепить маску безобразнее. Верхняя губа, поднимаясь, разделялась надвое, как театральный занавес, и обнажала черные кривые зубы. Он не мог опустить ее, и это уродство, несомненно, сильно мешало ему говорить.

Раджани видела, что Дороти внимательно следила за ее реакцией. Она почувствовала, как Мики приготовился к тому, что тетя, которая только что ему улыбалась, отпрянет в ужасе. Раджани захотелось погладить его по голове, но она подавила этот порыв, опасаясь, что сейчас

любое движение мальчик примет за нападение, и повернулась к Дороти:

— Ваша мать умерла, когда родился Мики?

Дороти кивнула:

— Крови было ужас сколько. Мне тогда было семь. С тех пор я забочусь о Мики. Одно время у папы была подружка, которая немного помогала, но отец ее быстро прогнал, ему и нас с Мики хватало. — Она потрепала брата по голове. — Он сказал «Флагстафф» в ответ на твой вопрос.

Раджани кивнула Мики.

Спасибо, малыш, — мысленно сказала она ему.

Мики потянул сестру за рукав и стал показывать на свое ухо.

— Что с тобой? Опять ухо болит? У него вечно уши болят, от этого он, наверное, плохо слышит.

— С ним все в порядке, Дороти. — Раджани протянула руки к огню. — Его никто не показывал доктору?

Девочка покачала головой:

— Отец подписал договор с «Дадзамоки корп.» во Флагстаффе, когда мама была беременна. «Дадзамоки» сказали, что если мама выживет и они получают ее голос, то обо всем позаботятся. Но мама умерла, а Мики все время болел, и поэтому, то, что дали «Дадзамоки», все ушло на лечение. Потом дядя Энди стал уговаривать папу продать меня и на эти деньги вылечить Мики. Но я знала, что это брехня, и взяла Мики с собой. — Дороти задумалась, а потом резко вскинула голову: — Ну а ты? Черная кожа, золотые полоски на руках, глаза горят — ты, наверное, танцовщица из Лас-Вегаса? Или ты из какой-нибудь банды вроде тех, что орудуют в Затмении?

Раджани была абсолютно уверена, что Дороти говорит на английском. Она поняла первый вопрос и хотела было ответить положительно, но понятия не имела, что такое Лас-Вегас, а Дороти, судя по всему, было больше по душе второе объяснение.

— Да, я из банды, но раньше работала в Вегасе.

Дороти широко улыбнулась:

— Так ты, значит, из Феникса? Ты туда возвращаешься? — На мгновение от нее полыхнуло тревогой. —

А мы во Флаг. Пойдем вместе? Чем больше народу, тем безопаснее путь.

— Феникс? Я иду в Феникс.

— Ну и отлично, — проворно отозвалась девочка. — Флаг по дороге в Феникс, так что пойдем вместе.

Итак, Феникс и Затмении — синонимы:

— Конечно, пойдем вместе. — Раджани наклонилась и обняла девочку за плечи.

Да, мир изменился, пока я находилась в стасисе. Я надеялась, что смогу спасти его от Скрипичника, но если он переменился настолько, что отцы продают своих дочерей... Я не уверена в успехе.

4

Любуясь прекрасным древним монастырем, прилепившимся к склону горы, Койот почувствовал себя так, словно попал на тысячу лет в прошлое. Он покосился на Кроули, ожидая увидеть на его лице восхищение, но оказалось, что тот с интересом глядит на него, ожидая такой же реакции. В результате оба расхохотались и пустили своих пони дальше по склону.

Из Феникса они направились в Лос-Анджелес, а оттуда сразу вылетели в Токио. Из Токио — в Нью-Дели; потом Гувахати, Паро, Бутан и в конце концов — Гонгар, Тибет. С каждым новым перелетом самолеты становились все меньше и меньше, а последний вообще был собран на шасси армейского грузовика времен гражданской войны 1999 года.

Из Гонгара до Лхасы ехали на автобусе. Кроули заметил, что столица весьма изменилась с тех пор, как он был здесь последний раз.

— В 1985-м, когда китайцы праздновали здесь двадцатилетие Тибетской автономии, был огромный скандал из-за того, что кто-то сделал лозунг на тибетском языке. Теперь же, смотри — кругом все по-тибетски.

О пребывании Кроули на Тибете Койоту было отлично известно, но тем не менее не мешал попутчику предаваться воспоминаниям. Койот и сам знал из книг,

что в восьмидесятых годах здесь имели место волнения из-за сильного влияния Китая. В Тибет был запрещен въезд иностранцев, и запрет этот оставался в силе до самого 1997 года, когда вторая культурная революция создала столько проблем, что Пекину пришлось ослабить хватку, которой он держал дальние регионы. Тибет, Монголия и Маньчжурия избавились от угрозы стать колониями Поднебесной, и после двух лет кровопролития четырнадцатый далай-лама, вернувшись, в день своего рождения провозгласил Тибет снова свободным.

Во время путешествия из Ламы в Шигейст, а оттуда — в Намлинг Койот повсюду натывался взглядом на следы недавней войны. Маоистские статуи были сброшены с пьедесталов и отданы на растерзание суховеям. Когда они проезжали через Сигхаст, Кроули заметил:

— Теперь китайские здания и статуи в том же состоянии, до которого во время первой культурной революции китайцы довели тибетские архитектурные и скульптурные сооружения. Тибет заново обретает собственную историю, и скоро ничего китайского здесь не останется.

В Намлинге пришлось бросить взятый напрокат «лендровер» и продолжить путешествие на лошадях в сопровождении желтого сухощавого монаха, которого Кроули назвал гетсулом Кхедрупом и объяснил, что он еще не совсем монах, но скоро будет посвящен.

Они зарысили вслед за Кхедрупом вверх по долине Ярлунг. Через два дня не осталось и следа цивилизации. На пути попадались лишь кочевники и стада яков.

По мере того как они поднимались выше, становилось прохладнее. Койот не переставал удивляться нестабильности здешнего климата. Они взяли с собой теплые вещи, однако пока по ночам вполне хватало вязаных пледов, которыми снабдил их проводник, а днем — рубашки или легкой куртки. Дождей не предвиделось и путешествие было приятным и необременительным.

Когда они подъезжали к монастырю, Койот повернулся к Кроули:

— Красиво. Наверное, местные власти отреставрировали его в первую очередь.

Обменявшись улыбкой с Кхедрупом, Кроули объяснил: — Монастырь не нуждается в реставрации. Китайцы его и пальцем не тронули, хотя от Норбулинка и Йокханга, Серы или Потала они не оставили камня на камне.

— Наверное, потому, что сюда трудно добраться.

— На самом деле китайцы хотели разрушить Кангенпо в первую очередь, но далай-лама остановил их — перед тем как покинуть Тибет в марте 1959-го. — Он показал на изрезанную шрамами землю. — С тех прошло пятьдесят лет, но следы мотострелковой дивизии, которую пригнали китайцы, чтобы уничтожить далай-ламу и его семью, еще видны. Мао не давало покоя, что он сбежал из Нарбулинка, переодевшись солдатом.

Койот нахмурился:

— Ну, лама — понятно, а как удалось уберечь монастырь? Я мог бы даже отсюда стрелять по стенам пистолетом. — Он положил руку на прохладную рукоятку.

— Да, только ты его видишь, а они не видели. Мао хотел разрушить монастырь еще во время первой культурной революции, но ни он, ни его солдаты просто не видели, что надо рушить.

Койот задумался:

— Значит, я могу видеть его благодаря каким-то моим скрытым способностям. Кажется, раньше ты говорил, что некоторые люди развивают в себе способность видеть в ультрафиолете? Может быть, я вижу его потому, что он излучает ультрафиолет?

— Логично, но все же неверно. — Кроули повернулся к Койоту, вздохнул и снова показал на монастырь: — Что ты теперь видишь?

Койот снял солнцезащитные очки и протер их. На месте высоких стен и блестящих крыш не было ровным счетом ничего.

— Он исчез!

— Продолжая твою аналогию — что ты увидишь на месте предмета, который не излучает никаких световых волн?

— Ничего.

— Вот именно. — Кроули прикрыл глаза, и через пару секунд монастырь возник снова. — Кангенпо одно из немногих мест на Земле, где эмпатические способнос-

ти приглушаются. Сейчас ты видишь этот храм потому, что я посылаю тебе его образ через сознание Кхедрупа, которому позволено видеть подобное великолепие. Если бы мне захотелось, я мог бы изменить изображение так, что ты увидел бы нечто совсем другое.

— Но если это место просто отбивает у меня всякие способности, то как я смогу их усовершенствовать — мы ведь именно за этим туда едем?

— Я ведь сказал «приглушает», а не «отбивает». Представь себе тренировку по поднятию тяжестей в мире, где гравитация намного превышает земную. Тебе придется приложить гораздо больше усилий, зато на Земле ты будешь силачом. В этом смысле Кангенпо, пожалуй, единственное место, где ты действительно сможешь как следует всему научиться. А без проводника сюда попасть невозможно.

Койот снова протер очки:

— Кангенпо. Ты говорил, это значит «ледяной замок». Но если без проводника сюда не добраться, то как его нашел ты и находили другие?

— Я думаю, кхенпо объяснит тебе лучше. Я лично считаю, — он снял перчатку и хлестнул ею лошадь, — что мне эта честь была дарована из-за того, что я предотвратил убийство далай-ламы летом 1989 года, когда китайское правительство устроило повальные репрессии. Было произнесено Слово, и я попал в Кангенпо — для того же, для чего сейчас едешь ты.

Когда они подъехали к массивным бронзовым воротам монастыря, створки открылись сами. Первое, что бросилось в глаза Койоту — два каменных льва у подножия винтовой лестницы с причудливыми перилами и внутренний средневековый дворик, мощный камнем. Изнутри стены были украшены искусной резьбой.

Монахи в оранжевых одеждах и их ученики небольшими группками прохаживались по узким коридорам. Койот заметил среди них темнокожих людей, совершенно не похожих на коренных тибетцев. Кроме этого, Койота поразила еще одна вещь:

— Нет женщин?

Кроули покачал головой:

— Женщин нет, и это довольно странно, если учесть, что «гелюкпа буддизм» построен на традиции Виджраяны, или, как называют это на Западе, «тантрического буддизма». Тантрическая практика включает в себя эзотерические сексуальные ритуалы и особые принципы медитации, что так возмущает миссионеров и почтенных обывателей Запада. Но лишь после того, как монахи изучат пять традиционных дисциплин, для них открывается тантра. А до тех пор, в период двадцатилетнего обучения, они должны оставаться абсолютно целомудренными и не употреблять наркотики и алкоголь.

— Ты хочешь похоронить меня здесь на двадцать лет?

— А ты спешишь поскорее увидеться со своей помощницей?

Койот прищелкнул языком:

— Лучше с ней, чем со Скрипичником; впрочем, двадцать лет меня никто из них дожидаться не станет.

— Это точно. Нет, ты войдешь в группу учеников третьего или даже четвертого уровня. Оум — это учение о пути между крайностями, а санията уже имеет дело с «не-деянием» и «не-бытием». Вот он, — Кроули кивнул на Кхедрупа, — будет сначала изучать оум, а потом — санияту, потому что его цель — объединиться со Вселенной и достичь просветления. Но ты будешь изучать их в обратном порядке, так как твоя задача — научиться проникать *сквозь* Вселенную.

Копыта процокали по камням внутреннего дворика, и рапьюнги закрыли ворота. Кхедруп жестом предложил гостям спешиться. Проводник поклонился одному из монахов и поспешил внутрь монастыря.

Кроули легко соскочил с седла и тоже поклонился монаху:

— Тщи дили, лама Монг.

Монах улыбнулся и поклонился в ответ.

— Пияг дан по-ла Ми-ма-йин.

Койот слез с лошади немного медленнее своего спутника и сразу почувствовал, как болят ноги. Он вежливо кивнул монаху и с трудом поклонился. Тем временем рапьюнг увел лошадей.

— Нга мин Койот йин, — сказал Койот единственную известную ему фразу по-тибетски.

Монах посмотрел на Кроули:

— Койот? Ха ко-ма сонг, Ми-ма-йин?

— Кий ркан-джнуис, — сказал Кроули и повернулся к Койоту; — Он не знает слова «койот», я объяснил ему.

Монах кивнул:

— А твой друг знает, что ты назвал его собакой?

— Нет, не знает. — Койот опешил, услышав, что монах разговаривает по-английски.

— Куй-кан, Ми-ма-йин, я думаю, что лучше назвать его шакалом, чем собакой.

— Как захотите.

— Тогда ты будешь Куй-кан.

Койоту показалось, что в голосе монаха прозвучало пренебрежение, однако на его лице прочесть было ничего невозможно.

— Спасибо.

Кроули безучастно посмотрел в сторону.

— Монг — кхенпо Кангенпо.

Койот снова поклонился. Монг ответил на его поклон, а потом протянул руку. Пожимая ее, Койот отметил, какие крепкие у старика пальцы. *Сильные руки. Пожалуй, он больше, чем просто старый аскет.*

— Я надеюсь, в Кангенпо ты найдешь то, что ищешь.

— Я тоже надеюсь, лама Монг.

Койот посмотрел по сторонам и с удивлением заметил, что по стенам в маленьких альковах сидят двадцать семь монахов в позе лотоса. На южной стене точно так же сидели еще двадцать семь, а вместо ворот была просто каменная стена, словно их в мгновение ока заложили камнем. На западной и восточной сторонах тоже сидели по двадцать семь монахов.

— Могу я спросить, почему ваши ворота ведут в никуда и зачем там сидят эти люди?

— Это па-тсабы. Стражи Кангенпо. Благодаря им монастырь остается невидимым. — Монг бросил взгляд на южные ворота. — Двадцать семь монахов на четыре стены образуют число 108, это число магическое.

— Понимаю.

— Тебе еще многому предстоит удивиться, Койот. — Кроули хлопнул его по плечу. — Итак, я оставляю тебя

в заботливых руках ламы Монга. О-на-гха-ле ску бзугж, лама Монг.

— О-на гха-ле пеб, Ми-ма-йин, — поклонился старый монах.

Кроули пошел к южным воротам. Он повернулся влево, как будто хотел взобраться по ступеням, но его тело, казалось, существовало лишь в двух измерениях. Без единого звука на лестнице исчезла его нога, а за ней и весь Кроули. Через мгновение уже ничто больше не напоминало о его существовании.

— Ми-ма-йин сменил тело, но не душу, — сказал Монг. Потом его взгляд упал на пистолет Койота. — И я понимаю, какая перемена произошла с тобой, Куй-кан.

— Не сомневаюсь, особенно на фоне Кроули. Вас это тревожит?

— Почему меня должно это тревожить?

— Да, скорее это должно тревожить других, но никак не вас. Я хочу узнать еще одну вещь, если позволите: почему вы называете Кроули «Ми-ма-йин»?

— Когда он впервые у нас появился, у него был иной облик, и лишь часть его была теперешним Кроули. Ми-ма-йин означает — «тот, кто не человек». Обычно так называют духов, но в этом случае...

Койот скрестил руки на груди.

— Тогда научите меня тому, чему учили его. Существо, за которым я охочусь, — тоже не человек.

5

Синклер Мак-Нил улыбнулся стюардессе, которая принесла пепси.

— Вы уверены, мистер Мак-Нил, что не хотите чего-нибудь покрепче? Вы выглядите так, будто у вас был тяжелый день, а между тем сейчас всего лишь восемь часов утра.

— И да и нет, — сказал он, принимая стакан из ее рук. Их пальцы соприкоснулись, и Мак-Нил успел прочитать имя на фартуке: — Спасибо, Эрика. Боюсь, что

для меня новый день еще не наступил, а продолжается старый.

— Я вернусь спросить, не нужно ли вам еще чего-нибудь. — Стюардесса улыбнулась и пошла дальше вдоль салона первого класса «Боинга-787».

Син откинулся в кресле и стал потягивать пепси.

Это просто безумие. У меня нет никаких причин тащиться в Японию ради какого-то психа. — Он поставил стакан на столик. — Но и оставаться в Фениксе тоже глупо.

Его отец, Дариус Мак-Нил, все же исполнил свою угрозу и вышиб сына из «Билдмора». После визита в больницу к Хэлу Гаррету Мак-Нил сделал попытку вернуться домой, но выяснил, что доступ к жилому сектору башни для него закрыт. Он обратился к охране, но в ответ получил только небольшой чемоданчик с личными вещами и сообщение, что все остальное конфисковано в пользу компании «Билдмор».

Один из охранников даже набрался наглости попытаться его раздеть, и Син решил, что это уже слишком. Когда санитары унесли наглеца, Син двинулся к отцу в кабинет. Секретарша у двери вскочила, но остановить его не посмела.

Дариус Мак-Нил попивал виски в компании еще двух джентльменов. Одного, высокого и худого с огромным уродливым носом и тяжелым подбородком, Син узнал. *Додд, Ватсон Додд. Бухгалтер.*

Дариус и Додд возвышались над совсем маленьким человеком; тот, впрочем, казалось, не замечал их преимущества в росте. Когда Син вошел в кабинет, он сжал кулаки. Но тут же разжал их и, склонив голову, ухмыльнулся по-волчьи:

— Гутен абенд, герр Мак-Нил.

— Привет, фашистский пигмей. — Син махнул рукой Додду: — Вы, ребята, похожи на заговорщиков — наверное, у Додда пропала жена, а твои воины, Генрих, только что разграбили очередную синагогу.

— Так-так, возвращение блудного сына, — протянул Дариус, левой рукой как бы невзначай удерживая Додда на месте. Генрих откинулся на кресле и лизнул коктейль. — Не нужно грубить моим гостям, Синклер.

— Гостям? Отец, я же вижу, тебе противно их общество! — Син широкими шагами направился к бару. — Мы вдвоем сейчас живо их выставим.

Дариус пригладил волосы.

— С этим придется подождать. Я объясняю мистеру Додду обязанности моего вице-президента по безопасности.

— Что?! — Син так посмотрел на Додда, что едва не прожег в нем две дырки. — Это *моя* работа!

— Была, предатель, — голубые глаза Дариуса вспыхнули. — Две недели назад ты был уволен за то, что исчез без предупреждения, да еще так надолго. Компания не может позволить себе ждать своих сотрудников столько времени. И после этого ты еще пытаешься вмешиваться в мои финансовые отношения с Воинами Арийского Мирового Союза. Убирайся!

Генрих опустил глаза и вздохнул:

— Ты обидел меня, Синклер. Я думал, что мы друзья.

— Я обижу тебя еще больше, змееныш. В следующий раз, когда захочешь убить кого-нибудь, возьми сам пистолет. А я тебе потом руки обломаю! — Син повернулся к отцу: — Я только что был в больнице у Хэла Гаррета. Он останется жить, но нога скорее всего будет парализована. Пуля повредила нервные окончания. Это все из-за тех денег, которые ты платишь арийцам. — Он повернулся к Додду: — Когда у тебя появятся дети, не забудь рассказать им, как папочка нанимал людей, чтобы те калечили мирных граждан. Пусть они гордятся тобой.

Дариус покачал головой:

— Простите моего сына, джентльмены. В детстве ему слишком много позволялось.

— Ты назвал меня сыном? Такого обращения я от тебя не слышал лет с десяти. А когда ты меня увольнял, ты вспомнил, что я твой сын? — Он нажал потайную кнопку в баре и получил хрустальный бокал. — Твои «гости», как я вижу, пьют из обычных стаканов.

Дариус снова покачал головой.

— Да, твоя мать тебя очень избаловала.

Син налил в бокал виски.

— Давай, опять вали все на мать, потому что она назвала меня нормальным именем. Господа, вы ведь знакомы с моими братьями Шарпо, Гипо и Думбо?

— Александром, Ксерксом и Тиберием. Не смей унижать их! Они всегда помнили о своем долге перед отцом.

— Зомби. Ходячие машины. — Син со злостью отхлебнул виски. — Ты с самого начала ненавидел меня за то, что я всегда перечил тебе. Как их, ты меня топтать не мог, это уж точно.

— Потому что ты всегда прятался от любых сложностей.

— А победители делают историю, так? — Син поставил бокал на стойку. — Только, боюсь, многие из «малых сих» с тобой не согласятся.

— Как ты можешь так себя вести после всего, что я для тебя сделал? — В голосе отца послышались умоляющие нотки. — Если не ради меня, то хотя бы...

— Я мог бы быть счастлив, папа!

— Ты опять о Кристине, — казалось, Дариус сам очень расстроен. — Я же говорил тебе — ей были нужны только мои деньги.

Син покивал, а потом повернулся к Додду:

— Понимаете, джентльмены, я вернулся из колледжа с невестой. Папаша все твердил мне, что она недостаточно для меня хороша и гонится только за его деньгами. Он отправил меня в Лондон по какому-то делу, а когда через месяц я вернулся, Кристи расторгла нашу помолвку. И догадайтесь почему? Да потому что мой милый папочка сам ее трахал.

— Я только подтвердил тот факт, что ей были нужны мои деньги.

— Да и продолжал подтверждать это еще в течение трех лет. — Син стукнул себя кулаком по коленке. — Помните, Додд, чем рискуете, если мой отец вдруг скажет, что у вас плохая жена.

— Ты закончил? — рассмеялся Дариус.

— Нет, папа, *мы* закончили. Ты сволочь, сволочью был и сволочью умрешь. Я пришел только забрать мои вещи. Больше мне от тебя ничего не нужно.

— И ничего не получишь. — Дариус повелительно указал на дверь. — У тебя нет больше отца.

— Никогда и не было, — бросил Син.

— Давай, беги, как ты всегда убегал, когда тебя прижимали.

— Я уйду, но не потому, что ты мне приказал. — Син рывком опрокинул в себя виски. — А потому, что я по горло сыт тобой и твоими деньгами, и в любом месте мне будет лучше, чем здесь.

Он стукнул кулаком по ручке кресла.

Черт, надо же было быть таким идиотом. Он разыграл весь этот спектакль как по нотам, а я ему только подыгрывал. Дурак!

Рядом в свободное кресло опустилась Эрика:

— Не возражаете, если я тут посижу немножко? Устала.

Син кивнул:

— Мне как раз не хватало хорошей компании. Вы из Феникса или из Токио?

— Из Феникса, но скорее всего ближайшие две недели пробуду в Токио. После этого рейса у меня отпуск. — Она поправила локон. — А вы в Японию по делу или отдохнуть, мистер Мак-Нил?

— Синклер, с вашего позволения. Честно признаться, даже и не знаю. Строго говоря, по делу, но надеюсь, что и поразвлекаться удастся.

Эрика похлопала его по колену.

— Не сомневаюсь, у вас получится, как вы хотите. — Она побарабанила пальчиками по экрану, вделанному в спинку кресла напротив. — Будете смотреть фильм? Он получил несколько призов на последнем фестивале.

— Я знаю, он считается лучшим со времен Оливье и Гибсона, но в роли Генриха Пятого вместо Маклея Колкина какой-то придурок. Я лучше вздремну.

В голове салона прозвенел звоночек.

— Ну что ж, приятного сна. Я разбужу вас перед посадкой.

Когда самолет начал снижаться в аэропорт Нарита, Эрика тронула Мак-Нила за плечо. Пилот посадил лайнер так мягко, что пассажиры почувствовали лишь слабый толчок, когда колеса коснулись полосы. Син взглянул сквозь забрызганное дождем стекло на серые здания. Да, кошмарное зрелище. Тот, кто еще в 1970 году устро-

ил акцию протеста против открытия аэропорта, был, несомненно, прав. С тех пор бетонная зараза расплзлась по всей Японии. Ни клочка живой земли не осталось.

Син заполнил иммиграционные бумаги и указал, что остановится в «Нью-Палас-отеле». Затем достал из рукава карточку и отдал Эрике вместе с остальными бумагами. Собрав документы, стюардесса повела привилегированных пассажиров в комнату ожидания первого класса. Там она отдала бумаги лысому японцу в темно-синем костюме и, прежде чем вернуться на самолет, подошла к Мак-Нилу.

— Рада была познакомиться, Синклер. Может быть, посчастливится увидеться в Токио?

— Буду очень рад. — Он взял ее за руку, и Эрика, обняв его за плечи, прошептала:

— Я положила ваши бумаги сверху, так что таможенно вы пройдете первым.

Син лишнее мгновение задержал ее в объятиях — в знак того, что оценил эту услугу. Эрика ушла. А он решил посидеть в кресле — и сразу же пожалел об этом решении, потому что рядом плюхнулась в кресло дама преклонных лет с мопсиком. Мопсик был похож на кусок свалявшегося ковра с глазами. Дама не сводила с него восторженных глаз и не переставая бормотала ему что-то нежное; Син мог разобрать только «-еньк», «-ечк», «-очк» и прочие уменьшительные суффиксы.

— Мистер Мак-Нил? — позвал таможенник.

Син встал и подошел к стойке. Таможенник внимательно рассматривал карточку, которую Койот положил в кейс.

— Коннихт-ва? — спросил Син.

Таможенник не удивился, услышав японскую речь.

— А как ваши дела? — спросил он, продолжая изучать документы.

— Анмари.

— Хорошо? Я за вас рад. Должно быть, полет был долгим?

— Хаи.

— Мистер Мак-Нил, вы можете говорить по-английски, я владею им в совершенстве.

Пропустив карточку через считывающее устройство, он бросил взгляд на дисплей, потом нахмурился, вздохнул и забарабанил пальцами по клавиатуре.

— До ситан дайго?

— Все в порядке, мистер Мак-Нил. Мне показалось, что... Но нет, все нормально.

Он шлепнул на документы Мак-Нила последний штамп.

— Ваш багаж без промедления будет отправлен в «Нью-Палас-отель». Счастливого пребывания в Японии.

— Домо аригато, — вежливо ответил Син, забирая карточку.

Он прошел по короткому коридору и оказался в суте международного аэропорта. Сверившись с указателями, Син неторопливо направился к ближайшей станции поезда до Токио.

Этот Койот не так уж и плох. Таможенника явно что-то насторожило, но он промолчал. Что ж, если у Койота есть влияние в Японии, его акции идут на повышение. Он покачал головой. В последний раз Синклер уезжал из Японии абсолютно незаконно, по поддельным документам, и даже когда самолет вылетел из зоны досягаемости «стингеров», Син не сразу поверил, что все позади. С тех пор он оставался персоной нон грата в Стране восходящего солнца.

Втиснувшись в плотную толпу людей, идущих к поезду, окунувшись в их голоса и раскатистую, немного каркающую речь, он еще раз вернулся мыслями в прошлое. После того как отец украл Кристину, Син поехал в Японию и нанялся консультантом по безопасности, что означает — встречал особо важных персон из Соединенных Штатов и провожал их обратно. Впрочем, он быстро выслужился и вскоре стал одним из основных специалистов «Райбоин корпорейшн» в своей области. Он не терпел болтовни, действовал быстро, точно и не боялся применять пистолет, которым владел в совершенстве, — а это в Японии того времени ценилось весьма высоко.

Уголком глаза Син заметил, как от стойки бара отделился толстый японец в черном блейзере и темных оч-

ках. У него был бы довольно забавный вид, если бы, судя по всему, он не собирался перехватить Сина в толпе.

Не нравится мне все это. Толстяк приближался. Син выбрался из толпы и пошел в сторону кухни бара. Служащие кричали ему что-то возмущенное, но он не останавливался и, бормоча направо и налево «семима-зен», добрался до задней двери.

Слишком все просто. Неужели кто-то меня заложил?

Он прикрыл дверь, оставив лишь узкую щелку. Когда с той стороны показалась тень, Син ногой распахнул дверь, бросился вперед и со всей силы ударил японца под дых, а когда тот сложился пополам — сцепленными руками по спине. Толстяк упал на колени, а Син отступил на шаг и стал смотреть, как медленно закрывается дверь. Едва японец начал подниматься, она ударила его сзади, и он опять растянулся на полу. Син улыбнулся и в этот момент услышал сзади аплодисменты. Повернувшись, он увидел в дальнем конце коридора невысокого мужчину.

— Коннихт-ва, Такаги Кацуо-сан.

— Коннихт-ва, Синкару-сан, рад видеть тебя, мой друг. — Молодой японец учтиво поклонился, а потом протянул руку для рукопожатия. — Сколько прошло — три года?

— Хаи. — Син улыбнулся и посмотрел на руку японца. — Я вижу, твой оябун еще не оттяпал тебе пятерню?

Кацуо вздрогнул.

— Дядя Такеши любит меня. Говорит, что я похож на него в молодости. А я смотрю, ты такой же шутник, как был.

Син поежился.

— Шутник — это ты. Кого ты мне подослал? Я ведь мог его убить, сам знаешь, у меня здесь старые счеты.

— А, твой дружок Нагашита! Он, с тех пор как потерял тебя, стал полковником, охраняет императора и от наших дел далеко.

— Перефразируя Джона Поля Джонса, дайте мне еще разок убежать от старины Ямаширо Нагашиты, и я сделаю его самым императором. — Син обнял старого друга за плечи. — Проводи меня до гостиницы. У меня есть две бутылки отличного виски. Одну я, конечно, пода-

рю твоему дяде, зато вторую мы вполне можем распить вдвоем.

— И потом ты расскажешь, почему ты вернулся?

— Придется, Кацуо, так как без тебя мне, боюсь, не справиться с этим делом.

6

Раджани смотрела со стороны на свое спящее тело и понимала, что это ей снится.

Рядом с ней пригrelась змея; Мики свернулся калачиком, а Рекс пристроился так, чтобы мальчику было тепло. Дороти спала между Раджани и Мики, запустив пальцы в черную шевелюру братца. У них в ногах чернели остывшие угольки костра.

Над ними простиралась пелена облаков. Днем, когда они уходили из Эш Форка, небо было чистым и голубым, и ночевка в лесу, который некогда был национальным парком, казалась заманчивым приключением. Однако по мере того как темнело и становилось холоднее, Раджани решила, что это будет не так уж приятно; что касается детей, то их погода, похоже, ни капли не волновала.

Раджани огляделась, и внезапно окружающий пейзаж начал меняться. Облака загорелись зеленым светом, потом сквозь прорывы в них пробились алые полосы. Земля стала багровой, а сосновые иглы зарделись, словно они были стальными и раскалились. Раджани невольно протянула руки к кажущемуся теплу и очень удивилась, когда оно отозвалось жизнью.

Потом деревья окутала розовато-зеленая дымка; кроваво-красная земля словно прогнулась полусферой, а небо опрокинулось на нее колпаком, и соприкоснувшись, они образовали замкнутую сферу, внутри которой оказались Раджани и ее спутники. Там, где полусферы соединялись, закружились небольшие смерчи и пролегла черная полоса.

Что это? Раджани вытянула перед собой руки и, даже не касаясь черной линии, почувствовала сопротивление. *Я в ловушке!*

Листва у нее над головой вскипела; Раджани посмотрела вверх и увидела, что с неба спускается тускло поблескивающий стержень, похожий на копье. По всей длине «копье» ритмично пульсировало. Оно скользнуло по сфере, оставляя за собой большую дыру; Раджани рванулась к отверстию, но копье устремилось ей наперерез и больно ударило по бедру.

Раджани вскрикнула, но тут же сообразила, что спит, и, значит, боль имеет не физическое происхождение. Усилием воли она прорвалась сквозь стену боли и в следующее мгновение обнаружила, что вторглась в дебри мыслей Скрипичника. *Мимо!* — полыхнуло у нее в голове. Паутина пролетела дальше и унесла боль с собой.

Первым порывом ее было бежать прочь, но копье поплыло к Мики и Дороти. Раджани нырнула за ним, словно пловец, бросающийся в волну позади корабля. Она успела ухватить копье, и боль тут же вернулась, но Раджани была к этому готова и блокировала ее усилием воли.

Мимо! В следующее мгновение Раджани узнала, за кем охотится эта штука. *Это не Джеггер-Койот.*

Яростно вращаясь, копье начало подниматься. Раджани разжала пальцы, но продолжала настороженно следить за его передвижениями. А копье поднималось все выше и выше, и когда оно вышло за пределы оболочки, сфера лопнула, словно воздушный шар, пробитый иглой, и Раджани опять оказалась в мире ночной темноты и призрачного сияния звезд.

Оглядевшись, она заметила вдалеке движущиеся огоньки и поняла, что там рыщут такие же поисковые устройства, как то, с которым она столкнулась минуту назад.

Они ищут Джеггера-Койота. Разумно предположить, что он причастен к поражению Скрипичника.

— На этот раз тебе повезло, но ты играешь в опасные игры.

Раджани почувствовала на своем плече сильную руку. Она обернулась и увидела странное кольцо на безымянном пальце. Рука была практически черной.

Они ищут тебя? — спросила она мысленно. — *Кто ты?*

Человек резко развернул ее к себе:

— Что ты делаешь? Ты что с ума сошла?

— Не понимаю.

— Посмотри на себя!

Она посмотрела и поняла, почему в его голосе звучала такая тревога. Ее окружал золотой ореол. Золотые полоски на руках и ногах просвечивали даже сквозь куртку. На мгновение ей почудилось, что каждая звездочка на небе — это душа, которая светится отраженным от нее светом.

Кроме него. Он ничего не излучает.

— Они ищут Койота, но я не собираюсь подставлять себя вместо него.

Раджани выразительно кивнула и спросила, одновременно выстраивая ментальную защиту:

— Кто ты?

И снова человек не ответил.

— Вам нужно поскорее уходить. Тебе удалось увести охотника от детей, потому что те, кто управляет ими, медлительны и тупы. К сожалению, этим ты насторожила других. Возвращайся и защити ребенка.

Кто ты?

Ее ментальный удар был нанесен с такой силой, что человек задрожал. Золотой сгусток энергии вылетел из ее лба и ударил его прямо в грудь. Глаза и ноздри его вспыхнули золотом, и в следующее мгновение он схватился руками за виски. В эту секунду она вытащила из него все, что могла, но кто он и откуда, так и не смогла выяснить.

— У тебя неплохо получается, но ты не умеешь себя контролировать. Лучше взгляни туда! — Он показал на небо. Там по направлению к ним двигались огоньки. Охотники.

— Прости...

— Ерунда. Защити мальчика. Ему грозит большая опасность. А я попробую отвлечь охотников.

Раджани вытянулась в струну, подняла руки и рванулась сквозь темноту вниз, к своему телу. Она достигла его раньше, чем успела даже подумать об этом. Человек наверху превратился в сверкающий сгусток, который сразу же смел двух охотников.

Раджани вошла в свое тело и приказала ему проснуться. Повернувшись на другой бок, она толкнула Дороти:

— Проснись, Дороти. Проснись!

— Что? — Дороти откинула с лица волосы. — Эй, что с тобой?

Раджани почувствовала, как по ноге течет что-то теплое. Там, где ее ужалил охотник, на штанине расплывалось темное пятно, *Я ранена*. Она прижала к ране ладонь, и черная кровь потекла между пальцами.

— Пустяки, Дороти. Разбуди Мики. Мы должны уходить отсюда.

Но Мики уже проснулся.

— Фто? — спросил он, протирая заспанные глаза.

Рекс потянулся, потом сел и начал чесаться. Неожиданно он вздернул голову и зарычал; шерсть у него на загривке поднялась дыбом. Раджани почувствовала в собаке стремление выполнить долг, смешанное со страхом. Рекс повернулся к кустам и громко залаял.

Ему ответил вой дюжины волчьих глоток. Мики потянулся к собаке, но Рекс отскочил и встал между мальчиком и опасностью. В тот же момент Раджани шагнула вперед, а Дороти нырнула в темноту и вернулась с увесистой палкой. Оставшись один, Мики свернулся калачиком и накрыл одеялом голову.

Он такой маленький — но его страх огромен.

Раджани пришлось выставить ментальные щиты: мальчик распространял вокруг оглушающие волны ужаса.

— Тише, Мики, — выдохнула Дороти и взяла палку обеими руками. — Они идут, Раджани!

В кустах на высоте трех футов от земли заплясали красные огоньки. Два отделились от остальных и поплыли вперед и вверх. На поляну вышел волк, на ходу превращаясь в человека.

— Привет! — прорычал он злорадно и посмотрел на Раджани, потом — на Дороти. На Мики его взгляд задержался. И при этом Раджани почувствовала исходящее от него такое сильное удовлетворение, что сама едва не заулыбалась.

Усилием воли преодолев влияние эмоций волка, она крикнула:

— Уходи! Здесь для тебя нет ничего!

— Возможно, ты или она действительно мне не согдятся, но этот малыш — лакомый кусочек. — Он посмотрел на Мики и зарычал так, что мальчик вздрогнул. — О да!

Волна страха едва не сшибла Раджани с ног, но волку доставила немалое удовольствие. Раджани почувствовала во рту вкус крови и поняла, что волк желает этот страх так же, как Энди желал ее тело.

— Если ты посмеешь тронуть его... — начала она. За спиной волка выстроились в линию койоты и одичавшие псы. Громадная овчарка оскалилась на Рекса. Волк рычанием отогнал ее, и Раджани успела почувствовать: собаке не нравится вожак. Но вся стая неодобрительно зарычала и овчарка отошла, подгоняемая волной ярости от человека-волка.

Потом он повернулся и уставился на Раджани излучающим взглядом. Он понюхал воздух, но вокруг девушки висела пелена дыма, и он отбивал все запахи.

— Интересно... Никогда не видел такой добычи. Но сейчас мне нужна не ты. — Он показал на Мики когтистым пальцем. — Мне нужен он!

Мики зарылся головой в одеяло, и его страх пронзил Раджани насквозь. У волка блеснули глаза почти в экстатическом наслаждении, и он тихонько взвыл от удовольствия. По стае пробежала волна беспокойства. Овчарка снова вышла вперед и встала перед вожаком.

Он еще не до конца подчинил их себе. Опустившись на колени, Раджани подняла с земли змею. Волк посмотрел на змею, а потом встретился взглядом с Раджани. *Я не отдам тебе мальчика.*

У тебя не останется выбора, чужеземка.

— Дороти, кричи!

До сих пор девочка старалась не показывать виду, что боится, но сейчас она выплеснула весь свой страх в одном-единственном крике, и этот крик вверх Мики в еще более глубокую пучину ужаса. Волк облизнулся и полностью открыл свое сознание, чтобы насладиться страхом людей.

Шквал эмоций едва не сбил Раджани с ног, но она справилась с собой, и вместо того чтобы сдерживать в

себе собственный страх, она присоединила его к страху детей и направила на волка. Она почувствовала, как в кровь вливается адреналин, давая ей дополнительные силы для трансформации физической энергии в ментальную силу. Из собственного страха и страха детей она отлила страшное оружие.

Волк грелся в лучах человеческого ужаса, как цветок на солнце. Раджани удержала в себе накопленную энергию и сконцентрировала ее, как световой луч концентрируется в лазере. Стиснув зубы и сжав кулаки, она собрала ее всю до капли, скопила в себе и, лишь когда у нее не осталось сил удерживать ее больше, бросила страх на волка.

Он был открыт и не успел защититься. Как и у того странного человека, у него вспыхнули золотом ноздри и уши. Казалось, сгусток энергии, вылетевший из сжатых рук Раджани, пронзил зверя насквозь. Страх выступил у него на коже, как пот, полился изо рта, как блевотина.

Его сердце заколотилось, он заметался; его охватил ужас, которого он никогда не испытывал в жизни. Он старался не выдать страха, овладеть им, но только зря тратил силы. Пытаясь обрести себя, он метался, как от боли, но лишь разносил свой страх по всей поляне.

Почуяв, что вожак ослаб, стая бросилась на него и повалила. Юркий питбуль вцепился ему в живот, доберман ухватил за горло, терьер впился зубами в заднюю ногу. Когда волк упал, овчарка тоже бросилась к нему, но сбоку подскочил Рекс, сбил ее с ног, и они, рыча, покатились по земле.

— Быстрее! — Раджани указала на ближайшие кусты.

— Экс! — закричал Мики, вскакивая на ноги.

— Рекс найдет нас, Мики. Беги!

Доротти схватила его за руку и побежала сквозь заросли.

Раджани задержалась на мгновение, глядя на дерущихся псов, а потом рванулась следом. Правая нога болела, но слушалась. Догнав детей, она побежала впереди, указывая дорогу: из них троих только она могла видеть в темноте.

Доротти остановилась и тяжело привалилась к дереву:

— Погоди. Дай отдышаться. — Она с трудом перевела дух. — Это был вервольф?

— Какой еще вервольф?

— Ну, человек-волк, оборотень. Подружка моего отца рассказывала нам всякие истории.

— Итории! — подхватил Мики.

— Да, плохие истории. Это был он?

— Не знаю.

Вервольфы? Их не существует — по крайней мере не существовало, когда меня погружали в стасис. Неужели мои родители ошибались или доктор Чандра что-то не рассчитал? Неужели на Земле все настолько изменилось?

Кусты зашуршали. Раджани обернулась. Мики улыбнулся:

— Ээкс!

— Ко мне, Рекс! — обрадовалась Дороти.

Мики захлопал в ладоши. Раджани тоже заулыбалась, глядя, как собака быстро бежит к ним.

— Да, похоже, что это Рекс.

Она послала псу мысленное приветствие, но не почувствовала ответа. Присмотревшись, она увидела, что пес подволакивает заднюю ногу. Рекс подбежал ближе и вдруг превратился в вервольфа.

— Почти удался... твой трюк. — Он прижал ладонь к животу, и Раджани заметила, что у него на руке не хватает нескольких пальцев. — Но я убил всех. И даже вашего Рекса. — Он тяжело сглотнул и посмотрел на Раджани: — Отдай мне парня. Пожалуйста.

— Нет. Убирайся.

Вервольф болезненно улыбнулся.

— Я попросил. Теперь я требую. Он нужен мне, отдай мне его!

— Нет. — Раджани заслонила собой Мики. — Я не позволю тебе его взять.

Ты не в состоянии со мной справиться. — Вервольф оскалил зубы в волчьей ухмылке. — Мы должны владеть над этими жалкими созданиями. Если для этого мне понадобится убить тебя, я это сделаю.

Твой лай меня не пугает.

Тогда попробуй вот этого!

Он посмотрел на нее, и снова их глаза встретились. Раджани сделала попытку вновь обрушить на него страх, но он послал ей навстречу свои эмоции, и его жаркие, жестокие звериные инстинкты сломили ее усилия. Она увидела внутренним взором, как он бежит во главе стаи по разоренным городам, почувствовала удовольствие от того, что его лапы утопают в крови, испытала страх его жертв — страх, когда понимаешь, что твое сердце бьется все слабее, но боишься, что оно остановится недостаточ-но быстро, чтобы ты не страдал.

Она тряхнула головой, и волосы упали ей на лицо. Раджани попыталась вновь воздвигнуть ментальный щит, но кровавые фантазии волка сокрушили его. И перед глазами у нее снова поплыли горы трупов и лужи крови, а в ушах зазвенели крики, наполняя ее ужасом и отчаянием. Сквозь алую завесу она смутно увидела, что волк направился к Мики.

Тебе конец! Я непобедим.

Внезапно он резко дернулся всем телом и замер. Раджани показалось, что с неба что-то упало. Раздался отвратительный чавкающий звук.

Сосредоточься. Сфокусируй зрение, — мысленно приказала она себе, стиснув зубы. — Ты должна видеть, что происходит.

Перед глазами у нее прояснилось, и она увидела. Отливая серебром, из спины вервольфа торчало копьё охотника. Оно пронзило его почти насквозь. Помедлив немного, копьё, вращаясь вокруг продольной оси, двинулось в обратном направлении. Оно исчезло в небе, и Раджани услышала смех. Он доносился, казалось, отовсюду.

Обожаю такие милые совпадения. На плечо Раджани снова легла призрачная рука. *Сбереги мальчишку.*

Мир на мгновение качнулся, и Раджани обнаружила, что стоит над мертвым вервольфом. Мики посмотрел него, потом — на нее и помахал ручкой.

— Да, Мики, он ушел навсегда. — Дороти обняла брата и посмотрела на Раджани: — Что случилось? Он устался на тебя и ты перестала шевелиться, а потом у него из живота пошла кровь...

— Бестящая тучка! — сказал Мики, показывая на труп. — Бестящая тучка.

— Что? Какая еще блестящая штучка, Мики? — Дороти растерялась. — О чем это он?

Раджани покачала головой.

— Не знаю. Должно быть, ему померещилось что-то. Этого вервольфа, наверное, изранили псы, и то, что он побежал за нами, его доконало. — Дороти недоверчиво насупилась. И Раджани быстро добавила: — Я видала такое в Затмении.

Дороти покачала головой.

— Может, и так, не знаю.

— Это не важно, Дороти. Главное, что теперь нам ничто не угрожает. Завтра или через день мы будем во Флагстаффе, и вы вернетесь к отцу. *И когда вы будете в безопасности, я смогу отправиться в Феникс и разыскать этого Джеггера-Койота.*

7

Тустые волосы на груди у Койота вымокли от пота. Сделав сотое приседание, он выпрямился и взглянул на монаха:

— Доброе утро, лама Монг.

Мгновение Монг смотрел на него, потом кивнул и улыбнулся:

— Рад, что ты уже отдохнул после поездки. Ты спал очень долго и очень крепко.

Койот вытер простыней пот со лба и груди.

— Должен признаться, что тут виноваты не только утомительные перелеты. Последний месяц был для меня довольно тяжелым. Я не понимал этого до тех пор, пока не оказался здесь. Словно бы я все это время был на привязи и неумоимо старался освободиться. Здесь я перестал это чувствовать, и усталость сразу меня одолела.

Монах показал на куртку, черную, как и брюки, которые Койот уже успел надеть.

— Одевайся. Я покажу тебе монастырь. У тебя впереди трудная учеба.

Сначала шелк казался холодным, но быстро нагрелся.

— Сколько времени займет у меня обучение всему, что мне нужно знать?

Монах повел Койота в полумрак коридора.

— Это мне неизвестно. Темные Властелины не говорят нам, чему и как они учат.

— Я тем более не имею об этом сведений.

— Осознанных сведений, ты имеешь в виду, — уточнил Монг. — Мы посмотрим, что ты умеешь, и в зависимости от этого назначим тебе обучение.

Древность монастыря произвела на Койота сильное впечатление — особенно если учесть, что его знания о собственном прошлом исчерпывались событиями последнего месяца. Ознакомившись с файлами своей биографии, которые дала ему Джитт, он не нашел в них ничего достойного внимания — одни слухи и преувеличения. Отнестись к этому серьезно было довольно трудно.

Он коснулся пальцами каменной стены. *Это место станет для меня коконом.* Вспомнив, как Скрипичник называл его своей «забавой» и обращался с ним, как с недочеловеком, Койот укрепился в решимости покончить со своим бывшим господином. *Я завершу свое превращение и стану сам себе хозяин. Я поверну умение, которое он мне дал, против него самого.*

Лама остановился возле каких-то дверей и пропустил Койота вперед:

— Здесь наш арсенал и зал для тренировок.

Койот медленно спустился по широким ступенькам. Крышу зала поддерживали большие колонны; судя по всему, он размещался непосредственно под храмом. Пол покрывали маты, истоптанные тысячами ног; под потолком висели масляные светильники.

В зале тренировались двадцать рапьюнгов в коричневых одеждах. Они синхронно наступали, наносили удары и ставили блоки, подчиняясь командам наставника. Многие улыбались, словно это была увлекательная игра, но некоторые выглядели спокойными и отрешенными, ведя этот бой с тенью.

Монг спустился вслед за Койотом.

— Понять самого себя и осознать уязвимость своего физического тела очень важно в наших занятиях. Для большинства людей представление о своем «я» прежде

всего связано с мыслью. Но лишь в той точке, где сознательное объединение тела и разума сменяется союзом материи и духа, в котором мысль исчезает, начинается путь к просветлению.

Койот кивнул и показал на стену, увешанную оружием:

— А умение владеть вот этим помогает осознать мимолетность жизни?

— Да. И многое говорит о человеческой природе. Ведь первыми инструментами человека были палки и камни. От них берут начало все виды современного оружия. По мере того как человек совершенствовал свои инструменты, мир усложнялся. Человек — это прежде всего изобретатель и производитель инструментов; понять это — значит понять сущность человеческого рода.

Койот снял со стены какое-то оружие. Лезвие шло перпендикулярно древку, как у топора, только было узким и слегка изогнутым. Там, где лезвие соединялось с древком, болталась цепь длиной около фута; на конце цепи было металлическое грузило. Койот взял древко в левую руку, а правой поднял цепь и начал ее вращать.

— Кузари-гама, японское оружие. Ниндзя его обожают. С помощью такой штуки Ядама Шинрикан многих самураев отправил на тот свет, прежде чем Араки Матамон не прикончил его самого в бамбуковой роще.

— Верно. А что, если вместо цепи приделать палку, а вместо грузила — камень?

Койот кивнул, но потом на мгновение задумался.

— И все же довольно сложно объяснить происхождение всех инструментов от палки и камня. Как насчет радио и машин, например?

Монах улыбнулся:

— Это немного сложнее. Но надо принять во внимание, что человек на протяжении всей своей истории боролся с природой и обстоятельствами, которые угрожали его погубить. Палки и камни помогали ему обратить силу разума в силу физическую. Стуча двумя палками друг о друга, он мог предупредить остальных членов племени об опасности или о приближении возможной добычи. Они спешили к нему, и сила его возрастала многократно. Конечно, радио не то же самое, что стук палок,

слышимый на большом расстоянии, но отправная точка одна и та же.

— Да, человек — это создатель инструментов. И с помощью их он умудряется выжить, — согласился Койот, убыстряя вращение цепи. Раскрутив ее как следует, он ударил грузилом по ближайшей колонне и, когда оно отскочило, поймал его в ладонь.

— Я знаком с этим оружием.

— Я вижу, — кивнул Монг. — А что ты скажешь об остальных, Куй-кан?

— Об остальных? — Койот повесил кузари-гама на место. — Копья, асегай, яри, нагината, пилум, — начал перечислять он. — Мечи: клеймор, рапира, дайто, катана, вакизаши, симитар, двуручный меч; я вижу здесь даже обсидиановую булаву древних ацтеков.

Осматривая оружие, Койот поймал себя на том, что почти чувствует каждое в своих руках, знает все тонкости атаки ими, а также тысячу способов защиты от них. *Если я был забавой Скрипичника, то явно забавой военного назначения. Я знаю об этих штуках гораздо больше, чем нужно простому убийце.*

— Мне известны все эти виды оружия, лама. Эти и еще много других, — сказал он вслух. — Похоже, основная часть вашей работы уже сделана.

— Возможно, Куй-кан, возможно. — Монах направился обратно к лестнице. — Скрипичник неплохо тебя сконструировал.

— Вы имеете в виду — «вышколил»?

— Нет, я имею в виду именно «skonструировал».

— Что? — Койот на мгновение сбился с шага. — Skonstrуировал?

Монах кивнул и повел его по коридору, в конце которого мерцал солнечный свет.

— В семидесятых—восьмидесятых годах прошлого века многие женщины утверждали, что их похитили и заставили зачать детей. Они говорили, что это, наверное, инопланетяне или какие-нибудь сатанисты, которым нужны человеческие гибриды или младенцы для жертвоприношений. Тогда этому не уделили внимания; скептики заявили, что это всего лишь самовнушение, которое вообще свойственно женщинам в период беременности.

Никакие доказательства найдены не были, а кроме того, все жертвы похищений имели либо психические отклонения, либо плохую наследственность. В то время никто не мог поверить, что инопланетяне настолько глупы, что отбирают именно их для воспроизведения потомства.

— Зачем кому-то понадобилось придумывать такие ужасные истории? — Койот нахмурился. — Вы хотите сказать, что со мной произошло то же самое?

— Маскировка, Куй-кан. — Они вышли в небольшой дворик, залитый солнцем. — На самом деле женщин похищали не для того, чтобы зачать ребенка, а для того, чтобы его выносить. Их использовали в качестве инкубаторов. Кроме женщин были и мужчины, у которых брали сперму, — но они об этом молчали, потому что им все равно бы никто не поверил.

— Так вы знаете, кто мои родители?

Монах покачал головой:

— Нет, не знаю, но, очевидно, это были люди, обладающие превосходным здоровьем, высоким интеллектом и творческими способностями.

— Что ж. — Койот помедлил. — Я действительно физически хорошо развит; а что касается творческих способностей — наверное, это как-то связано с эмпатией?

— Вероятно. — Монах подошел к другой лестнице и, положив руку на гриву каменного льва, стал подниматься по ступенькам. — Твои тренировки сделали тебя физически сильным. А творческие способности развивались иными путями. Без сомнения, твой хозяин хотел бы научить тебя тому, чему можем учить мы, но ты свои умения получил от него в дар, а не заработал их. Поэтому они тебе не принадлежат.

— Значит, у нас с ним до сих пор существует некоторая связь? *Игрушка и Хозяин.*

— Да. — Монг поднялся на площадку и показал на раскрытые бронзовые двери.

— Это лаканг, главное помещение в монастыре. Здесь обитает Будда. Лаканг используется для молитв и медитаций. Ты живешь в дукханге, как и остальные монахи. Под лакангом находится гонкханг, где находится страж

монастыря, Йидам. Это священное место, и я просил бы тебя туда не входить.

— Как скажете, лама, — согласился Койот и вошел внутрь лаканга. На алтаре между двумя золотыми чашами возвышалась статуя сидящего Будды. В одной чаше был рис, в другой — цветы. Рядом с Буддой Койот увидел статуэтки поменьше, изображающие бодхисатв, святых и достойных монахов прошлого. Стены были расписаны фресками. На полу, скрестив ноги, сидели монахи и монотонно читали мантры.

— Кроули сказал, что вы будете учить меня саниате и оуму. Именно в таком порядке, хотя, по его словам, обычно вы учите в обратной последовательности. — Он скрестил руки на груди. — Я видел, на что способен Кроули, — например, уходя отсюда, он пропутешествовал между двумя мирами. Но, полагаю, это умение не входит в число тех, которым вы обычно учите своих послушников?

— Это лишь частность, — ответил Монг и повернулся к окну, выходящему во двор. — Сюда приходят, чтобы понять целое. А того, кого интересует дерево, способность перепрыгивать с ветки на ветку не особенно занимает.

— И все же она может оказаться полезной.

Монг вздернул бровь:

— Полезной?

— Я имел в виду — «в обыденной жизни». — Койот натянуто улыбнулся. — Вот у вас здесь, по моим подсчетам, человек пятьсот, однако вы не возделываете поля, вам никто не доставляет провизию, и все же вчера, когда я проснулся, мне дали какой-то совершенно неизвестный фрукт, похожий на апельсин.

Монах пожал плечами:

— Ты и Ми-ма-йин обращаете внимание лишь на части целого.

— Но вы посылаете гетсулов и телонгов в другие реальности?

— Реальность одна, а то что мы получаем провизию из других измерений — это счастливый дар. — Лама сунул руки в рукава своего одеяния. — Пожалуй, преж-

де чем ты приступишь к занятиям, тебе стоит увидеть еще кое-что. Иди за мной.

Монг вышел из лаканга и, обогнув его, повел Койота к стене.

— Ты вошел через западные ворота, но выйдешь через восточные.

Восточные ворота были такими же, как и все остальные. Только элементы резьбы на них были переставлены так, что создавалось давящее, зловещее впечатление. На стене, как и возле прочих трех ворот, сидели двадцать семь монахов, погруженных в медитацию, но Койот заметил, что они вооружены. Некоторые были одеты в традиционные доспехи тибетских воинов, и кроме копий и мечей у них ничего не было — зато у других на груди висели автоматы АКМ, а у одного даже торчал из-за спины ручной гранатомет.

Как и остальные, эти ворота, казалось, уходили прямо в гору, но на мгновение Койоту померещилось, будто он видит створки. Впрочем, видение было размытым и сразу исчезло.

Напротив ворот на стене лаканга был изображен огромный чернокожий великан, протягивающий руки к воротам. Его глаза были налиты кровью, а в обеих руках он держал по молнии. Вокруг шеи — ожерелье из черепов, причем многие из них были явно не человеческими.

Койот посмотрел на изображение, потом — на ворота, потом — снова на изображение.

— У меня такое чувство, что я чего-то не понимаю.

— Это Йидам. Его имя — Виджрабхайрава, он защищает нас от созданий зла. Монахи, охраняющие ворота, все время произносят его имя, чтобы монастырь был в безопасности. — Он кивнул на восточные ворота. — Это единственный путь, которым ты можешь выйти отсюда. Если ты это сделаешь, значит, ты овладел тем мастерством, ради которого пришел к нам.

— А если у меня не получится?

Монах помрачнел:

— Молись, чтобы получилось. Перерождение — участь, которую я не пожелаю даже самому злейшему Темному Властелину.

Положив клюшку на плечо, Синклер Мак-Нил ждал, пока зеленое поле превратится в площадку для гольфа с семнадцатью лунками. Надувной ковер разгладился, и в дальнем его конце появилась лунка; слуга поставил возле нее флажок с номером.

Такеши Такаги натянул перчатку:

— Я выбрал поле как на соревнованиях в Скоттсдейле в честь твоего визита, Синклер.

— Я почтен, оябун.

Син присел на корточки, глядя, как его кадди ставит мячик на горку. *Ты, старый лис, знаешь, что я проиграл эту лунку на играх в Билдморе три месяца назад.* Ковер был на редкость ровным и, казалось, можно бить в полную силу, но Син по опыту знал, что таким образом скорее выбьешь мячик за пределы поля.

Другие два кадди — тоже якудза — поставили на горки мячи Кацуо и Такаги. Кацуо ударил небрежно, и мяч остановился в пяти футах от старта. Такаги, седой оябун Ямагучи-гуми, тщательно прицелился, и его мячик замер в пятнадцати футах от конечной лунки. Правда, он попал на сторону Сина, но Такаги надо было всего лишь выбить его оттуда, и он оказывался почти у цели.

Син на мгновение прикрыл глаза. Поле, которое выбрал Такаги, было одним из самых трудных. К тому же он играл с двумя самыми влиятельными людьми в преступном мире Японии. И хотя это была всего лишь дружеская встреча, Син чувствовал себя в таком же напряжении, как на соревновании в Билдморе. И даже, пожалуй, сейчас ему было труднее.

Эти люди могут запросто меня прикончить прямо здесь, и никто не узнает. Пришла пора постараться.

Син выпрямился и протянул короткую клюшку своему кадди. Якудза непонимающе взглянул на него и повернулся к Такаги:

— Дай ему длинную клюшку, пусть попробует.

— А вы... — Якудза многозначительно посмотрел на своего босса.

— Это зависит от результата.

Вот как? Син встал поудобнее и осторожно махнул клюшкой. Мячик остановился у носка его левого ботинка. *Легче... легче... Сосредоточься. Осторожнее.* Он отвел клюшку, прицелился и ударил.

Мячик заметался по полю, как бильярдный шар по столу, завертелся на краю лунки и остановился в футе от конечной цели.

— Неплохой удар, Синклер. — Такаги вышел на позицию для удара и жестом велел кадди принести клюшку для левой руки. Сменив клюшку, он на мгновение замер, прицеливаясь, а потом легким ударом отправил мяч в лунку.

— С левой руки? Впечатляет.

Мяч покатился по полю. Казалось, что он вот-вот вылетит за пределы, но Такаги рассчитал точно. Он придал мячу как раз нужную скорость, чтобы взлететь на край, задержаться там на мгновение и, скатившись обратно, повторить траекторию мяча Кацуо, заканчивающуюся прямо в лунке.

Синклер восхищенно захлопал в ладоши. Такаги молча кивнул, и на поле вышел Кацуо. Он сильным ударом послал мяч к лунке, но все же немного не рассчитал, и мяч замер на самой кромке. Секунд десять Кацуо ждал, не свалится ли мяч сам, потом подошел и подтолкнул его клюшкой.

— Пар.

Син подошел к своему мячу и взял у кадди клюшку. *Если я загоню мяч, то выиграю. Промажусь — побеждает оябун.* Он посмотрел на Такаги. Такаги посмотрел на него. Син примерился и для пробы махнул клюшкой над мячом. *Один фут. Спокойнее.*

Он ударил, и мяч легко покатился прямо в последнюю лунку.

— Отлично, Синклер. — Такаги отдал клюшку своему кадди и жестом предложил Сину подняться по винтовой лестнице, ведущей в «Сим кантри клуб». Кацуо тоже отдал клюшку кадди, скинул туфли, бросил их на мат рядом с полем и пошел за оябуном. Было довольно странно после сугубо английского поля для гольфа оказаться в японской комнате с циновками и седзи. Таке-

ши использовал этот домик в качестве загородного отделения клуба.

Оябун опустился на белый кожаный диван и взглядом показал Сину на такое же кресло напротив.

— Я уже давно не знал поражения, Син. Мои партнеры не так хороши, как твои.

Конечно, когда у них не хватает мизинцев.

— Благодарю, Такеши-сан. В отличие от твоих людей, у меня работа не столь обременительна и позволяет время от времени практиковаться в игре. — Син сел и сразу почувствовал, будто кресло превращается в громадную жабу, которая хочет его проглотить.

Кацуо сел в кресло справа от Сина.

— А теперь, на новой работе, у тебя будет еще больше свободного времени, а?

— Это зависит, мой друг, от многих вещей.

Син взял с подноса, который принес дворецкий, бокал с янтарной жидкостью. Телохранители Такаги тоже взяли по бокалу, с разрешения хозяина. Оябун чуть наклонился вперед, кивнул Сину и отпил глоток виски.

— Благодарю за игру.

— До итасимаситэ, Такеши-сан.

Держа бокал в ладонях, Такеши оперся локтями на колени.

— Племянник сказал мне, что ты больше не работаешь на компанию твоего отца. Еще он говорит, что для успеха в твоей новой работе требуется наша помощь. Я хотел встретиться с тобой как можно скорее, но меня задержали дела в Гонконге. Прошу тебя не принимать мое опоздание за пренебрежение нашей дружбой.

— У меня и в мыслях этого не было, оябун. Я знаю, что вы занятой человек. — Син отхлебнул виски и почувствовал, как начинает спадать внутреннее напряжение. — Приглашение сыграть в гольф здесь, в вашем доме, явилось для меня весьма приятным сюрпризом.

— Это самое меньшее, чем я могу отплатить тебе за то, что ты помог Кацуо, когда он был в Фениксе, и выразить восхищение тем, что ты имел смелость вернуться на наш остров. — Глаза Такаги на мгновение вспыхнули. — Твой новый наниматель, должно быть, влиятельный человек.

От Сина не ускользнула нотка любопытства в его голосе. *Ищешь информации, старый лис, или подтверждаешь тому, что уже знаешь?*

— Я работаю на него всего лишь неделю, но, судя по всему, у него действительно хорошие связи. Впрочем, есть вещи, в которых даже он не разбирается; и ему нужен помощник. Он лично отправил меня в Японию, будучи отлично осведомлен и о моих трудностях в прошлом, и о моих союзниках здесь.

Такеши откинулся на диване.

— Я не забыл, как три года назад ты взял вину нашего синдиката на себя. Я знаю, что из-за твоего раннего возвращения в Америку у тебя возникли разногласия с отцом. Так что мой долг перед тобой велик, и поэтому — говори. Я помогу.

— Мне нужна информация об одном учебном заведении, довольно странном и сугубо частном. Одно из тех, на которые никто, как правило, не обращает внимания, но коммивояжеры сказали бы, что оно необычно. У вас много ушей в Японии, пусть они ловят любые намеки, но, если заведение, о котором я говорю, существует, вашим людям лучше не проявлять излишнего любопытства. Не хотелось бы насторожить тех, за кем я охочусь. — Он отпил из бокала и продолжал: — Где-то в Японии есть некий институт, или, скорее, тренировочный центр. Его ресурсы практически неисчерпаемы и даже за границей его влияние очень заметно. На первый взгляд оно должно казаться даже излишне обыкновенным. Его руководители не будут светиться, но и прятаться тоже не станут.

Кацуо улыбнулся:

— Допустим, склад, который похож на любой другой и работает, как любой другой, но не приносит ни прибыли, ни зарегистрированных убытков.

— Именно так. Там скорее всего есть рабочие, которые двигают ящики туда-сюда, но ни у одного исполнительного чиновника никогда не было причины там побывать. Или это может быть какой-то колледж, в котором есть базовый и расширенный курсы, но он никогда не набирает учеников из домов по соседству. Он может финансировать бейсбольную команду, и у нее будут победы

и призы, но она ни разу не будет участвовать в престижных соревнованиях.

Такеши кивнул.

— Как письмо в рассказе у По, они прячутся на видном месте.

— Хаи! — Син поставил бокал на ручку кресла и наклонился вперед. — Но есть вещи, которые невозможно скрыть. Например, в тире они могут убираться так тщательно, что ни пуль, ни кусочков мишеней не остается. С другой стороны, прачки, которые им стирают, вполне могут почувствовать запах пороха на рубашках. Разносчик может заметить, что на коробке, которая приходит в эту школу, не проставлен обратный адрес или что фирмы, имеющие с ними дело, чересчур часто меняют профиль производства.

Такаги поскреб подбородок.

— Итак, тебе нужна информация о некоем заведении, которое абсолютно ничем не примечательно, и ты хочешь, чтобы, собирая ее, мои люди тоже держались в тени. Одним словом, надо найти такие фирмы, о которых, по сути, никто ничего не может сказать.

— Да, абсолютно верно. Именно поэтому мне нужна ваша помощь. — Син тяжело вздохнул. — Есть еще один момент, за который вы можете зацепиться: эта фирма скорее всего использует большое количество иностранцев в качестве клиентов или служащих, проживающих при ней. Один из таких людей исчез шесть недель назад и до сих пор не появился. Кроме того, эта фирма связана с оружием. Причем, вероятно, высокой мощности. Разумеется, этим оружием надо учить владеть, поэтому обратите внимание на слухи о том, что где-то была стрельба или перестрелки. Оружие и снаряжение, конечно, ввозятся и вывозятся скрытно, поэтому наличие частных самолетов и кораблей — тоже примечательный фактор. Безусловно, для осуществления своей деятельности этим людям нужна власть, поэтому они должны иметь прикрытие в высших кругах. И наконец, им требуется быстрая и качественная связь. Я уверен, у них есть собственный спутник для этой цели.

Дядя и племянник обменялись многозначительным взглядом, и Син это заметил.

— Что? — быстро спросил он.

Кацуо пожал плечами:

— Существует единственное место, где можно, не привлекая к себе внимания, заниматься тем, о чем ты говоришь. К сожалению, это еще и единственное место в Токио, где наше влияние не имеет большой силы. Кимпунсима.

— Резервация! Об этом я подумал. *Остров, где отмывают денежки*. Да, это может облегчить задачу — или сделать ее неразрешимой.

Когда в 80–90-х годах в Японии в результате столкновения культур обострились отношения между коренными жителями и подданными других государств, как грибы после дождя начали возникать организации националистического толка, и они заставили правительство принять закон о создании изолированных зон обитания для постоянно проживающих в Японии иностранцев. Предполагалось, что при таком порядке вещей с иностранцами будут вести дела только те японцы, которые сами этого захотят, и влияние на национальную культуру будет сведено к минимуму.

Кимпунсима была самой крупной из таких «колоний». Ее построили в 80-х годах в виде искусственного острова в токийской гавани. В середине девяностых ее снес тайфун; власти восстановили Кимпунсиму, и она постепенно расширилась настолько, что начали говорить, мол, в цепи Японских островов появляется еще один.

Син с большим удовольствием прожил там первые два года, потому что он мог выйти из американского сектора и, сев на трамвай, через несколько минут очутиться во Франции или в Италии; однако вскоре он понял, что не может обеспечивать безопасность японским боссам, если не будет жить с ними бок о бок. С помощью Ямагучи-гуми ему с большим трудом удалось получить вид на жительство.

— Если возможно, проверьте, нет ли других подходящих мест для подобного центра, кроме Кимпунсимы.

Такеши кивнул:

— Мы это сделаем Синклер. Мы проведем поиски методично и тщательно. — Он допил виски и поставил бокал на столик. — Я думаю, нам стоит встречаться раз

в неделю в моем загородном клубе, то есть здесь, и за гольфом обсуждать новые обстоятельства.

Поднимаясь на лифте в свой номер, Синклер качал головой и прищмокивал языком, вспоминая, как ловко Такаги заставил его каждую неделю играть в гольф. *В конце концов он побьет меня, это уж точно. Он будет выбирать самые трудные маршруты, чтобы мы оба выкладывались на полную катушку. Что ж, это интересно.*

Син вошел в номер и включил свет. Большая гостиная была обставлена в европейском стиле, но все покрывала были расшиты на японский манер. Мак-Нила раздражало это смешение стилей, однако выбирать не приходилось.

Национализм проник не только в социальную сферу Японии, но и в экономическую. При императоре Акихито Япония словно вернулась во времена сегуната — только теперь сегун жаждал не только военной, но и политической мощи и мечтал править всем миром, а не только Японией.

В 1800 году Япония решила отложить ружья и вернуться к благословенным дням самураев, когда она была страной, полностью изолированной от внешнего мира. Это было большой ошибкой, которая, в определенной степени, послужила причиной поражения Японии во Второй мировой войне. И когда страна начала возрождаться, это возрождение шло по западному образцу; даже традиционалисты выступали против замкнутости японского общества и высасывали из остального мира все, чего не имели сами, хотя стремились при этом сохранить то, что составляло сущность Японии.

Такая ситуация ставила того, кто был сегуном, в парадоксальное и двусмысленное положение. С одной стороны, ему надо было поддерживать императора, который олицетворял собой дух Японии, с другой — стараться не встать поперек дороги промышленникам, которым традиции только мешали. Промышленникам, в свою очередь, приходилось сквозь пальцы смотреть на деятельность Якудзы, поскольку якудза, несмотря на то, что поголовно были националистами, очень ловко умудрялись держать в узде нижние слои населения. При этом,

разумеется, нельзя было отказываться от торговых и деловых контактов с Западом, но одновременно было необходимо избегать влияния его культуры. Одним словом, это было бесконечное хождение по лезвию ножа. Как говорят на Востоке, между крокодилом и львом.

Опасно, да, но зрелище, наверное, увлекательное.

Улыбнувшись, Син нажал на красную кнопку рядом с личным лифтом и получил два сообщения, присланных по факсу. Одно было от Эрики, которая приглашала его на вечеринку в Кимпунсиму, а второе — от Лилит Акрес, где говорилось о том, что она задержится в Америке еще на неделю.

Второе сообщение Син сразу же отправил в утилизатор бумаг, а записку от Эрики перечитал и улыбнулся:

Отлично, Эрика. Я думаю, мне стоит принять предложение. Лучшего повода побывать в Кимпунсиме у меня не будет. Такого даже Койот не смог бы организовать.

9

По пути из Невады во Флагстафф Раджани предполагала, что найти отца детей будет делом несложным. В начале восьмидесятых, когда ее погружали в стазис, она прекрасно знала, что нужно делать, чтобы вернуть детей родителям. Но за эти десятилетия все изменилось, и в этом мире Раджани чувствовала себя беспомощной.

Сначала она была против того, чтобы возвращать детей человеку, который хотел их продать, — но и Дороти и Мики с такой любовью о нем отзывались, что Раджани совсем растерялась. Дороти очень неохотно вступала в разговоры об отце; Раджани считала, что она обижена тем, что ее превратили в товар, но ее больше угнетала разлука, чем то, что отец, по существу, предал их. Дороти объясняла его поступок тем, что жилось ему нелегко, не говоря уже о том, что как раз в то время, когда была годовщина смерти жены, его новую подружку зверски убил ее напарник: он толкнул ее в бетономешалку.

Но, понимая, что выбора у нее нет и детей придется вернуть, Раджани подумала, что проще всего будет сдать их в полицию Флагстаффа. До погружения в стасис она видела по телевизору, как полиция радостно усаживает детей в черно-белые автомобили и отвозит прямехонько к родителям. Но когда Раджани предложила Дороти такой вариант, та насмешливо фыркнула:

— В Аризоне люди живут ужасно, и на такие мелочи всем наплевать. В румынских детских домах, чтобы дети все доедали, их пугают тем, что если они оставят еду на тарелке, то налетят голодные ребята из Аризоны и живо все уплетут.

В первое мгновение Раджани поразились такому циничному заявлению из уст маленькой девочки, но потом вспомнила все, что с ними уже успело произойти, и подумала, что на этот раз пострадавшие действительно помощи не дождутся, а только навлекут на себя подозрение властей. Несмотря на те сведения о полиции, которые она почерпнула из телесериалов «Кегни и Лейси» и «Барни Миллер», она решила не торопиться и применить запасной вариант. К сожалению, «Кувалда», Нэш Бриджес и рэйнджер Уокер не оставили номера своих телефонов в телефонных справочниках Аризоны, а местная газета не печатала объявлений о розыске родственников.

Впрочем, когда Раджани поняла, что эта проблема остается целиком на ее совести, она не особенно огорчилась. Ей нужно было потренироваться, чтобы научиться ориентироваться в этом мире, который стал для нее незнакомым. *Если я не смогу найти их отца, то как же я могу надеяться найти Койота и победить Скрипичника?*

Решив пробраться во Флагстафф и признав, что даже «Команде А» это сделать было бы нелегко, она начала выбатывать план.

Компания «Дадзамоку», как выяснилось, по существу, владела всем городом. Для защиты своих интересов эта многонациональная корпорация обнесла город стенами и траншеями, которые напомнили Раджани фотографии берлинской стены — только та была размалевана лозунгами, а по этой чинно разгуливали вооруженные люди со злобного вида собаками на поводках.

— «Дадзамоки» контролируют восточные и южные ворота. Мормоны стерегут западные, а индейцы — северные. Мы не индейцы, и я не хочу попасть в лапы мормонов. — Дороти скрестила руки на груди. — Мы пойдем через восточные ворота, но лишь потому, что там иногда дежурил Энди. Вообще-то да нашего дома ближе от южных.

Раджани придумала очередной стратегический ход и, нахмурившись, тут же его отвергла. Под стенами Флагстаффа вокруг костра расположился шумный лагерь каких-то беженцев: пьяные мужики, растрепанные бабы и грязные оборванные детишки, с воплями играющие в какие-то свои дикие игры.

— Я видела, что некоторых людей охранники пускают в город. Почему?

— Это проксеры, как мой папаша.

— Не понимаю.

Дороти подседа поближе и, воровато оглянувшись, извлекла из складок одежды голубую карточку с голограммой «Дадзамоку». На ней крошечными буквами были написаны права и привилегии, которые эта карточка обеспечивала.

— Это моя карточка, — прошептала Дороти. — Она голубая, потому что я не могу голосовать, но мне ее дали, потому что мой отец продал свой голос «Дадзамокам». За это мы получили еду и пристанище. Не много, но все-таки...

— Поняла, — тоже шепотом сказала Раджани, подражая Дороти. — Так, значит, ты можешь войти?

— Нет, только со взрослым, у которого полноценная карточка. Тот, у кого есть карточка другой компании, может поменять ее на местную. У меня есть карточка Мики; если бы раздобыть тебе чистую карточку, то нам можно будет войти.

Раджани медленно улыбнулась:

— Значит, если у меня будет карточка, то я смогу войти в город и поменять ее на карточку «Дадзамоку»? А потом вернуться за вами?

Дороти кивнула:

— Да, вот только где ее взять? — Она проворно сунула карточку обратно в складки одежды, потому что мимо

как раз проходила компания подозрительного вида молодых людей. — Бродяги тоже охотятся за карточками, которые дают право пройти внутрь.

— А разве нельзя... — *как же там это слово?* — подделывать карточку?

Даже Мики хихикнул, услышав эту бредовую идею.

Дороти пристально посмотрела на Раджани и покачала головой:

— Для бандитки из Затменця ты вылитая Белоснежка. В эти карточки вплетены особые нити, специально, чтобы их нельзя было подделать. Их структуру практически невозможно сдублировать, и если подделка обнаружится, тебя просто пристрелят.

— За подделку?

Дороти с серьезным видом кивнула.

— «Дадзамоки» покупают голоса проксеров, чтобы с их помощью устанавливать собственные порядки. Возможно, они уже протолкнули закон, по которому шляться в окрестностях Флагстаффа приравнивается к государственной измене, и тогда нас всех возьмут и расстреляют.

— Но это же незаконно! — возмутилась Раджани. — Разве это уже не Соединенные Штаты?

— Лет десять назад какой-нибудь суд, может, и счел бы это незаконным и приструнил бы кое-кого, но теперь город у них в кармане, они сами пишут законы и вершат правосудие — свое правосудие. — Дороти протянула руку и взъерошила брату волосы.

— Дай-ка мне еще раз взглянуть на твою карточку. — Когда Дороти протянула ей голубую карту, Раджани постаралась отрешиться от всего отвлекающего и принялась тщательно ее изучать. Она запомнила, как выглядит карточка и что на ней написано, оценила ее вес, фактуру и температуру; когда каждая мельчайшая деталь отложилась у нее в памяти, она вернула карту Дороти.

— Какие компании присылают сюда своих работников? Не очень известные, чтобы фальшивку не могли раскусить с первого взгляда.

Дороти пожала плечами:

— Ну, какие-нибудь из Феникса... «Сумимото-Диал», «Генентех-Карбид».

Она осмотрелась вокруг и в куче мусора увидела смятую жестяную крышку от коробочки из-под венских сосисок. Она подняла ее и, распрямив, показала Раджани:

— Эти сосиски делает «Генентех-Карбид». Вои в углу их логотип.

Хорошо. Размер как раз подходящий для карты.

Раджани обломила бортики крышки и о камень обточила линию слoma. Потом она показала получившийся четырехугольник Дороти:

— Ну, что ты об этом думаешь?

Дороти поежилась и обняла Мики.

— Я думаю, что тебе проще найти какого-нибудь охранника-извращенца и соблазнить его, чем заставить их поверить, будто это — настоящая карточка.

Раджани посмотрела на ночное небо:

— Еще пару часов подождем, и я пойду. — Она улыбнулась дьявольской улыбкой. — Все получится, поверь мне!

Было около трех часов ночи, когда Раджани пошла к воротам. Выйдя из зоны действия постоянной тревоги Мики, она открыла себя мыслям и чувствам троих мужчин, дежуривших у ворот. Двое казались совсем сонными, хотя их ментальная активность немного возросла при появлении Раджани. Третий сидел за стеклянной перегородкой, и разум его был затуманен, словно он был под воздействием наркотиков или смотрел телевизор.

— Мне нужно поменять карточку. — Раджани протянула кусок жести охраннику, который вышел ей навстречу.

Тот замаялся, и Раджани почувствовала его растерянность. Она сдвинула кепку на затылок, и мужчина посмотрел ей в глаза. *Есть!*

Она немедленно послала ему в сознание образ карточки Дороти, только с другим логотипом. Растерянность охранника превратилась едва ли не в панику, за которой Раджани уловила чувство стыда: он понимал, что сделал ошибку, и готов был это признать. Он покраснел; потом покачал головой. Вместе с Раджани он не понимал, как ему хотя бы на минуту могло прийти в голову, что эта хрупкая женщина может представлять опасность?

Он махнул рукой, чтобы она прошла к охраннику за стеклом. Раджани направилась туда, и сердце у нее отчаянно билось. Доктор Чандра неплохо обучил ее управлять мыслями и настроением живых существ, но, к сожалению, на компьютеры она воздействовать не умела.

Прочность цепи определяется прочностью ее слабейшего звена. В данном случае это звено — офицер Грант.

Раджани мило улыбнулась мужчине в стеклянной будке и увидела в его очках отражение экрана телевизора. Когда он взглянул на нее, Раджани почувствовала, как ему досадно, что его потревожили, но она тут же внушила ему, что с ней совсем не будет хлопот. Обыкновенный обмен карточки, и времени это займет не больше, чем занимает средний рекламный ролик.

Из стены выехал маленький подносик. Панель поднялась наподобие верхней челюсти аллигатора.

— Положите, пожалуйста, свою карточку. — Микрофон и усилитель сделали голос охранника каким-то механическим. Раджани немедленно почувствовала, что та непрочная связь, которая установилась между ними, начинает рваться.

Нужно, чтобы он снова посмотрел на меня.

Она протянула карточку, но не спешила ее опускать. Охранник начал сердиться, но его отвлек телевизор. Он ждал, вытянув руку в сторону окошечка, а в стеклах его очков мелькали картинки.

— Ну же, девушка, чего вы ждете.

Голос звучал требовательно, и в нем уже слышались первые нотки подозрительности.

Раджани, пересилив страх, прочла на жетоне охранника его полное имя.

— Вы — Боб Грант? А у вас, случайно, нет брата по имени Джон?

Грант поднял голову, и Раджани встретила с ним взглядом.

— Джон? Да, есть.

Подозрительность слегка возросла, но зато он больше не злился. Раджани вытягивала из собеседника фрагменты его памяти.

— Значит, я не ошиблась. Вы похожи. — Образы сразу хлынули мощным потоком, и из них уже можно было выделить самостоятельные воспоминания. — Мы с ним встречались в Таосе несколько лет назад.

На лице офицера отразилось замешательство.

— В Таосе? Но Джон никогда...

— У меня был отпуск. Он тоже приехал отдохнуть. Вы же знаете, как он отдыхает. — Она мечтательно улыбнулась и опустила глаза. — Мы были вместе всего неделю, но я никогда его не забуду.

Она постаралась, чтобы голос звучал страстно, но в ответ почувствовала только еще большее замешательство офицера. Тогда, подумав, она послала ему свой образ в несколько измененном виде: черты лица жестче и на подбородке пробивающаяся щетина.

Эта внезапная перемена пола заставила Гранта покраснеть и вызвала в нем горячее желание как можно скорее избавиться от свидетельства столь явной распушенности своего брата:

— Вы точно хотите войти? «Дадзамоки» не любят чужаков. Они очень консервативны.

— Я знаю, — сказала Раджани, подняв голову и снова становясь женщиной. — Это было раньше, до того, как я поняла, кто я на самом деле, и сделала операцию.

Она улыбнулась и послала Гранту легкое смущение, затем несколько порций усталости и, наконец, надежду, что чертова машинка не сломается и не придется выписывать карточку вручную.

Ее атака принесла результат, и рудиментарные защитные механизмы его мозга окончательно сдали. Для Гранта она теперь была транссексуалом-гомосексуалистом, который не ограничился только сменой пола. Нет, он дошел до того, что покрасился в черный с золотом и еще что-то сделал с глазами. Гранту определенно не терпелось избавиться от этого психа и вернуться к Фестивалю кинокомедии Сильвестра Сталлоне. *Ну почему именно в мое дежурство?*

Раджани решила еще немного его подтолкнуть:

— Я помню, как Джон рассказывал о том, как вы пошли на рыбалку, и за вами погнались собаки. Он говорил, что ужасно злился на вас за то, что в итоге все

укусы достались ему одному. Но потом, когда тот парень с фермы выходил его и открыл в нем новые желания, Джон стал считать этот случай большой удачей.

Чувство вины хлынуло из Гранта, как нефть из пробитого трубопровода. В ответ на это Раджани послала ему свой вариант:

Не хотелось бы самому менять ей карточку. Как только она пройдет, так обязательно во что-нибудь влипнет, а виноват окажусь я. Может, она еще захочет вернуться в тот же день?

Эта идея ему явно понравилась, и Раджани продолжала разжигать ее в нем. Грант лучезарно улыбнулся ей из-за перегородки.

— Знаете что, поскольку вы подруга Джона, я дам вам временный пропуск. Когда войдете, получите карточку в центре. Таким образом, вы можете сохранить свою старую карточку на случай, если захотите уехать.

Он подмигнул ей, чтобы она поняла, какую честь ей оказали.

— О, Боб, да вы просто классный парень! — Она спрятала свой кусочек жести, поскольку поднос для карточек уже уехал в стену. Грант быстро нацарапал что-то на листке бумаги, подписался и на подносе переправил листочек Раджани. Она схватила пропуск, едва не расхохотавшись при виде нечитаемой росписи, и подмигнула Гранту:

— Может быть, я зайду к тебе как-нибудь, когда устроюсь на новом месте?

— Обязательно. Выпивка за мной! — улыбнулся он, хотя испытывал в тот момент только панический страх и смятение.

Раджани подбавила ему паники и усилила его замешательство до такой степени, что прошло аж четыре дня, прежде чем он вспомнил, что, получив пропуск, она почему-то направилась обратно в лагерь.

Служащий иммиграционной службы у восточных ворот принял у нее временный пропуск и за считанные секунды выдал ей постоянную карточку. «Лесли Грант» с двумя приемными детьми на законных основаниях вошла во Флагстафф.

Как только они прошли через ворота, командование на себя взяла Дороти. Мики позволил Раджани взять себя за руку, и они вместе плелись следом за девочкой.

Раджани почувствовала разочарование Дороти, когда они добрались до места назначения:

— Черт, опять тут все переделали. Это был наш контиминимум, но я его не узнаю.

— Ты, наверное, хотела сказать кон-до-ми-ниум? — Раджани посмотрела на здание, возле которого они остановились. Стены, как обычно, были выкрашены в цвет хаки. Издали было похоже, что они обиты листовым железом. В каждой квартире было одно окно, смотрящее на улицу. С торца здания не было ни окон, ни дверей, а во двор выходили балкончики, соединенные лестницами, которая и вела внутрь.

На доме не было обычного номера, но под каждым окном было крупно выведено восьмизначное число.

— Какой у вас адрес, Дороти?

— Мы живем в № 49337629. — Она указала на третий этаж. Всего же их было четыре. — Да, раньше это было здесь, но теперь тут все по-другому. И я хотела сказать *контиминимум*. Что, у вас там в Фениксе все такие неграмотные?

Мики вытянул вперед руку:

— К'ан!

Дороти посмотрела туда, куда показал брат, и улыбнулась.

— Да, кран. Пойдем.

Взяв Мики за руку, она зашагала вниз по улице. Они прошли несколько похожих домов, которые отличались один от другого по виду и высоте, но все состояли из одинаковых квартир-кубиков.

Похоже на норы, — подумала девушка. Она увидела, как кран поднял очередной блок и водрузил его на вершину здания.

Хранить вещи в контейнерах люди научились еще до того, как меня погрузили в стасис. Только теперь они еще придумали прорезать в них окна и жить.

Блок встал точно на место, и двое рабочих принялись соединять его с кубиками предыдущего ряда.

— Вон наша квартирка, в самом низу.

Дороти пошла через дорогу, направляясь к строящемуся зданию.

Раджани схватила ее за руку:

— Погоди. Они же еще работают, разве это не опасно?

Дороти непонимающе нахмурилась.

— Чего же тут опасного? Немного проедешь, потом — бум! — и живешь себе дальше, как обычно.

— То есть, когда эти блоки перевозят, люди так и сидят внутри?

Дороти вытаращила на нее глаза.

— Неужели ваш контиминимум ни разу не переезжал?

Раджани покачала головой:

— Нет, никогда. А зачем они его переставляют?

— Ну, наверно, мормоны переселяют сюда своих людей, чтобы разбавить этот район.

Она освободила руку и двинулась к дому. Крановщик что-то закричал ей, но она только отмахнулась и пошла к блоку номер № 49337629. Мики крепко держал Раджани за руку и тянул ее через дорогу.

Когда они вошли в квартиру, первое, что поразило Раджани, это страшная вонь, смесь запаха пота и кислого пива. Она сначала подумала, что здесь кто-то умер, но потом уловила некоторую мозговую активность в районе кресла.

Мики вырвался от нее, бросился вперед и обхватил ноги худого, бледного человека, сидевшего перед черно-белым телевизором, свет которого придавал его лицу мертвенно-серый оттенок. Человек держал в одной руке банку с пивом, а в другой пульт и не мигая смотрел, как скачут картинки. Казалось, он даже не заметил своего сына.

Раджани обернулась на луч света: Дороти открыла холодильник.

— А, опять пивная диета.

В ее голосе смешались боль, гнев и страх за брата и отца.

Раджани проглотила комок в горле.

— Это и есть ваш отец? — В голосе ее слышалось презрение. Мики резко поднял голову. — Это и есть человек, ради которого ты так стремишься домой?

Дороти закрыла холодильник, и в комнате опять стало темно.

— Да, это мой отец, это наша семья. — Она не объясняла, но Раджани и так поняла, что лучше цепляться за плохого человека, чем остаться совсем одной.

Человек в кресле шевельнулся:

— Дот? Подкинешь папе пивка?

Рука его разжалась и банка упала на пол с бульканьем, по которому Раджани определила, что он не допил.

— Конечно, па. — Холодильник открылся, и Дороти достала запотевшую банку: — Лови!

Мики пригнулся. Дороти швырнула банку на кресло. Человек даже не пошевелился, чтобы поймать ее. Раджани рванулась вперед и поймала банку, когда она уже падала ему на живот.

Банка была такой ледяной, что у нее по спине побежали мурашки. Раджани посмотрела на Дороти:

— Пойди умой брата. И уложи его спать. — Она сунула банку в руку мужчине. — Ступай, а мы с твоим папой немного поговорим.

— Дот, дай папе пивка, — пробормотал мужчина.

Дороти набрала в грудь побольше воздуха, собираясь заспорить, но Раджани жестом остановила ее. Дороти посмотрела ей в глаза и поняла, что на этот раз в поединке своеволий ей придется уступить. Мики посмотрел на Раджани, потом — на Дороти и, отпустив драгоценное колено, пошел за сестрой.

Раджани встала между мужчиной и телевизором. Мужчина потыкал пальцем в кнопки на пульте, но ничего не изменилось. Он моргнул, потом еще раз и еще два раза. На лице его появилась невыразительная гримаса. Он провел языком по губам.

— Ко-о-о-о...

— Кто я? — Раджани обрушила на его мозг острый топор ужаса и проникла в его воспоминания, которые всплыли в нем в ответ на этот удар. Она уловила его страх за детей, отчаяние, вызванное смертью любовницы, боль, поселившуюся в нем после гибели жены, но все это было не то. То, что ей было нужно, лежало глубже. Она проникала все дальше и дальше, пока не коснулась воспоминаний о том времени, когда он был немногим старше Мики.

— Ты прав, я страшный Чучул! — прорычала она, используя имя домового, которым его в детстве пугала мать. — Я хочу посмотреть на человека, который продает своих детей, прежде чем разорвать его на кусочки. — Она схватила банку и вонзила в нее свои золотистые ногти. Пиво брызнуло мужчине прямо в лицо, и Раджани швырнула пустую жестянку в кучу мусора возле кресла. — Жаден, слаб, а главный грех — глуп!

Мужчина в ужасе уставился на нее:

— Не продавал... Не продавал...

— Не лги мне! — крикнула Раджани, вызывая в его памяти то, как он отдавал своих детей дядюшке Энди. *Продай их подороже, чем дороже, тем лучше.* — Она заставила эти слова эхом повторяться у него в голове. С их помощью она расшатала его мнение о самом себе и в гневе лишь через пару мгновений поняла, с какой легкостью оно рухнуло. Под обломками гранитной статуи героя обнаружился плачущий младенец, который становился все меньше и меньше, возвращаясь к той точке, когда человек уже не способен выжить.

Он умирает. У него нет воли к жизни. Он шаг за шагом губит себя с тех пор, как их не стало. Она спроецировала в его сознание свое изображение, мысленно подхватила младенца на руки и стала укачивать. *Нет, ты у меня не умрешь. Ты нужен своей дочери. Ты нужен своему сыну. Ты будешь жить ради них.*

Младенец смотрел на нее беспомощным взглядом. Он открыл рот, но закричать не смог. Он схватился пальчиками за руку Раджани.

— Я никому не нужен. Пусты меня.

Раджани покачала головой, и золотой локон ее волос коснулся ладони ребенка. Он сжал пальцы и изо всех сил дернул. Раджани понимала, что он хочет сделать ей больно, но не может. Используя это желание, она начала постепенно возвращать ему волю.

Ты не можешь причинить мне вреда. Ты меньше своих детей, а они не в состоянии мне повредить. Во всяком случае, пока. Я защищена от них и защищена от тебя.

Младенец у нее на руках быстро рос. Его ножки окрепли, он смог встать; через мгновение он стал того же

возраста, как его сын. Он посмотрел на себя, потом — на Раджани:

— Зачем? Мир превратился в ад, когда я вырос. Он стал еще хуже, когда родилась Дороти, и совсем отвратительным — когда появился Мики. Я потерял их и потерял их мать. Им лучше жить без меня.

— Нет.

— О них позаботятся другие.

— Но твои дети не любят других, они любят тебя.

Раджани спроецировала в его разум свои воспоминания о том, как дети отзывались об отце, как вспоминали его. Она заставила отца увидеть себя глазами собственных детей. Его долг перед ними заключался не только в том, чтобы кормить их и утирать им нос. Он служил для них гарантией прочности мира, и Раджани постаралась внушить это ему как можно сильнее.

А ребенок тем временем превратился в юношу; он изумленно разглядывал свои длинные руки, скреб угри на лице и теребил волосы на груди. Желая стать меньше, он упал на колени и обхватил себя руками:

— Я не могу за них отвечать. Я слаб, для меня это так трудно...

Раджани схватила его за руки:

— Нет, ты сильный. Если ты не сумеешь изменить этот мир, то смогут и они, только дай им такую возможность. У них достаточно сил, но без тебя им не справиться. Только ты знаешь, как избежать той участи, которая постигла сейчас тебя. Ты и твоя жена обретете бессмертие в ваших детях.

— Как?

— Одним тем, что ты будешь жить, ты дашь им основу. — Раджани отпустила его руки и отступила на шаг. — Этим маленьким усилием ты дашь им возможность осуществить твои самые безумные мечты.

Она вышла из его разума, напоследок еще раз внушив ему эту мысль. Он посмотрел на нее, потом глаза его закрылись. На мгновение ей показалось, что он снова уходит, но потом она услышала громкий храп и улыбнулась.

— Он все время храпит, как бензопила, — сказал Дороти, которая уже успела вернуться и стояла, прислонившись к стене. — Ты не из Феникса, Раджани, правда?

Раджани кивнула:

— Правда, но я иду именно туда.

— А ты человек?

— Во мне достаточно человеческого, чтобы понять, что значит потерять родителей. — Она посмотрела на отца Дороти. — Теперь все будет в порядке. Он знает о том, как много он для вас значит и чем обязан вам. Он потерял это знание, когда умерла ваша мать, но теперь обрел снова.

— Может, останешься? У нас есть свободная комната.

Раджани ласково улыбнулась, глядя в лицо Дороти, на котором страх смешался с надеждой.

— Не волнуйся, Дороти. У тебя хватит сил вырастить брата и заботиться об отце. Я тебе не нужна. Я бы осталась, но у меня есть дела в Фениксе. Я должна уйти сегодня же.

Дороти обхватила ее руками и прижалась к ней всем телом:

— Спасибо, Раджани.

Раджани обняла Дороти в ответ:

— Передай Мики, что я его люблю.

Дороти кивнула и всхлипнула:

— Желаю тебе найти то, что ты ищешь.

Раджани улыбнулась на прощание и вышла. Она впустила в сознание грохот работающего крана, чтобы заглушить грустные мысли, и внезапно почувствовала, что надо обернуться. В окне маячил Мики:

— Азяни, пасяй! — крикнул он. Сломанная улыбка осветила его лицо и отразилась улыбкой на лице Раджани.

Она помахала ему рукой. *Прощай Мики. Береги себя. Ты тоже, Раджани. Прощай.*

Она еще раз взглянула на него и с легким сердцем зашагала в ночную тьму.

10

Койот сделал глубокий вдох и закрыл глаза, стараясь не замечать боли в ребрах. Во время утренней тренировки один гетсул крепко его приложил.

Больно, но мой контрудар убил бы его, не задержи я руку. Он не ожидал, что атака пройдет, и думал о

том, что делать, когда я парирую. Он заглядывал слишком далеко вперед и за это поплатился.

Он услышал шелест босых ног Монга задолго до того, как тот подошел к двери, но не открыл глаз, напротив, еще плотнее сжал веки и сосредоточился, мысленно отмечая все признаки присутствия человека. Он достаточно хорошо знал Монга, чтобы понимать — даже этот легкий шум монах производит нарочно; но ему всегда хотелось узнать, способен ли Монг устранить завихрения воздуха, создаваемые им при движении, и чуть заметный запах высохшего пота? Вряд ли — хотя, если бы оказалось, что и это ему под силу, Койот бы несколько не удивился.

— Ты хорошо дрался сегодня, Куй-кан. Великолепное сочетание благородного айкидо и самой жесткой формы карате.

— Благодарю, лама Монг. Ваши служители искусны в бою. — Койот заставил себя разжать кулаки и положил руки на колени ладонями вверх. — Только их отвращение к убийству помешало им меня победить. — Койот открыл глаза и увидел, что лежит лицом к Монгу.

— Возможно, Куй-кан, возможно. — Монах прищурился. — Боевые искусства и тренировки с оружием они воспринимают как путь к концу.

— Так же, как и я.

— Только они не играют со смертью, как ты, а познают себя вопреки ей. Дисциплина и единство души и тела — вещи, необходимые любому ученику. — Монг сделал ладонями жест, словно сжимая воображаемый шар до размеров тугого маленького мяча. — Самопознание необходимо, ибо оно освобождает человека от условностей и делает его тем, кто он есть на самом деле.

Койот вздохнул:

— Я не вполне вас понял, лама Монг.

Лама благосклонно улыбнулся:

— Средний человек — а я уверяю тебя, что ты таковым не являешься, — на вопрос «кто ты» ответит весьма предсказуемым образом: он назовет фамилию, имя, затем упомянет о том, что он выпускник такого-то колледжа, или о том, что он получил премию за выдающуюся работу или что-то этом роде. Это почти то же самое,

что, говоря об устройстве автомобиля, сказать лишь, какого цвета у него кузов и какого класса покрышки. Это только его мнимая суть, а не истинная.

Койот кивнул. Его собственное знание о самом себе фактически состояло из двух очень тонких папочек. Первая содержала сведения о том, что он Тихо Кейн, наемный убийца, обученный в специальной школе. Он любит гоночные машины, азартные игры и считается одним из лучших наемных убийц в мире. Все остальное было придумано им самим, его бывшим хозяином и предыдущим Койотом.

Если верить второй папке, он был Микаэлем Лорингом — человеком, созданным Неро Лорингом и Джитт Рэйвел. Этому персонажу был всего лишь месяц от роду.

Обе эти ипостаси вполне отвечали требованиям современного мира. Кейн и Лоринг с успехом окончили несколько колледжей, что подтверждалось не только документами, но и свидетельствами очевидцев. Имелись даже «одноклассники» и «друзья детства», всегда готовые подтвердить, что давно его знают. Все документы, все аттестаты, дипломы, удостоверения личности — все это можно было посмотреть в любой момент. И все же, несмотря на легализацию в реальном мире, внутренняя сущность Койота выглядела совершенно иначе. Слушая Монга, он понимал, что у него очень мало общего с теми ярлыками, которые на него наклеили. *Те, кто меня тренировал, смели все наносное и сделали так, чтобы потом это наносное уже больше не появилось вновь. Я был подготовлен к тому, чему меня будут учить здесь.*

Он гордился тем, что мог рассказать о себе. Он отлично дрался и был способен в критических ситуациях действовать с молниеносной быстротой, четко и уверенно. Он обладал единством души и тела, что делало его самым опасным противником. Но даже притом что теперь ему претила мысль о том, чтобы убивать за деньги, в чем ему не было равных, он знал, что дверца, ведущая к темной стороне его натуры, уже приоткрыта.

— Саниятой мы называем дисциплину, которая занимается небытием или пустотой. Она необходима, так как ярлыки, подобно якорям, приковывают нас к реальности и не позволяют освободиться. Определяя себя по

отношению к вещам этого мира, мы привязываем себя к нему. Ми-ма-йин представил меня как кхенпо Кангенпо, но я считаю себя просто Монгом. Мое звание и ярлык должны быть оставлены на земле, так же как воздушный шар, наполненный горячим воздухом, взлетает, когда перерезан канат и сброшен балласт.

Койот кивнул:

— Поскольку мой багаж в этом смысле весьма невелик, я думаю, что это возможно. Но я был бы последним глупцом, если бы надеялся, что это окажется просто.

— Открытие всегда просто, но совершенствование — сродни пытке. — Монг сложил руки на груди. — Ми-ма-йин учился стремительно, потому что у него, как и у тебя, было слишком мало якорей в этом мире. Его совершенствование тоже происходило быстро — потому что у него была необходимость. У тебя она есть?

Перед мысленными взором Койота возник Скрипичник и череп девочки, из которого вынули мозг.

— Да.

— Отлично! Итак, начнем с простого. — Тень улыбки скользнула по губам монаха. — Вот одна из древних буддистских загадок: что такое звук хлопка одной руки?

Монг поднялся и вышел из комнаты, а Койот прикрыл глаза и попытался представить себе хлопок одной руки. Сначала он увидел, как хлопает ладонью по коленке или щелкает пальцами о ладонь. *Да, похоже, но в первом случае рука действует не одна, а во втором звук выходит не тот. Нет, неправильно.*

Он призвал на помощь логику. *А возможно ли хлопнуть одной рукой? Вопрос предполагает, что возможно. Может быть, имеется в виду случай, когда рукой машут в воздухе, будто хотят хлопнуть по несуществующей ладони?*

Он перебрал дюжину предположений, но все отверг. Либо хлопок предполагал наличие еще чего-нибудь, кроме руки, либо хлопка просто не получалось.

Погрузившись в медитацию, он решил пойти другим путем. *Какова цель этого упражнения? Избавиться от собственного «я», от того, что Монг называет «балластом». Похоже, здесь привычный западный подход теряет смысл. В других измерениях я видел вещи.*

которые сводят на нет многие законы физики. Может быть, у меня не получается именно потому, что я не в состоянии отказаться от логики?

Придя к такому выводу, он попытался отойти от путей логики или абстракций. Стараясь определить «цвет энтропии» или «смерть смерти», он поймал себя на том, что мыслит в терминах, которых не знал раньше. Плывая по этому океану, он чувствовал, что приближается к ответу на вопрос, хотя ему и мешало то, что в своей нелогичности он оставался чертовски логичным.

Еще он понял, что логика является частью его сущности. Что куда бы он ни попал, она поможет ему найти выход, и даже если тот мир станет беспорядочным и нелогичным, то он, Койот, поймет это, только применив логику.

Внезапно он осознал, что вопрос, который ему задал Монг, гораздо шире, чем тот угол зрения, под которым он пытается его рассмотреть. Он решил сосредоточиться на механизмах производства звука, чтобы представить себе, как он должен звучать. Ведь, по существу, его спросили, что такое этот звук?

Я знаю, что нет способа хлопнуть одной рукой. Это невозможно и соответственно никакого звука не будет. Итак, звук хлопка одной рукой — это ничто.

Идея этого «ничто» взорвалась у него в голове с мощностью бомбы в несколько мегатонн. И логика, так же как и не-логика, осталась позади, вернее, просто не осталось ничего или, наоборот, ничто осталось, а все остальное исчезло.

Кровь пульсировала, выталкивая его сознание за пределы тела, мир раздробился, и наконец, он смог проникнуть мысленным взором вверх, за пределы комнаты.

Когда ушло ощущение себя, весь монастырь сделался будто бы стеклянным. Сквозь толстые кирпичные стены Койоту были видны тени и смутные силуэты людей. Только темное сердце монастыря оставалось непрозрачно для мысленного зрения, и это его сильно беспокоило.

Это и есть гонкханг, место, где живет Йидам. Я не вижу его, но чувствую...

От черного прямоугольника исходило ощущение чего-то сильного и враждебного. Эти излучения ранили его, как осколки гранаты, и когда он попытался их обойти, едва не забросили его обратно, в тело. Койот сосредоточился на идее «ничто», и боль немного утихла.

Койот направился вперед и вниз, навстречу черноте, но потом понял, что при этом проецирует свои ощущения на этот прямоугольник. Он увидел красную сферу, которая медленно вращалась вокруг него, а потом слилась с темнотой. Те неприятные импульсы, которые его терзали, исчезли, и стенки прямоугольника стали прозрачными.

Неожиданный переход от опасного и чуждого к безобидному смутил Койота. В то же мгновение он открыл глаза и увидел, что стоит в своей комнате на коленях, весь в поту. Тонкий лучик дневного света, который обычно проникал через дверь, исчез. Пот быстро высыхал от ночного холода, и Койот поежился, но не потому, что замерз.

Ночь. Значит, пока я медитировал, прошло несколько часов. В животе у него громко заурчало. Или дней.

Он поднялся, натянул черную майку без рукавов и вышел из комнаты. Босиком прошел по темному каменному коридору, ощущая сквозь двери, как в своих комнатах спят монахи. Кроме того, как постоянный шелест прибоя, он чувствовал энергию, которую излучали часовые у ворот. И все же, несмотря на всю глубину и остроту его чувств, сердце монастыря оставалось для него закрытым и казалось огромным сгустком пустоты — самое неестественное ощущение, которое Койот только мог вообразить.

Он медленно пробирался по направлению к храму, надеясь проникнуть в гонкханг через дукханг. Койот помнил, что обещал Монгу не ходить туда, но тайна не давала ему покоя и настойчиво призывала: бояться нечего. Он выжил в битве со Скрипичником, а эта пустота в центре монастыря вряд ли опаснее.

Когда он проходил через тренировочный зал, за его спиной, рассекая воздух, свистнул клинок. Койот остановился и прислушался, но звук не повторился. Тогда

он сосредоточился и стал ждать, не придут ли к нему другие ощущения. Но комната была нема.

Койот улыбнулся. *Звук хлопка одной руки.* Выскользнув из зала для тренировок, он начал спускаться по лестнице. Здесь он еще больше замедлил шаг и лишь через полчаса достиг основания. Койот почувствовал себя охотником, хотя наверняка знал, что существо, за которым он охотится, гораздо умнее и сильнее его.

В любую секунду он может напасть на меня и уничтожить.

Его глаза уже успели привыкнуть к темноте, и он увидел длинную высокую комнату и стал искать движение, но нет, ничего. Как часто бывает с теми, кто долго сидит в темноте, перед глазами Койота замелькали какие-то пятна. Сначала он считал, что они объясняются именно нарушением зрения, но потом, когда пятна стали складываться в замысловатые узоры, он в этом сильно усомнился.

Снова раздался звук. Легкий щелчок, казалось, был вызван взмахом хлыста, или тем, что кто-то задел шелковым рукавом за рукоять меча. Койот резко обернулся на звук и успел увидеть какой-то темный силуэт. Потом, откуда-то слева, донесся еще один щелчок и сразу же после этого третий — справа.

Койот понимал, что сразу три щелчка после продолжительного затишья — это не просто случайность. Это, несомненно, была ловушка, и он нацелился туда, откуда донесся последний щелчок.

Если от меня ждут, что я посмотрю туда, значит...

Он быстро повернулся влево и прыгнул в темноту. Почувствовав рядом мимолетную искру удивления, он ударил в этом направлении левой ногой. Его ступня встретила сопротивление, и толстое древко нагинаты затрещало. В один скачок он перемахнул через сломанное оружие, припал к земле, а потом перекатился вправо, к лестнице.

Подняв руки, он прикрыл голову и в тот же миг получил такой мощный пинок, что откатился в сторону, и рука, по которой пришелся удар, онемела.

Он запросто мог разmozжить мне голову, если бы я не успел прикрыться.

Прижав левую руку к груди, он начал перекатываться через левое плечо обратно на то место, где получил удар. Резко выставив левую руку, он остановил движение и выбросил ноги вперед, чтобы сделать подсечку.

Противник, видимо, был готов к этому приему и подпрыгнул вверх, но недостаточно быстро, и ноги Койота все-таки зацепили его за лодыжку. Койот почувствовал, что враг потерял равновесие, потом услышал звук падения, но противник успел сгруппироваться и, приземлившись, откатился в сторону, шурша шелком одеяния.

Койот, оттолкнувшись от пола, вскочил на ноги, но от усталости он потерял ориентацию в темноте. Он полуобернулся влево, пытаясь найти какую-нибудь зацепку, позволяющую определить его положение в пространстве, и вдруг из глаз у него посыпались искры. Удар ногой пришелся прямо над левой бровью. Голова его дернулась вправо, и он повалился на пол.

Койот упал, но в ту же секунду подскочил, как мячик. Быстро восстановив контроль над своим телом, он закружился волчком, и сила инерции поставила его на ноги. Койот бросился к лестнице и со всего размаху врезался головой в стену.

Перед глазами у него замелькали яркие огненные круги, словно фейерверк. Он потряс головой и закрыл глаза, но круги никуда не делись. Он провел ладонью по голове и понял, что из раны течет кровь. *Мне нужна помощь.*

В темноте кто-то взял его под мышки и как ребенка поставил на ступеньки. Койот открыл глаза, но снова увидел лишь цветные пятна:

— Кто ты?

Глаза противника вспыхнули алым огнем.

Койота неодолимо потянуло в сон.

Койот открыл глаза. Монг хлопал его по щекам. Койот лежал у подножия лестницы, а над ним склонились монахи. Голову обхватывала тугая повязка.

— Ты видел? — спросил Койот.

— Лежи. — Монг предостерегающе поднял руку. — Ты сильно ушибся. После медитации надо было поесть. Ты был слаб и оступился в темноте.

— Вот как?

Монг серьезно кивнул.

— Гетсул услышал, как ты кричишь. Мы сразу же прибежали и нашли тебя на полу. Не знаю, что тебе снилось, пока ты тут лежал, но сейчас тебе пора перебраться в свою комнату.

Койот закрыл глаза.

Складно врешь, Монг, только замечание насчет снов все подпортило. Здесь что-то было, и это «что-то» гораздо более вещественное, чем хлопок одной руки.

Несмотря на страшную боль в затылке, Койот попытался вспомнить, что он увидел перед тем, как потерять сознание. Он перебрал все образы, убрал радужные круги и понял, что уже видел своего противника раньше.

Я боролся с Йидамом. Он открыл глаза и по пристальному взгляду Монга понял, что его догадка верна.

Ладно, Монг. Играй в свои игры, а я буду играть в свои. Делай что хочешь, но я твердо обещаю, что рано или поздно узнаю, почему в недрах монастыря живет этот буддийский демон и почему ты так тщательно его прячешь.

11

Эрика села на кровати и закурила. Син протянул руку и погладил ее по спине. Она улыбнулась ему, сделала затяжку и протянула ему сигарету, но он отказался.

— Никогда не одобрял этой привычки.

Она улыбнулась, и огонек сигареты осветил ее лицо:

— Я давно бросила, но после секса покурить всегда приятно.

Она поскребла ногтями его волосатую широкую грудь.

— Однако, если так дальше пойдет, я стану заядлой курильщицей.

Он поймал губами ее руку:

— Все-таки курить вредно. Тебе придется делать зарядку, чтобы нейтрализовать вредное влияние никотина.

Эрика улыбнулась и тихонько рассмеялась:

— Жду не дождусь этого потрясающего курса.

— Я тоже, — зевнул Син. — Не знаю, как ты, а я уже умираю от усталости.

Эрика кивнула и смяла сигарету в пепельнице.

— Я тоже устала, но чертовски счастлива. — Она легла, прижалась к нему и подтянула простынь к груди. — Надо поспать хотя бы пару часов, а потом посмотрим, что мы можем сделать для процветания табачных компаний.

Син подоткнул простыню и поцеловал девушку в курносый носик.

— Я приму душ, — сказал он, выбираясь из постели, — и очень скоро вернусь к тебе.

— Погоди.

— Что?

Она подняла палец, как делают художники, измеряя пропорции модели.

— Хочу точно запомнить, как ты выглядишь, чтобы поместить тебя прямо в мой сон.

— О?

— Это будет прекрасно. — Она зевнула и потянулась. — Разбуди меня, когда вернешься, и я покажу тебе, что мне приснилось.

Она повернулась набок и заснула, свернувшись клубком.

Слегка покачиваясь, Син побрел в ванну. Он закрыл за собой дверь и включил свет. Глазам с непривычки было больно, но он приложил ладонь ко лбу козырьком и подождал. Привыкнув к свету, Син оперся на раковину обеими руками и посмотрел на свое отражение в зеркале:

Койоту бы понравилось мое времяпровождение.

Он улыбнулся и вспомнил, как она вышла к нему навстречу в голубом платье, которое в настоящее время валялось на полу комнаты.

Если бы он ее увидел в этом платье, он бы меня понял. Не одобрил бы, но понял.

Син залез в кабинку, поставил регулятор температуры на среднюю отметку. Вода была — просто чудо, такое же чудо, как та вечеринка, на которую его пригласила Эрика. Когда она держала его под руку, никто не обращал внимания на то, что высокий человек в стро-

гом костюме не столько пьет, сколько прислушивается к разговорам. Кимпунсима почти не изменилась с тех пор, как он был здесь последний раз. Как и раньше, здесь было полно приезжих придурков, которые кичились своими высокими заработками, не подозревая, что для Японии это не такие уж большие деньги.

Сина удивило, что на вечеринке было много японцев, причем довольно известных. Большинство из них представлялись как поднявшиеся до высшей ступени служащие крупных японских корпораций. Син поразился тому, что почти все они по рождению были американцами и европейцами — или возвысились благодаря умению вести дела с иностранцами из Кимпунсимы. Син даже узнал в одном из них, симпатичном юноше, Риухито — внука императора.

Еще одной странностью была неизменность тем для разговора. Он успел привыкнуть к тому, что всевозможные новые поветрия то и дело охватывают население Кимпунсимы. Был один месяц, который Син предпочел бы вообще забыть, когда казалось, что все европейцы навсегда пришли к талии по хулахупу. В ту пору на политической арене господствовали ретропартии, помешанные на 50-х годах. Ему вспомнилась одна вечеринка, на которой все гости должны были одеваться в костюмы своих любимых телевизионных героев. Им пришлось тогда одеться в черно-белые туалеты, и макияж у дам тоже был в оттенках серого — для большего сходства. Он вспомнил некрасивую драку, которая произошла после того, как Фред застал Роуди Йейтс с Дэйлом Эвансом, но, слава Богу, никого не убили.

Однако на этой вечеринке он заметил кое-что новое. Казалось, что все присутствующие только и говорят, что о тренировочном центре Арриго и Мишель Эль-Лехтеров. Поначалу Син решил, что это нечто вроде курсов повышения квалификации, но, поговорив с несколькими гостями, он пришел к выводу, что тут нечто большее.

Они без конца намекают на некое тайное знание, а это значит, что им там дураят голову. Да, одна из вещей, которые не снились старику Горацио и его мудрецам, это то, как много на свете людишек, которым не терпится залезть в карман к собрату.

Вдруг он услышал, как хлопнула дверь ванной.

— Решила присоединиться?

Дверь душевой кабинки открылась, и Син увидел дуло собственного пистолета «беретта». Его держал маленький японец. Взведя курок, он прислонился к косяку:

— У нас в Японии запрещено иметь такие пушки, мистер Мак-Нил.

— В следующий раз я его спрячу и никому не покажу. — Син выключил воду. — Кстати, здравствуй, Нагашита, давно не виделись.

Полковник внутренней службы покачал головой:

— Я ведь могу пристрелить тебя, а начальству скажу, что ты на меня прыгнул.

— Они тебе не поверят. Скажи, кто в этой чертовой стране не знает, что у нас с тобой счеты? — Син посмотрел на полотенце:

— Можно?

Нагашита опустил пистолет, целясь в ноги Сина.

— Ты останешься жить, только потеряешь немного резвости.

Спокойно, Син. Не глупи, сейчас не время.

Он потянулся к полотенцу, глядя на офицера. На нем был костюмчик, похожий на те, что носят ниндзя в дешевых боевиках. Судя по тому, как натянулась ткань на его груди, под костюмчиком был довольно внушительный бронежилет, а на руках и ногах — кевларовая защита. Скорее всего где-то в рукавах были спрятаны сурикены, и не из металла, а керамические. Всю это картину довершали мини-«узи» с глушителем в ножной кобуре и продолговатая ручка катаны, торчащая из-за левого плеча.

— Чем обязан столь приятной встрече? — спросил Син, вытершись и обернув полотенце вокруг бедер. — Ты все еще дуешься за то, что три года назад меня упустил? Я думал, ты умеешь проигрывать.

Глаза Нагашиты блеснули, но он ничего не ответил. Медленно поставив «беретту» на предохранитель, он взял пистолет за ствол и протянул Сину.

— Я ничего не забыл, просто сейчас ты нужен моему господину. А его желание — закон.

Син взял пистолет, демонстративно вытащил обойму, передернул затвор, чтобы убрать патрон из ствола, потом поймал его и запихнул в обойму, однако вставлять ее обратно не стал.

— Что тебе надо, Нагашита?

Японец открыл дверь:

— Пока что пройдем в твою гостиную.

Син прошел в гостиную. От Эрики осталась только пачка сигарет. Швырнув пистолет на постель, он взялся за брюки, но получил грубый тычок в спину:

— Мне сказали доставить тебя. Насчет одежды приказов не было.

Выругавшись про себя, Син направился в спальню. Там по кругу стояли шесть ниндзя. Двое — возле двери, в которую он вошел, двое — возле входной двери. Еще двое стояли по обе стороны кресла, которое высилось треном посреди комнаты.

Единственным освещением был лучик, проникавший через дверь. Сина посадили лицом к двери. Из кресла раздался голос, который заставил Мак-Нила вздрогнуть. *Нет, это невозможно!*

— Простите, мистер Мак-Нил, за вторжение. Также прошу прощения за то, что вы больше не увидите миссис Конклин, по крайней мере здесь, в Японии. Ей запрещено видаться с вами, и, прошу вас, не ищите ее, так будет лучше для вас обоих.

Синклер кивнул и уронил капельки воды на пол:

— Все-таки я не понимаю, что происходит.

Человек в кресле поднял руки и подождал, пока капельки впитаются в ковер.

— Сегодня вечером вы были на вечеринке, где среди гостей, как вы знаете, оказался и мой внук. Он сообщил мне о вас, и господин Нагашита просил у меня позволения убить вас. Вы доставили ему столько неприятностей три года назад, что просил у меня разрешения сделать сеппуку, если я не разрешу ему убить вас.

— Он слишком привержен традиции.

— Не надо, мистер Мак-Нил, не стоит оскорблять наши обычаи, я тоже очень их уважаю, как и мистер Нагашита, но я человек прагматичный. Полковник Нага-

шита слишком дорог мне, так же как и вы слишком дороги мне. Короче, мне нужны ваши услуги.

— Прошу прощения, но я уже работаю на одного человека.

— Я знаю. Но, думаю, что ваша миссия и мое задание во многом совпадают. Мне также известно, чтобы вы потом не удивлялись, что Майкл Лоринг управляет «Лорикой», что Неро Лоринг умер при загадочных обстоятельствах, и знаю, что вы имеете к этому прямое отношение. А кроме того, какой-то гигантский паук хозяйничает в Фениксе.

Американец рассмеялся.

— Неужели вы верите в это? Я скорее поверю в то, что вчера вечером Годзилла обчистил игрушечный магазин, чем в то, что какой-то гигантский паук хозяйничает в Фениксе.

— Однако, — жестом прервал его человек в кресле, — если бы вы знали, что этот паук, или тот же Годзилла угрожают вашей семье, то вы бы попытались его остановить?

— Конечно, да, — быстро ответил Син.

— Об этом и речь. Вы слышали об Арриго и Мишель Эль-Лехтер?

Син кивнул снова.

— Слышал, что они живут в Кимпунсимае и содержат какой-то то ли институт, то ли храм.

— Мне кажется, что они имеют слишком большое влияние на моего внука.

— Убейте их, как убили Эрику! — ответ прозвучал грубо, и за спиной Сина зашипел Нагашита. — Простите за резкость, но чем не выход?

Старик замолчал. А потом заговорил тише:

— Я не могу. У них довольно влиятельные друзья, а мой внук, кажется, начисто потерял самостоятельность. Поэтому мне нужен свой человек внутри их организации, который мог бы на него повлиять. Вы американец, а кроме того, вас ненавидит Нагашита, и об этом многие знают. Лучшего агента мне не найти.

— Я вас понял, но зачем мне влиять на вашего внука? Разве вы сами не можете объяснить ему, что к чему?

— Есть два факта в истории императорской семьи. Во-первых, индустриальный сегунат отобрал у импера-

тора последнюю власть, а это особенно больно для молодого человека, который беспокоится о будущем своей нации. Ввиду того, что он — особа императорской крови, ему не пристало наращивать физическую и экономическую мощь, но по той же причине он лучше всего подходит на роль вождя нации. — В голосе императора слышались жесткие нотки. — И второе: мой отец участвовал во Второй мировой войне — ради того, чтобы сохранить нацию и поддержать ее. Христиане всюду кричат, что их Христос умер за них. Мой отец тоже принес себя в жертву своему народу. Он отказался от престола. Однако это не значит, что в наших жилах не течет благородная кровь. Только не подумайте, что я выдумываю, мистер Мак-Нил, это факт и факт исторический, а вовсе не легенда или сказка. Сила, которую дает человеку императорская кровь, неизмерима. И если использовать эту силу в неправильном направлении, последствия могут быть ужасными.

Сину стало не по себе.

Кровь богини? Это такая же чушь, как паук, напавший на Феникс, — хотя я и ловлю себя на том, что верю Койоту.

— Значит, вы думаете, что Арриго и Мишель Эль-Лехтер пытаются использовать силу вашего внука, чтобы навредить Японии?

— Не только Японии, но и всему миру. — Старик сцепил руки в замок. — У Эль-Лехтеров есть представительство в Фениксе. Было и на Гавайях, но его прикрыли, после того как их уличили в незаконном подключении к телефонной сети. У них огромное количество последователей, и они провозглашают себя дальними родственниками первых космических путешественников. И мы не можем сказать точно, правда это или нет.

Син понял, что как бы странно это ни звучало, но, видимо, эти люди не менее опасны, чем те, найти которых его послал Койот.

— Ладно — я согласен, только на двух условиях.

— Если вам удастся повлиять на моего внука, моей благодарности не будет границ.

— Конечно, ни капли в этом не сомневаюсь. Первое условие: Нагашита должен держаться подальше от меня и моих друзей. Мне не нужен наблюдатель и телохранители — а если они мне понадобятся, я сам вам об этом скажу. Кроме того, мне нужно немного времени.

Старик кивнул:

— Будет.

— Второе: когда все кончится, мне понадобится ваша помощь в осуществлении моего задания.

— Конечно, если только вы спасете моего внука.

— Я сделаю все возможное. А что, если мне не удастся его убедить?

Император секунду сидел неподвижно, потом подался вперед:

— Полковник сказал мне, что у вас есть пистолет. Я полагаю, вы умеете им пользоваться.

— Вы хотите, чтобы я убил вашего внука?

— Я не хочу его смерти, но лучше оплакивать его, чем весь наш мир.

12

Мики возил автомобильчик по тротуару возле своего дома, с головой погрузившись в маленький, созданный им самим мирок. Задние оси машинки (колес давно не было) оставляли в песке приятный, на взгляд мальчика, след. Он представлял, как он, папа, Дороти и Раджани едут в этой машинке далеко-далеко, где все счастливы.

Он не услышал, как к нему подошел человек, но не столько потому, что у него вследствие частых отитов было плохо со слухом, сколько потому, что был совершенно погружен в свои мечты. Однако он почувствовал что-то и поднял глаза. Лысая голова человека блестела на солнце, и казалось, что вокруг нее светится небольшой нимб. Мики хотя и видел, что человек довольно мал ростом, но уже на примере Раджани знал, что даже такие маленькие люди бывают очень сильными.

— Йии.

— Да, здравствуй, здравствуй. — Голос человека звучал тихо, почти как шепот, но Мики хорошо его слышал, даже сквозь шум стройки.

Как дела, малыш?

Ты можешь разговаривать мыслями? — улыбнулся Мики, хотя помнил, как остальные люди подозрительно к этому относятся.

Могу.

Человек присел на корточки, и солнышко ослепило Мики. Человек взял Мики за подбородок. Мальчик вырвался, но человек схватил его снова:

Я не сделаю тебе больно, Мики, я пришел помочь тебе.

Малыш растерянно моргал:

— Помочь?

— Да, помочь. — Глаза человека на секунду загорелись голубым, и он погладил мальчика по щеке. Мики почувствовал, какая мягкая и теплая у него ладонь.

— Как они запустили твои болячки, надо было давно разобраться с этим.

Мики почувствовал, как у него прочистились ушки.

— Помочь? — снова спросил он, глядя на человека невинными глазами.

Человек кивнул в ответ и встал:

— Да, я тебе помогу. Пойдем со мной. — Он протянул ему руки.

Мики посмотрел через плечо на свой дом:

— Орофи?

— Не думай о своей сестре, она обрадуется, когда увидит, что у тебя все хорошо. Это твой шанс стать таким, каким она всегда хотела тебя видеть.

Голос человека окутал его, как объятия сестры.

Но я должен попрощаться.

— Лучше поздороваешься, когда вернешься, — сказал человек так ласково, что Мики не почувствовал лжи в его словах. — Пойдем со мной.

Мики встал и взял человека за руку. Рука была сухая и прохладная, однако это не удивило Мики. Он улыбался во весь свой изуродованный ротик и бодро шагал с чужим человеком к окраине. Вскоре они вышли из города.

Увидев ветхий пикап, Раджани едва не отказалась от намерения ехать. В облаке пыли он катил по дороге, и когда она махнула рукой, начал постепенно замедлять ход. Раджани приходилось видеть машины на кладбище автомобилей, и она могла с уверенностью заявить, что многие из них были в куда лучшем состоянии, чем та, которая сейчас подъезжала к обочине. Большая, квадратная, без дисков на колесах, с болтающимся бампером, отчего казалось, что пикап криво ухмыляется. Одна половина решетки радиатора прожавела насквозь, а вторая попросту отсутствует.

Свет единственной фары ударил Раджани в лицо, и она отступила в тень кустов. Впрочем, в сознании двух мужчин, сидящих в пикапе, не было враждебности, это Раджани уловила сразу. Один даже явно обрадовался.

Дверца со стороны пассажира медленно открылась и оттуда вылез сухощавый старик. Он повернулся к тому, кто сидел за рулем, и что-то сказал ему на незнакомом Раджани языке, а потом, держась за дверцу, чтобы не соскользнуть в кювет, обошел машину и улыбнулся:

— Здравствуй. Как я понимаю, тебе с нами по пути. Залезай.

Противоположная дверца открылась, и Раджани почувствовала вспышку недоверия и тревоги со стороны второго мужчины с длинными черными волосами. У старика волосы тоже были длинные, но уже совсем седые.

— Дед, поосторожнее с ней, она может оказаться одной из них, — с этими словами он потянулся к ружью, которое висело на задней стенке кабины.

Старик вздохнул:

— Ох уж эта молодежь! Пойдем со мной, сестренка. — Старик обернулся к внуку: — Уилл, сегодня такой хороший денек, не надо портить его, прошу тебя. И оставь в покое ружье.

Уилл нахмурился, но руку убрал:

— Ты просто свихнулся — подбирать на ночной трассе бандитов! Я дальше с тобой не поеду!

Парень говорил резко и грубо, от него исходил явно ощущение страха, но старик излучал приветливость, и Раджани не стала возражать, когда он аккуратно положил ей на спину ладонь и подтолкнул к открытой дверце. Садясь в машину, она как можно теплее улыбнулась Уиллу, и вздох, который он издал в ответ, был уже не таким тяжелым; тем не менее вид у него оставался недовольным, и, захлопывая дверцу, он смотрел на старика осуждающе. В кабине было довольно тесно, и Раджани это немного смутило.

Уилл с треском врубил первую передачу, стараясь держать руку подальше от коленок Раджани:

— Мы едем в резервацию к востоку от Феникса. Там вылезешь.

Прежде чем она успела ответить, старик поднял руку:

— Не слушай его, сестренка, мы отвезем тебя туда, куда ты захочешь. Меня зовут Тот, Чьи Гримасы как Свет в Глазу Ворона.

— У воронов глаза всегда блестят в темноте, — проворчал Уилл.

— Ты можешь называть меня Джордж, а это мой внук, Уилл.

Чистота мыслей и радушие старого индейца смягчали неприятное ощущение подозрительности и враждебности, исходящие от Уилла.

— Меня зовут Раджани.

— Ну и куда тебя несет, Раджани? — буркнул Уилл, переключая двигатель на вторую передачу. — Пришлось драпать из Флагстаффа?

В первое мгновение Раджани хотела придумать какую-нибудь правдоподобную историю, но поняла, что этих людей обмануть будет не так просто, как Мики и Дороти. Она посмотрела на старика и почувствовала, что может спокойно сказать ему правду.

— Мои родители родом из другого мира. Меня называли Раджани, по имени индийской богини, в честь доктора Чандры, лучшего друга моих родителей. Два десятилетия я провела в стасис-капсуле на секретной военной базе. Теперь я еду в Феникс, чтобы предупредить одного человека о ловушке, которую ему готовит чудовище из иного измерения.

Машина вздрогнула: Уилл ударил по тормозам и посмотрел через плечо на девушку.

— И ты хочешь, чтобы мы в это поверили?

— Не останавливайся, Уилл, мы еще не приехали. — Джордж загадочно улыбнулся. — Мы сделаем все, чтобы помочь тебе, сестренка.

— Дед, она же врет!

Старик повысил голос:

— Уилл, всего неделю назад ты просил меня научить всему, что умею. Ты видел бурю над Фениксом и этого громадного паука. И только после этого о чем-то задумался.

— Да, я отлично все помню, но при чем здесь эта девица? — Уилл вспыхнул. — Простите, мисс, но я не могу поверить.

Раджани чувствовала, что в нем борются два начала. Одно принадлежало традициям его народа, которым была не одна сотня лет, а второе толкало юношу к образу «человека двадцать первого века», который никогда в жизни в такое бы не поверил. Однако Уиллу уже не раз приходилось убеждаться, что слова его деда имеют силу, так же как традиции и все, что с ними связано. Уилла тянуло к традициям, но какая-то часть его души так зло и обидно насмеялась над этим, что он переставал вообще во что-нибудь верить.

— Уилл, слушай, что говорит тебе твое сердце. — Старик протянул руку и, коснувшись лба внука, сказал: — Посмотри на нее моими глазами, но смотри в нее, а не на нее. — Джордж слегка сжал руку Раджани и попросил: — Откройся ему,пусти его.

Она кивнула и сняла все щиты; Уилл потянулся к ней разумом — слабо и неуклюже, но Раджани чувствовала, что скоро он станет очень силен. В ответ она послала ему волну доверия, и он на мгновение улыбнулся, но почти сразу же оборвал связь и уставился в окно.

— Он научится, сестренка, непременно научится. — Джордж тихо и мелодично засмеялся. — Так этот человек, которого ты хочешь предупредить, кто он?

Раджани пожала плечами.

— Я не уверена, но по-моему... — она вспомнила имя того, кого искали охотники, — его зовут Койот.

Уилл насторожился, и даже Джордж на мгновение утратил приветливость.

— Вот как? Койот?

Раджани кивнула.

— Вы его знаете? Ему грозит большая опасность.

Джордж покачал головой.

— Мы знаем о нем. Это человек-легенда. Кто-то поговаривает, что он уже умер, другие утверждают, что он вернулся, после того как победил чудовище в Фениксе.

— Скрипичника?

— Отшельника, — улыбнулся Джордж. — По-моему, так зовут человека, который управляет подобными существами.

— Вы можете отвезти меня к Койоту?

Старик снова покачал головой:

— Мы не знаем, где он. — Раджани поежилась и поплотнее закуталась в куртку. — Но мы знаем людей, которые могут знать, где его найти.

Уилл повернулся к нему:

— Неужели?

— Прибавь газу, Уилл, придется прокатиться немного. — Старик сцепил руки и вытянул их вперед, хрустнув суставами. — Одолеть Скрипичника нам, конечно же, не под силу, но помочь найти брешь в его броне было бы приятно.

Входя вместе с Джорджем в полутемный коридор десятого этажа «Феникс дженерал», Раджани с трудом скрывала волнение. Уилл припарковал автомобиль возле башни и хотел идти с ними, но дед не позволил:

— То, что я хочу сделать, лучше делать вдвоем.

Раджани не поняла, что имел в виду старик, но, когда он пошел к башне, почувствовала, что аура его изменилась. Сначала она съежилась, почти исчезла, а потом, наоборот, простерлась широко, так что коснулась Раджани, когда Джордж взял ее за руку. Улыбнувшись, он повел девушку к больничному отсеку. Перед автоматически-ми дверями он на мгновение задержался, чтобы они успели открыться, а потом буквально вбежал в приемное отделение. Ни на что вокруг не обращая внимания, он проскользнул в конторку медсестры и быстро набрал

имя на клавиатуре. На экране появилась информация, и старик улыбнулся. Когда медсестра повернулась к терминалу, Джордж незаметно взял ее карандашик и уронил. Пока она его поднимала, старик уже убрал информацию с монитора и, ни слова не говоря, потащил Раджани к лифтам. Войдя в кабинку, он нажал кнопку десятого этажа и только тогда отпустил руку Раджани.

— Как ты это сделал, мы что, невидимые?

Джордж покачал головой:

— Нет, просто неправдоподобные.

— Как так?

— Нас видели все. Охранники, сестры, служащие и пациенты, но, скажи мне, кто поверит своим глазам, если увидит, что, когда часы приема закончились, по больнице шастает старый индеец под ручку с девицей нечеловеческого происхождения? — Раджани удивленно моргнула, и он улыбнулся. — Разумеется, такого просто не может быть, и я немного усилил их уверенность в этом. Они отлично знают, что не могли увидеть такую картину, и теперь решат, что у всех просто разыгралось воображение.

Звякнул звонок, и двери открылись. Джордж провел Раджани по коридору, прошел мимо стойки дежурной сестры и направился к северному крылу. В палату № 42 они вошли с такой легкостью, будто бы табличка «Не входить» была повешена не для них.

Войдя, Раджани сразу окунулась в ощущение физической боли, заполнившее всю комнату. Потом она увидела лежащего на кровати огромного негра. Из двух капельниц в него вливалась какая-то жидкость, а еще одна трубка, казалось, высасывала из раненого кровь. Его черная кожа посерела и стала похожа на бинт у него на голове. Из ноздрей у него торчали трубки кислородного аппарата, и от звука прерывистого хриплого дыхания Раджани невольно вздрогнула.

Джордж шумно вздохнул. Он подошел к кровати и протянул к раненому ладони. Постояв так несколько секунд, старик опустил руки и проворчал:

— Он мог бы поправиться, но он не хочет жить.

Глаза негра открылись.

— Кто?..

Раджани послала ему мысленную волну спокойствия и, подойдя, встала с другой стороны кровати.

— Мне сказали, что вы знаете Койота. Я приехала издалека.

Негр кивнул:

— Ах да, Койот. — Он шумно фыркнул, и Раджани уловила гнев. Потом возник образ красивой женщины и растворился в крови.

— Койот убил вашу жену? — поразились Раджани.

— Нет, нет. — Негр тяжело вздохнул. — Он не мог ее уберечь. Мне сказали об этом только два дня назад. Он не знал.

— Мне нужна помощь Койота, мистер Гаррет. — Раджани взяла его большую ладонь в свои руки. — Он в большой опасности. Ему угрожает Скрипичник.

Глаза Гаррета сверкнули:

— Скрипичник? Нет, Койота здесь нет.

— Мне нужно его найти. Вы не скажете мне, где он?

Гаррет покачал головой:

— Для этого вы должны кое с кем повидаться, но я не могу вас отвести к этим людям.

— Почему?

— Сестренка, он тяжело ранен, — сказал Джордж и, приподняв простыню, показал Раджани трубку, идущую к груди Гаррета. — Только через пару месяцев он сможет хоть как-то передвигаться.

— У нас нет пары месяцев! — воскликнула Раджани.

— У тебя не осталось даже пары минут! — раздался голос от двери. В палату вошла белокурая девица, а за ней — парень, который аккуратно прикрыл за собой дверь. На обоих были кожаные брюки и армейские ботинки. Парень держал в руках небольшой автомат, а девица — автоматический пистолет с глушителем.

— Похоже, вместо одного трое, Карл, — фыркнула она.

— «Воины», — прохрипел Гаррет и заворочался на постели.

Раджани почувствовала его желание встать и поместиться с ними силами, но он смог только скрипнуть зубами от беспомощности.

— Да, Гаррет, мы пришли завершить работу. Ждали только, пока жара спадет.

Оборвав связь с Гарретом, Раджани улыбнулась Карлу:

— И пока мистер Гаррет останется без защитников.

— Заткнись, сука. Не пытайся геройствовать, ты все равно сдохнешь бесславно. — Парень отошел на шаг и махнул подружке: — Давай, Хайди, давай развлекись.

Блондинка издевательски долгим и эротичным движением оттянула затвор пистолета. От металлического щелчка Раджани вздрогнула, и блондинка, увидев это, радостно улыбнулась. Раджани посмотрела на Джорджа, но тот отвел взгляд.

— Хэл Гаррет, ты приговорен к смерти «Воинами Арийского Мирового Союза». — Блондинка начала медленно опускать пистолет на уровень головы Гаррета. — Ты обвиняешься в преступлении против арийской расы и приговариваешься к смерти. Твои сообщники умрут вместе с тобой.

Увидев в сознании блондинки образ пули, Раджани резко рванулась вперед и ударила снизу по глушителю, как раз в тот момент, когда девица нажала курок. Раздался грохот, взлетели перья — пуля попала в подушку.

Хайди выругалась и повернулась к Раджани, но та изо всех сил ударила ее в живот. Блондинка закашлялась и упала на колени. Карл поднял автомат...

Неожиданно в двери образовалась дыра, из которой вырвался желтый оранжевый язык пламени. Пули разворотили грудь Карла и отбросили Хайди к противоположной стене. Она стекла по ней, будто ее кости внезапно стали мягкими. На Хайди упал Карл; его автомат звякнул об пол.

Держа расистов на прицеле, Уилл пинком распахнул дверь.

— Видел — они подкупили охранника. Пошел за ними. Я посмотрел на них твоими глазами, дед. — Он повернулся к Джорджу: — Слава Богу, успел вовремя.

Гаррет схватил Раджани за рукав:

— Иди в «Вершину», поговори с Батом. Он тебе поможет.

— Надо уходить, — вмешался Уилл. — Их прикрывают на лестнице. Как минимум еще двое.

Раджани покачала головой:

— Нельзя оставлять вас здесь. Они вернутся и убьют вас.

— У меня небольшой выбор, — от напряжения Гаррет дрожал всем телом. — Берите пушки и сматывайтесь отсюда.

— Нет!

От крика Раджани все трое мужчин вздрогнули. Она быстро вытащила из Гаррета иголки капельниц и укачала Уиллу на трубку, ведущую к груди раненого:

— Убери ее!

Уилл замотал головой:

— Ты врешь!

Она посмотрела на Джорджа:

— Ты мне доверяешь. Убери ее.

Старик кивнул:

— Уилл, она знает, что делает.

Раджани повернулась и, закатав рукава, прижала большие пальцы к переносице Гаррета.

— Доверься мне, Хэл Гаррет. Работай вместе со мной.

Он кивнул, а потом застонал, когда Джордж вытащил у него из груди трубку.

— Готово!

Раджани уставилась в глаза Гаррету и вошла в его сознание. Она спустилась в самую глубину, туда, где формировалась его личность, и увидела там тряпичную куклу с тремя пулевыми отверстиями. Ее руки и ноги беспомощно и безвольно раскачивались над черным гробом.

Ты знаешь, что не виноват в смерти своей жены. Ты ничего не мог сделать.

Лицо куклы исказилось.

Я должен был сделать хоть что-то. Я должен был увезти ее в безопасное место.

На земле Раджани увидела двух маленьких детей.

Ты не бросишь их, Хэл Гаррет. Ты сильный и будешь бороться за их будущее. Ты должен выжить сейчас, чтобы те, кто охотится за тобой, потом не начали охоту на них. Если ты сдашься, те, с кем сражался Койот, победят.

Руки куклы перестали качаться.

Нет времени лечиться.

Работай вместе со мной. Доверься мне. Я тебя вылечу.

Кукла кивнула, и Раджани, перехватив ее взгляд, заставила померкнуть все образы в сознании Хэла, заменив их другим видением, как учил ее в свое время доктор Чандра. Она увидела Хэла Гаррета таким, каким он был в реальности: сложный узор молекулярных структур. Они работали на то, чтобы поддерживать жизнь, но Раджани заставила их излучать жизнь и рождать ее заново.

Она добралась до мозговых центров Гаррета и включила и стимулировала те, которые ответственны за регенерацию тканей. В следующее мгновение организм Гаррета включился в борьбу. По нервным клеткам понеслись сигналы, железы принялись выделять в кровь нужные гормоны, увеличивая активность других желез и органов. Клетки вокруг ран начали делиться со скоростью раковых клеток, заживляя два отверстия в легких и одно в желудке. Лейкоциты и макрофаги начали охоту за возможными инфекциями, метаболизм ускорился, и тело начало стремительно перерабатывать жиры, чтобы дать пищу для митохондрий.

Раджани вышла из сознания Гаррета и отпустила его голову. Он не откинулся бессильно на подушке, как все ожидали. Мышцы на его шее напряглись и мягко опустили голову.

— Спасибо. — Он откинул простыню и, держась за спинку кровати, осторожно спустил ноги на пол. — Мои вещи там. — Он показал Джорджу на шкаф, скрытый занавеской.

Уилл покрутил головой:

— Вам нельзя выходить из больницы.

Хэл слизнул капельку крови с тыльной стороны ладони.

— Сынок, многие приходят сюда, чтобы умереть, но я решил, что я не из их числа. А теперь, если мы собираемся драться с остальными «Воинами», дайте мне одежду, чтобы не светить голой задницей.

Раджани улыбнулась, глядя на великана.

— А потом мы найдем Койота и предупредим его об опасности.

— Найдем и предупредим, — улыбнулся ей Хэл.

Койот перехватил озадаченный взгляд Монга, но все равно надел под футболку кевларовый бронежилет. Потом настала очередь кобуры с «вилди вулфом» и еще двух на поясе — в каждой по «крайту». Закончив с этим, Койот встал и попрыгал, чтобы убедиться, что достаточно крепко зашнуровал ботинки.

Монг покачал головой:

— Мне хотелось бы, чтобы в первом путешествии по измерениям тебе было удобно.

Койот улыбнулся:

— Без этого железа мне удобно не будет. Я знаю, там может встретиться опасность, и хочу быть готов. Кроме того, мне, видимо, придется путешествовать по измерениям с еще большим количеством оборудования, так что это хорошая возможность потренироваться.

— Да, это достойная цель, Куй-кан. Я сам мог бы тебе это посоветовать. А теперь сядь пожалуйста, — Монг указал на низенькую скамеечку рядом с кроватью Койота, — и начни дыхательные упражнения. Ты должен полностью очистить свое сознание.

Койот повиновался. Немного мешали обоймы в карманах, но все же он старался сохранять нужное положение. Он заставил себя забыть о волнении и о неприятном ощущении на затылке, где Монг выбрил ему волосы. Дыша медленно и размеренно, он закрыл глаза и, успокоив душу, обрел полную власть над своим телом.

— Твое первое путешествие будет основано на образах и опыте твоих последних медитаций в пустоте. Твои бывшие хозяева тебя отлично к этому подготовили. Ми-ма-йину пришлось бороться с собственными представлениями о себе, но у тебя их нет. Сейчас ты не отягощен ни ярлыками, ни привычным образом. Ты очень мало знаешь о том Куй-кане, которым был до недавнего времени.

Койот медленно кивнул. Голос Монга постепенно отдалялся. Да, — подумал он и оборвал все, кроме одной, самой последней, связи с реальностью, в которой был рожден.

— Готово.

— Первое место, куда ты отправишься, — это протоизмерение. Оно недалеко, и там ты будешь в безопасности, так же, как здесь, в Кангенпо. — Койот услышал шорох одежды: Монг сел на пол. — Это измерение мы обычно используем для входа и выхода из монастыря. При необходимости его можно блокировать от внешних и внутренних воздействий, а также полностью очистить от того, что в нем существует.

— Что-то вроде воздушного шлюза, — улыбнулся Койот.

— Да, почти. Теперь сосредоточься и представь себе место, в котором не светло и не темно, не жарко и не холодно. Оно не острое и не мягкое, безопасное и готово гостеприимно встретить любого. Когда представишь, просто входи туда.

Похоже на описание материнского чрева.

Вскоре Койот понял, что это довольно точное определение. Перед его внутренним взором возникла субстанция, которой он раньше не видел. Он медленно двинулся к ней, и внезапно его втянуло внутрь.

В первое мгновение ему показалось, что он наткнется на стену, но этого не произошло. Открыв глаза, он увидел, что стоит посреди серого мира. В сухом воздухе стоял тяжелый запах мертвых цветов. Койот повел рукой, и вокруг его ладони завертелись небольшие спирали тумана, которые почти сразу рассеялись.

— Очень неплохо, Куй-кан, — из тумана появился Монг; его оранжевая одежда на сером фоне казалась непривычно яркой. — Ты достиг этого места быстро и без всяких трудностей.

Койот кивнул и нахмурился.

— Я понимаю, что ребенок сначала начинает ползать и только потом — ходить. Но это протоизмерение менее четкое и менее вещественное, чем то, в котором я оказался между Седоной и Аризоной. Там были хотя бы разные краски. Здесь я чувствую себя так, словно меня завернули в серую простыню.

— Ты должен понять, Куй-кан, как работает протоизмерение. Представь себе, что измерения — это книги, стоящие на полках библиотеки. Протоизмерение проникает, подобно червю, сквозь несколько томов сразу.

Например, отсюда можно попасть в измерение, где мы берем пищу.

Пока Монг говорил, Койот увидел троих монахов, которые прошли сквозь завихрения серого тумана и исчезли.

— Значит, по аналогии с библиотекой, я могу попасть в любое измерение, если точно знаю его «библиотечный индекс»?

— Совершенно верно, — улынулся монах. — Этот «индекс» содержит много параметров, но, в отличие от библиотеки, они скорее чувственные и осязаемые, нежели цифровые. Однако есть существа, способные отыскивать измерения на карте по координатной сетке.

— Я знаю. Кроули воспользовался каким-то устройством, чтобы отправить нас в Плутонию. Там жили существа, похожие на Скрипичника.

Монах поднял руку и описал в воздухе круг:

— Прошу тебя, будь внимателен и осторожен. Система защиты здесь все же слабее, чем в Кангенпо, и твои мысли могут привлечь врагов.

— Не понимаю.

— Подобно тому, как ты представляешь себе место, в которое хочешь попасть, ты можешь, представив себе своего врага, позволить ему воспользоваться этой мысленной связью и пройти в твоё измерение.

— Гора идет к Магомету?

— Да.

Койот кивнул.

— Значит, если я могу описать измерение, то в состоянии и попасть в него?

— Да. Этот путь сложнее, но в принципе такое возможно. — Монг поднял голову, будто прислушиваясь к чему-то. — У тебя уже есть что-то на уме?

Койот поправил «крайт» на правом боку.

— В последний раз мы дрались со Скрипичником на моей территории. Я думаю, неплохо было бы сменить поле битвы.

— В этом нет ничего хорошего!

Монг повернулся и, протянув руку, схватил за одежду раненого монаха, ворвавшегося в протоизмерение.

Потом он взгляделся в серый воздух, и под его взглядом в нем возникла воронка желтого света.

— Туда, быстро!

Койот увидел, как Монг толкнул в воронку монаха и понял, что должен идти следом. Сам Монг прошел сквозь стену, окружающую измерение, и Койот не раздумывая прыгнул в воронку.

Приземлившись, он перекатился через голову и поднялся на ноги уже с пистолетом в руке. Справа он увидел какое-то существо и торопливо дернул предохранитель, но тут появился Монг. Глаза у ламы стали багровыми, и когда он бросил взгляд на существо, оно завертелось, объятное пламенем.

— Кто это был? — спросил Койот, глядя на существо, корчащееся в огне.

Тварь, ростом футов двенадцать, очень напоминала описания легендарного «снежного человека» — только у нее было двенадцать конечностей. Все восемь рук были сильными, но казалось, что верхние четыре приспособлены для более тонкой работы, чем нижние.

— Я думаю, они послужили поводом для легенд о йети. — Монг присел возле окровавленного монаха и прижал пальцы к его шее. — Мертв.

— А остальные? Их же было трое?

Монг покачал головой:

— Горфаши плотоядные. — Он посмотрел на небо. — И многочисленные. Обычно их стаи здесь появляются редко, только в сезон сбора урожая.

Койот посмотрел на ближайшие кусты — это были лианы, усеянные сочными плодами. По запаху они напоминали те плоды, которыми его угощали в Кангенпо.

— Не хочется умирать в битве за урожай. Так мы пойдем искать остальных монахов?

Монг на мгновение задумался.

— Нет. Твой пистолет против них бессилён.

Койот убрал «крайт» в кобуру и достал «вилди».

— Калибр «крайта» всего десять миллиметров, а это четыреста пятьдесят седьмой «вилди-магнум». Хорошая начальная скорость и большие дырки. Пойдем.

— Нет, Куй-кан, сначала надо отнести Тринли в Кангенпо. — Монг взял тело монаха за руку, и в этот момент

невдалеке раздался крик. Койот повернулся и побежал на звук. Сухая трава цеплялась за одежду. Добравшись до вершины холма, Койот упал и прополз чуть вперед, не обращая внимания на порезы от острых стеблей.

Вниз, в свете красной луны, водили хоровод несколько горфашей. Внутри круга беспомощно бился монах, пытаясь выбраться, но горфаши снова и снова сбивали его на землю и продолжали плясать. Размахивая руками, они сорвали с него остатки одежды. Голый и израненный, монах свернулся калачиком на земле.

Койот прикинул на глаз расстояние.

Двадцать пять метров. Дюжина целей. Судя по всему, там двое детенышей, четыре самки и шесть самцов, фунтов эдак четыреста каждый. Одна пуля. Может быть, две. Он сунул руку в левый карман и достал две обоймы для «вилди». Интересно, быстро ли они смогут добежать до меня?

Он прицелился и нажал на курок. Увидев, куда попала первая пуля, он сразу же выпустил вторую. Одна пробила шею чудовища, вторая живот. Горфаш упал. Койот улыбнулся. Все правильно рассчитал: две пули на каждого.

Но тут раненый горфаш поднялся и устремился к нему. Третья пуля угодила ему точно между глаз и снесла полголовы. Койот опустил пистолет и тут же снова поднял его, потому что все горфаши, рыча, начали приближаться к холму.

Плохо. Была двадцать одна пуля. Если на каждого по три, то они, пожалуй, мной пообедают.

Двумя выстрелами он уложил еще одного горфаша, за ним — следующего, сменил пустую обойму и снова открыл огонь, но горфаши неумолимо приближались. Опустела вторая обойма, и Койот вставил третью.

Если я что-нибудь не придумаю, мне крышка. Он вжался в землю и начал посылать пулю за пулей со всей быстротой, на какую был способен. *Здорово же я влип.*

Когда горфаши были уже совсем близко, Койот свернулся клубком и покатился вниз по холму. Горфаши устремились за ним, и один вырвался далеко вперед. Койот ухватился за пучок травы, чтобы остановить падение и, подпустив его ближе, поднял свой «вилди».

Но вместо выстрела он услышал только сухой щелчок. В патроннике было пусто. *Черт!*

Он вскочил на ноги и схватился за кобуру с «крайтом», но застежку, как назло, заело. Койот приготовился к смерти, но внезапно какая-то сила отбросила его вправо. Затем послышался сухой шепот какого-то метательного оружия и негромкий хлопок. Горфаш остановился и бесформенной кучей рухнул на землю. Остальные развернулись и бровились наутек.

Койот медленно поднялся, достал «крайт» и, направив его на мертвого горфаша, подошел к труп. Запах чужой крови вызывал тошноту.

Подойдя, Койот переложил пистолет в левую руку и, присев на корточки, осмотрел рану в правом боку горфаша.

Лезвие отрубило руку и пробilo сердце. Оно у этой твари, должно быть, большое. А может, их у горфашей вообще два. Он задумчиво потрогал шерсть на спине горфаша. *Чтобы свалить такого, нужно что-то вроде копы или нагинаты. Черт поberi, кто же это сделал?*

Услышав шорох, Койот вскинул пистолет, но из-за кустов вышел Монг.

— Ты не ранен, Куй-кан?

— Нет. А вы?

— Все в порядке. Вставай, нам надо идти. — Монг махнул ему рукой в знак того, что нужно спешить. — Нас кто-то выслеживает. Задерживаться опасно. День назад здесь кто-то хорошо поработал.

Койот вспомнил, как почти то же самое говорил Кроули в одном из измерений.

— Вы чувствуете силу или насилие?

— И то и другое. И, видимо, и то и другое привлекло горфашей. Идем.

Монг взял его за руку. Пейзаж прорезала ярко-желтая полоса. Монг протащил Койота через нее; мелькнула серая дымка протоизмерения, а потом они оказались в келье Койота.

— За то, что ты сделал сегодня, прими мою благодарность. Двое монахов останутся в живых, — сказал Монг, отпустив руку Койота.

Койот кивнул.

— У меня не было выбора.

— Отчего же, — возразил Монг. — Ты мог — и должен был — повиноваться мне. Ты хорошо умеешь перемещаться по измерениям, может быть, даже настолько хорошо, что сумеешь найти родное измерение Скрипичника. Но 'здесь ты знаешь правила, и поэтому твои порывы верны и часто достойны похвалы. В другом измерении они могут тебя погубить.

После того как Монг ушел, Койот отправился в зал для тренировок. Там никого не было, и Койота это не удивило. Он зажег фонарик и пошел к стене, на которой висело оружие. Нагинату, казалось, не трогали, но Койот все равно снял ее и внимательно осмотрел наконечник. Чистый, без единой выщербинки, без следа ржавчины. Он пожалел, что под рукой нет необходимого оборудования. *Набор химикатов, спектральный анализ — и я бы с легкостью определил, пользовались тобой или нет.*

Он повернул наконечник к свету; там, где оно крепилось к древку, остался клочок какого-то плотного волокна, и Койот снова пожалел, что не может воспользоваться лабораторией, хотя ему и так уже все было ясно. Он лишь хотел подтверждения.

Это клочок шкуры горфаши.

Он повесил нагинату на место и выключил фонарик.

Идам, с которым я дрался, пытался убить нагинатой меня. Теперь кто-то при помощи нагинаты спас мне жизнь. Что за странное совпадение? Он непроизвольно вздрогнул. *И где же нам снова предстоит встретиться?*

15

Синклер Мак-Нил поправил галстук, проверил, на месте ли наручный диктофон, который Лилит наконец ему предоставила, и, улыбнувшись, подошел к конторке секретаря:

— Синклер Мак-Нил к мистеру Кену Мартину.

Брюнет лениво взглянул на него:

— Вам назначено?

— Нет. Просто скажите мистеру Мартину, что я пришел. У меня буквально минутное дело.

— Если вам не назначено, я не могу пропустить вас. Такова наша политика.

— Уверяю вас, мистер Мартин изменит свою политику ради меня.

— В последний раз когда я кому-то поверил, меня чуть не уволили. — Секретарь посмотрел в книгу записи на прием. — Это политика не мистера Мартина, а всей Голландской Химической Ассоциации. Я могу записать вас на прием на следующий четверг, через неделю.

Прекрасно! Я выполняю важное поручение, а какой-то секретарь будет мне палки в колеса вставлять.

Син улыбнулся так дружелюбно, как только мог:

— Послушайте, передайте мистеру Мартину...

— Если вы хотите назвать какой-то магический пароль, то не утруждайтесь. — Секретарь зевнул, прикрыв рот тонкими пальцами. — Боюсь, у нас нет времени на Джеймсов Бондов.

Син вспыхнул:

— Когда мы в последний раз рыбачили со стариной Кипом, наживкой служил один паренек вроде тебя. Но он был не такой длинный, так что на него клевали только простые акулы. С тобой же мы вполне можем рассчитывать на большую белую.

Секретарь побледнел и заглянул в журнале:

— Похоже, что встреча, назначенная на 8.15, отменяется, — и нажал кнопку интеркома: — К вам мистер Мак-Нил.

— Синклер Мак-Нил? — треснул голос в динамике. — Пусть входит немедленно.

Син толкнул дверь позади конторки и улыбнулся Кипу Мартину, который встал ему навстречу из-за орехового стола. Он обошел стол и протянул Сину руку.

— Рад видеть тебя, Син. — Мартин улыбнулся и покачал головой. — Не ожидал, правда, встретить тебя по эту сторону гавайского озера, но, я гляжу, у тебя все в порядке.

Они обменялись рукопожатием.

— Да и ты, я смотрю, в отличной форме, Кип. Хороший у тебя кабинет.

Кип гордо улыбнулся:

— Да, с тех пор как мы с тобой вместе вели дела, кое-что изменилось.

Три стены, обшитые панелями тоже из орехового дерева, были сплошь увешаны литографиями с изображением кораблей. Самая большая висела напротив стола. Под ней помещались фотографии самого Кипа со свежепойманной рыбой в руках. Син не смог определить, что это была за рыба, но знал, что Кип при первой же возможности выложит ему все про свой улов.

Четвертая стена представляла собой окно, из которого открывался вид на Токио. Издали город напоминал лес серых сталагмитов, покрытый дымкой тумана. Среди тысяч домов Син едва разглядел зеленую ограду императорского дворца. Местами туман отражал голубой океан и сам становился от этого голубоватым.

— Что ж, дружище, ты столько учился, что грех тебе было бы не оказаться в первых рядах. Еще когда тебя брали консультантом по безопасности, я знал, что ты достоин лучшей доли. — Син уселся в кресло для посетителей. — Сильно они тебя прорабатывали?

— Как обычно, — пожал плечами Кип. — Выволочка семь на семь.

— И по времени ты работаешь столько же, сколько японцы?

— Почти. Но у меня есть час на обед, и я имею право не выходить на работу в субботу. — Кип улыбнулся. — Другие за меня вкалывают, а я отправляюсь рыбачить.

— Как говорится, лодка — это бездонная дыра, куда ты швыряешь деньги.

Кип помрачнел.

— Сейчас у меня нет лодки. Я ее потерял.

— Что случилось?

Кип посмотрел на свои сцепленные в замок руки.

— Не знаю. Я что-то поймал, что-то очень большое. — Он поднял голову и посмотрел на Сина. — Я думаю, эта тварь тоже порядком перепугалась, но так или иначе, я пришел в себя, когда меня везли в реанимацию. Не советую рыбачить за пределами бухты.

— Да, паршиво вышло. А как поживает Сьюзан?

Кип помрачнел еще больше.

— Она сбежала с интерном, который меня лечил.

— Плохо. — Син оперся локтями на колени и наклонился вперед. — Тебе надо было давно со мной поговорить, дружище.

— А что ты мог сделать, Син? Кроме того, я считаю, что Сьюзан не виновата. Когда она выходила за меня замуж, я был обычным счетоводом со средним достатком. После того как мы переехали сюда, она лучше узнала мир, и меня, ей, видимо, перестало хватать. Она переросла меня.

Никогда не думал, что у него в жизни такое случится.

— Ладно, не буду тебя больше расспрашивать, а то схлопочу по физиономии.

Кип улыбнулся.

— Да брось, никаких обид. Моя нынешняя жена Мико, которая служила здесь раньше, истинная японка, воспитанная в древних традициях. Она меня любит, и ей плевать, что я иногда поздно возвращаюсь домой. Каждый вечер она готовит мне потрясающие блюда, греет ванну, делает массаж и... так далее. — Он погладил себя по животу. — Так что жизнь не такая уж и плохая штука.

Син усмехнулся.

— Никто не обладает такой способностью к выживанию, как ты.

— Спасибо. — Кип наклонился ближе к Сину. — А что, позволь узнать, ты делаешь в Японии? Я слышал, ты был на какой-то званой вечеринке в Кимпунсимае неделю назад. Я попытался проверить это по своим каналам, но, когда вышел на стюардессу, мне сказали, что ты будто сквозь землю провалился, да и она тоже.

— Но ведь сейчас я здесь, Кип, во плоти. Я теперь работаю на «Лорику». Меня наняли в качестве консультанта по разным вопросам. Сейчас новый шеф подумывает о том, чтобы купить кусок Кимпунсимы. Меня он послал на разведку. Надо узнать, многое ли изменилось с тех пор, как я последний раз здесь был, и наладить кое-какие связи, чтобы можно было прислать людей.

— Трудновато тебе придется, а?

— Согласен, но на такой должности у меня есть шансы выбраться на самый верх. — Син улыбнулся прият-

лю. — И я смогу обедать в самых дорогих и шикарных ресторанах. Кстати, на вечеринке поговаривали о блюдах, что подают в Галбро, но я решил не пробовать, пока не спрошу твоего мнения.

Кип откинулся и сцепил руки знакомым Сину жестом. *Что-то не так, его что-то гнетет.*

— Я с радостью закажу тебе обед сюда или покажу дюжину ресторанов, где можно не зря потратить деньги и время.

— Но?

Кип вздохнул.

— Я ушел из института Галбро. Народ там довольно странный, и, мне кажется, они по уши в каком-то очень подозрительном дерьме.

— О чем ты?

Кип показал на закрытую дверь и понизил голос.

— Прежде чем там воцарился мистер Конгениальность, — сказал он, имея в виду секретаря, — была у меня одна пташка по имени Дженни Пигот. Умница и хотя не красавица, но все равно девчонка что надо. Я было начал ухлестывать за ней, после того как ушла Сьюзан, но здесь это не одобряется, а кроме того, она мне гораздо больше нравилась в роли секретарши. Только на беду, она приняла приглашение в одно из их заведений, и ей так все это понравилось, что по понедельникам она едва держалась на ногах и несла полную ахинею. Больше ни на что не была способна, и я понял, что скоро лишусь секретарши.

— Какую ахинею?

— Самую настоящую. — Кип подчеркнул эти слова выразительным жестом. — Полную чушь. Всего не упомяну, но вот, например, она совершенно меня поразила, когда сказала, что мою лодку утопили, потому что я зацепил крючком космический корабль, выполнявший задание Центра в глубинах океана. И добавила, что «хорошие» инопланетяне меня спасли и вытащили на берег.

Син рассмеялся:

— Вот это да! И ты ей поверил?

Кип опустил руку под стол и задрал брючину:

— Нет, конечно. Если ты мне покажешь хоть одного инопланетянина, который способен на это, дай мне знать. — Он показал круглую рану на ноге.

— Похоже, по тебе прокатилась прилипала.

— Да, и притом не маленькая. Моя лодка была тридцать футов длиной и исчезла бесследно. — Он опустил брючину и положил ногу на стол. — Но Дженни это не разубедило. А потом стали происходить странные вещи: например, на паре дней исчезали кое-какие папки с делами и копировальный автомат использовался кем-то в нерабочее время. Начали пропадать всякие мелочи.

Син кивнул.

— И ты решил, что она таскает информацию этим людям?

— Нет, я подумал, что Дженни собирает улики, чтобы доказать мне, что она права. Она продолжала выдумывать всякие глупости, и вскоре у нее началась просто настоящая параноя. Например, она не поднимала трубку телефона, если он звонил на седьмую минуту часа. — Кип пожал плечами. — Пришлось ее уволить. Сейчас она в Галбро и, насколько мне известно, является личной секретаршей Арриго Эль-Лехтера.

Син покачал головой:

— Да, странное дело.

— Пожалуй, тебе стоит туда наведаться.

— Согласен, только не знаю, как это сделать. — Син улыбнулся. — Один мой знакомый, Джо Иббара, говорил: «Начинать надо с самого трудного». Мне бы побывать на одном таком семинаре, а там дело пойдет проще.

Кип кивнул.

— Я могу свести тебя с одним из вербовщиков. В ближайший уик-энд, если хочешь.

— Спасибо. Слушай, а что ты собираешься делать в обед? Могу я пригласить вас с Мико в ресторан?

— Нет, сегодня не выйдет. — Кип потрогал конверт, лежащий на его столе. — Мико в Осаке у своей матери, а у меня билет на игру «Дадзамоку оспрейз» против «Гончин драгонз». Хочешь пойти?

— Баскетбол? — Син усмехнулся. — Не видел его с тех пор, как последний раз был здесь.

— «Оспрейз» играют на своем поле и их тренирует Кевин Джонсон. Помнишь его? Он играл в «Феникс сан».

— Помню. Мне тогда было лет десять. Неплохо. Когда начало?

Кип посмотрел на часы:

— Встретимся в шесть. В обед поработаю и смогу пораньше уйти.

Син встал и направился к двери:

— Значит, в шесть. Ну что ж, погуляю по Кимпунсимае.

— Эй, Син.

— Да?

— Если встретишь инопланетян, спроси, как у них со страховыми агентами. Может, я получу хотя бы доллар за свою лодку.

16

Хэл Гаррет произвел на Раджани сильное впечатление. Несмотря на то что ему еще было нужно время, чтобы поправиться полностью, он нещадно подгонял своих спутников, не забывая при этом следить, не увязался ли за ними хвост. По дороге он куда-то звонил по мобильному телефону и обменивался с собеседниками короткими кодовыми фразами. Потом он дал Уиллу указания и лишь после этого прилег на заднее сиденье в автомобиле.

Раджани совершенно не представляла, где именно в Затмении они находятся. Купол высотой сто футов превращал город в страну вечной ночи. Под куполом виднелись гнезда, свитые людьми, между которыми струились тротуары. Кругом горели костры, и воздух был горячим и спертым; Раджани это нравилось, но Гаррета ужасно бесило.

От неоновых вывесок было светлее, чем от фонарей. Второй ярус дорог казался пустынным, но те редкие машины, которые там проезжали, как заметила Раджани, выглядели весьма шикарно. Проезжая через грязное шумное Затмение, Раджани снова вспомнила о Скрипичнике. А не победил ли он там, наверху?

Уилл высадил их в темноте между домами и протянул Гаррету ружье.

— Это мне ни к чему. — Гаррет тяжело привалился к фонарному столбу. — Спасибо за помощь, а теперь — уезжайте.

Раджани обняла Джорджа:

— Спасибо за помощь и за доверие.

Старик улыбнулся ей и забрался обратно в пикап.

— Верь в себя, сестренка. Скрипичник еще не знает, что его дни сочтены.

Едва пикап отъехал, Раджани и Гаррета окружили какие-то люди-тени. Включив ночное зрение, Раджани смогла хорошо их рассмотреть. Почти все, за редким исключением, были неграми, как и Хэл, только выше ростом и не такие могучие. Раджани обратила особое внимание на их руки. *Они добавили веса в кисти, чтобы был мощнее удар. И лица тоже — брови и щеки увеличены, для того чтобы защитить глаза.*

Один из них вышел вперед и пошел прямо к Гаррету. Он поднял кулак, и Раджани уже хотела рвануться вперед, чтобы принять удар на себя, но волна радости, хлынувшая от Гаррета, остановила ее.

— Это что, землячок? — спросил подошедший.

— То, что и должно быть, братишка, — ответил Хэл. Он тоже поднял руку, и их кулаки столкнулись в приветствии. — Мне нужно спрятать эту крошку. Только не вздумай трогать ее, Джалал.

— Э, я буду холоден, как рыба зимой. — Он посмотрел на Раджани и улыбнулся: — Черная. Она наша сестра.

Половины слов Раджани не понимала, но чувствовала в молодом негре гордость и силу, а еще — готовность драться и умереть за Гаррета. Джалал считал своим долгом беспрекословно выполнять приказы Хэла. А то, что Джалал считал своим долгом, его люди, которые называли себя «Кровопускателями», считали законом природы.

Джалал повел Раджани и Гаррета в заброшенный дом: кабели, ведущие к лампам на потолке, разрисованные стены, облезлые двери. В конце коридора Джалал остановился и постучал два раза, а потом — три. Металлическая дверь приоткрылась, произошел короткий обмен паролями, и дверь открылась чуть шире — ровно

настолько, чтобы мог пройти один человек. Джалал ввел гостей в боковую комнату, где стояли два стула, стол и две койки. Прежде чем он закрыл дверь, Раджани успела увидеть в соседней комнате оружие и поразились тому, что «Кровопускатели» были оснащены лучше, чем солдаты на базе, с которой она сбежала.

Хэл тяжело опустился на ближайший стул; по его лицу волной пробежала боль, но он прогнал ее смелой улыбкой.

— Ну вот и приехали. Не внаю, что ты там сделала со мной в госпитале, но сейчас я чувствую себя гораздо лучше. Так кто ты и зачем тебе нужен Койот?

Раджани скинула куртку, закатала рукава рубашки и показала Гаррету золотые полоски на коже.

— Вы, наверное, мне не поверите, но я буду говорить правду. Я родилась на вашей планете в 1969 году. В 1984-м меня поместили в стасис-капсулу, чтобы подготовить к борьбе со злым существом. Вы называете его Скрипичником.

При упоминании о Скрипичнике улыбка Гаррета померкла.

— Я был госпитале, когда они с ним схватились, но мне все подробно рассказали. — Его глаза блеснули. — Что до меня, то я тебе верю — по крайней мере в основном. Теперь выкладывай остальное, я хочу убедиться, что ты не подслана к нам. Если ты не подсадная утка, я устрою тебе встречу с Койотом.

Как Хэл ни старался, но два дня пришлось ждать. Все это время Раджани оставалась в банде, и «Кровопускатели» развлекали ее своим умением собирать и разбирать автоматы и быстро заряжать магазины.

Несмотря на то что она с трудом понимала их негритянский сленг, эти люди ей нравились. Она чувствовала с их стороны неподдельный интерес, похожий на тот, который испытывал к ней доктор Чандра и его ученые, и при этом она не улавливала и намека на ту ненависть, с которой в свое время смотрел на нее ассистент Чандры Никлас. Они взялись учить ее обращаться с оружием и так бурно радовались ее успехам, как не радовались даже ученые в лаборатории. Раджани это тоже было приятно.

Через два дня вернулся Хэл Гаррет и привел с собой двух человек. Джалал отвел всех в небольшую комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Мы хорошо заботились о нашей гостье, Хэл.

— Спасибо. — Гаррет, который выглядел теперь значительно лучше, представил людей, которых привел: — Раджани, это Нэтч, Бат и Джитт. Если ты ответишь на их вопросы, мы поможем тебе найти Койота.

Нэтч была почти одного с Раджани роста; она держала себя нарочито сдержанно. На ней был мешковатый кожаный пиджак и красная беретка. Она оглядела Раджани с головы до ног, и под ее взглядом та почувствовала себя заключенным перед судом.

— Ты не здешняя, так, Раджани? — спросила Нэтч и слегка улыбнулась.

— Нет, не здешняя. — Раджани вернула улыбку и посмотрела на высокого крепкого мужчину, стоящего за спиной у Нэтч. Если в суде над Раджани Нэтч выполняла роль председателя, то Бат выглядел как заправский палач. Раджани чувствовала, как он оценивает ее на примитивном, почти животном уровне. Его поверхностные мысли, которые ей удалось поймать, напоминали сухие отчеты о том, как лучше взорвать танк. Немного углубившись в его сознание, она поняла, что для Бата не существует понятий целесообразности или эффективности — он будет принимать или отвергать то, что ему предлагается, только из соображений собственного удовольствия и желания повеселиться.

Вздвигнув, она переключила внимание на Джитт. На первый взгляд эта высокая красивая блондинка не могла представлять никакой угрозы. Но было в ней что-то ненатуральное, и это настораживало. Едва Раджани попыталась проникнуть в ее сознание, как Джитт покачала головой:

— Пожалуйста, не надо.

Раджани моргнула.

— Что именно?

— Не надо лезть в мои мысли. — Джитт обхватила себя руками, словно защищаясь. — Я очень замкнутый человек. Пожалуйста, не надо.

Раджани кивнула:

— Я приношу всем свои извинения. Умение читать мысли и улавливать чувства присуще мне от рождения. Отключить его для меня все равно что закрыть глаза или заткнуть уши. Но я ни в коем случае не хочу вторгаться в вас.

Она подняла ментальные щиты, но по-прежнему ощущала чувство облегчения, которое испытали Джитт и Нэтч.

— Ты не похожа на инопланетянку, — неожиданно заявил Бат. — Они серые, маленькие, и головы у них приплюснутые. Ты не такая. Ты врешь нам?

Раджани присела на краешек койки.

— Нет, я не лгу. Я все объясню, если хотите.

Нэтч взяла Бата за руку:

— Давай.

— Раса, которую вы описали, называется «китера», но внешность, о которой вы говорите, они принимают лишь в один из периодов жизненного цикла. Китера очень развиты интеллектуально и начали путешествовать в космосе еще много столетий назад. Они открыли несколько обитаемых планет в своей солнечной системе, а потом наткнулись на моих соотечественников — кстати, мы называем себя «джесда». Именно китера принадлежала идея построить большие корабли и отправиться сюда, в систему вашего Солнца. — Раджани нахмурилась, пытаясь точнее припомнить все, что говорила ей мать и объяснял доктор Чандра.

— Мы, джесда, путешествуем вместе с китера и сосуществуем с ними. Экипажи кораблей комплектуются в основном китера, а джесда за время полета становятся совершенно похожими на них.

Лицо Джитт осталось невозмутимым, но она покачала головой:

— Ламаркизм? Идея о том, что изменения, вызванные влиянием окружающей среды, наследуются потомством? Эту теорию у нас отвергли давным-давно. — Она посмотрела на Нэтч. — Ведь дети Бата не унаследуют, например, его шрамы?

— Нет, это совсем другое. — Раджани закрыла глаза и сосредоточилась. — Доктор Чандра говорил, что мы «психомиметичны», то есть обладаем способностью к психологической мимикрии и в результате тренировок

можем стать «психоморфичными». Наши дети в первые пять лет по вашему времениисчислению морфологически способны меняться, приспосабливаясь к среде. Мимикрия, если хотите, возможность принимать форму окружающих предметов. Я родилась на Земле, и меня вырастили в лаборатории, где я находилась в постоянном контакте как с людьми, так и с моими родителями. Я унаследовала цвет кожи родителей, но физиологически стала больше похожа на людей, хотя мои родители были точь-в-точь китера, потому что выросли среди них.

Бат с сомнением покрутил головой:

— Красивые полоски. У тебя были тигры вместо игрушек?

Раджани вспыхнула:

— Эти «полоски» не естественного происхождения.

Она скинула куртку, расстегнула рубашку и сняла ее, а потом подняла руки, чтобы всем было видно, как полоски тянутся от плеч до ногтей. Затем повернулась, и все увидели, что на ее спине тоже есть одна большая полоска, от шеи до пояса. Раджани потянулась было к молнии: — Они есть и у меня на ногах...

Хэл жестом остановил ее:

— Мы тебе верим, не надо снимать штаны. Теперь надень, пожалуйста, рубашку, и продолжим разговор.

Раджани накинула рубашку, но не стала застегивать.

— Эти полоски что-то вроде татуировки. Они появились у меня после того, как я прошла ритуал, напоминающий ваше крещение. Мои родители были приверженцами философской концепции, принятой среди моего народа. Она называется... мой речевой аппарат уже плохо приспособлен для произнесения таких звуков... Приблизительно так — «эсдитра». Эта философия, или, если хотите, религия, учит нас быть гибкими и уметь легко приспосабливаться.

Она почувствовала, что дрожит, и постаралась успокоиться. Нэтч села рядом и слегка обняла ее за плечи. Это немного помогло, но волны недоверия, излучаемые Батом, вонзались в нее словно иглы.

Ненависть и предвзятость — я с этим уже знакома. Но по крайней мере это доказывает, что я существую. Он отказывается верить мне, что бы я ни ска-

зала. Он отрицает мою сущность. Он перемалывает меня в пыль.

В ней вспыхнула гордость. Она подняла голову и смело посмотрела Бату в глаза:

— Наши психомиметические способности утрачиваются после одного единичного отрезка существования, но последователи эсдитры способны с помощью особых упражнений и медитаций сохранить и даже развить в себе это свойство. Один из помощников доктора Чандры, его зовут Никлас, очень боялся этого моего умения, но он изучал его и изучал эсдитру. Вы можете проверить, он наверняка что-нибудь опубликовал.

Выражение лица Бата не изменилось, но его недоверие стало менее интенсивным.

— А зачем стасис-капсула?

— Стасис-капсула нейтрализует воздействия окружающей среды. Я была помещена туда для того, чтобы «подключиться» к мыслям Скрипичника. Теперь я как бы настроена на его частоту и могу узнать, о чем он думает. Мой отец хотел, чтобы я могла шпионить за Скрипичником, сама оставаясь незамеченной. Разумеется, защищаться от мысленного воздействия я тоже училась. Мне пришлось выйти из стасиса раньше срока, потому что Скрипичник начал проявлять угрожающую активность. В результате я не успела научиться читать его мысли полностью. Кроме того, меня поместили в стасис, чтобы обезопасить. Погружаясь в медитацию, мы становимся более подвержены внешним воздействиям. Скажем, если бы в эту минуту где-нибудь поблизости были вы, Бат, — она улыбнулась ему, — то, выйдя из медитации, я стала бы очень похожа на вас. Во всяком случае, психологически.

От Бата хлынула волна агрессии, но в ней Раджани уловила и тень уважения. Она немного смутилась, а Бат прислонился спиной к стене и скрестил руки на груди.

Хэл посмотрел на него, потом снова на Раджани:

— Значит, когда Скрипичник появился в Фениксе, ты вышла из стасиса?

Раджани кивнула:

— Я уловила его мысли, вернее, только эмоции, но такой интенсивности... Если бы не капсула, он смял бы

меня в лепешку. Такой гнев и опустошение... А потом я почувствовала, что тот, кто его победил, вот-вот угодит в ловушку: Скрипичник ее подготовил и успокоился. Потом я напоролась на охотников, которые искали Койота. Затем встретила Джорджа и Уилла... И вот я здесь.

Гаррет посмотрел на Джитт:

— Что скажете?

— Индейцы проверили. Они прятали Неро Лоринга, когда его дочь за ним охотилась. Они не работали на Скрипичника. — Лицо Джитт было непроницаемо; она напоминала машину, которая запоминает факты, а потом беспристрастно их излагает. — Зона 51 до сих пор существует и является объектом государственного значения. Доктор Чандра работал на министерство обороны в качестве консультанта до 1986 года, пока не заболел раком мозга. Его тело и неопознанный труп женщины были найдены возле Большого Медвежьего Озера в Калифорнии. Шесть пуль. Полиция решила, что женщина убила его и покончила с собой. Никлас Хант был известен как соавтор исследований доктора Чандры и даже опубликовал кое-какие работы в 1981 году. С 1984-го его след теряется.

Джалал улыбнулся.

— Я думаю, Чандра утопил Никласа, чтобы тот не выдал Раджани.

— Нет, он бы никогда так не поступил! — Раджани на мгновение задумалась. — Нет, он никогда бы так не поступил. Скажите, а вы уверены, что доктор Чандра мертв?

Эта фраза превратила Джитт в обычного человека. Она растерянно моргнула и опустила глаза в пол.

— Боюсь, что да.

— Успокойся, Раджани. — Нэтч обняла ее за плечи. — Он знал, что ты в безопасности, и умер счастливым.

Раджани смахнула слезу и улыбнулась:

— Слезы. Мой народ не умеет плакать. Значит, капсула плохо меня берегла.

— Что-нибудь еще, Джитт? — спросил Хэл, садясь в кресло.

— Мы проверили, все сходится. Я думаю, она в порядке.

— Согласен. — Хэл посмотрел сначала на Бата, потом на Нэтч. Они кивнули. — Ну вот и отлично. Рад-

жани, выйти на контакт с Койотом будет непросто. Его связной находится в Токио, так что приготовься к путешествию.

Нэтч вздохнула:

— А нас ты возьмешь?

Хэл лукаво улыбнулся:

— У меня там есть парочка старых приятелей по моей бывшей команде. Они работают на местные корпорации. Давно меня приглашали.

Раджани почувствовала, как в комнате становится веселее всем, и ей в том числе, но один вопрос еще требовал выяснения. Она посмотрела на Бата:

— Ты не поверил мне, но не потому, что я сказала, будто я с другой планеты. Ты не поверил мне потому, что я не похожа на тех инопланетян, которых ты видел. А где ты видел китера?

— Их чемпион как-то поспорил, что разорвет человека в клочки за минуту, — в улыбке Бата промелькнула жестокость, — и он проиграл.

17

Увернувшись от копья, Койот, продолжая движение, выбросил вперед правую руку, целясь в голову гетсула, но тот успел уклониться. В следующее мгновение тяжелое древко копья пронеслось в миллиметре от виска Койота. Он потерял равновесие, упал и, сделав кувырок назад, заметил, что монах уже готов издавать победный клич.

Усилием мысли Койот скользнул в соседнее измерение и оттуда увидел, как наконечник копья тычется в ткань той реальности, которая его поглотила. Койот ухватил его, толкнул вперед, потом вправо и на себя, и копьё оказалось у него в руке.

Он открыл следующую дыру и шагнул туда, потом вернулся, открыл еще одну дыру, метнул в нее копьё, потом выскользнул назад и прижался к земле.

Кажется, этого будет достаточно, чтобы его задержать. Если нет, значит, из пятерых осталось еще двое.

Койот тренировался всего три недели, но уже мог выполнить все, что требовал Монг. Монах придирчиво проверял успехи своего нового ученика, давал ему самые разные задания, и порой Койоту казалось, что он просто хочет его сломить.

На этот раз Монг повел Койота в измерение, которое он назвал «тисками».

— Куй-кан, это протоизмерение сродни множеству пузырей внутри одного большого пузыря. Умелый человек, пользуясь своим мастерством, может двигаться сквозь стены измерений без особого риска. Так что эти «тиски» довольно мягкие и легко могут быть взяты под наш контроль.

— Довольно мягкие?

Койот помнил, что Монг улыбнулся, отвечая на этот вопрос.

— Там довольно мало «местных жителей» и все они абсолютно безвредны. Но туда отправятся еще пятеро гетсулов, которые постараются тебя убить. Ты должен вывести их из строя, но не лишать жизни.

— А я?

Улыбка Монга стала зловещей.

— Я не боюсь за твою жизнь, но опасаюсь, что тебе не хватит мастерства выполнить это задание.

Пока все нормально.

Койот закрыл глаза и стал мысленно бродить по измерениям, пока не дотянулся до самого дальнего, в котором и укрылся. Он ждал, как притаившийся зверь, движения в соседних измерениях, но ничего не происходило.

Он давал названия новым измерениям, чтобы их легче было запоминать. Измерение, в котором он был сейчас, называлось Ржавчина. Здесь было довольно тепло, относительно сухо, а воздух имел металлический привкус. Необитаемый Марс поразил его тем, что был самым нормальным из всех измерений в «тисках». Стычка с гетсулом произошла в Грязи, а копьё Койот метнул в Ночь.

Похоже, они меня окружили. Грязь, Ночь и Разрушение — единственные три измерения, куда я могу отсюда выйти. Я был в Грязи, так что, пожалуй, надо попробовать Разрушение.

Придя к такому выводу, он шагнул влево, сосредоточился, чтобы убрать стену между измерениями, и двинулся дальше.

Атмосфера Разрушения напоминала ту, которая царит в жаркий солнечный день в металлическом гараже. В среднем гравитация здесь была на тридцать процентов выше, чем на Земле, но кое-где она менялась, становясь равной земной или даже слабее. Вокруг раскинулись сероватые холмы, а на ослепительно синем небе застыло солнце. Оно здесь всегда стояло в зените. Единственным признаком жизни в Разрушении были коричневые лианы, которые тянулись к тем пятнам, где гравитация падала.

Койот прыгнул — отчасти не по своей воле — и мысленно прощупал соседние измерения. Ржавчина казалась чистой, но в Скольжении он засек чужое присутствие.

В Скольжении легче обороняться. Так как предполагается, что охота идет за мной, и я буду искать удобное для защиты место, возможно, мне удастся преподнести им сюрприз.

Койот сосредоточился и постарался максимально очистить свой разум. Он прекратил прощупывать Скольжение и вместо этого сделал свой разум пассивным и полностью открытым. Образы и ощущения Скольжения свободно текли сквозь него, и в голове не осталось ни одной своей мысли — только мысли гетсула.словно самолет-невидимка, Койот растворил собственное изображение, и теперь гетсул не мог заподозрить его присутствия.

Мягкая смена. Вместо того чтобы менять измерение четко и быстро, чтобы как можно скорее достичь места назначения, Койот осторожно монтировал Скольжение из отдельных кусочков и обрывков. Он ощутил более низкую гравитацию, более прохладный и сухой воздух, потом наполнил прозрачный пейзаж тенью и цветом. Небо порозовело, и по нему поплыли голубоватые облака.

Выстроив Скольжение, он устремился вперед. Не сделав ни шага, он мягко прошел сквозь стену между Скольжением и Разрушением и, открыв глаза, увидел, что образ, мысленно созданный им, абсолютно точен, за исключением одной небольшой детали. Гетсул стоял,

чуть пригнувшись, в дюжине футов перед ним, абсолютно не подозревая о присутствии противника.

— Ты проиграл!

Гетсул резко обернулся и этим сделал большую ошибку. Как Койот успел уже выяснить, Скольжение запросо можно было назвать «Сало» или «Тефлон». Коэффициент трения здесь был ничтожен. Гетсул поскользнулся и с коротким криком боли рухнул ничком. Койот бросился к нему, упал на колено, приподнял ему голову и приложил пальцы к сонной артерии. *Живой. Только сознание потерял. Итак, остался последний.* Койот быстро проверил Грязь и Разрушение, но никого не обнаружил. *Оставаться здесь неохота. Может, через Грязь в Батут, потом — в Шторм, и спрятаться там?*

Он снова сосредоточился, вошел в стену Скольжения и, проскользнув в Грязь, утонул почти по колено в вязкой жиже, которая заполняла всю поверхность этого измерения. Эту субстанцию, очень похожую на пищевой желатин, Койот считал формой жизни. *Эта штука скорее всего не ест то, к чему прикасается, а просто очень прочно приклеивается.*

Он постоял, прислушиваясь. Слизь текла по его ногам. Наконец Койот медленно забрался на склон холма, лег на спину и сосредоточился на Ржавчине и Угле.

Сначала он уловил след гетсула, но потом потерял его за гораздо более мощным впечатлением. Кто-то или что-то вошло в измерения и оставило в них довольно заметный след. Сначала он подумал, что тот, кто вошел, просто забыл о защите, но, проанализировав след, понял, что он устроен так, что за пределами «тисков» не ощущается.

Забавно. Приманка и ловушка.

Чем больше Койот вникал в ощущения этого нового охотника, тем больше убеждался в том, что это не Монг и не один из его монахов. Несомненно, существо было мужского пола, но назвать его человеком Койот бы не смог. Внезапно он понял.

Йидам!

Койот перевернулся на живот и пополз к вершине холма. Ощущение присутствия Йидама было подобно топоту копыт: он открыто шел сквозь измерения и пря-

таться не собирался. Внезапно он появился словно из неба прямо перед Койотом — мрачный, затянутый в черное. Он опустился на холм, не сводя взгляда с Койота. Его глаза горели золотом, и клыки казались ослепительно белыми по сравнению с иссиня-черной кожей. На шее у него болталось зловещее ожерелье из черепов.

Быстрым движением Йидам ударил Койота ногой в ухо. У Койота перед глазами закружились звездочки, и он почувствовал, что падает. Одновременно с этим в его разум вторгся кто-то чужой. Он тряхнул головой, чтобы прогнать чужака и оборвать контакт, но добился только того, что еще быстрее покатился по склону холма.

Прочь из моего сознания! Усилием воли Койот закрыл свой разум от чужака и быстро оценил ситуацию. Он знал, что сейчас, после удара, еще не восстановил контроль над своим телом, и понимал, что противник попытается этим воспользоваться. *Единственный шанс!*

Койот рванулся в Батут, заранее приготовившись к удару, и приземлился на шестиугольную каменную плиту, из которых состоял мир Батута. Она упруго прогнулась и подбросила его вверх. *Ты так же силен, как нахален?*

Перевернувшись в воздухе несколько раз, Койот нашел взглядом дыру в Грязь и, дождавшись, когда в ней покажется Йидам, еще раз оттолкнулся от упругого камня и на лету ударил ногами противника в грудь. *Есть!* Он услышал, как хрустнули черепа.

Йидам упал, и если бы не жижа, наверняка сломал бы себе шею. Не дожидаясь, пока он очухается, Койот открыл дыру в еще одно протоизмерение и рванулся в Шторм.

Из края упругих камней он попал в страну снега. В небе сверкнула молния, пронзительно засвистел ветер. Снег залепил Койоту глаза.

Да уж, не лучший выбор.

Он смахнул с лица снег и тут почувствовал приближение Йидама. Койот медленно повернулся спиной к ветру и левой рукой прикрыл глаза. Снова ударила молния, в свете ее он увидел справа силуэт Йидама. В следующее мгновение его закрыла снежная пелена.

Койот прыгнул вправо и наугад ударил. К его удивлению, он во что-то попал и услышал, как охнул против-

ник. Уходя от предполагаемого ответного удара, Койот упал на землю, перекатился вправо и встал, пригнувшись. Снег сменился дождем, и он снова увидел Йидама: тот был совсем рядом.

Сделав полшага вперед, Койот ударил противника ногой в бок, левой рукой блокировал ответный удар, а правой со всей силы ударил в то же место, куда только что бил ногой. Сразу вслед за этим он отскочил — и вовремя: Йидам, упав на землю, выбросил ноги вперед и едва не задел Койота.

Где-то в глубине сознания Койота сложился схематический образ Йидама. Его мозг пытался подвести это чудовище под какие-то стандарты, но тщетно: с такими противниками Койот еще не встречался; рост Йидама и его размеры были настолько непривычны, что он даже приблизительно не мог определить, где у того нервные центры и болевые точки. *Откуда он только такой взялся?*

Глаза Йидама сверкнули. *Меня прислал твой Хозяин, приспешник тьмы!* Он оттолкнулся от земли и, вскочив, встал в боевую стойку. На руках у него сверкнули золотые когти.

Я знаю, зачем ты был послан, но сейчас с этим будет покончено!

Койот метнулся вправо как раз в тот момент, когда Йидам атаковал. Огромный кулак едва не раздробил Койоту плечо. Вслед за первым Йидам обрушил на противника целую серию ударов, и Койот, уворачиваясь, был вынужден отступать. Ярость и сила монстра вселяли страх, но самообладание не покидало Койота, и ни один удар не достиг цели.

Йидам подпрыгнул и ударил ногой с разворота. Койот легко уклонился. *Слишком легко.* Едва он об этом подумал, как Йидам наклонился вперед, ухватил Койота за лодыжку и подбросил его в воздух.

Упав, Койот тяжело ударился о камень. Удар на мгновение оглушил его, а когда он взглянул вверх, то увидел, что Йидам уже занес ногу, чтобы последним ударом разбить ему череп. Койот попытался поднять руки, чтобы защитить голову, но не смог даже пошевелиться.

Прости, Кроули, придется тебе одному заниматься Скрипичником.

Нога так и не опустилась. Градины размером с куриное яйцо ударили Йидама в спину, подобно залпу картечи, и сшибли с ног. Перелетев через Койота, он упал в небольшую ложбину. Белое мокрое снежное одеяло накрыло их обоих, и в следующее мгновение порыв студеного ветра превратил его в корку льда; налетела песчаная буря.

Койот сбросил с себя ледяной панцирь, перекатился набок и заскользил вниз по склону туда, где лицом вниз лежал погребенный под снегом Йидам. Разломав корку льда над головой монстра, он увидел, что тот еще дышит. Веки Йидама дрогнули, и Койот занес кулак, но опустил руку, увидев, что глаза поверженного врага остались закрытыми.

Что-то я тут задержался.

Койот сосредоточился и, пробив стену между измерениями, приземлился в сухой и теплой непроницаемой тьме. Когда он впервые попал в Ночь, то не на шутку испугался, что ослеп; впрочем, потом он привык и нашел, что полное отсутствие визуальных раздражителей помогает лучше сосредоточиться. Темнота казалась тяжелой, словно мокрая черная ткань, и струилась вокруг, подобно морскому течению.

Успокоив сердцебиение, Койот прощупал в поисках последнего гетсула, но ничего не обнаружил. Потом обшарил Грязь и Разрушение. Чисто. В Батуте и Скольжении тоже никого не было. Шторм? Нет, ничего. *А где же Йидам? Неужели он здесь, в Ночи?*

Койот сосредоточился, проверяя измерение, в котором сейчас находился, но ничего не почувствовал. *Может быть, он движется быстрее, чем я успеваю отслеживать? Может, он уже сидит у меня за спиной и посмеивается?* Койот двинулся вправо, выставив перед собой руки. *Если он здесь, то по крайней мере мы оба слепые.*

Ошибаешься, Куй-кан, — прозвучал у него в голове голос Йидама. — *Я вижу в ультрафиолетовом спектре.*

Сильные пальцы ухватили Койота за волосы, а потом удар кулака лишил его сознания.

Мокрый и грязный, Койот очнулся и увидел над собой ночное небо Тибета. Невдалеке вырисовывались вос-

точные ворота, но никто из стражей не обращал внимания на Койота.

Нос болел — вероятно, был сломан. Койот провел языком по губам и почувствовал соленый вкус крови. Он с трудом сел и прислонился к стене дукханга, ожидая, пока пройдет волна тошноты и головокружения.

Какая-то бессмыслица. Тот, с кем он дрался в зале для тренировок, и тот, кто убил горфаша, — одно и то же существо. В первую встречу Йидам едва не прикончил Койота, во второй — спас ему жизнь. В третий раз монстр опять едва не убил его — но не убил, хотя вполне мог это сделать. *Ничего не понимаю.*

Койот медленно встал и прислонился к стене. Подняв голову, он увидел на стене изображение Йидама и покачал головой.

Ты надсмехался надо мной, потому что решил, что мной управляют, но я не советую тебе тешиться этой мыслью. Все меняется, меняюсь и я. Скрипичник тоже думал, что он меня контролирует, и тебе, так же как и ему, вскоре предстоит понять, как опасен я бываю, когда приходит время открыть карты.

18

Помня разговор с Кипом об Институте Галактического Братства, сокращенно — Галбро, Син не знал, чего ожидать, когда получил приглашение вербовщицы посетить семинар Арриго Эль-Лехтера. По телефону слова девушки звучали так же невинно, как предложение совершить круиз, но сама тема разговора — «Таинственные хозяева вашей жизни» — настораживала.

Семинар начинался в 7.30 вечера, но Син приехал минут на пятнадцать пораньше, чтобы успеть осмотреться. Судя по карте, комплекс Галбро занимал территорию, которую и полагается занимать обычной многонациональной корпорации, — лишь соотношение жилых зданий и нежилых было подозрительным для организации такого рода. Кроме того, как выяснилось, Институт имел собственные доки в гавани, а также ангары и

взлетно-посадочную полосу в аэропорту второго уровня на южной оконечности острова.

Посетителей встречали две улыбающиеся девушки в униформе; они проводили Сина в фойе, облицованное мрамором, где за стойкой какой-то мужчина нордического типа искал фамилии гостей в списке приглашенных и выдавал карточки с именами.

— Добро пожаловать в Галбро! Чем могу помочь? — Он был молод, у него были светлые волосы и голубые глаза. Он казался сошедшим с рекламного плаката.

Син улыбнулся ему невинной улыбкой:

— Я записан на вечернюю лекцию. Меня зовут Синклер Мак-Нил.

Голубоглазый блондин пробежал глазами распечатку, поставил галочку напротив его фамилии и протянул Сину карточку:

— Синклер К. Мак-Нил. Пожалуйста. — Он указал на двойные двери. — Проходите и занимайте место. Советую сесть поближе, чтобы вы могли лучше рассмотреть мистера Эль-Лехтера.

— Спасибо. — Син взял карточку, прицепил ее к нагрудному карману пиджака и пошел к дверям, за которыми оказалась просторная аудитория. Син сел поближе к кафедре и огляделся. Размерами и планировкой помещение здорово смахивало на спортзал, только на полу не было линий разметки, а на стенах не висели баскетбольные кольца — вместо них повсюду были гардины, занавеси и картины на тему «Посетители со звезд».

Син подумал, что многие из них написаны явно любителями, и это странно, учитывая, что Галбро довольно хорошо оснащен. О том, что он хорошо оснащен, Син узнал минуту назад, когда получил приглашенный билет. Он договорился с Лилит, что она будет каждые три часа изменять среднюю букву в его инициалах. На карточке стояла буква «К», а значит, служба безопасности Галбро ознакомилась с личным делом Сина примерно через 36–38 часов после того, как они поговорили с вербовщицей. Мак-Нил отлично знал систему безопасности «Лорики», и если они так быстро ее миновали, значит, у Галбро отличные хакеры в штате, или же свой человек в «Лорике».

Единственное, зачем им понадобилось держать тут эту мишуру, — помочь нам расслабиться, а потом как следует вдарить по мозгам. Глядя на эти картинки, едва ли подумаешь, что инопланетяне способны утопить лодку Кипа или выполнять секретные миссии. Все это весьма любопытно, если не сказать больше.

Он сел в третьем ряду ближе к правому краю. Над кафедрой висел большой флаг: на голубом фоне — того же оттенка, что и на флаге ООН, — белые меридианы и параллели, изображающие земной шар, и вокруг шара — созвездия. Еще выше красовался длинный плакат:

ГАЛАКТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС.

По обеим сторонам кафедры было две двери. Одна, ближайшая, довольно облезлая, являлась, несомненно, пожарным выходом; на ней мерцала красная табличка «EXIT». Другая, металлическая, была снабжена кодовым замком, панель которого Син внимательно рассмотрел: он понимал, что ему предстоит когда-нибудь открыть эту дверь и посмотреть, что Галбро за ней прячет.

Зал быстро заполнился людьми; рядом с Сином сел щеголеватый молодой человек, от которого пахло духами. Он беспрерывно напоминал присутствующим о том, что приходит сюда уже пятый раз и повторял, что «здесь вы узнаете вещи, которых раньше даже и во сне не могли увидеть».

— У всех нас есть небольшие секреты, — улыбнулся он Сину.

— Еще бы, — рассмеялся Син. — Вот я, например — секретный агент японского правительства, который получил задание внедриться в эту организацию.

Надушенный молодой человек не понял шутки, но остальные громко расхохотались, и он обиженно умолк. Под потолком заработали кондиционеры, и прохладный ветерок хотя бы немного развеял сладкую вонь духов. Свет начал медленно гаснуть. *Так, кажется, шоу начинается.*

Щелкнули колонки на стенах:

— Дамы и господа, Институт Галактического Братства рад представить вам сегодняшнего лектора — Арриго Эль-Лехтер.

На мгновение зал погрузился во мрак; потом луч прожектора высветил дверь с кодовым замком. Она мед-

ленно открылась, оттуда пополз белый дым, а когда он немного рассеялся, все увидели фигуру мужчины.

Арриго Эль-Лехтер был высок и строен. Черты его худощавого лица были очень четкими, даже немного резкими; нос у него был прямой, острый. Глаза голубые. Белые густые волосы собраны в хвостик, открывая высокий лоб. Хотя мускулы у Арриго не бугрились под одеждой, Син готов был поспорить, что это очень сильный — и, несомненно, умный — человек.

Арриго был одет в белый смокинг весьма необычного покроя — что-то среднее между военным мундиром и одеждой человека будущего. Пиджак обрезан по поясу, оттопыривающиеся полы его напоминали крылья. Светлые брюки были как раз такой длины, чтобы прикрывать белые туфли, не образуя складок.

Он легко поднялся на кафедру. В тот же миг луч прожектора стал слабее, а свет в зале, наоборот, немного ярче; сине-белый флаг Галбро затрепетал под искусственным ветром.

Арриго поднес кулак к сердцу, потом воздел раскрытую ладонь (кое-кто в публике повторил этот жест) и заговорил:

— Приветствую вас и желаю всего наилучшего от имени Института Галактического Братства. Для тех из вас, кто пришел сюда впервые, скажу: мы появились на свет тридцать лет назад, для того чтобы помочь людям осознать единство всех разумных существ и занять достойное место в Галактике.

Син почувствовал, что та часть публики, которая состояла из людей, приглашенных сюда в первый раз, начала, как и он, задаваться вопросом: «Какого черта мы тут делаем?» Арриго, который, несомненно, понимал это, лучезарно улыбнулся:

— Вы наверняка слышали о нас и о работе, которую мы ведем, множество диких, ужасных и просто невероятных сплетен. — Он засмеялся и зал его поддержал. — Что ж, я предоставляю вам самим после сегодняшней встречи решить, есть ли хотя бы капля истины в этих слухах. Все, о чем я прошу вас, это открыть ваше сознание и попытаться отрешиться от предрассудков. Не спрашивайте себя, правда или нет то, что вы здесь услышите, — спросите себя,

может ли это быть правдой, что было бы, если бы это было правдой, и что бы вы должны были предпринять в этом случае.

Син улыбнулся. На первый взгляд, предложение Лехтера звучало разумно, но он понимал, что при таком отношении к его словам Арриго может убедить публику в чем угодно. По сути, он призывал людей отказаться от своего права рассуждать и принимать решения и предоставить это право только ему.

— История, которую я собираюсь вам рассказать, может показаться странной и довольно бессвязной. На самом деле она гораздо сложнее, чем прозвучит в моем изложении, и в изучении всех аспектов этих событий заключается основная работа нашей организации. Будьте уверены, что все факты, которые я вам представлю, тщательно проверены нашими учеными. — Он слегка наклонился вперед. — Около шестидесяти лет назад, второго июля 1947 года, космический корабль представителей внеземной цивилизации потерпел аварию во время грозы и упал на поле возле Короны, штат Нью-Мексико, США. Этот случай обычно называют «Росуэльский инцидент», несмотря на то, что он произошел в восьмидесяти милях от этого города. На месте катастрофы были найдены четыре ВВС — внеземных биологических существа. Трое погибли при аварии, но четвертый выжил, хотя и был ранен. Его имя было Крллл. Крллл служил связным между правительством Соединенных Штатов и своим народом — эта раса известна нам под названием «серые». В то время когда произошла авария, «серые» принимали участие в программе, предполагающей похищение людей и вивисекцию животных. Они умудрились скрыть свидетельства своей деятельности от американского правительства и, в обмен на помощь в развитии высоких технологий, позволяющих строить антигравитационные космические корабли, вступили в альянс с США и их союзниками. Позже они заключили подобное соглашение с Советами, и к тому времени, когда президент Кеннеди настоял на том, чтобы высадить на Луне человека, «серые», при участии ЦРУ и КГБ, уже построили там свои базы.

Син вздохнул. Высадка человека на Луну произошла задолго до его рождения, но он изучал этот вопрос, когда вырос. Он немало прочел и об аварии в Короне, которую большинство ученых называли падением метеорологического спутника. *Вранье!*

Понизив голос, Арриго продолжал:

— Вплоть до сегодняшнего дня «серые» занимаются похищениями людей, которых используют для генетических экспериментов. По условиям соглашения, заключенного с США, они построили несколько подземных баз, где занимаются клонированием гибридов человека с «серыми». Об этом нам рассказывали те немногочисленные похищенные, которым удалось спастись. В некоторых районах США «серых» считают сверхъестественными существами и называют Серыми Дьяволами, а дети — Чучулами. Пользуясь соглашениями, заключенными с альянсом, «серые» начали вживлять каждому сороковому человеку крохотные устройства, которые в определенное время среагируют на посланный сигнал и превратят этих несчастных в армию зомби, и наш мир будет ею разрушен. Если кто-то из вас, проснувшись утром, обнаружил кровь на подушке и думал, что это связано с кровотечением из носа, то, возможно, причина не в этом. Может быть, ночью он был похищен, и ему имплантировали такое устройство.

Многие в зале узнали себя в этом описании. Некоторые начали потирать носы, а один мужчина принялся громко сморкаться в платок. Син поймал себя на том, что бессознательно морщит нос; он нахмурился и усилием воли прекратил это делать.

— Было бы безответственно с моей стороны, дорогие друзья, обрушивать на вас эту бомбу, не предложив некоего решения проблемы. Как вы понимаете, «серые» — не единственная разумная раса во Вселенной. На самом деле через год после Росуэльского инцидента на Земле появился представитель другой межгалактической расы — нум, который пытался предупредить людей об угрозе со стороны «серых». Но его не послушали и подняли на смех — в основном потому, что он утверждал, будто прибыл с Венеры, хотя на самом деле его родина находится значительно дальше. Он называл себя Валиант Тхор и долгие

годы упорно старался спасти нас от «серых». — Арриго опустил взгляд и скромно потупился. — Валиант Тхор, работая с доктором Франком Е. Стрэйнджесом, встретил мою мать и женился на ней. Я его сын, и дело моего отца, после того как «серые» его убили, лежит на мне. Здесь, в нашем институте, есть оборудование, с помощью которого можно избавить человечество от влияния «серых». Мы можем научить вас оказывать сопротивление и опрокидывать их планы. — Он улыбнулся. — Говорят, что побочным эффектом наших тренировок бывает улучшение материального благосостояния учащихся. — Он выпрямился и хлопнул в ладоши. — Я понимаю, что вам сложно усвоить сразу такое количество информации. Повернитесь, пожалуйста, налево, и мы покажем вам видеопрезентацию, в которой извлекаются на свет факты, подтверждающие мои слова. Правительство делает все, чтобы они не стали достоянием широкой общественности, но нам удалось их раскопать. После просмотра я буду рад ответить на вопросы, а потом мы перейдем к более неформальной части нашего семинара и вам будет предложен скромный фуршет.

Вновь погас свет, и из-под потолка спустился экран. Син развернулся к нему и откинулся на спинку кресла. В основном презентация состояла из зернистых фотографий НЛО, сопровождаемых перечислением мест, где они были замечены. Потом пошли изображения лица на Марсе и отрывки из классических фильмов типа «Люди в черном» и «Близкие контакты третьего рода», и диктор говорил, что фильмы эти были причислены к жанру фантастики в соответствии с планом дезинформации, выработанным «серыми» с целью заверить людей, что внеземные биологические существа на самом деле не представляют собой никакой угрозы.

Подбор картинок и коротких «свидетельств очевидцев» показался Сину довольно случайным и нелогичным. Он увидел несколько фотографий Билли Мейера, о которых было давно известно, что это подделка, и вновь услышал обвинение Филиппа Дж. Класа, который всю жизнь развенчивал легенду о НЛО, в том, что он работал на ЦРУ. Рассказчик продолжал возмущаться двуличностью людей, которые давно умерли, и задавал вопросы,

явно служившие для того, чтобы посеять сомнения в умах присутствующих: «Не любопытно ли...» или «Разве может быть простым совпадением...»

Одним словом, из разрозненных фактов Арриго сплел отличную паутину для ловли легковерных. То, как он описывал разные феномены, было направлено на одно: чтобы каждый в аудитории нашел для себя хотя бы один фактик, который бы звучал правдоподобно. А когда один факт казался убедительным, человек начинал склоняться к мысли, что и остальное тоже правда.

В результате все, начиная от экологических проблем вроде озоновой дыры до убийства Джона Кеннеди, которое якобы совершил один из телохранителей, объяснялось тайным заговором. В принципе можно было бы и не напускать на все такой таинственности, и от этого факты не стали бы менее впечатляющими, но таинственность вызывала другое, более зловещее ощущение у зрителей. В конце концов человек спрашивал себя: «Что, если это действительно правда, а правительство не хочет, чтобы я об этом узнал?»

Сина, разумеется, он ни в чем не убедил, но способность Арриго манипулировать публикой была достойна восхищения. Наконец экран снова уехал под потолок, и Эль-Лехтер вернулся за кафедру. *Молодец. Он предлагает надежду и обещает власть, показывает угрозу и сразу за этим — пути к спасению. Неудивительно, что для Риухито это было так привлекательно, и его дед беспокоится.*

Арриго улыбнулся присутствующим:

— Спасибо, что согласились выслушать меня. А теперь, если желаете, я отвечу на ваши вопросы.

Син внимательно следил за Арриго, когда тот отвечал на вопросы. Был ли вопрос с подвохом или обычной банальностью — с его лица не сходила улыбка и на нем неизменно присутствовало выражение искреннего интереса. На каждый вопрос он отвечал с большим знанием дела, подчеркнуто обращался только к спросившему и лишь в конце добавлял ту или иную фразу, относящуюся ко всей аудитории.

С меня хватит. Син поднял руку. Арриго кивнул, и он поднялся.

— Синклер Мак-Нил, мистер Эль-Лехтер. Вы говорили, что «серые» контролируют правительства мира при помощи таких организаций, как Комиссия Трех Сторон. Мне хотелось бы знать, почему столь могущественные и влиятельные люди, которые делают все, чтобы сохранить свою деятельность в тайне, до сих пор позволяют вам существовать?

Его тон и логичность постановки такого вопроса вызвали среди публики большую заинтересованность. Люди с нетерпением ждали ответа. Улыбка Арриго стала еще шире, чем прежде.

— Отличный вопрос, мистер Мак-Нил. Защитой мне служит только моя известность. Любой попыткой причинить мне вред они признают, что я говорю правду. Поэтому меня не трогают. Они позволяют мне существовать, но стараются нейтрализовать людей, которых мы обучаем, и тех, кто помогает нам в наших исследованиях.

— Нейтрализовать? — Син покачал головой. — Боюсь, что я не улавливаю...

— По определенным причинам мы не включили эту информацию в наш фильм, но нам известно, что правительство США содержит несколько тюрем в Аризоне для тех, кто слишком много знает.

Син сделал вид, что весьма удивлен.

— Я сам из Аризоны. Там нет никаких тюрем.

Улыбка Арриго стала снисходительной.

— Их нет, или вы просто о них не знаете? Согласитесь, ведь это большая разница.

Ловушка захлопнулась. Син кивнул.

— Да, вы правы, это большая разница. Нет, я никогда их не видел.

— «Серые» — отчаянные парни, мистер Мак-Нил. Они не оставляют никаких следов. — Арриго почесал ухо. — На самом деле, когда вы в последний раз были в Японии, корпорация вашего отца, возможно, работала над постройкой подземного города на юге Каса Гранде.

Син медленно сел, понимая, что его отец готов был заключить сделку даже с дьяволом, при условии гарантированных дивидендов в следующем месяце. Несомненно, у него была куча проектов, о которых я не подозревал.

«Билдмор» вполне могла заниматься деятельностью, о которой он не знал... Стоп. Минуточку!

Он улыбнулся и мысленно кивнул. Эль-Лехтер выискивал «факт», в который он, Синклер, готов был поверить. У него свои люди в «Билдморе», это точно. Хорошо, значит, у меня есть все шансы, что меня попытаются завербовать.

— Если ни у кого больше нет вопросов — прошу в фойе. — Арриго опять улыбнулся и развел руками. — Мне все время напоминают о текущих расходах, так что не поможете ли организации и не купите ли одну из моих книг или пленок? Кроме того, там вы сможете узнать о наших занятиях. Спасибо всем за визит.

Раздались негромкие аплодисменты, публика зашевелилась и двинулась к выходу. Син нарочно задержался, однако все-таки не сумел избежать разговора с надушенным молодым человеком. Судя по всему, он — и, вероятно, не только он — был подсадной уткой Галбро.

Эль-Лехтер подошел к креслу Сина:

— Я хочу поблагодарить вас, мистер Мак-Нил, за ваш вопрос.

Син усмехнулся:

— Поблагодарить? Вот уж не думал. Мне казалось, что вы воспримете мой вопрос как оскорбление, мистер Эль-Лехтер.

— Ари, с этой минуты. А я могу называть вас Синклер? Спасибо. — Арриго придал своему лицу серьезное выражение. — Ваш вопрос свидетельствует о том, что вы задумались о сказанном мною. В нашей организации есть сотни тысяч людей, которые верят мне просто потому, что хотят верить хотя бы во что-нибудь, и они помогают нам, как могут, но на самом деле главную помощь мы получаем не от них.

— Не улавливаю, Ари.

— Проще говоря, Синклер, Галактическое Братство приглашает всех и любому может найти применение, но больше всего нам нужны люди, которые умеют думать и руководить. — Он посмотрел на свои руки, а потом снова в глаза Сину. — Я знаю, что сейчас вы переживаете трудный период, и восхищен вашей твердостью духа. Развод — болезненная вещь, и вы правильно решили

смягчить эту боль поездкой в Японию. Это значит, что вы умеете принимать решения и выполнять их.

Син скрестил руки на груди.

— Кажется, вы неплохо обо мне осведомлены. *Особенно о разводе, который был занесен в мое досье два дня назад.* У вас хороший источник информации.

— В устах человека вашей профессии это большой комплимент. Разумеется, вы понимаете, что шпионов «серых» мы должны отсекал сразу.

— Тушэ, Ари. — Син улыбнулся. — Что вы предлагаете?

Арриго щелкнул пальцами, и к нему подскочил один из помощников.

— Мистер Хэнди проводит вас в гостиницу. В полночь начинается симпозиум, он продлится примерно неделю. Уверен, вы найдете его захватывающим и поучительным. Если вы тот человек, о котором сказано в вашем досье, вы извлечете большую выгоду из этого предложения.

— Какую?

— Отлично, просто отлично! — Арриго отступил на шаг. — Все время думает. Работа бесплатная. Жилье и еду вы получите. Возьмите с собой бритву и смену белья. Должен сразу предупредить: вам придется носить униформу. Мы делаем это, чтобы усилить дух товарищества в наших рядах.

— Хорошо, договорились. — Син хотел протянуть ему руку, но Арриго уже пошел к двери с кодовым замком.

— Замечательно. — Эль-Лехтер остановился перед дверью. — Я отдам необходимые распоряжения. Вам будет весьма интересно.

Он приложил ладонь к сканеру. Загорелся зеленый свет, и дверь открылась. Эль-Лехтер на прощание помаhal Сину рукой.

Син помаhal ему в ответ и повернулся к помощнику:

— Ну что, пойдете, мистер Хэнди?

— Да, сэр! — Мужчина улыбнулся. — Вы не пожалеете, сэр. Это будет самая увлекательная неделя в вашей жизни.

Син хлопнул его по спине ладонью:

— Что-то подсказывает мне, мистер Хэнди, что вы чертовски правы.

Раджани держала палец на кнопке «двери», не давая лифту закрыться, как велела ей Нэтч. Она бросила быстрый взгляд в пустой коридор нижнего этажа «Нью Палас отеля»:

— Все чисто, так надо говорить?

Нэтч щелкнула пузырем жевательной резинки.

— Точно. Скоро ты отлично научишься стоять на стреме.

Нэтч подцепила пластину отмычкой, которую держала в правой руке, и нажала на нее другой отмычкой, которую держала в левой. Пластинка над кнопкой «Пентхаус» немного сдвинулась вправо, и Нэтч выругалась:

— Проклятый Корбин!

— Что значит «корбин»? — По пути в Японию в обществе Нэтч Раджани неплохо выучила всякие сленговые словечки, но такого не слышала.

Нэтч ласково улыбнулась:

— Корбин — имя изобретателя. — Она осторожно подвела отмычки под пластину и стала ковыряться в замке. — У него грибовидные реверсы в третьей и пятой позициях.

— Это значит, что ты не можешь его взломать?

— Девочка, нет такого замка, который я не могла бы взломать. «Корбин», или какой другой, мне наплевать. — Нэтч вздохнула и снова принялась работать отмычками. — Просто с этим нужно быть поосторожнее. Едва касаться.

От напряжения Нэтч высунула кончик языка. Раджани восхищалась умением Нэтч полностью сосредоточиться на одной конкретной задаче. Ее руки двигались с точностью рук хирурга. Наконец Раджани услышала щелчок и увидела, как пластина отъехала влево. Нэтч победно рассмеялась.

— Отпусти двери, — сказала она. — И поехали.

Раджани повиновалась. Нэтч нажала кнопку, и лифт начал подъем.

— Если мистер Мак-Нил ваш связной в Токио, зачем же мы врываемся к нему в номер? — с сомнением спросила Раджани.

— Хэл звонил ему несколько раз в пятницу и потом еще и в субботу. Не дозвонился. Либо Мак-Нил нас предал, либо с ним что-то случилось.

Дверь лифта открылась в номер Мак-Нила; и они вышли. При виде царящей в номере роскоши Раджани улыбнулась.

— Не то что у «Гиатта», правда? — Нэтч молча кивнула, и Раджани уловила уже знакомый ей всплеск враждебности. Перевернув бейсболку козырьком назад, Раджани спросила:

— Почему ты так его не любишь?

Нэтч пожала плечами и нажала красную кнопку в дверце серванта.

— Просто не люблю, и все.

Принтер вывалил на столик несколько листов бумаги. Нэтч просмотрела их и отложила в сторону.

— Четыре от Хэла, один от какого-то Кипа Мартина, один от Лилит и один от Эрики. Кроме тех, что Хэла, все остальные пришли в субботу; Мартин интересуется, почему Мак-Нил его продинамил.

Раджани убрала ментальный щит и прощупала комнату. Номер в «Гиатте» был настолько стерильным, что даже кровати ничего не излучали, все казалось абсолютно серым; в отличие от него, апартаменты Сина горели всеми цветами радуги. К сожалению, черные потоки, исходящие от Нэтч, заглушали это многообразие ощущений и впечатлений.

— Пожалуйста, Нэтч, не надо так к нему относиться.

Из черноты выбилось несколько красных язычков:

— С чего бы? Это он нанимал «Воинов» для «Билдмор». Из-за него погибла жена Хэла.

Раджани отрицательно покачала головой:

— Нет, это невозможно. — Она потрогала руками воздух. — Человек, который был здесь, никогда не совершил бы такого убийства. Нет, я не верю.

— Как ты можешь что-то о нем знать? — недоверчиво спросила Нэтч. — Ты с ним даже не разговаривала.

— Люди оставляют впечатление о себе на окружающих вещах. — Раджани оглядела комнату. — Синклер прожил здесь две недели, и их тут больше, чем достаточно.

Сказав это, она сама поразилась, почему не назвала его не Мак-Нилом, как Нэтч, а именно Синклером.

— Другие люди тоже оставили здесь следы.

Нэтч улыбнулась.

— А я-то думала, что Хэл послал меня с тобой, чтобы я тебя нянчила. — Она сунула руки в карманы. — Ладно, расскажи мне об этих других.

Раджани освободила свой разум от посторонних мыслей, и ее сразу же потянуло к себе кресло в гостиной. Она подошла к нему и потрогала подлокотники.

— Здесь был кто-то очень яркий. В этом месте впечатление гораздо сильнее. *Я не чувствовала такого с тех пор, как в последний раз проникла в мысли Скрипичника.*

— А что ты можешь извлечь из этого? — Нэтч сунула Раджани под нос черный шелковый чулок, который вытаскивала из-под покрывала кровати. — Или Мак-Нил одевается не как все, или он тут с кем-то кое-чем занимался.

Раджани взяла чулок и потребила его в пальцах.

— Женский, это понятно, но он новый, и я ничего не могу сказать о его владелице. — Она вздохнула. — А что значит «кое-чем занимался»?

— Ну ты знаешь, люди ложатся в кровать и... Одним словом, занимаются кое-чем. — Нэтч уперла руки в бока. — Ну, ты знаешь чем.

Раджани перехватила взгляд Нэтч и увидела спальню, увидела женщину и Мак-Нила:

— О, они занимаются размножением, как вы с Батом. Нэтч покраснела.

— Ты опять мысли подсматриваешь?

— Нет-нет! — Раджани нервно сглотнула. — Джитт просила меня этого не делать, и с тех пор я никогда не вторгаюсь в ваши мысли. Единственное, что я делаю, — это ловлю впечатления, которые люди не в состоянии скрыть. Некоторые из них вы переводите в физические действия, например, в поцелуй или в ласку. Я хочу сказать, что ты не можешь скрыть определенные эмоции, и я «слышу» их, как слышу шипение змеи, перед тем как она укусит. — Раджани видела, что Нэтч не верит, и торопливо продолжала: — А о вас с Батом я просто догадалась. Вы живете в одной комнате, много времени

бываете вместе, ты беспокоишься и заботишься о нем. Неужели это не признаки близости между людьми?

— У нас с Батом особенные отношения. — Нэтч опустила глаза. — Однажды он помог мне в очень нехорошей ситуации. Он сделал это не ради меня, просто меня продали одному человеку, а Бат его ненавидел. Тогда я и Койот, настоящий Койот, впервые работали вместе. — Она подняла голову и посмотрела в глаза Раджани. — Мне тогда было здорово плохо. Меня посадили на цепь, и я не могла убежать. Мне был нужен кто-то, а Бат был рядом. Он отнекивался, но я думаю, что раньше он просто никому не был нужен. Он здорово удивился, когда я не рассыпалась, едва он коснулся меня.

— Ты для него якорь.

— Нет. Хотя я бы очень хотела быть для него якорем. — Нэтч перевернула бейсболку козырьком вперед, чтобы прикрыть глаза. — Нет, но по крайней мере иногда торможу его, замедляю немного, если он начинает упираться.

Раджани почувствовала, что Нэтч не хочет продолжать, и быстро сменила тему:

— Судя по этому чулку и тому, что я чувствую насчет Синклера, у него вряд ли была тесная связь с этой женщиной. Если бы не чулок, я бы вообще не заметила, что она здесь была.

Нэтч пожала плечами:

— Попробуй найти что-нибудь, что подскажет нам, где он сейчас.

Раджани прошла мимо нее в спальню. От кровати шли сильные эмпатические волны, и она опять почувствовала, что тут была женщина. Но сейчас это ее не волновало. Раджани прошла в ванную и в изумлении остановилась на пороге.

— Нэтч, иди сюда.

— Что?

Раджани указала на пустую полочку над умывальником.

— Когда у меня еще была возможность смотреть телевизор, я видела фильмы про полицейских. Они всегда находили какие-то мелочи, вроде волоска из расчески,

которые им говорили о многом, и могли по марке духов определить, сколько у человека денег в кармане.

— Точно. Здесь таких мелочей, наверное, полно.

— И я так думаю. — Раджани повернулась к ней и улыбнулась. — Сегодня утром я была в ванной в квартире у Хэла. Там лежали его бритвенные принадлежности. У него даже есть небольшой чемоданчик специально для них и на нем — эмблема бейсбольной команды, в которой он играл. А у Синклера на полочке пусто. Если бы его схватили, то вряд ли бы взяли с собой и их.

Нэтч вернулась в комнату, и Раджани услышала, как открылась дверца шкафа.

— Все вещи на месте, и на смокинге еще осталась целлофановая обертка. Похоже, не хватает одного делового костюма. Может, эта баба утащила нашего мальчика погулять?

— Может быть.

Раджани прошла к туалетному столику и взяла в руки пару цепочек, которые там лежали.

— Джитт не сможет проверить, не нанял ли он машину, не купил ли билет куда-то или заказал что-нибудь в магазине?

Нэтч кивнула на телефон:

— Позвони ей и попроси.

— Нет, я не могу.

— Это еще почему?

— Джитт меня побаивается. — Раджани потеревшила цепочку в пальцах, а потом намотала на руку. — Она мне не доверяет и сторонится меня.

Нэтч рассмеялась.

— Она так со всеми, даже с собой. Ты заметила, что она никогда не подходит к зеркалу?

Раджани отрицательно покачала головой.

— Ну да, ты ее почти не видела. Давным-давно она угодила в лапы человека, которого все называют Пигмалион. Я о нем ничего не знаю, кроме того, что он делает с человеческой плотью примерно то же самое, что делал Микеланджело с мрамором. Я слышала, что до этого Джитт была жуткой уродиной.

— Как так? Она же красавица.

Нэтч пожала плечами.

— Не знаю, по крайней мере она так говорит. И еще она все время повторяет, что ничего не помнит об этом Пигмалионе, хотя, мне кажется, просто не хочет вспоминать. Она ненавидит и его, и себя, и поэтому такая замкнутая. Она и так слегка не в себе; а когда Койот исчез и появилась ты со своим предупреждением...

— У нее в голове все перепуталось?

— Точно. — Нэтч снова посмотрела в шкаф. — Значит, ты думаешь, что у Мак-Нила нет романа с этой девицей в чулках?

Раджани снова коснулась цепочки на руке.

— Он надел ее под смокинг на вечеринку и достиг там успеха. Он делал все, чтобы произвести впечатление, и ему это кажется удалось.

— Итак, шелковый чулок: вещественное доказательство номер один.

— Мне представляется, правда, что на вечеринке она присутствовала только формально, а потом он решил развлечься. Но после вечеринки он вышел из дома с какой-то вполне определенной целью. — Раджани посмотрела на кресло. — Я бы предположила, что к нему кто-то пришел и попросил выполнить кое-какую работу.

— Опасную?

— Не знаю. — Раджани сняла цепочку. — Об этом вещи мне ничего не говорят.

Нэтч хлопнула себя по лбу:

— Чёрт, голова у меня с дырой.

— Что такое?

Нэтч пошла обратно в гостиную, и Раджани за ней.

— Мак-Нил ведь эксперт по безопасности?

— Ну да.

Нэтч встала на колени и пошарила рукой под кроватью.

— У него должен быть пистолет. Причем положить он его должен был так, чтобы в случае чего быстро достать и при этом он бы не бросался в глаза, особенно прислуге. За хранение оружия в Японии сажают.

Раджани смотрела, как Нэтч шарит по комнате.

— Тебе уже приходилось делать обыски?

— Девочка, я долгое время жила тем, что находила вещи, которые люди тщательно прятали.

— А мне что делать?

Нэтч в очередной раз пожала плечами, а потом указала на металлический кейс.

— Скорее всего пистолет там. Проверь. Если кейс заперт, скажи мне.

Раджани поставила кейс на колени, нажала кнопочки, и замок щелкнул. Она аккуратно подняла крышку, а потом снова опустила.

— Ничего нет, кроме кучи бумаг. Что дальше?

Нэтч поднялась.

— Нет? Похоже, ты была права. Мак-Нил отправился по какому-то делу, причем не забыл прихватить пистолет. А это значит, что он напрашивается на неприятности.

20

Стоя перед зеркалом, отполированным листом серебра, Койот заклеивал пластырем разбитый нос. Вернувшись из «тисков», он занимался тем, что в основном спал. Иногда, просыпаясь, он обнаруживал, что ему сменили повязки и помыли. Постепенно порез на лице затянулся, а синяки стали рассасываться.

— Ты быстро поправляешься, Куй-кан.

Койот медленно повернулся.

— Да, лама Монг. Когда я смогу продолжить тренировки?

— Как только будешь физически на это способен. — Монах внимательно оглядел его. — Если так дело пойдет и дальше, то через пару дней.

— Физически я способен уже сейчас. Монг, я могу пойти на внутренний дворик и выполнить любое упражнение по вашему выбору.

— В самом деле? — Монг нахмурился. — Но синяки у тебя на лице говорят об обратном.

Койот прижался горячим лбом к прохладной стене.

— Физически я готов, но мне нужны ответы на кое-какие вопросы, Монг, прежде чем мы продолжим. Во первых — и это самое главное, — к чему эти шарады?

— Шарады? — Монг засунул руки в рукава одежды. — Какие шарады?

— Да все эти игры с тренировками в других измерениях. — Койот принялся чистить ногти. — На то, чем я овладел за неделю, твоим гетсулам понадобится лет пять, если не больше. За четыре часа я понял устройство Вселенной — на это люди порой тратят целую жизнь.

— Я всегда ценил твою доблесть, Куй-кан, и уже не раз говорил тебе, что, так как ты пришел к нам из внешнего мира, многое из того, что важно для нас, тебе ни к чему. Мы учим тебя тому, что необходимо.

— Это одна болтовня, Монг. — Койот сжал правую руку в кулак. — На самом деле меня ничему здесь не научили. Вы просто помогли мне освежить в памяти то, что я и так умел. А сами тем временем разглядывали меня, как букашку под микроскопом. Вы изучали меня, Монг, — почему?

Лама разозлился; Койот впервые видел Монга таким.

— Оставь себе свои домыслы. Ты думаешь, что я бы позволил тебе войти в Кангенпо только для того, чтобы позабавиться, изучая тебя?

Койот оттолкнулся от стены и прошелся по комнате.

— Вы учили Кроули и от него узнали обо мне. Вы узнали, что меня обучали у Скрипичника и о том, что я выступил против своего бывшего хозяина. — Он посмотрел на Монга. — Вы испугались, что я — один из шпионов Скрипичника. Вы решили выяснить это, и если ваши подозрения подтвердятся, остановить меня.

— Ми-ма-йин говорил мне, что ты быстро оцениваешь ситуацию.

— Почему вас так это встревожило?

Монг, казалось, смутился:

— В 1989-м я отправился в Пекин, чтобы подать петицию правительству. В Пекине я увидел много удивительных вещей, о которых не знал в Кангенпо. Меня захлестнул этот пожар, и я проникся духом свободы. Я был на площади Тяньаньмэнь третьего и четвертого июня. Я видел смерть и раньше, но такого... Я видел, как студенты, опьяненные свободой, шли, взявшись за руки, навстречу танкам, веря, что их сограждане не причинят им вреда. Я видел, как люди с песнями шли на пулеметы. Меня заставили сжигать трупы и уничтожать свидетельства того, что происходило, а потом я вернулся домой, и накатила но-

вая волна репрессий. — Он помолчал. Было видно, что ему тяжело говорить об этом. — Там, на площади Тянь-аньмэнь, я впервые столкнулся с Темными Властелинами. Не знаю, был ли это Скрипичник, или другой, но я понял, что злые силы действительно существуют во Вселенной. Когда Ми-ма-йин сказал, что ты был воспитан одним из них, мне ничего не оставалось, как поместить тебя туда, где я мог бы понаблюдать за тобой и посмотреть, на что ты способен. И если, как утверждал Ми-ма-йин, ты восстал против своего хозяина, ты мог бы послужить хорошим орудием против него и остальных, подобных ему.

Койот сцепил руки за спиной.

— Ну и что вы думаете? Я все еще принадлежу Скрипичнику?

— Если бы я так думал, ты не оправился бы от своих ран. — Монах угрюмо улыбнулся. — Впрочем, я не пророк и не могу знать всего.

— Йидам. — Койот поскреб подбородок. — Я начинаю понимать. Тогда, первой ночью, он пытался заставить меня проявить какое-нибудь тайное умение, подаренное мне Скрипичником. Потом он убил горфаша, потому что еще не понял, кто я. Но почему тогда... — Койот вздернул голову. — Вы вызвали его из Кангенпо, так? Именно поэтому вы попытались запретить мне вмешиваться.

— Он уже дрался с горфашами раньше.

— Заметно. Потом, два дня спустя, во время тренировки в измерениях, он опять сделал попытку меня спровоцировать. Он угрожал меня убить, но не стал этого делать. — Койот потрогал разбитый нос. — Почему?

— На этот вопрос я не могу ответить. Спроси лучше у самого Йидама.

Губы Койота сжались в прямую линию.

— Я знаю, где он живет. Вопрос только в том, как мне туда пробраться.

Монг улыбнулся.

— Ты и так знал достаточно, прежде чем попал сюда, но все же я дал тебе еще кое-какие умения. Ты знаешь, кто ты; в этом твоя сила. Если ты достоин ответа на вопрос, то отыщешь его.

В лучах заходящего солнца дукханг отбрасывал длинную тень; она сомкнулась вокруг Койота, как пелена. Он встал спиной к восточным воротам и, глядя на изображение Йидама, размял кисти рук.

«Ты знаешь, кто ты, в этом твоя сила». Скрипичник делал из меня не простого убийцу, а охотника, который может ходить по измерениям с единственной целью — убивать врагов хозяина.

Поняв это, Койот понял и кое-что еще. Тогда, в Скольжении, он оказался за спиной у гетсула не случайно, он сделал это автоматически. Используя мысли гетсула, он появился в измерении так, чтобы оказаться за спиной у врага и прикончить его с легкостью. И еще одну вещь понял Койот: чем сильнее противник, тем легче его выследить.

Многое наводило его на мысль, что он был подготовлен для очень узкой специализации. Кроули мог взглядом двигать предметы или воспламенить их, взяв в руки вещь, мог узнать о том, кто к ней прикасался, и даже обладал способностью читать мысли — правда, лишь у обычных людей. Он, Койот, не владел такими умениями и подозревал, что Скрипичник сделал из него исключительно гончую, и способность к эмпатии заменяет ему нух, чтобы эффективнее выслеживать добычу.

Койот закрыл глаза и вызвал в сознании образ Йидама. Зафиксировав его, он открыл глаза и стал изменять образ, который он создал, приводя его в соответствие с изображением на стене. Он припомнил ощущение, которое испытал, коснувшись Йидама во время схватки в Шторме, добавил ощущение ментального контакта с ним и смертоносности его ударов.

Постепенно дневной свет померк; Койот, внешне оставаясь неподвижным, все глубже и глубже погружался во тьму, которую видел в храме.

Это гонкханг, жилище Йидама.

Койот оказался в большом помещении; архитектура здесь была такая же, как во всем Кангенпо. Толстые колонны, поддерживающие своды, масляные светильники, отбрасывающие на потолок круги желтого света. Сухой, пыльный воздух делал гонкханг похожим на склеп, но все равно это место внушало благоговение.

По всему помещению стояли на ножках большие коробки, открытые сверху. Внутри Койот увидел макеты пейзажей и фигурки солдат. Армии, выстроившиеся в боевом порядке, были воспроизведены с потрясающей точностью; некоторые армии Койот узнал. Солдаты в голубых и серых мундирах, видимо, жили во времена Войны за независимость. Яркие мундиры наполеоновских солдат заполняли большую часть другого стола. Слева от битвы при Фермопилах, в которой отважные спартанцы дрались с персами, возвышался стол с панорамой Сталинграда.

Но, двигаясь дальше, Койот увидел изображения иных сражений; в них участвовали бойцы, сошедшие, казалось, со страниц романов фэнтези, — но тонкость деталей говорила о том, что и эти битвы происходили на самом деле, хотя в это было трудно поверить. Когда он прошел мимо стола с гигантскими роботами и лучниками верхом на боевых динозаврах, по спине у него пробежал холодок. *Должно быть, эти бои происходили в других измерениях. Невозможно даже представить себе масштабы разрушений, которые им сопутствовали.*

У дальней стены сидел Йидам, склонившись над широким рабочим столом. Вокруг темной фигуры монстра возник золотой ореол; Койот приближался к нему сзади, но догадался, что Йидам его почувствовал. Впрочем, монстр не поднял головы и продолжал работать. Подойдя ближе, Койот увидел ряды маленьких фигурок, которые ожидали раскраски, и понял, чем занимается Йидам.

— Кто ты?

Йидам повернулся к нему и нацепил на нос очки, перевязанные веревочкой.

— Ты хочешь спросить, кем я был, ибо странно видеть Йидама, который занимается тем, чем я. Я был военным офицером, тактиком и историком.

Койот кивнул:

— Это я понял. Некоторые битвы мне знакомы, но многие — нет. Я знаю, что ты умеешь путешествовать по измерениям. Видимо, другие битвы происходили там.

— Другие места, другое время. — Йидам снял очки и положил их на стол. — Я рано обнаружил в себе интерес к военным конфликтам, и мне прочили блестящее

будущее. Но моя сравнительная теория войн свела на нет прежнее восхищение.

Йидам встал, и Койот отступил на шаг.

— Ты нашел во всех войнах общий элемент или открыл причину их возникновения? Я думаю, ты обнаружил то, чего сам не в состоянии объяснить.

В свете масляных ламп клыки Йидама казались желтыми.

— На самом деле я обнаружил две вещи, но они взаимосвязаны. Первая — это искра безумия, которая разжигает войну. Она принимает одну из двух форм: либо ничем не мотивированная уверенность в полной победе, либо такая же уверенность в том, что невидимые враги убьют тебя, если ты не ударишь первым. Вторая вещь тревожит меня гораздо больше — превращение совершенно нормального и трезвомыслящего индивидуума в дикаря, одержимого навязчивой идеей причинить другим как можно больше страданий.

— И так же как Монг, ты увидел за этим Темных Властелинов? — Койот поймал себя на том, что машинально сжал кулаки и разжал их. — Но когда попытался объяснить это, у тебя не было доказательств, и никто не поверил тебе, что они существуют?

Йидам кивнул.

— Когда я узнал об экспедиции в другую звездную систему, вашу систему, мы с женой вызвались добровольцами. Я всегда стремился побольше узнать об иных расах во Вселенной — страдают ли они от Темных Властелинов или свободны от их влияния? И оказалось, что Темный Властелин уже поработал здесь. — В его глазах заплескали красные огоньки. — Я сделал ошибку, когда привез сюда свою семью.

Койот подтянул перчатку на левой руке.

— Ты говоришь, что я хотел спросить тебя, кем ты был. Теперь я снова задаю свой первоначальный вопрос: кто ты сейчас?

Йидам мрачно улыбнулся:

— Сейчас я — Йидам Кангенпо. — Браслет из монет у него на ноге звякнул, когда он встал в боевую стойку. — И если ты — творение Скрипичника, то я — твоя смерть.

Синклер Мак-Нил поднял руку и насмешливо улыбнулся инструктору, стоящему перед небольшой группой учеников.

— Миссис Маркграф, я ни капли не сомневаюсь в том, что, как вы утверждаете, США сбили и НЛО «серых», замеченное над Лонг-Айлендом в 1989 году, но моя логика не удовлетворена. Видите ли, вы сказали, что Джеймс Форрестал, секретарь безопасности США, один из первых похищенных, был убит ЦРУ прежде, чем успел опубликовать информацию о «серых». Это значит, особенно учитывая, что случаи похищения в восьмидесятые годы резко участились, что правительство понимало — люди не в состоянии остановить «серых».

— К чему вы клоните, мистер Мак-Нил?

— Понимаете, мэм, если бы я знал, что кто-то или что-то может похитить меня или мою семью для того, чтобы поиздеваться над ними, и я буду бессилён этому противостоять, я все же попытался бы что-то сделать. — Син посмотрел на сидящего неподалеку задумчивого японца. — Я хочу сказать, что на месте президента не стал бы сбивать летательный аппарат «серых», понимая, что расплата наступит быстро и будет весьма неприятной.

Миссис Маркграф улыбнулась:

— Наверное, президент был тоже похищен, и ему вживили имплантат. Может быть, он действовал по указке «серых».

— Простите, миссис Маркграф, — подал голос Риухито, — но трудно представить, чтобы «серые» приказали своим подчиненным сбить свой же корабль. Даже если бы они действительно хотели от него избавиться, вряд ли бы они стали демонстрировать людям, как это делается.

— Ваше высочество, вы и мистер Мак-Нил ошибочно полагаете, что «серые» пользуются человеческой логикой. Они думают совершенно иначе, абсолютно не так, как мы.

Риухито энергично кивнул:

— Похоже на то, так как ваше объяснение их поступков лишено всякой логики. Вы утверждаете, что

наши люди помогали им строить корабли, способные совершать межзвездные путешествия, и бороться с генетическими дефектами. Вы говорили, что «серые» прибыли сюда, чтобы таскать отсюда генетический материал, но существует ли возможность замены их ДНК на нашу? Более того, если их уровень технического развития позволил им путешествовать между звездами и выяснить, что нашу ДНК имеет смысл воровать, то неужели они не могли решить эту проблему сами?

Син подлил масла в огонь:

— И еще, миссис Маркграф, вы сказали, что у нас было оружие, способное сбить летательный аппарат пришельцев. Кажется, вы упомянули акустическое оружие под кодовым названием «Джошуа». Если вы утверждаете, что именно его использовали, чтобы сбить НЛО над Лонг-Айлендом, то имелись бы свидетельства использования этого же оружия в Ираке, или в каком-либо другом вооруженном конфликте.

Женщина опустила глаза и смущенно потерела пальцами свисток на шее.

— Оно действует только на «серых».

— Ерунда. — Риухито взмахнул руками. — «Джошуа» — оружие, фокусирующее ультразвуковые волны. Эта технология была использована за последние четверть века не один раз. Например, для исследования внутренних органов, для разгона толпы; даже продолжительного проигрывания обыкновенного рок-н-ролла оказалось достаточно, чтобы сдвинуть Мануэля Норьегу с Папала Нунчио во время американского вторжения в Панаму. То, что действует на камни в почках, будет действовать и на бункеры, а Саддам Хусейн не так уж и отличался от Норьегу. Если бы США располагали таким оружием в 1989-м, то они наверняка использовали бы его в 1991-м.

— Ладно, ладно... — Миссис Маркграф вытерла лоб рукавом черной футболки. — Ваши вопросы очень интересны, только задайте их мистеру Лехтеру. А сейчас настало время прерваться и переодеться к ужину. Закончим на этом.

Син проследил за ее взглядом и увидел в дальнем окне мужскую фигуру. Арриго Эль-Лехтер махнул ру-

кой, кивнул и сделал миссис Маркграф знак, словно просил ее продолжать.

Миссис Маркграф звучно сглотнула слюну и провела языком по губам:

— Скажу вам одно: вы свободны.

Она подняла к губам свисток и пронзительно свистнула.

— Так, четыре круга и по комнатам. Думаю, что вечером я смогу вам ответить.

Син бросил взгляд на окно и даже на таком расстоянии заметил на лице Арриго Довольную улыбку.

Или миссис Маркграф получила нашу группу в виде наказания, или же нам полагается быть умнее инструктора. А возможно, и то и другое. Пробегая второй круг, Синклер увеличил скорость и нагнал Риухито. Похоже, они еще не успели оплести как следует внука императора. И я искренне надеюсь, что мне не придется увидеть, как это произойдет.

Арриго Эль-Лехтер отошел от окна и, подойдя к своему столу XR-8500, коснулся экрана. Жалюзи на окнах опустились. Потом он включил селектор.

— Да, сэр? — спросил тонкий голосок секретарши.

— Дженни, милая, меня не будет начиная с ужина и до самого вечера. Ты можешь идти, только сделай сначала так, чтобы меня не беспокоили телефоны.

— Да, сэр, — поколебавшись, она спросила: — И частную линию вашей жены тоже прикажете закрыть?

Ноздри Арриго раздулись, но он быстро взял себя в руки:

— Да, Дженни, и ее тоже. Позвони Раулю и скажи, что сегодня вечером мне не хотелось бы ни видеть, ни слышать мою жену. И еще, девочка, подготовься к тому, чтобы поужинать сегодня со мной.

— Да, сэр! Спасибо, мистер Эль-Лехтер.

— С этой минуты — Ари.

— Да, Ари!

Он опять коснулся экрана; окна и двери закрылись, а потом поверхность стола изменилась. Вместо обычных иконок и кнопок на черном фоне возникли непонятные знаки, словно из фильма ужасов. Арриго набрал одному ему известную комбинацию, а потом протянул руку к невидимой кнопке.

Стеклянные дверцы книжного шкафа, стоявшего напротив стола, закрылись, шкаф, будто кровать Мерфи, повернулся вокруг своей оси. За ним открылся тайник, в котором висели черные кабели, которые могли показаться случайному посетителю (если бы Арриго пускал их к себе в кабинет) вполне обычными проводами.

Когда шкаф опустился и замер на полу, субстанция, прилипшая к его задней стенке, заколыхалась. Сначала Арриго называл ее черным желе, но за годы контакта его мнение изменилось. Внутри этого желе задрожали зеленые огоньки; они постепенно приближались к поверхности, образуя медленно набухающую массу. Кабели стали толще и начали светиться от пробегающей по ним энергии.

Зеленое свечение стало интенсивнее, а блестящая набухающая мерзость начала менять форму, превращаясь в кисть огромной руки с длинными костлявыми пальцами.

Арриго провел языком по пересохшим губам и начал снимать одежду, уверяя себя, что на этот раз бояться нечего. Он сделал все, что приказал ему хозяин, и даже больше. Хозяин будет гордиться им, Арриго это знал и знал, что заслужил награду. Он шагнул вперед и вошел в слизистую массу. Она была холодной, и он начал дрожать. Впрочем, в глубине души он понимал, что дрожит не столько от холода, сколько от страха.

Повернувшись лицом к своему столу, он сел в громадную ладонь и прислонился спиной к среднему пальцу. Немного поерзал, устраиваясь, потом поднял руки и скрестил их на груди, готовясь к тому, что будет дальше.

Ладонь зашевелилась; палец заскользил по спине Арриго вверх, пока не добрался до плеч. Арриго сжал челюсти, чтобы не стучали зубы, и сосредоточился на том, чтобы дышать через нос.

Слизь опустилась ему на голову и начала растекаться по лицу и плечам. Она отвратительно воняла; Эль-Лехтер хотел закричать, но сдержался: вкус этой гадости был куда хуже, чем запах. Слизь расползлась по всему его телу и, покрыв Арриго полностью, начала набухать. Жена Эль-Лехтера, которая однажды застала его за общением с Хозяином, потом говорила врачам, что видела его как бы в большой плаценте. Образ ему не понравил-

ся, так же как и ее реакция, но он не мог не признать, что она выразилась совершенно точно.

Итак, я рождаюсь снова и с новыми силами.

В слизи образовались два тонких канала, ведущих к ноздрям Арриго. Слизистый кокон сомкнулся над ним, и легкие перестали работать. Снабжение организма кислородом и вывод углекислоты происходили теперь через эти две трубки.

Так что ты приготовил мне, моя з-забава? — Вопрос прозвучал прямо у него в голове, но был задан не словами, а яркими образами. — *У тебя ли тот, кого ты обещал з-сделать моим?*

Арриго хотел кивнуть, но в вязкой массе не смог.

Да, он у меня, Хозяин. Он в группе «Альфа» и верит, что самый лучший. Он нетерпелив; его беспокойство заставляет его буквально наброситься на твоё предложение.

Отлично, моя з-забава. В мозгу у Арриго словно лопнул шарик, наполненный удовольствием. Он знал, что это хозяин подействовал на один из его нервных центров, и хотел, чтобы тот делал это снова и снова. Чем ещё ты послужил мне, моя з-забава? Я чувствую, что ты добился чего то ещё.

Арриго с трудом овладел собой.

Там же, в группе «Альфа», есть ещё один человек. Такой же сильный, как Риухито. Он приехал из Америки и у него большие связи. Он эксперт по безопасности.

Ты хорошо его проверил? Он не тот, кого мы потеряли?

— *Нет,* — вздохнул Арриго, — *это не Джеггер. Он невысокого роста. Я хорошо помню Джеггера, это не он.*

Ты не знал Джеггера как следует, но я тебе верю. И кто же этот человек?

— *Его зовут Синклер Мак-Нил. Его отец — владелец компании «Билдмор» в Фениксе. Теперь Синклер работает на «Лорику», он недавно развёлся и сейчас испытывает душевный разлад. Его будет легко оплести.*

Слизь завибрировала: хозяин смеялся. Арриго ощущал этот смех как весьма неприятный зуд. Потом слизь заколыхалась, и тысячи электрических разрядов вонзились в мозг Арриго, причиняя нестерпимую боль.

Простите, Хозяин!

Прощаю, кретин. До тех пор, пока Ведьма не потеряла ее, «Лорика» была моей. Теперь ее использует Джеггер. Мак-Нил — агент Джеггера, а сам Джеггер спрятался и думает, что избавился от моего влияния. Но скоро ему предстоит узнать, что он жестоко ошибся, и человек, которого он прислал к нам, послужит наживкой.

— Хозяин, я знаю пытку, которую никто не в состоянии вынести. — Арриго улыбнулся. — Миссис Маркграф будет рада ему отомстить.

Он не успел закончить фразу, как на его мозг обрушилась волна боли.

Ты ничего не понял! Если Джеггер выбрал его, значит, этот человек очень опасен. Просто убей его и избавься от трупа. Джеггер уз-знает об этом и придет отомстить.

Арриго вздрогнул, вспомнив Джеггера и его мастерство.

Хозяин, Джеггер очень хорошо умеет убивать. Мне бы не хотелось оказаться тем, за кем он будет охотиться.

Ты раз-зочаровываешь меня, з-збава. Я воз-знаграждаю тех, кто мне предан. Да, Джеггер придет за тобой, но я обеспечу тебе защиту. Я дам тебе силу, которая позволит вернуть мне Джеггера или его уничтожить. Внук императора будет напуган и подчинится мне; после этого уже ничто не сможет меня остановить.

Син и Риухито вежливо рассмеялись дурацкой шутке товарища по группе. Сменив серую униформу на собственную одежду, все немного повеселели и с нетерпением ждали обеда.

Син, помня о роли, которую он играет, надел брюки с подтяжками и строгую рубашку. В последнюю минуту он нацепил на руку диктофон, увидев на запястье Риухито такой же. Принц проявлял большую активность на дискуссиях и занятиях, поэтому Син никак не мог улучшить время поговорить с ним. Надевая диктофон, он надеялся, что внук императора им заинтересуется и сам завяжет беседу.

Они стояли на дорожке, посыпанной белым гравием. Позади них с неизменной каменной улыбкой возвышалась копия «Локешвары» Анкора Вата — центр дворика, к которому сходились все дорожки. Син заметил

вокруг статуи полосу, словно пьедестал мог подниматься и опускаться.

— Не удивлюсь, если они ее убирают, чтобы сыграть в волейбол.

Риухито посмотрел на него и улыбнулся:

— Может быть, но я думаю, что они привезли ее сюда под землей и подняли. — Он указал на толстые деревья во дворе. — С вертолета ее спустить почти невозможно.

— Верно, я не подумал. — Син провел рукой по гладкому камню. — Отличная копия.

— Нет, Синклер, это оригинал. Добрый вечер. — Арриго Эль-Лехтер, одетый в костюм, напоминающий военный мундир, слегка поклонился и показал на стоящую рядом симпатичную черноволосую женщину: — Разрешите представить вам мою секретаршу, Джанет Пигот.

Син был поражен. Высокая, несомненно, очень уверенная в себе женщина, была ничуть не похожа на тот образ, который сложился у Сина на основании того, что говорил Кип. Гладкая кожа, правильные черты лица. *Может, Мико — более подходящая пара для старины Кипа, но все же странно, что эту женщину он ценил больше в качестве секретарши, а не любовницы.*

Син обменялся с ней рукопожатием:

— Рад познакомиться. Мы друзья с Кипом Мартином; он просил передать вам привет, если я вас увижу.

Улыбка Джанет стала чуть шире.

— Вы очень любезны, мистер Мак-Нил. Я позвоню мистеру Мартину и узнаю, как он поживает.

Эль-Лехтер направился к Риухито. Син повернулся к ним, чтобы проследить за выражением лица Риухито во время разговора, но тут кто-то тронул его за плечо. Это был мистер Хэнди.

— Простите, мистер Мак-Нил, звонок от мисс Акрес. Он получен по одному из наших секретных каналов, и я перевел его в комнату для занятий. Пойдемте со мной.

Син кивнул.

Что ей нужно? Неужели что-то случилось с Койотом?

Хэнди повернул направо, вместо того, чтобы пойти налево.

— Я думал, что все комнаты для занятий в восточном крыле, — заметил Син.

— Только основные. — Хэнди остановился перед дверью с кодовым замком. — Есть и другие; они просто ближе. Я подумал, так будет быстрее.

Син кивнул и, коснувшись рукава рубашки, включил диктофон, надеясь потом по звуку определить комбинацию кода, который мистер Хэнди как раз начал набирать.

— Прошу, сэр. — Хэнди распахнул дверь, и Синклер вошел. Он ждал, что ему протянут телефонную трубку, но вместо этого Хэнди сунул руку в ящик стола и вытащил оттуда его же, Синклера Мак-Нила, «беретту», и снял ее с предохранителя.

— Мы нашли это во время проверки комнат. Вы отлично придумали спрятать оружие в вентиляционный люк, — движением пистолета Хэнди приказал Сину поднять руки. — Мистер Эль-Лехтер говорит, что вы шпион «серых» и должны умереть.

Син выиграл секунду на том, что «беретта» для первого выстрела требует, чтобы передернули затвор. Он схватил пистолет, но Хэнди успел нажать на курок. Осечка. Он передернул затвор, патрон выскочил и угодил Хэнди в лицо. Тот вскрикнул, а Син отвел пистолет вниз и в сторону, ударил Хэнди коленом в пах, вырвал пистолет из его руки и со всей силы стукнул ассистента Арриго рукояткой «беретты» по голове. Хэнди упал; Син наставил на него пистолет и подождал, не очнется ли он.

Хэнди не шевелился. Из ссадины у него на голове текла кровь. *Красная. Значит, он человек.*

Син опустил на корточки и обыскал противника. Ничего. Ни ключей, ни карточек, ни денег.

— Ладно, полежи и дай мне подумать. — Он поднял с пола патрон, вставил его в обойму, снова вогнал ее в рукоятку «беретты» и передернул затвор.

Ну что ж, маски сорваны. Но Син не думал, разговаривая с императором, что придется стрелять. *Я был честен от начала и до конца, если не считать моего третьего инициала и развода с женой. Никто не мог знать, что я работаю на Койота, а кроме того, какое дело до этого Галбро? Он уже выходил из двери, когда вдруг сообразил: Черт! Галбро и есть та самая школа убийц! А это значит... Это значит, что мне хотелось бы иметь немного больше, чем четырнадцать патронов.*

Син выглянул в коридор. Чисто. Он вышел из комнаты и направился в дальний конец коридора, сложив на груди руки, чтобы прикрыть «беретту». По пути он представил себе схему института. *Если повезет, я выйду к воротам, через которые нас привезли.*

В конце коридора была дверь в какую-то комнату. Там никого не было, кроме парня в комбинезоне, который чинил телефон. Услышав шаги, он поднял голову, но Мак-Нил просто кивнул ему и продолжал идти дальше.

— Эй, парень, погоди — ты что тут делаешь?

— Выполняю поручение мистера Эль-Лехтера, — улыбнулся Син. — Вот ведь как выходит, а? Ты здесь с машинкой воюешь, а он там прохлаждается с гостями.

— Ты прав. — Парень вытер рукавом лоб. — Мне-то, в общем, плевать, чем он там занят, но мог бы купить оборудование получше, чтобы облегчить всем жизнь, так?

Если ты дашь мне отсюда выбраться, моя жизнь тоже станет значительно легче.

— Это точно. — Син пожал плечами и пошел дальше, к двойным стеклянным дверям. — Только без работы тут никто все равно не останется.

— Метко подметил, черт побери. — Парень улыбнулся ему вслед. — Ладно, пусть тебя обойдут стороной «серые».

Поздно!

Два охранника, смеясь и переговариваясь, вошли в стеклянные двери. У одного на плече висел полиэтиленовый мешок для трупов, на груди — АКМ. Другой нес в руке автоматическую винтовку. Оба остановились, увидев, что человек, которому предназначался мешок, пока еще в нем не нуждается.

Син поднял «беретту» и дважды выстрелил в того, кто нес мешок. Промаяхнуться с такого расстояния было нельзя. Первая пуля попала охраннику в плечо, вторая — в грудь.

Прежде чем он упал, Син навел пистолет на второго, но тот успел спрятаться за стол. Послышался щелчок затвора. Времени на раздумья не оставалось. Син упал на колени и трижды выстрелил в стол. После второго выстрела раздался крик.

Син выбежал в коридор и с опозданием сообразил, что второпях не прихватил автомат или винтовку. Мгновение он сомневался, не вернуться ли, но, услышав кри-

ки с обеих сторон коридора, решил этого не делать. Он повернулся влево и высадил ногой дверь.

Она упала, и он оказался в небольшой комнате, где стоял круглый стол и несколько стульев. Син понимал, что стол не обеспечит ему надежного прикрытия — ну и черт с ним. Он стулом разбил окно и выпрыгнул наружу.

Черт, ошибся!

До стены, за которой спасение, было не меньше сорока метров. Небольшие джунгли из лиан, невысоких кустиков и плетеных кресел выглядели роскошно, но только не для Сина. Лишь справа, за небольшим каменным очагом для жарки мяса, можно было укрыться. Син метнулся туда.

В комнате, из которой он выбрался, раздался громкий голос, отдающий приказ, и пули защелкали о камни и металлическую решетку. Син, прислонившись спиной к камням, смахнул пот со лба и подобрал колени.

Так, пока все нормально. У тебя двадцать футов до стены, за которую, если хорошо разбежишься, сможешь уцепиться и влезть. Против тебя — батальон вояк, вооруженных автоматами. И нет сомнений, что они уже вызвали подкрепление.

Он лег на живот и отполз в сторону. Охранники продолжали поливать огнем очаг, пригибаясь после каждой очереди, что плохо сказывалось на точности их стрельбы. Син поднялся на колени и, когда в окне появился силуэт человека, выстрелил дважды. Одна пуля пробила стекло, другая — горло охранника.

Син опять лег на живот и пополз к другому краю очага. Он оглянулся, а когда посмотрел перед собой, увидел на стене охранника с автоматом.

Они спустили курки одновременно. Первая пуля ударила в стену, вторая прошила охраннику бедро, а третья, задев рожок, пробила ему живот. Охранник перевалился на другую сторону стены, продолжая стрелять; Син подскочил, но одна пуля все же попала в цель: Мак-Нил вскрикнул от боли, когда раскаленный кусок свинца задел берцовую кость.

Небольшая царапина, выживешь! Он на мгновение прикрыл глаза, стараясь успокоить обжигающую боль, которая волнами поднималась по позвоночнику и пронза-

ла мозг. *Черт! ЧЕРТ!!!* Он скрипнул зубами, глядя, как на брюках расползается темное пятно. *Осталось пять патронов, черт знает сколько охранников, а с дыркой в ноге стена станет на целую милю выше.* Он сглотнул и впервые почувствовал страх. *Похоже, мне крышка.*

Со стороны здания раздался крик Хэнди:

— Тащите гранатомет! Он там за очагом, и мы его сейчас поджарим как следует.

22

Раджани проснулась от звуков неприятного злобного смеха. В первое мгновение она испугалась, что начинается одно из тех землетрясений, о которых ее предупреждал Хэл. Она бросилась в ванную, потом обратно и почувствовала, как что-то кольнуло руку. Она посмотрела на ладонь: сине-черная кровь сочилась из ранки.

Держась за косяк, она присела и подняла с пола цепочку. Потом пососала ранку и посмотрела на нее снова. *Царапина.*

Она сосредоточилась, и ранка затянулась. Раджани улыбнулась и расправила купальник на ягодицах. Хэл просил ее остаться в гостинице на случай, если Синклер вдруг позвонит. Сам Гаррет пошел в «Дадзамоку оспрейз», а Бат, взяв с собой Нэтч, отправился исследовать криминальный мир Токио. Джитт заперлась в комнате с кучей всякой электроники и строго-настрого приказала Раджани ее не беспокоить.

Вскоре Раджани устала пялиться на телефон и приказала передавать звонки в бассейн. Было воскресное утро, и никто не мешал ей как следует искупаться. Она злилась на себя и на других. Как же так, ее поместили в стасис, чтобы помочь Койоту, а она даже не может до него добраться, и ее все время отпихивают, потому что она не умеет стрелять или драться.

Она сделала несколько кругов, и когда усталость приглушила обиду, вернулась в комнату, прилегла на диван и, взяв в руки цепочку Сина, сосредоточилась. *Пожа-*

луйста, Синклер, позвони. Она с надеждой посмотрела на телефон, хотя понимала, что, не зная точного местонахождения Сина, не может послать ему обращение. Тогда она снова сосредоточилась и, освободив сознание, стала слушать эхо своего послания, искать совпадения с впечатлением от цепочек в бетонном сердце Токио.

Она не нашла Синклера, но уловила отражение, которое привело ее в ужас. Раджани быстро вернулась в тело и подняла ментальный щит. Она вспомнила смех, который ее разбудил. *Скрипичник здесь!* Но самое страшное заключалось в том, что фрагмент послания, который она поймала, был тесно переплетен с аурой Сина.

Убей его и избавься от трупа!

Она закрыла глаза и снова осторожно отправила свой разум на поиски. Стены исчезли, ее сознание ракетой взмыло ввысь, и Токио превратился в светящийся лабиринт с миллионами разноцветных точек внутри — живыми существами, людьми.

Чуть выше и левее над островом в Токийском заливе разливался зеленый свет. Поискав его источник, Раджани увидела черную жемчужину, окруженную малахитовым ореолом. Горящая зеленая точка вертелась в самой его середине, а рядом с ней вторая и третья. Лицо и глаза.

Потом образ Скрипичника растаял во тьме, зато далеко внизу вспыхнул свет, оттенок которого был таким же, как цвет цепочки.

Синклер там — и его пытаются убить.

Борясь с приступом тошноты, Раджани ворвалась обратно в тело, вскочила, натянула джинсы, сунула ноги в сандалии и выбежала из комнаты, никого не предупредив и даже забыв накинуть кожаную куртку, которую ей подарила Нэтч.

Она выскочила в коридор, ударила по кнопке вызова лифта, но, подождав секунд десять, рванула вниз по лестнице.

Вылетев в вестибюль, она посмотрела по сторонам и увидела медленно открывающиеся стеклянные двери. Швейцар взглянул на нее с удивлением, но быстро опомнился и, повернувшись к входу, указал на такси. Раджани кивнула и побежала к машине. Водитель открыл

дверь, и, упав на заднее сиденье, она показала рукой направление:

— Туда, на остров, быстро!

Пожилой водитель с сомнением посмотрел на нее:

— Кимпунсима, хаи?

— Давай, давай! — Раджани сунула руку в карман, достала пачку иен вперемишку с долларами и швырнула деньги таксисту: — Быстрее!

Она не заметила волны радости, которая хлынула от водителя, не услышала визга шин, не почувствовала, как ее вдавливают в мягкие подушки сиденья на повороте. Яркие неоновые огни не производили на нее впечатления. Она приглушила внешнее зрение, сосредоточившись только на цепочке Мак-Нила и на ее связи с ним. Она сжимала ее в руках и нащупывала Мак-Нила, но, когда контакт состоялся, едва не задохнулась от злости и разочарования.

Однажды доктор Чандра показывал ей, как сделать телефон из двух картонных коробочек и нитки. Несмотря на то что это устройство передавало звук, общаться с его помощью было практически невозможно. Сейчас было то же самое: Раджани могла уловить ощущения Сина, но обмениваться с ним информацией была не в состоянии.

По крайней мере непосредственно в эту минуту ему ничто не угрожает.

Раджани успокоила сердцебиение и на время отключилась от связки с Сином. Открыв глаза, она увидела, что они уже едут по берегу, и указала на остров:

— Туда!

— Хаи, Кимпунсима, хаи. — Водитель крутанул баранку и помчался между двумя складами, сшибая ящики и коробки. Он не переставая смеялся и что-то восклицал, но Раджани не понимала ни слова.

— Быстрее, быстрее!

Такси, взвизгнув по крышкам, свернуло вправо и въехало на мост в Кимпунсиму, освещенный розовыми фонарями. Промчавшись по мосту, водитель с большой неохотой сбросил скорость до сотни миль в час и устремился в глубь Кимпунсимы.

Раджани, для которой разница между островом и городом была только в интенсивности ощущений, кото-

рые она улавливала, почувствовала большую опасность. Она ударила по стеклу, отгораживающему водителя от пассажира:

— Сюда! Быстрее, мы уже близко.

Водитель свернул направо и взвизгнул, увидев посреди улицы байкеров из банды босоцоку. Одетые в кожу здоровяки на больших американских мотоциклах надсмехались над прохожими и угрожающе помахивали цепями.

Волна страха, хлынувшая по связке, едва не лишила Раджани сознания. Она распахнула дверь, ненароком сбив с ног стоящего рядом байкера, и бросилась бежать по улице. Сзади слышались крики и рев заводимых моторов, но она не обратила на это внимания, потому что волна страха, идущая по связке, становилась все интенсивнее.

Раджани бежала со всех ног и вскоре увидела забор. Ориентируясь на устойчивость связки, она повернула к берегу и вскоре по одной из аллей выбежала к кирпичной стене, рядом с которой стоял джип с эмблемой службы охраны.

Из него выбрался человек с автоматом, влез на крышу автомобиля, а оттуда — на стену. Там он пригнулся и выставил автомат перед собой. Раджани вспомнила уроки стрельбы, которые ей преподали «Кровопускатели».

— Синклер! — закричала она и увидела, как длинный язык пламени вырвался из ствола автомата. В следующее мгновение ответный выстрел отбросил мужчину назад; он тяжело ударился о крышу машины и замер. *Он его снял!*

По связке промчался приступ боли; у Раджани подогнулись колени, и она едва успела ухватиться за открытую дверь джипа. *Нет, я тебя не отпущу!*

Раджани подхватила автомат и вынула поврежденный пулей магазин, сняла с пояса трупы другой и с приятным уху щелчком вставила его на место. Потом передернула затвор, вскарабкалась на крышу автомобиля, а оттуда — на стену.

По другую сторону стены воздух был сизым от порохового дыма. Слева от Раджани за невысокой каменной оградой лежал Синклер Мак-Нил. Напротив него, укрывшись в здании, засели четверо мужчин; один из

них, излучая уверенность, положил на оконный проем толстую трубу.

— Готово! — заорал он. — Сейчас я его подстрелю.

Взяв автомат обеими руками, Раджани опустила его на уровень живота, как ее учили «Кровопускатели», и нажала курок. АКМ стоял на автоматическом режиме стрельбы и выплюнул все тридцать пуль. Красивые вспышки осветили патио, и посыпались разбитые стекла.

Однако стрелковая подготовка Раджани была сугубо теоретической, и это сослужило ей плохую службу. «Кровопускатели» не объяснили ей про отдачу, поэтому ствол автомата задрался, Раджани не удержала равновесия, упала на крышу автомобиля, перевернулась через голову и скатилась на землю, больно ударившись затылком.

В глазах у нее вспыхнули звездочки, и в тот же миг за стеной с грохотом взметнулся столб дыма и пламени. На машину посыпались комья земли и обломки камней. Лобовое стекло обрушилось на капот, по крыше забарабанила бетонная крошка.

Раджани потрясла головой, перевернулась на живот и встала, опираясь на крыло джипа. В проломе, образовавшемся в стене, появился человек. Он хромотал и то и дело оборачивался, стреляя в кого-то у себя за спиной. Увидев Раджани, он наставил на нее пистолет:

— Ты кто?

— Я Раджани, у меня твоя цепочка. — Она вынула ее из кармана и показала ему.

— Черт бы побрал этих горничных. — Он застонал и оперся на крышу джипа. — Водить умеешь? Нет, лучше не надо, я видел, как ты стреляешь. — Он обошел автомобиль, сел в кресло водителя и рукояткой пистолета вышиб остатки лобового стекла. — Ну что, поехали? — Раджани подбежала к другой дверце и забралась в машину. Синклер выжал сцепление. — Не знаю, кто ты такая, но спасибо. Ты спасла мне жизнь.

— Меня привез Хэл Гаррет, — сказала Раджани, с замиранием сердца глядя, как Син одного за другим обходит мотоциклистов. — Ты пропал из гостиницы, и мы встревожились.

Син застонал и вжал голову в подголовник кресла.

— Итак, ты проникла в мою комнату и обнаружила цепочку. — Он со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы, и Раджани почувствовала раскаленный докрасна сгусток боли. — А как ты нашла меня? Я считал, что не оставил следов.

Раджани почувствовала, что Син в любую минуту может потерять сознание.

— На этой улице поверни и останови машину.

— Ты шутишь?

— Я нашла тебя и спасла тебе жизнь. Поверь мне, останови машину. — Она почувствовала его сомнение, но Синклер повиновался. — Не выходи. — Она вылезла, обежала автомобиль, открыла дверь со стороны Сина и положила руку на его раненое бедро. — Будет немного больно.

— Ты хочешь сказать — еще больнее, чем сейчас?

Золотым ноготком она разрезала брюки и осмотрела рану. В ней белели кусочки чего-то — она подумала, что это бетонная крошка.

Син потряс головой:

— Рана сквозная. Похоже, раздроблена кость.

Раджани посмотрела ему в глаза и почувствовала, как он испугался, увидев ее золотые зрачки.

Ее глаза — они не настоящие.

Настоящие Синклер, успокойся.

Раджани усилила интенсивность контакта и, так же, как с Гарретом, пройдя по ней, отдала команды нужным участкам мозга, чтобы ускорить регенерацию тканей и приглушить боль. Вскоре от Сина повеяло спокойствием. Раджани улыбнулась и вышла из его сознания.

Син посмотрел на нее и удивленно моргнул.

— Леди, вы хотя бы сами знаете, что вы сделали? — Он вздохнул и покачал головой: — Господи, да ты лучше, чем морфий.

— Тебе легче?

— Учитывая наше с тобой положение — легко, как никогда! — Он вылез из джипа. — Надо уносить ноги. Они следят за этой машиной, а я с ними снова сталкиваться не хочу.

— Откуда ты знаешь, что они следят за машиной? — изумилась Раджани.

— Я не знаю, — ответил Син. — Но я бы на их месте именно так и сделал. К тому же нам с тобой вдвоем спрятаться проще простого. А чего это ты в купальнике? Плавала?

— В гостинице хороший бассейн, — ответила Раджани, смущенно потерев лямку купальника. — Я испугалась.

— Ну что ж, давай убираться отсюда. — Син открыл канализационный люк и жестом предложил Раджани спускаться. — Ты, конечно, не получишь там золота за плавание, зато по крайней мере и свинца тоже.

23

Йидам расстегнул застёжку. Тяжелый плащ упал на пол, и монстр предстал перед Койотом в своем истинном облике. Сразу стало ясно, почему он такой высокий: у него был второй плечевой пояс и дополнительная пара рук, расположенных на фут ниже первых. Посаженные чуть ближе к спине, они не несли на себе тяжести огромных бицепсов и не были расчерчены золотыми линиями, как верхние. Койот заметил, что такие же мерцающие полоски вытекают из пальцев Йидама на ногах и, поднимаясь вверх, исчезают под куском материи, обернутой вокруг его бедер.

Ошеломленный, Койот не успел даже опомниться. Монстр проворно схватил верхними руками его за запястья, а нижними зажал ему голову.

— Ты не убил меня там, в Шторме. Теперь посмотри, на что ты способен.

Их взгляды встретились, и Койот почувствовал, как Йидам вторгается в его разум. Он попытался сопротивляться, но не мог справиться с сознанием монстра. Он сделал попытку оборвать контакт, но сумел лишь с огромным трудом вернуть себе небольшую часть своей личности.

Йидам вошел в сознание Койота и удобно там расположился. Он сортировал его воспоминания, как детектив, который достает из шкафа папки и торопливо

их просматривает. Койот почувствовал, что последние два месяца его жизни, когда он под именем Тихо Кейна сражался со Скрипичником, Йидама только насторожили, — а когда он добрался до приступа клаустрофобии, который Койот испытал, очнувшись в мешке для трупов, к этой настороженности добавилась тень сомнения. Койот помнил, что эту амнезию устроил ему его предшественник при помощи сильных психотропных средств.

Ты думаешь, что биохимический барьер сможет меня остановить? — услышал он смех Йидама у себя в голове. — *Твое тело тебя предало.*

Внезапно Койот увидел собственное сознание в виде трехмерного лабиринта нейронов и синапсов. Заблокированная территория светилась красным. Койот почувствовал, как его тело начинает откликаться на приказы Йидама, впрыскивая в кровь гормоны и нейтрализующие вещества. Красный цвет стал бледнеть, и когда монстр ворвался в запретную область памяти, Койот закричал. Освобождение из тесных тисков амнезии было болезненным, а в следующее мгновение жизнь Койота начала разворачиваться перед ним, как старая кинолента.словно со стороны Койот глазами Йидама смотрел, каким он был в прошлой жизни. Он увидел, как изучает строение человеческого тела и работает с клонами. Увидел, как ломает доски, отрабатывая смертоносные удары, увидел, как просиживает долгие часы в химической лаборатории, изучая яды и взрывчатые вещества.

Воспоминания становились все отчетливее и полнее, но Койот не ощущал, что воссоединяется с тем человеком, которым он был до амнезии, — напротив, он бессознательно старался держаться как можно дальше от своего прошлого.

Он увидел себя, наблюдающего за жертвой через оптический прицел снайперской винтовки пятидесятого калибра. Пальцем правой руки он нажал спусковой крючок, и голова женщины взорвалась, как воздушный шарик, наполненный кровью. Он уловил легкое сожаление в душе своего двойника, но тут же выяснилось, что жалел он только о трех граммах пороха, потраченных на патрон.

Он неожиданно понял, что был социопатом. Однако почти сразу же отверг этот диагноз, вспомнив поступки,

которые совершил после потери памяти. *У социопата нет совести. Он думает только о себе. А во мне все же была совесть, или что-то другое, что позволило мне стать нынешним Койотом.*

Йидам продолжал копаться в его памяти.

Здесь, Койот, здесь. Я отыщу это, и тогда ты увидишь, кто ты есть на самом деле. Воспоминания мелькали все быстрее. словно издавлекa Койот увидел изгиб берега Китая, под ним — похожий на кинжал полуостров Кореи, врезающийся в океан, и лишь потом — острова Японии. Неожиданно он понял, что провел здесь большую часть своей жизни — и что-то подсказывало ему: это важное воспоминание.

Неожиданно Йидам закричал. На месте солнца вспыхнула зеленая пульсирующая сфера. Она разгорелась ярче, а потом вдруг вытянулась в острую длинную иглу, которая вонзилась в Койота, словно булава, которой прищипливают к картону пойманное насекомое.

Моя з-забава, ты вернулся ко мне? Койот почувствовал, как на его лице против воли расплывается радостная улыбка. *И ты преподнес мне подарок.*

Йидам пытался бороться, как рыба борется с сетью, он искал связи со Скрипичником, но, когда нашел ее, понял, что уже слишком поздно, что Темный Властелин предвидел это сопротивление и легко может его нейтрализовать. Койот чувствовал, как радуется Скрипичник бессилию Йидама.

Это ты, Викрам? Разве я не уничтожил тебя вместе со всем экипажем? Неужели это действительно ты — а ведь сколько времени миновало.

Да, это я — живое доказательство того, что ты не всегда выигрываешь.

Именно всегда, Викрам, это неизбежно. Многие твои товарищи с радостью перешли на мою сторону, и ты можешь к ним присоединиться. Иди ко мне.

Йидам не сдавался.

Я не для тебя, зверь. Если бы ты был так силен, как хочешь казаться, то уже бы меня уничтожил.

Но Койот почувствовал в мыслях Йидама отчаяние и понял, что он блефует. Внезапно на зеленом фоне мелькнула золотистая вспышка:

Отец?

Раджани?

Скрипичник был поражен не меньше Йидама, и на мгновение оба разжали тиски, сжимающие разум Койота. У него было время лишь на одно-единственное движение, и он его сделал. Он смешал свою ненависть к Скрипичнику с ненавистью к своему прошлому и, создав из этого сплава острейшее лезвие, обрубил им контакт.

Койот сам едва не упал и еле успел подхватить Йидама. Он аккуратно уложил его на пол, потом поднял плащ, свернул его и положил монстру под голову.

Красные глаза Йидама открылись.

— Спасибо, — просипел он.

— Это был Скрипичник, я это точно знаю. Но что случилось, кто такой Викрам?

Йидам пропустил этот вопрос мимо ушей и попытался встать, но Койот не дал:

— Нет, черт побери, ты меня вывернул наизнанку, а теперь не хочешь отвечать. Ты все еще думаешь, что я прихвостень Скрипичника?

Йидам откинулся назад и покачал головой:

— Нет. Если бы ты им был, то не смог бы прервать связь. Ты очень силен; несомненно, поэтому он тебя и выбрал.

— Значит, ты согласишься с тем, что я могу быть мощным оружием против него. Ответь на мои вопросы.

— Нет времени.

— Отвечай коротко. — В гонкханге появился Монг, и Койот повернулся к нему: — Была атака...

— Я знаю. Четыре человека погибли. Десятерым оказывается помощь. Они умрут без боли. — Монах присел на корточки перед Йидамом. — Мы усилим защиту. Теперь обнаружить нас будет труднее.

— Ответы! Я хочу их услышать немедленно! — Койот сжал кулаки и посмотрел на обоих.

Йидам положил руку на плечо Монга.

— Моя жена изучала религии — так же как я изучал войны. С помощью далай-ламы она познакомилась с Монгом, и он рассказал ей о своей судьбе. Женщины не допускаются в монастырь, поэтому она попросила меня остаться здесь на какое-то время, чтобы обеспечить мо-

нахам защиту. Я был здесь, когда Скрипичник уничтожил команду корабля, на котором мы прилетели.

Койот кивнул:

— И твоя жена тоже погибла.

Йидам на мгновение закрыл глаза.

— Да, и она тоже. Но Скрипичник напоролся на другого Темного Властелина, и они схлестнулись между собой. Тем временем мне удалось добраться до доктора Чандры и обезопасить свою дочь, Раджани. Скрипичник, вероятно, отслеживает ее, но он ищет похожий ментальный образ. Кitera он способен вычислить в два счета. Мою жену он нашел не сразу, а Раджани в этом смысле не отличается от людей. Он вряд ли ее заметит. — Йидам слабо улыбнулся. — Ты ведь знаешь, что у людей очень своеобразная ментальная структура?

Койот улыбнулся в ответ:

— Человечество давно уже в этом не сомневается.

— Надо найти мою дочь. Она способна читать Скрипичника.

— Читать?

— Мы поместили ее в стасис-капсулу для подготовки. Если она уже вышла из нее, значит, может слышать мысли Скрипичника. Поэтому она смогла послать мне весточку через нашу с ним связь. — Йидам сел, опершись нижними руками о пол. — Стасис обезопасил ее от внешних влияний. Это едва ли не самое важное. Я, например, когда впервые пришел сюда, внешне мало чем отличался от тебя или Монга, — свободными руками Йидам обнял колени, — но само окружение, молитвы и мысли монахов превратили меня в Йидама, божество, которое охраняет монастырь.

Койот поежился.

— Да, ты здорово изменился.

— Что ж, если это цена за возможность сопротивляться Скрипичнику, то она совсем небольшая, — с помощью Монга и Койота Йидам встал. — Мы должны как можно быстрее найти Раджани.

— Ты знаешь, где она?

— В Японии. И ей угрожает опасность.

Койот застонал.

— Даже если вызвать вертолет, мы доберемся туда не раньше, чем через пару дней.

— Нет, мы попадем туда другим путем. — Йидам посмотрел на Монга и тот кивнул. — Иди и собери все, что тебе понадобится. Ты достаточно обучен, чтобы покинуть это место. А я укажу дорогу.

24

Син задвинул за собой крышку люка и тоже начал спускаться. Каждое движение отдавалось болью в ноге, но рана болела уже не так сильно и, казалось, заживала буквально на глазах.

Он спрыгнул с нижней перекладины в вязкую жижу.

— Раджани, если я верно запомнил?

Раджани кивнула. Ее золотые волосы в темноте стали серыми.

— Да, Синклер?

— Зови меня Син. — Он бросил взгляд в черноту туннеля. — Уверен, они считают, что мы пойдем по канализации к океану, поэтому нам нужно найти боковой туннель, который уведет нас в глубь Кимпунсимы.

Она указала рукой на один из туннелей.

— Например, этот?

Син повернулся в ту сторону:

— Ты еще и в темноте видишь?

Раджани протянула ему руку, а другой рукой обхватила его за плечи. Син почувствовал тепло ее тела.

— Здесь растут растения, излучающие ультрафиолет. Пошли, я тебя поведу.

— О'кей.

Интересно, есть ли что-нибудь, чего она не умеет? Она не только вылечила мне ногу одним взглядом, но и нажала какую-то кнопочку у меня в голове, которая заставляет меня ощущать себя гораздо лучше. Раньше это удавалось лишь Эрике, да и то не в такой степени. И как она может видеть в такой темноте? Син посмотрел на нее. По-моему, именно ее голос я слышал в своем сознании.

Он услышал шорох и моментально выхватил «беретту».

— Ты слышала?

— Это крысы. Подожди, я сосредоточусь, и они к нам больше не подойдут.

Син хотел было что-то сказать по этому поводу, но оступился и едва не упал. Раджани подхватила его.

— Как ты? Может, снова убрать боль.

— Нет, не надо. — Син слегка закашлялся. — Это, конечно, хорошо, но... лучше тебе не делать такого с людьми.

— Что ты хочешь сказать? Я ведь знаю, что это приятно.

— Да, конечно, но мне нужна чистая голова, понимаешь? — Он вздохнул, потому что ему показалось, что она все же не поняла. — Ты уникальная девушка, ты знаешь об этом?

Она печально кивнула.

— Думаю, что я — единственная джесда, рожденная в этом мире.

Рожденная в этом мире? Син сглотнул. *Интересно, какое сумасшествие или религия заставили ее исполосовать себя татуировками? А может, это была простая шизофрения?*

— Так ты не с Земли?

— Я же сказала. — Она остановилась. — Мы возле того туннеля, который ведет от океана.

— Да, все правильно. — Син пошевелил ногой, и боль превратилась в унылый зуд. Он хотел снять ее руку со своего плеча, но внезапно Раджани задрожала.

— Ты что, замерзла?

— Да, но не только. — Она пошатнулась и почти рухнула на него. — Он все еще здесь.

Син убрал пистолет и подхватил ее:

— Кто?

Он услышал плеск воды и повернулся в ту сторону, закрыв собой девушку. Она что-то пробормотала, но он не разобрал слов. Внезапно он почувствовал, как что-то острое коснулось его. В ноге снова вспыхнула боль.

— Раджани, что это?

Она покачала головой, и ее волосы коснулись его плеча.

— Убегай, быстро!

— Надеюсь, оно не учует мой запах, так как я истекаю кровью. *Отлично, истекаю кровью в канализации, где все кишит заразой. Уж лучше бы меня грохнули из гранатомета.*

Нет, Синклер, не лучше.

— Раджани, ты что-то сказала?

Оно приближается. Она тяжело навалилась на него, пытаясь повернуть. Он подхватил ее на руки и тяжело пошел в том направлении, которое она указала. Дальним уголком сознания Син чувствовал, как что-то приближается сзади, и терялся в догадках, что бы это могло быть. Наконец он не выдержал. Он поставил Раджани на пол.

— Ну давай выходи! Ты и я. Раджани, оно живет в помойке, трудно будет с ним справиться?

— Очень, — прошептала она. — Оно не из этого мира.

— Что?

Скрипичнику нужно, чтобы мы умерли.

Неожиданно из жижи выскочила суставчатая конечность. Раздался щелчок, и острый коготь впился в грудь Сину. Потом лапа снова спряталась в темноту.

Син зашипел и прижал ладонь к ране.

— Да уж, инструмент у него что надо. — Син сглотнул. — Где оно, Раджани? Чтобы убить, я должен его увидеть.

Она ничего не сказала, но, доставая пистолет, он почувствовал на плече ее руку. На мгновение зрение покинуло его, а потом он увидел себя со стороны, достающего пистолет. *Я вижу ее глазами.*

Темнота рассеялась, и картина, представшая перед Сином, поразила его даже больше, чем способ, которым он это увидел. Отвратительная гигантская многоножка поднялась на хвосте, будто кобра, готовая прыгнуть. Ее голова, покрытая толстым хитином, казалось, состояла из одних челюстей, жадно пощелкивающих зубами. Глубоко посаженные фасеточные глаза горели бледно-зеленым светом.

Син шагнул вправо; существо проворно метнулось вперед и сомкнуло пасть на его руке, в которой он держал пистолет. Зубы впились ему в кисть, Син почувствовал прикосновение острого жала, но не стал пытаться освободить руку. Вместо этого он, наоборот, сунул кисть

с пистолетом еще глубже в глотку чудовища и нажал на курок.

Пуля снесла монстру полголовы; осколки хитина застучали по стенам. Челюсти разжались, бледно-зеленые глаза померкли, и существо медленно осело на пол, в грязную жижу.

— Что, кусок оказался побольше, чем ты мог проглотить? — Раджани вернула Сину его зрение, и он не успел увидеть двух глубоких царапин на стволе пистолета. Син повернулся к Раджани: — А это была не такая уж и дрянная шутка. — Он увидел, что она медленно сползает на пол, и подхватил ее под мышки. — Держись, девочка, держись.

Отец? — услышал он у себя в голове.

Син убрал пистолет и взял Раджани на руки. Она показалась ему на удивление легкой; было такое впечатление, будто у него прибавилось сил. Нога уже почти не беспокоила его, да и кисть, которую пытались откусить чудовище, совсем не болела.

Син сделал шаг вперед и внезапно осознал всю невозможность ситуации, в которой очутился. Вот он стоит, держа на руках красивую, но очень странную женщину на руках, по колено в грязи, с пистолетом без патронов, забрызганный кровью какого-то таинственного существа, сошедшего, казалось, со страниц комиксов. Ни дать ни взять, герой фильма «Американский ниндзя-9». Чужь какая-то.

Но хуже всего было то, что в данный момент он и в самом деле соответствовал этому образу, который весь построен на внешних эффектах. Для пущей яркости как раз не хватало Раджани, которая вылечила ему ногу, разговаривала с ним при помощи телепатии и передала ему свое зрение. Часть его сознания надеялась, что это только кошмарный сон, от которого можно очнуться, а другая боялась, что какая-то галлюцинация, которую ему внушили в Галбро.

К сожалению, обе эти версии были неубедительны. В Фениксе действительно творились странные дела, и Койот связывал их со Скрипичником. И сейчас, в канализации под древним городом на другом конце земного шара, он вновь услышал это же имя. Из всего этого можно

было сделать только один вывод: в мире и впрямь происходит что-то *весьма* необычное.

С той же внезапностью, с какой напала на них эта тварь, переменился взгляд Сина на вещи. Все окружающее стало казаться ему лишь декорациями на киностудии, и если раньше корень всех зол он искал в чьей-то некомпетентности или зависти, то теперь вместо простых и понятных причин он видел за этими бедствиями направляющую руку какого-то непонятного и зловещего Скрипичника. В тот же миг он понял, что если и дальше мыслить в том же направлении, то недалеко и до паранойи. Син постарался отвлечься, но не смог полностью выбросить эти мысли из головы. *Даже если ты склонен к паранойе, это еще не значит, что тебя не хотят убрать на самом деле.* Он улыбнулся сам себе. *Я знаю, что таких ребят навалом, так что лучше побыстрее самим убираться отсюда. Думай, Син, думай.* Из доклада о безопасности трехлетней давности он помнил, что в Кимпунсима канализационные колодцы расположены примерно через каждые пятьдесят метров, а в центре острова есть большая площадь, где обычно по ночам гуляет много туристов. Шлепая по грязи, Син удалялся от океана. *Сорок люков прошли; мы уже примерно под этим районом. Еще немного к северу, и все в порядке.*

Раджани открыла глаза. Они светились золотым. Потом она моргнула, и сияние исчезло.

— Син?

— Спокойно девочка, я о тебе позабочусь. С тобой все в порядке. — Он не видел ее в темноте, но все равно улыбнулся. — Не знаю, что это было, но теперь его нет.

Она заговорила слабым шепотом, таким тихим, что он даже не отражался эхом от стен:

— Его послал Скрипичник. Один из его... питомцев. Он должен был нас убить.

— Скрипичник пошлет другого?

Раджани покачала головой.

— Нет... Сейчас он сбит с толку. — Она схватила его за плечо. — Здесь... здесь надо подняться наверх! Там друзья.

— Ты можешь стоять?

— Кажется, да.

Он осторожно поставил ее на ноги, но продолжал придерживать рукой. Она повисла у него на шее, дожидаясь, пока ее ноги не нальются силой. Син улыбнулся и обнял ее.

— Хорошо. Переходим к более сложной части.

— Да?

— Я ни черта не вижу. Положи мои руки на лестницу.

Она положила его ладони на перекладины железной лестницы. В отличие от первой, она не была вделана в бетон, а просто свисала сверху, из чего Син сделал вывод, что этот выход не относится к числу заложенных в проект изначально.

Взобравшись наверх, Син толкнул крышку и оказался в каком-то темном помещении. Он так обрадовался, что наконец вылез из канализации, что даже не подумал о том, куда может вести этот неизвестно кем сделанный колодец. *Она сказала, что у нее здесь друзья.*

Он помог выбраться Раджани и закрыл люк. Рядом начиналась еще одна лестница, на этот раз деревянная, и они полезли по ней. Поднимаясь, он услышал американскую музыку и почуял запах дорогого американского табака.

Хорошо, людное место.

— Мы уже почти дома, девочка.

Син толкнул дверь, и они оказались в слабо освещенном коридоре, который вел мимо двух туалетов в бар, где столбом стоял сигаретный дым. Син обнял Раджани за плечи и улыбнулся:

— Найдем твоих друзей и сразу уйдем, хорошо?

Она кивнула и обхватила его за пояс.

— Хорошо.

Судя по шуму, в баре было полно народу, но, войдя, Син увидел только оружие колонки и при этом — ни одного живого человека. Впрочем, парни, которые были здесь, явно были здесь только что, судя по количеству дыма и недопитых бокалов пива.

— Добро пожаловать в кафе «Мария Селеста», — пробормотал Син.

Кроме двух человек, которые были почти не видны в темной нише у дальней стены, все остальные посетители бара исчезли; последний торопливо прошмыгнул

мимо хохочущих байкеров из банды босозоку. Увидев их, Син сразу понял причину столь быстрого бегства клиентов. Он толкнул Раджани назад к двери, но ее уже успели захлопнуть.

— И это твои друзья?

Она отрицательно помотала головой.

Низенький байкер с бритой головой и в темных очках преградил им дорогу.

— Бака-да!

— Ты о чем, приятель? — Син сузил глаза. — Я тебя в первый раз вижу, чем же я успел тебе насолить?

Другой байкер, с крысиным лицом, прохрипел:

— Не ты, янки! Она. — Его взгляд блуждал между Сином и Раджани. — Отдай ее нам и останешься цел.

— Наменна-йо, — сказал Син и сжал кулаки. — Это не стоит той боли, которую ты испытываешь.

Низенький байкер, за спиной которого толпились его приятели, выглядел слишком уверенно, и Сину это не очень понравилось.

— Син, сзади! — крикнула Раджани.

Он обернулся, и тут же его ударили по лицу. Из глаз посыпались искры, колени налились тяжестью, из носа потекла струйка крови. Син уже приготовился к тому, чтобы упасть, но не упал — и не сразу понял, почему не упал.

Оказалось, что сзади его схватила за воротник чья-то рука — огромная, как у борца сумо, — и когда эта рука развернула его, Син увидел «серые» злые глаза и мощную бычью шею.

— Буккоросите яру, — улыбнулся верзила, обнажая гнилые зубы, и поднял левую руку. — Я буду бить тебя, пока ты не сдохнешь.

Кулак устремился в голову Сину, но не достиг цели: его остановила, накрыв, другая ладонь. Пальцы байкера затрещали, и он упал на колени, выпустив Сина. Бат, развернув руку, ударил байкера локтем по голове, а потом, ухватив его за толстую шею, — коленом в лицо. Байкер упал и скорчился на полу. С демонической улыбкой Бат повернулся к его приятелям:

— Человек просил вас не приставать к нему, и если кому-то это еще не понятно, я могу это ему объяснить.

Из ниши вышла Нэтч с пистолетом в руке:

— Не волнуйтесь, вам будет совсем не больно.

Бат шагнул вперед, и босозоку как ветром сдуло.

Син вытер рукавом разбитый нос:

— Вот уж не думал, что когда-нибудь обрадуюсь вашему появлению, мистер Кабат.

— Если бы я знал, Мак-Нил, что на тебя так хорошо ловятся байкеры, я бы надел ботинки с коваными носами, — с этими словами он схватил за шиворот избитого байкера, дотащил до двери и выкинул за порог. Глядя ему вслед, он улыбнулся: — На другой стороне улицы они опять наберутся смелости.

Раджани, вздыхая, помогла Сину подняться.

— Ты думаешь, они попытаются отплатить?

— Надеюсь, — мрачно улыбнулся Бат.

— О Боже! — Син вытер платком кровь с лица. — Я предпочел бы не мешать вашему веселью и убраться отсюда побыстрее. — Он посмотрел на бармена, который трясся в углу. — Денва, аримаска!

Бармен протянул Сину телефон, и он быстро набрал номер. На другом конце провода ответили после первого же гудка.

— Кацуо, это Синклер. Я тут с друзьями, и мне нужен транспорт. Я в баре, только не знаю, в каком, но тебе сейчас скажут.

Бармен взял трубку и начал быстро что-то объяснять. Син повернулся к своим спасителям:

— Кацуо заберет нас отсюда, но мы должны как можно скорее встретиться с Хэлом и остальными.

Нэтч убрала пистолет.

— А почему такая спешка?

— Потому, Нэтч, что я отыскал то место, найти которое меня послал Койот. Тот тренировочный центр, где Скрипичник готовит своих придурков.

— Замечательно, но зачем так спешить?

— Затем, что один из этих придурков — внук императора. И если верить тому, что мне рассказал его дед, то отдать парня в лапы Скрипичника то же самое, что своими руками перезарядить пистолет убийце, который хочет тебя пристрелить. Поскольку никому из нас — да и никому на свете — это не нужно, мне хотелось бы сделать все, чтобы еще разок огорчить Скрипичника.

Определяешь, фиксируешь, убиваешь! Мики стоял в темноте. Ноги на ширине плеч и чуть согнуты в коленях, опора на носки. *Определяешь, фиксируешь, убиваешь!* Руки свободно висят вдоль тела, ладони сложены в виде наконечника копья. *Определяешь, фиксируешь, убиваешь!*

Комната осветилась, и Мики увидел, что перед ним стоят уродливые сгорбленные люди. Они поигрывали мышцами и потрясали дубинами, копьями и мечами. Огромные челюсти и вытянутые морды контрастировали с маленькими глазками, а уши были низко посажены, что-бы остромордые головы крепче сидели на плечах.

Магилла Горилла, только плохая.

Точно, Мики, они были плохими. — Голос маленького человечка рассеял сомнения, которые Мики внушил несерьезный облик противников. — *Они были плохими, и ты должен их наказать.*

— У них нет шапок, — сказал он вслух и улыбнулся. Ему недавно заменили челюсть, и теперь он спокойно выговаривал те слова, которые раньше произносить не мог.

Шапок?

Мики кивнул:

— У Магиллы Гориллы обязательно должна быть шапка. А почему у этих нет шапок?

Они их просто потеряли, Мики. Поэтому они плохие.

— Плохие. Наказать.

Правильно, Мики.

Зазвучал гонг, и дюжина команов с воинственными воплями ринулась на Мики.

Не обращай внимания, Мики.

Они окружили его и начали бить дубинами по голове и плечам. Он чувствовал сотрясение, но не боль. Он знал, что если ему вонзить нож в живот, то будет больно, но его научили отводить боль. Удар дубины по коленной чашечке парализовал ногу, но Мики не стал паниковать.

Теперь, Мики, ты должен себя защитить. Последовательность обычная. Начни с «когтя тигра». Давай!

Определяешь! Мики повернул голову и сканировал нападающих. Он проанализировал их оружие, а также их искусство владеть им, оценил диспозицию, относительное умственное развитие, расстояние до него и состояние здоровья. Одна часть его мозга искала самых опасных противников, другая выясняла, совпадают ли эти противники с уже известными ему. Оказалось, что ему уже приходилось драться с такими существами, у него был в памяти образец, и сейчас он дополнил его новыми данными.

Перво-наперво Мики решил убить громадного комана с окровавленным ножом в руке. Мики сверил изображение с образцом. Красными точками на комане, в центре грудной клетки и на горле, были изображены уязвимые точки. *Фиксируешь!* Мики сложил руку, отведя пальцы так, чтобы ладонь была под углом к предплечью.

Убиваешь!

Мики выбросил руку вперед, и на мгновение она стала почти невидимой. Его пальцы пробили плоть комана прежде, чем тот успел заметить начало движения Мики. Наклонившись вперед, Мики ладонью пронзил ему солнечное сплетение, и ребра комана, прорвав кожу, остались торчать наружу. Сломанные кости проткнули легкие, и из них с шипением стал выходить воздух. Мики раздавил сердце врага о его позвоночник. Пальцы нащупали кость, и он выдернул руку из мертвого тела вместе с куском позвоночника.

Коман упал на спину, и кровь хлынула под ноги Мики. Он отвернулся от трупа и сложил ладонь наконецником копья. *Определяешь!* Двинувшись влево, он увидел комана с рапирой. Сразу же образ противника был сравнен с образцом. *Фиксируешь!*

Убиваешь!

Мики, как искусный фехтовальщик, изогнулся, чтобы избежать удара, а потом сделал резкий выпад, целя в глаза коману. Пальцы прошли насквозь, сокрушив кость между глазницами. Если бы даже мозг комана не проткнули обломки кости, он бы все равно умер, когда рука Мики вошла в его череп до самого затылка.

Послышался чавкающий звук, когда он вытащил руку. Потом Мики «определил» комана с дубиной, ко-

торый ударил его по колену. Сложив пальцы в кулак, Мики зафиксировал объект, и, увернувшись от удара дубиной, убил его, оторвав ему левое ухо, и кинул на труп предыдущего противника.

Определяешь, фиксируешь, убиваешь!

Потом Мики убил комана с топором и шидом, а потом стал убивать остальных комбинациями из двух ударов вроде «молота и наковальни», «ореха и молотка» и тому подобных. Два удара локтями — и тараноподобный удар ногой прикончил последнего комана. Потом Мики вернулся в исходную стойку.

С его рук стекала кровь и собиралась в лужицу на полу.

На поле боя вышел низенький человек и ласково улыбнулся. Он щелкнул пальцами, и сверху опустился зеленый шар. Повиснув в пяти футах над полом, шар выдвинул из себя красноватый светящийся глаз, который посмотрел вправо, потом вниз, влево и еще раз вправо, пока не сканировал Мики целиком.

Низенький человек радостно кивал:

— Ты отлично поработал, Мики. Четкие движения. Очень хорошо. — Он посмотрел вниз и увидел, что кровоподтек на коленке Мики исчез. — Ты отлично восстанавливаешься. Ты — само совершенство.

Мики широко улыбнулся:

— А можно мне теперь пойти домой и повидать Дороти?

Маленький человек подпер правую руку левой и постучал пальцами себе по зубам.

— Скоро Мики ты поедешь домой, очень скоро. Еще пара упражнений, и ты сможешь вернуться домой. — Он улыбнулся, и Мики перестал испытывать разочарование. — И, поверь мне, все запомнят твоё возвращение очень надолго.

26

О т бури эмоций, которая разразилась в комнате, Раджани начало клонить в сон.

— Пожалуйста, прекратите, вы все.

Син и полковник Нагашита подняли головы от схемы, по поводу которой они так жарко спорили. Кацуо и

Бат, стоявшие сзади них, удивленно посмотрели на девушку. Хэл, стоявший возле карты города с масштабной линейкой в руке, казалось, понял, что ее так разозлило. Нэтч, чистившая пистолет, подняла голову. Джитт, сидевшая за терминалом в углу комнаты, оставалась неподвижной.

Син вздохнул и вытер рукавом пот со лба.

— В чем дело, Раджани?

Она почувствовала, что он волнуется за нее и хочет помочь, и от этого ей стало легче говорить.

— Вы все стремитесь к противоположным целям. Ты, — она указала на Нагашиту, — отвергаешь план Сина, потому что считаешь, что решение этой проблемы с самого начала следовало поручить тебе. К тому же тебе не нравится, что к этому привлечен мистер Такаги и его люди. Ты просто не понимаешь серьезности ситуации.

Син кивнул и застыл, когда она обратилась к нему:

— И ты, Син, не лучше. Ты злишься, потому что тебя подстрелили, и, считая, что Нагашита провалит всю операцию, отвергаешь его предложения. Ты забываешь о том, что он и его люди имеют некоторый опыт в такого рода делах. Ты считаешь, что надо использовать якудза в качестве диверсантов, и отчасти это правильно, но, с другой стороны, ты на этом настаиваешь специально, чтобы позлить Нагашиту. — Раджани повернулась к Кацуо: — Вы, мистер Такаги, руководствуетесь своим чувством долга по отношению к императорской семье. Вы настаиваете на том, чтобы ваши люди вошли в Кимпунсиму первыми, потому что в первую очередь рассчитываете уничтожить банду босозоку, которая раздражает вашего дядю. — Она взглянула на Бата, непроизвольно вздрогнула и замолчала.

Син посмотрел в смущении на свои ноги:

— Ты права, Раджани. — Он поднял глаза на Нагашиту. — Полковник, давайте отложим наши разногласия до тех пор, пока не вызволим Риухито.

— Хаи, — кивнул тот, и они с Сином пожали друг другу руки.

Кацуо Такаги тоже кивнул. Хэл просто улыбнулся. К воззванию Раджани остался равнодушным только Бат.

— Так вот, что я предлагаю. — Син указал на схему Галбро в том месте, где он отстреливался от нападавших. — Здесь в стене есть пролом. Наверняка они уделяют ему довольно много внимания. Кацуо, твои люди должны прибыть сюда и сделать вид, что основная часть сил сосредоточена именно там. Только осторожно, у них есть тяжелое вооружение, базуки и ПТУРСы и, я уверен, даже самоходные установки. Я не знаю, где они их держат, но представляю себе, сколько почитателей у этой организации по всему миру. Так что будьте осторожны, и, если вдруг начнется стрельба, направляйтесь сюда.

Кацуо кивнул:

— Вакаримас. Полковник, вас устраивает такой вариант?

Нагашита кивнул:

— Да, отвлечь их внимание на этот пролом — хорошая мысль. Когда ваши люди войдут, пусть повяжут на руки голубые платки, чтобы мои солдаты в них не стреляли. Идет?

— Хаи.

— Хорошо, — Син повернулся к фасаду здания Галбро, — на этом участке у них самая слабая защита. В коридоре много окон и эта аудитория совсем пустая, так что даже если раздастся тревога и туда прибегут защитники, им решительно негде будет прятаться. Кроме книжных киосков, здесь нет никаких укрытий. Но надо войти тихо. Вот, — он ткнул пальцем в дверь на схеме, — эта дверь ведет в зону безопасности. Это главная часть института, отсюда можно легко управлять всем комплексом и за очень короткое время оказаться в любой его части. Я могу провести вас через эту дверь, а потом можно будет разделиться на отряды, найти Риухито и вывести его из здания.

Полковник Нагашита прикрыл глаза и вздохнул:

— Мне не нравится, что вся операция зависит от того, сумеете ли вы открыть эту дверь. Может быть, надежнее будет ее взорвать? Все-таки там кодовый замок, считывающий папиллярный узор.

Син покачал головой.

— Раджани, дай мне, пожалуйста, меню обслуживания в номерах.

Она взяла со столика закатанное в пластик меню и кинула его Сину. Он открыл его и показал всем находящимся в комнате:

— Это лучшее из всего, что сделал Коуб. Мы войдем, поверьте мне.

Джитт ударила по клавише:

— Пользуясь сетью компании «Лорика», я взломала защиту Галбро и вышла на их вспомогательную сеть. Они оповещают людей, приглашенных на сегодняшний семинар, что он отменяется.

— Хорошо. — Син повернулся к Нагашите: — Мой план сработает, поверьте.

— Мне кажется, что все доверие к вам, мистер Мак-Нил, я потерял три года назад, когда вы исчезли, — сказал Нагашита, вытянувшись в полный рост и одарив Сина таким взглядом, что Раджани поежилась. — Однако я служу человеку, который верит вам. Ваш план хорош, и мы будем действовать в соответствии с ним.

— Джитт, ты можешь получить доступ к сетям более высокого уровня?

Она покачала головой, и Раджани почувствовала волну разочарования.

— Тот уровень, в который я проникла сейчас, служит в основном для административных целей, например, для сообщения с людьми, находящимися на отдаленных базах. Я попыталась достичь более высокого уровня, но, видимо, у них сепаратная система.

Раджани нахмурилась:

— Сепаратная?

Джитт улыбнулась ей механической улыбкой:

— Перенос информации из нижней сети в верхнюю, видимо, осуществляется путем переписывания данных на диск однократной записи и физического его перемещения. Однако для передачи приказов от верхней сети к нижней они могут использовать такую же линию связи, что и мы.

Блондинка была настолько сосредоточена, что Раджани не улавливала с ее стороны никаких эмоций. Пальцы Джитт снова перепорхнули на клавиатуру и сухо застучали по клавишам. Потом она замерла, и все присутствующие затаили дыхание. Через несколько мгновений

вений Джитт набрала еще одну длинную последовательность знаков и откинулась на спинку кресла.

— Диски однократной записи характерны тем, что на них можно хранить гораздо больше информации, чем в состоянии выдержать даже самая загруженная система. На эти накопители можно записать только один раз, а читать — неоднократно, и диск, который сейчас находится в дисковом, видимо, использовался в последние несколько месяцев. Для того чтобы обеспечить системе полную безопасность, они должны уничтожать диски после каждого переноса информации, но, очевидно, это крайне невыгодно. Я прочту все данные и скажу, есть ли возможность доступа дальше.

— Доброй охоты, — сказал ей Син и посмотрел на Хэла. — Вы с Джитт будете координировать наши действия внутри здания. Вы войдете вместе со вторым эшелоном войск полковника Нагашиты, займете позицию в офисе Галбро и будете следить за тем, чтобы мы двигались в нужных направлениях. Вам также предстоит выводить Риухито, когда мы его найдем.

Хэл кивнул, и Раджани почувствовала его облегчение, когда он узнал, что ему не нужно будет стрелять. Это не удивило девушку, особенно когда она вспомнила о том, что Хэл недавно потерял жену, да и вообще плохо относится к пушкам. К тому же она чувствовала его убежденность в том, что именно из-за насилия в мире столько бед. Впрочем, если бы он знал, что существуют люди, для которых убийство — норма и даже потребность, то наверняка счел бы, что лишить их жизни можно и даже нужно.

Син посмотрел на Бата, получил в ответ каменный взгляд и снова повернулся к Нагашите:

— Вы сможете, полковник, расставить своих людей по местам и вернуться сюда за нами через один час тридцать минут?

— Хаи.

— Тебе хватит этого времени, Кацуо?

— Хаи.

Раджани повернулась и открыла дверь балкона; Син проводил японцев до лифта. Она вышла на балкон и поежилась, но вместо того, чтобы вернуться за курткой, закрыла за собой дверь. Новые обтягивающие джинсы

и невесомая блузочка с короткими рукавами почти не защищали от ночной сырости, но этого и не требовалось. Девушке хотелось померзнуть.

Она вспоминала все, что узнала за последние четыре часа. Но самое сильное впечатление на нее произвела встреча с отцом. Раджани всегда надеялась, что он выживет, но, когда ее помещали в стасис, уже не верила, что когда-нибудь увидит его. Отец внушил ей уверенность в том, что она идет по верной дороге, и говорил, что гордится тем, что его дочь взяла на себя такую ношу.

Перегнувшись через перила балкона, она посмотрела туда, где сверкал огнями императорский дворец. Он казался таким же далеким, как и всегда, но явно изменился. Это было не то же самое, что средневековый замок в современном мире, но он порастил ее тем, что и простота, и надежность его стали заметнее. Он изменился, так же как и она.

Раджани понимала, что продолжает меняться, но не так, как она менялась в стасисе, или до этого, когда общалась только с доктором Чандрой и его помощниками. Все они, даже ненавистный Никлас, хоть и были сильными личностями, но меркли на фоне Нэтч, Бата или Сина. Она сама большую часть своей жизни чему-то обучалась, вместо того чтобы просто жить. Она поняла, что как бы хорошо она ни относилась к доктору Чандра и его друзьям, как бы хорошо они к ней ни относились, она для них была только лабораторной крысой.

Несмотря на то, что она растерялась, когда отдача АКМ скинула ее со стены, это происшествие ее позабавило. Доктор Чандра излагал ей принцип действия и противодействия, и этот случай с автоматом явился демонстрацией этого принципа на практике. Это был хороший урок, и она никогда его не забудет, но в старые добрые времена учить ее таким образом никто бы не позволил.

Гораздо более важным казалось ей то, что она наконец что-то сделала. Раджани в глубине души понимала, что хотя она и выполнила довольно сложную работу, доставив детей из Зоны 51 во Флагстафф, но при этом не обошлась без их помощи. Они ведь знали, где их дом. А спасая Сина, она действовала самостоятельно. Она понимала, что поступала импульсивно и даже глупо, но у

нее не было выбора, и поступи она по-другому, Син был бы уже мертв.

Внезапно она поняла, что больше всего на свете боится этого.

Ей понравилось, как удивился Бат, когда услышал от Сина, что она автоматной очередью сбила с прицела человека с базуккой, но гораздо больше ей понравилась благодарность, с которой Син рассказывал это. Ей понравилось, как он рассмеялся, когда вспоминал, как предложил ей вести машину, но решил, что если она с автоматом не справилась, то с машиной вообще сотворит что-нибудь ужасное.

Люди в лаборатории были чем-то похожи на Бата. В их жизни была одна-единственная цель, Синклер же оказался человеком многогранным. Его сознание всегда бежало немного впереди, стараясь предугадать пользу каких-то действий или отношений, или чего-то еще. И он заботился о людях, причем воспринимал их не как средства для достижения своей цели, но именно как людей, равных себе. Когда он дал консьержке денег на новое платье, он сделал это ради нее самой, а не для того, чтобы, например, переспать с ней, или пустить кому-то пыль в глаза.

— Эй, девочка, ты собираешься идти?

Она резко повернулась, и волосы хлестнули ее по лицу.

— Син! Я не слышала, как ты вошел.

Он кивнул.

— Витала где-то в заоблачных далях. — Он накинул ей на плечи голубую ветровку. — По-моему, это тебе пригодится. Думала об отце?

Раджани кивнула и повернулась обратно к дворцу.

— И о нем тоже. Да, я пойду в Галбро. А почему ты спросил?

— Ты будешь нашей системой дальнего слежения. — Син подошел к перилам и оперся на них локтями. — Если Скрипичник призвал этого громадного червя, чтобы прикончить нас, представь себе, что он сделает, чтобы прикончить Риухито. Мы должны знать, где это начнется и как нам реагировать. — Он повернулся к ней, и она прочитала обеспокоенность на его лице даже раньше, чем почувствовала ее. — Я знаю, тебе драка кажется грубой,

так что тебе придется нелегко. Ты ведь такая чувствительная.

Раджани замотала головой.

— Мне претит не насилие, а эмоции дерущихся. Есть чувства, которых никому и никогда лучше не испытывать.

— Да, представляю себе, что ты почувствовала, когда была рядом с Батом, который колошматил того босозоку. Наверное, это то же самое, что читать этого ужасного «Американского Психа». Мне было довольно трудно, так как я ждал, кто всадит в меня пулю первым: Бат, Эль-Лехтер или Нагашита.

— Син, не беспокойся о Бате.

— Да? — вздернул брови Син. — Он ненавидит меня примерно так же, как японцы плохую погоду.

— Может, и так, но он очень тебя уважает. — Раджани улыбнулась краешком рта. — Я почувствовала это, когда ты рассказал о том, как расправился с мистером Хэнди, потом о том, как убил того питомца Скрипичника. А твой план и то, как ты спорил с Нагашитой, Кацуо и Хэлом, просто сразили его наповал. Теперь, я думаю, Бат достаточно знает тебя, чтобы держаться подальше.

— Прости меня, если я сегодня всю ночь не сомкну глаз. — Он улыбнулся. — А ты умеешь предсказывать будущее?

— Нет, но могу заглянуть в твои мысли. — Она пожала плечами. — Хотя зачем? Ты придумал отличный план, все просчитал. Единственный элемент случайности связан со Скрипичником, но, я думаю, ты и эту проблему частично предусмотрел. Будет опасно, но не слишком. Единственный вариант, при котором мы можем проиграть, — это если вообще ничего не будем делать. — Раджани повернулась спиной к перилам и полулегла на них. — Все остальное — проявления космического разума. — Она поежилась и завернулась поглубже в куртку. — Если бы только знать еще точно, что это за проявления.

— Да, если бы мы знали, то сегодня бы никуда не пошли. — Он обнял ее за плечи. — Пойдем внутрь, Раджани, я попрошу принести чай, ты согреешься и перестанешь дрожать. Внутри тепло.

— Нет, Син, я, пожалуй, еще постою тут.

— Оставайся и простужайся, сколько влезет. Только, пожалуйста, не умирай, я этого очень не хочу, — сказал он и крепче обнял ее.

27

Пронизывающий, необычно холодный ветер ударил в лицо Койоту, когда он встретил толпу монахов с Монгом и Йидамом. Он порадовался, что на этот раз надел на бронежилет свитер с высоким воротом, а не обычную футболку. «Вилди» висел в наплечной кобуре, а два «крайта» занимали свое законное место на поясе.

В придачу к легкому вооружению он нес короткий карабин, который на первый взгляд напоминал M16; от старой штурмовой винтовки его отличал более вместительный магазин и больший калибр. К двенадцатизрядному карабину у него было три обоймы разрывных и одна — зажигательных пуль.

Его черные штаны, армейские ботинки и свитер с высоким воротом не должны бросаться в глаза на улице. На всякий случай он прихватил с собой небольшой рюкзачок, в который собирался складывать магазины и оружие, которые удастся подобрать на поле боя.

Йидам, к сожалению, не мог не бросаться в глаза даже в самом диком районе Токио. Четыре кителя вьетнамского образца пришлось распороть и сшить вместе, чтобы получить одежду для четырехрукого. На нем также были сапоги из шкуры яка, специально сшитые для когтистых лап. На голенищах побрякивали монеты. Ноги, руки и голова оставались открытыми, но, поскольку они были темного цвета, их и так не было заметно в темноте.

Скрыть же ружье, которое Йидам держал в правой руке, словно английский сквайр в предвкушении утиной охоты, представлялось совершенно невозможным. *Я бы обрезал приклад и ствол, но это все равно бесполезно.* Оно было на добрый фут длиннее, чем «сторм-клауд» Койота. Калибр у него был такой, что можно было вполне засунуть в ствол кулак. И по лентам с пат-

ронами, которые висели крест-накрест на груди Йидама, Койот понял, что, несмотря на большой диаметр ствола, это не винтовка.

— На медведя идем?

Йидам улыбнулся. Монг указал пальцем на ружье Йидама.

— Это старое оружие довольно эффективно против танков, и мы подумали, что оно понадобится. Танки у врагов могут быть.

Койот посмотрел еще раз на оружие и кивнул:

— Калибр 14,5 мм. Противотанковое ружье или ПТРС образца 1941 года. Советы делали его для борьбы с немецкими танками. Стреляет 14,5-миллиметровыми болванками, бронебойными или зажигательными. Магазин на пять патронов. Полуавтоматическое. Отдача небось зверская. — Он указал на отполированное цевье. — На твоём месте я бы поставил туда сошки, но тебе они не понадобятся.

— Да, не понадобятся, — согласился Йидам.

Койот усмехнулся и вздохнул.

— В свое время эта штука была очень полезна, но, мне кажется, изобретатели брони не в носу ковыряли последние шестьдесят лет.

— Броня меня не волнует. Меня интересует существо, которое к нам пошлет твой бывший хозяин.

— Кстати, — вмешался Монг, — к этой штуке изобрели новые патроны, так что теперь она будет лучше работать, — когда Койот вопрошающе посмотрел, монах произнес одно только слово: — Тефлон.

Сквозь дверной проем из коридора, освещенного факелами, были видны восточные ворота. Монахи по-прежнему сидели в нишах, но внимание Койота привлекли темные пятна. Монг сказал, что он потерял людей и потеряет еще больше.

Глядя на то, что сделал Скрипичник с охраной монастыря, Койот сказал:

— Монг, спасибо тебе за то, что ты осветил мне путь к мудрости и потратил время на мое обучение.

— Куй-кан, мы, те, кто знает о Темных Силах, несем на себе большую ответственность. Ты отплатишь мне тем, что будешь хорошо сражаться.

Койот положил руку на плечо монаху.

— Мой предшественник считал, что платить надо авансом, а не задним числом, и мы заплатим вперед, обязательно.

Йидам поправил свое противотанковое ружье.

— Самое время вернуть Темному Властелину должок.

Монг кивнул:

— Мы будем с вами в наших молитвах.

Йидам повел Койота по коридору.

— Когда я перетряхивал твоё сознание, то увидел, что Кроули как-то показывал тебе прибор для путешествия по измерениям. Мы пойдем туда, где он находится, так как до Японии 3500 км, и даже если идти по измерениям, времени это займет порядочно. Этот прибор уцелел, так как он находится в одном из древних измерений, которое особой ценности для Темного Властелина не представляет.

— Хотелось бы верить.

Они подошли к массивным воротам и остановились. Койот глубоко вдохнул, закрыл глаза и досчитал до пяти. Потом выдохнул. Он замедлил работу сердца, когда сконцентрировал внимание. Послышался тонкий писк, а потом что-то толкнуло в спину.

Он сделал шаг вперед и потянулся сознанием из тела. Он почувствовал, как Йидам прошел мимо, и проскользнул в его коридор, чтобы сэкономить время. Сначала все было гладко, но потом земля встала на дыбы, и его колени прижались к груди. Койот почувствовал, что бежит огромными шагами, словно по трамплину, а потом вдруг остановился и упал на землю.

Он почувствовал, что лежит на траве, открыл глаза и увидел странный ночной пейзаж. Потом кто-то взял его за плечи и поднял. Сначала он подумал, что это Йидам, но тут монстр появился справа от него, а человеком, который его поднял, оказался Кроули.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал Койот.

Кроули присел на землю между ним и Йидамом:

— Около часа назад, после проявления, я понял, что ты придешь.

— Проявления? — Койот тоже сел.

— Сеть, которую Скрипичник приготовил, чтобы тебя поймать, вывела меня из весьма приятной жизненной

ситуации. Я как раз разглядывал ладонь Джейн Фонды, когда мне буквально врезал по башке кусок мыслей Скрипичника. Я начал было подсчитывать, сколько ему понадобится времени, чтобы уничтожить защиту Кангенпо, но потом увидел тебя и остановился. — Кроули рассмеялся — звук, который не каждый день услышишь от тени. — Все хорошо, что хорошо кончается, однако думаю, что мисс Фонда не была обрадована моим странным интересом к Серым Дьяволам. Кстати говоря, что это за Гунга Дин и что у него в руках?

— Йидама из Кангенпо. Он с нами.

Йидам протянул Кроули правую нижнюю руку:

— Я Йидам, и тоже приписан к «так называемым «серым»».

— Отлично, — обрадовался Кроули. Джейн спрашивала, уж не агент ли я Арриго Эль-Лехтера, и сказала, что она пару раз была на его семинарах в Институте Галактического Братства в Кимпунсимае. Я все проверил и выяснил, что Арриго скорее всего один из питомцев Скрипичника и содержит тренировочный центр. Судя по всему, у него есть и прибор для путешествия по измерениям. Я был уверен, что ты придешь сюда, поэтому немного поторопился и успел первым. А потом обнаружил вот это. — Кроули показал на юг.

Койот повернул голову и увидел, что над поляной висит что-то, напоминающее букву S, и светится золотом. Длинной это «проявление» было раза в два больше Йидама, и казалось, можно увидеть, как сквозь него идут какие-то гуманоиды. Многие двигались по земле с запада на восток, но некоторые двигались и в обратном направлении через верхнюю зону. Нельзя было точно сказать, какого она размера, но начиналась и заканчивалась она, очевидно, в одном и том же месте: нигде.

— Что это?

Кроули пожал плечами:

— Понятия не имею. Может быть, туннель между измерениями; никогда раньше такого не видел.

Йидам посмотрел повнимательнее, а потом скрестил нижние руки на груди.

— Я слышал кое-какие сказки, и мне кажется, это то, что называют каналом между измерениями. Я думаю,

его сделали специально, чтобы можно было незаметно пройти в наш мир. Судя по всему, Койот, мы с тобой наткнулись на него по дороге сюда. Поэтому ты упал.

— Это работа Скрипичника?

— Нет, для него это слишком тонко. — Кроули покачал головой. — Это работа какого-то другого Темного Властелина, может быть, Алмазной Императрицы, или Мидаса Длинные Когти.

— У нас нет на это времени. Где телепортер?

Кроули приподнял траву позади себя, и Койот увидел небольшой каменный круг.

— Мы стоим в самом центре. Этот поток питает его. Надо лишь правильно переставить камни, и он заработает. — Он встал между камнями и начал их переставлять, повернувшись лицом в ту сторону, откуда, по ощущениям Койота, двигался поток. — Я установил его так, чтобы мы появились в двадцати метрах к югу от подобного же прибора Эль-Лехтера.

— Ты с нами?

Кроули кивнул на букву S, висящую в небе:

— Пожалуй, мне лучше рассмотреть повнимательнее, что это такое. Вернусь, как только смогу. Удачи вам.

Койот махнул рукой, вогнал обойму в «стормклауд» и снял его с предохранителя. Йидам тоже зарядил свой ПТРС и взял его на изготовку.

— Мы готовы. Давай, Деймон!

Койот услышал свист ветра, потом мир развалился на две половинки. Ночь и стена света исчезли в темном океане, но, прежде чем Йидам успел привыкнуть к этому, в темноте грянул гром, и они появились в мире огня.

28

Син протянул руку и открыл обе двери японского автобуса «Грей-лайн».

— Институт Галактического Братства. Все на выход.

Хэл и Джитт начали заботливо выводить из автобуса улыбающихся мужчин и женщин в широких гавайских рубашках. Они шумно болтали и, смеясь, помахивали сумка-

ми и фотоаппаратами. Нагашита вылез последним и, приказав туристам не толпиться, устремился ко входу.

Два охранника переглянулись и вышли вперед. Син не узнал ни одного из них — за время обучения ему не приходилось с ними встречаться. Они остановились в дверях и стали о чем-то спрашивать Нагашиту. Он учтиво кланялся, улыбался и показывал пальцем на замок.

Охранник все-таки открыл наконец стеклянную дверь:
— Мы вас не ждали.

— Жалко, — улыбнулся Нагашита, вынул пистолет с глушителем и в два плевка уложил обоих охранников выстрелами в голову. Потом он открыл дверь пошире и послал вперед своих людей.

То спокойствие, с которым Нагашита убил двух парней, разозлило Сина. Он согласился на то, чтобы люди Нагашиты контролировали коридор, но почему-то понадеялся, что он прикажет оглушить охранников и связать их.

Опять, — напомнил он сам себе, — он ведет себя с ними, как с террористами, которые захватили заложников. Он считает Риухито заложником и жаждет крови тех, кто подверг его опасности.

Син включил передатчик:

— Команда 1 в здании. Давай Нэтч, теперь ты.

Из-за угла показался черный фургон, который резко затормозил рядом с автобусом, правая сторона открылась и оттуда выскользнули четверо в костюмах ниндзя. У каждого был «узи» с глушителем, а на спине — катана. Двое тащили мешок, который внесли в коридор и поставили на пол. Первая команда начала скидывать с себя попугайские рубахи, под которыми оказались черные костюмы.

Син взял свою сумку и начал расстегивать рубашку. Он прошел мимо двух ниндзя, застывших в дверях, и наткнулся на Нагашиту. Мак-Нил вытащил пистолет, накрутил на него глушитель. В это время люди Нагашиты открыли дверь в аудиторию:

— Чисто!

— Работаем!

Син ворвался в комнату и, пригнувшись, повел стволом из стороны в сторону, готовый выстрелить в любое

движущееся существо. Нагашита вошел следом и согласился с тем, что в комнате чисто.

Син дождался его кивка, а потом кинулся к двери с кодовым замком на другой половине комнаты. Тем временем в аудиторию вломились остальные ниндзя.

— Так ты эту дверь собрался открывать?

Нагашита прижался спиной к стене рядом с панелью.

Син кивнул и убрал пистолет в кобуру.

— Этому замку «Тоджикорп» кое-чего не хватает. Последний, кто открывал эту дверь, оставил на панели отпечаток ладони. Устройство фирмы «Аллард Текнолоджи» запоминает последний отпечаток для того, чтобы впоследствии сравнивать его с входящими. Этот же аппарат запоминает отпечаток один раз, экономит место на запоминающем устройстве, следовательно, дешевле обходится, но его можно обмануть.

Син полез в сумку и достал оттуда большой кусок мяса в полиэтиленовой упаковке. Правой рукой он прижал мясо к панели. Она сработала, сканировала и заткнулась.

Нагашита схватил его за плечо:

— Почему она не открылась?

— Секундочку, — успокоил его Син, — мясо должно привести в действие старый отпечаток. Судя по всему, устройство ищет в памяти отпечаток.

Син затаил дыхание, глядя, как панель снова начинает светиться, и даже позволил себе тихий возглас «Есть!», когда дверь щелкнула и открылась.

Нагашита посмотрел на него так, что казалось, вот-вот пробуравит кевлар. Он отбросил бифштекс в сторону, открыл пошире дверь, и четверо ниндзя вошли в коридор. Син последовал за ними. После того как они проверили половину комнат, двери которых выходили в этот коридор, Син позвал Джитт и Хэла и указал на терминал, за которым стояли несколько дисплеев.

— Джитт, ты можешь отключить систему безопасности отсюда?

Она на секунду задумалась, потом кивнула:

— Думаю, да. Я нашла кое-какие коды в Таосе, они только что их раскрыли. Пожалуй, я смогу с их помощью войти в систему.

— Отлично, валяй.

Син помог Хэлу развернуть план института и пальцем указал на то место, где они находились.

— Мы будем все время докладывать о наших передвижениях. Если якудза придется впустить внутрь, вы будете координировать наши действия.

Хэл выразительно посмотрел на Сина, и тот понял, о чем беспокоится негр.

— С ними Бат. Когда они войдут, направь их на участки, где нас нет, а то ведь перестреляем друг друга по чем зря.

— Значит, я остаюсь здесь?

Син повернулся и увидел Раджани. Он с трудом подавил смех. В кевларовом жилете она смахивала на ребенка, которого чересчур заботливая мамаша кутает при первом порыве ветра. Глаза Раджани еще светились, но ей явно было не по себе.

— Да, оставайся здесь и следи за Скрипичником. Ты как себя чувствуешь, ничего?

— Да, впервые за последнее время мне тепло, — улыбнулась она.

Син рассмеялся в ответ и кинулся по коридору. Ниндзя из команды «Фалькон», его команды, уже добрались туда.

— Джитт, мы в конце коридора.

Син не получил ответа по радио, но дверь зажужжала. Син повернул выключатель, чтобы приглушить звук, и вышел в коридор. Справа все было чисто, но в дальнем конце из туалета вышел охранник, держась левой рукой за живот, а правой застегивая ширинку. Он поднял глаза, удивленные и немного испуганные. Наверное, так выглядел бы любой мужик, которого застали с расстегнутой ширинкой. Потом он увидел пистолет Сина и попятился.

Син вскинул оружие и выстрелил, почти не целясь, в живот охраннику. Звука выстрела практически не было слышно, но удар тела о дверь показался Сину слишком громким. Охранник ойкнул и на карачках уполз обратно в туалет.

Син и двое людей Нагашиты бросились за ним. Они подошли к дверям и бросили внутрь гранату. Оттуда раздались два выстрела, но видеть их охранник не мог и стрелял наугад. Пули попали в стену, но по сравнению с осколочной гранатой это было, конечно, несерьезно. Гра-

ната взорвалась громко. Из двери повалил дым, и ниндзя, стоящий впереди, вошел внутрь. Один унитаз был разбит, и в красной от крови воде плавал труп.

— «Фалькон» обнаружил себя, запускай «Собак». — Син услышал по радио ответ, потом отступил обратно в коридор, к людям своей команды.

— Хэл, Джитта нашла, где Риухито?

— Ответ отрицательный, «Фалькон». Она занимается этим сейчас.

В радиии раздался голос Нагашиты:

— «Орлы» летят на острова.

— Понял вас, «Орлы». — Голос Хэла на секунду замолк, а потом появился снова: — «Фалькон», Орлы, у нас есть информация, что Риухито находится в Замке Солнца. Давайте туда.

Замок Солнца, насколько помнил Синклер, был самым большим внутренним двором комплекса. Он располагался к северу от Кхмер и Йеллостоун, и там был большой фонтан в стиле древних ацтеков, полный солнечных зайчиков. Гид говорила, что это место используется для инициаций и торжественных обрядов, например, свадебных. Также она говорила, что в этом фонтане совершают омовения перед крещением, и что ночью он светится.

Син побежал по коридору и свернул в первый проем налево. Второй коридор соединял две половинки комплекса. Син два раза выстрелил в стекло и, подождав, когда осыплются осколки, вошел в пролом. Он оказался во внутреннем дворе Кхмер, похожем на джунгли. Син побежал к ближайшей пальме и прижался к ней спиной.

— «Фалькон» в секторе К.

— «Орлы» в секторе Йот.

— «Фалькон», Раджани только что выбежала из комнаты и куда-то унеслась.

— Что, почему?

Черт! Син кивнул двум ниндзя, чтобы они заняли следующую позицию. Дорожки, посыпанные белым гравием, обегали большое открытое пространство в центре, где Син часто попивал с Риухито горячительные напитки, болтая о том о сем. Команда «Фалькон» продвигалась по направлению к центру двора, избегая тропинок.

Выглянув в очередной раз из-за дерева, Син обнаружил, что большая каменная голова исчезла. Ему показалось, что он видел какое-то движение, и послал двух людей проверить. Когда они вышли, то увидели, что на месте исчезнувшей головы находится какое-то существо. Син только успел крикнуть в передатчик «Ложись!».

Рамтеховский робот-охранник 4 был раскрашен под тигра, но на этом его сходство с живым существом заканчивалось. Он вылез на середину двора, поднялся во весь свой трехметровый рост, зажег фары и принялся строчить из «узи», встроенного в правую «руку». Железными когтями на ногах он вцепился в гравий и закрепился на месте. Очереди посекали кучу экзотических растений и буквально разрезали надвое одного бойца из команды Сина. Его напарница успела крикнуть, что ей «ужасно» неприятно, и умолкла, поймав две пули в грудь. Она утала на живот, и Сину показалось, что он услышал ее последний вздох.

В нижней части туловища у робота-охранника торчала 25-миллиметровая пушка, которая смотрела в сторону команды «Фалькон». Син знал, изучив в свое время рекламные проспекты «Рамтеха», что эта пушка нужна для того, чтобы выводить из строя бронированные машины. Кроме того, немного ниже «узи» располагался большой пулемет, который мог бы скосить всю команду «Фалькон» без остатка, однако Син знал, что робот запрограммирован не использовать для мелких целей крупные орудия.

Да уж, уложить этого монстра будет нелегко.

Неожиданно Син услышал хруст гравия под чьими-то шагами. Он посмотрел вправо и увидел Раджани: она бежала по дорожке прямо на робота. Син услышал гидравлическое шипение механизмов, а потом Раджани остановилась и упала. *Он использовал иглу, она будет жить.* Но эта надежда быстро исчезла, когда робот стронулся с места, подошел к девушке.

— Хэл, у нас здесь робот-охранник. Он овладел участком К, а также Раджани, — Син облизал губы, — если у Джитт есть в запасе какое-нибудь чудо, пусть она нам его покажет прямо сейчас, — над головой у него снова засвистели пули, и он пригнулся. — Если нет, то Риухито нам придется искать в следующей жизни.

Раджани почувствовала, как ее сердце тяжело заби-лось, когда она увидела, как Син выбежал из здания. Она хотела послать ему телепатическое сообщение, но передумала, решив, что у него в голове и так много лишней информации.

Кстати, тебе тоже надо кое о чем помнить и не отвлекаться.

Она села в мягкое кресло и сконцентрировалась, стараясь не замечать парящих в воздухе уравнений и формул Джитт. Гораздо больше ей мешала неприязнь Хэла к насилию, но, напрягшись, Раджани смогла уловить обе команды, команду «Орлов» и команду «Фалькон». Они четко двигались, выполняя поставленную задачу, а потом вышли из здания. В этот момент она видела их словно бы маленькими точечками на большой карте. Стены и двери ей представлялись ярко-голубыми пятнами на синем фоне. Вот мерцали желтые огоньки жизненной энергии — команда «Фалькон». Потом она увидела яркие вспышки другого отряда, и самая крупная из них явно принадлежала Бату.

На широком внутреннем дворе она никого не увидела.

— Хэл, в Кхмере и Йеллоустоуне все чисто. «Собаки» приближаются к охранникам.

— Ты уверена насчет двориков?

Раджани сначала кивнула, а потом проверила еще раз:

— Никаких следов человеческой жизни.

— А что в Замке Солнца?

— Чисто. Секундочку, погодите. — Она напряглась и заерзала на стуле. Для ее сознания центральная круглая площадка была пуста, но у нее не было времени хорошенько сосредоточиться. — Там что-то не так.

— Хэл, Риухито скорее всего в Замке Солнца, — если верить тому, что я обнаружила, — сказала Джитт.

— Сейчас проверим. — Раджани дала волю злости, и гнев придал ей сил. Словно молотом, она своим гневом расколола пелену над Замком Солнца и увидела, что в нем полно золотых огоньков, но в самом центре сияла белая сфера.

— Риухито там, теперь я точно знаю.

Она услышала, как Хэл начал что-то быстро говорить по рации, но наушник выпал у нее из уха, потому что она резко повернула голову вправо. Темнота снова пыталась сомкнуться, но Раджани боролась. Она видела, как команда «Фалькон» движется к внутреннему дворику, и в девушке проснулась решимость.

Неожиданно с неба ударил зеленый луч и засветился зеленовато-серым светом. Потом внутри его появился черный стержень, который становился все заметнее и нарастал с каждой секундой.

Свет этот пробил дыры в мраморных статуях и набросился на золотые пятнышки людей, которые там стояли. Она увидела, как вокруг них концентрируется зеленая жижга и затмевает их собственный цвет. Потом посреди всего этого образовалось зеленое кольцо, которое затем снова свернулось в шар, но Раджани слишком поздно поняла, что к чему, и даже стукнула себя по лбу ладошкой.

Я здесь ради тебя, — звучало в ее мозгу. — *Иди ко мне, идите ко мне все.*

Она сразу поняла, что это транслировал Скрипичник через своего агента, находящегося в Замке Солнца. Однако чем дальше, тем более вялым становился призыв; скоро Скрипичник разговаривал уже практически своим голосом, не стесняясь, и Раджани пыталась выстроить в своем сознании зеркало, чтобы отражать его призыв обратно в него.

Надо подойти поближе, — решила она и сорвалась с места, не обращая внимания на сердитые оклики Хэла. Она чувствовала, как растет удовлетворение Скрипичника, а между тем желтые огоньки постепенно становились зелеными.

Иди ко мне, я пришел ради тебя! — призывала зеленая энергия.

Начав бежать, Раджани поняла кое-что про Скрипичника и от этого у нее прибавилось сил. Он собирал людей и вещи и смешивал их вместе. Если для начала их нужно было сломить, он это делал, но скоро потерял вкус к этому делу, поскольку, подневольные, они не были так интересны. Ему нужны были те, кто приходит к нему добровольно.

но. Она вспомнила все те желтые огоньки в Замке Солнца и поняла, что на такое может купиться даже Риухито, и вот это как раз и надо было предупредить.

Под ее ногами захрустел гравий. Неподалеку послышались выстрелы, но Раджани очертя голову бросилась вперед, так как до цели оставалось всего метров сорок.

Что? Это Син? Здесь пахнет кровью?

Она услышала, как Син громко зовет ее по имени, и выбежала на середину дворика. Только она собралась обернуться на зов, как ее настигла игла робота-охранника. Раджани подняла руки к горлу и упала на землю.

Она чувствовала, как по ее телу растекается какое-то вещество, а открыв глаза, увидела, что робот-охранник наклонился над ней. Она хотела закричать, но не могла. Видимо, это зелье в иголке, кроме всего прочего, парализовало и связки. Окажись на ее месте человек, он бы немедленно умер, но она не была человеком, и поэтому наркотик подействовал лишь в одном месте, и его влияние вполне можно было превозмочь.

Я умру!

Не уверен в этом, дочка!

Справа от нее стоял кто-то большой с длинным ружьем. Робот начал разворачиваться и наводить пушку, пытаясь найти у себя в памяти похожих противников, но ничего не нашел и принял решение использовать все вооружение, которое у него есть, но в этот самый момент великан нажал на курок.

Зажигательней патрон ПТРСа весил около двух с половиной унций. К тому моменту, когда ружье изрыгнуло язык пламени, пуля уже со скоростью трех тысяч футов в секунду неслась к цели. Он долетела до робота едва ли не раньше, чем раздался звук выстрела. Пуля с тефлоновым покрытием прошла машину как раз том месте, где какой-то любитель раскрашивать роботов нарисовал небольшой синяк. В момент удара броня прогнулась и раскалилась. Внешняя оболочка брызнула в стороны, окатив дождем осколков процессор и два фирооптических проводка, ведущих к гироскопам. Уже одного этого было достаточно, чтобы вывести робота из строя, но пуля, благодаря своему покрытию, почти не замечаящему силы трения, наткнувшись на препятствие,

лишь сменила направление. Она прошила броню робота и, пройдя вниз по его туловищу, взорвалась. Химикаты, которые взрываются от удара, соединившись с кислородом, превратили все внутренности сложной машины — память, электрические реле и прочее — в горстку пепла и облако черного дыма.

Но пуля на этом не успокоилась. Ее наконечник прошел сквозь спину робота, и поэтому в какой-то момент было похоже, что из него спереди и сзади высовываются два огнедышащих дракончика. Вспышка осветила весь внутренний дворик и исчезла с синим послесвечением. Робот-охранник застыл в неподвижности, потом покачнулся и упал на правый бок.

Раджани откатилась влево и назад, чтобы не попасть под ливень гравия, взметнувшегося в воздух при падении робота. Девушка потянулась к горлу, но иглы не почувствовала. Отверстия от укола тоже не оказалось. Раджани еще дважды ощупала себя, не веря, что на ее руках так мало крови.

Син подбежал к ней и утащил под прикрытия поверженного робота:

— Ты как?

— Ничего, — ответила она и заметила, что сзади к Сину подходят двое. Одного из этих людей она не знала, но второй...

Отец?

Да, Раджани, это я. Она задрала голову так высоко, что едва удержалась на ногах. Существо, которое ответило ей, было просто гигантом. Она узнала только татуировку. Да уж, со времени их последней встречи он сильно изменился. Даже его сознание сделалось другим, но все-таки обмануть ее он бы не смог.

Раджани улынулась и бросилась к нему в объятия:

— Папа! — Она прижалась головкой к его груди, и четыре руки крепко сжали хрупкую девичью спинку.

Но тут вмешался еще один голос, который присутствующим был неплохо знаком.

— Олли, Олли на з-звободе! Идите в Замок Солнца, мои друз-зья! Идите, идите вз-зе!

Голос человека, который говорил, Раджани знала, но не надо было быть слишком умным, чтобы догадаться, что

вещает сам Хозяин. Она хотела было воспротивиться призыву, но в нем не было ни угрозы, ни злости. Пренебрежение и отеческие нотки — да, но только не угроза.

Ее отец посмотрел на своего товарища, и оба кивнули:

— Это наша игра.

— Если Скрипичник окажется у тебя на мушке, — сказал друг ее отца, — стреляй не раздумывая.

— Не беспокойся.

Она освободилась из объятий отца и почувствовала, что он и его товарищ знают, что в Замке Солнца может быть ловушка, но надеются спасти Риухито. Они знали также, что драться лицом к лицу с Темным Властелином попросту глупо, но товарищ отца надеялся, что любовь Скрипичника к себе сослужит им неплохую службу.

Син пошел за ними, но на полпути развернулся и взял Раджани за руку:

— Мы обязательно победим, обязательно.

Она улыбнулась в ответ:

— Тебе-то я верю, а вот Скрипичнику что-то не очень.

Все четверо последовали за командой «Фалькон» по направлению к Замку Солнца. Слева от них Раджани увидела небольшую группу ниндзя — это были «Орлы» Нагашиты. Между ними появились Хэл и Джитт, а потом и якудзы во главе с Нэтч, Батом и Кацуо. Между тем возле фонтана стояли празднично одетые люди, словно они так и стояли с тех пор, как Син их покинул. Между ними суетились два десятка охранников.

Внимание всех присутствующих было обращено на Арриго Эль-Лехтера. Он парил в воздухе, футах в десяти над землей, сжав кулаки над светящимся основанием фонтана. Под ним, на зеленом диске, качаясь между небом и землей, стоял Риухито. Вокруг головы Арриго светился и потрескивал, словно наэлектризованная шевелюра, нимб и отражался в глазах тех, кто стоял внизу, вокруг фонтана.

Арриго поднял голову и посмотрел на всех с демонической улыбкой.

— А, моя з-забава вернулаз-зь на з-звой теплый коврик. Хорошо, что блудный з-зын тоже будет при этом присутствовать. — Он поднял глаза и посмотрел на окружающих: — Вы пришли сюда, чтобы родиться в новом мире.

Раджани ощущала его взгляд как прикосновение чьих-то грязных лап. Ей вдруг страшно захотелось принять ванну. Син положил руку ей на плечо и прижал к себе.

— Риухито проз-зил продемонстрировать ему на практике ту власть, которую я предлагаю. Вам это известно, господин Нагашита?

Риухито сложил руки за спиной и коротко поклонился полковнику.

— Я вижу, мистер Мак-Нил вернулся после всего, что ему пришлось пережить. На ваше счастье, меня там не было, но теперь я здесь. — Арриго сложил руки вместе и поднес их к вискам. — Вы хотите видеть силу? Вы хотите посмотреть, что я вам предлагаю? — Его руки задрожали и пальцы засветились зеленым, потом из запястий вырвались зеленые языки пламени — и исчезли. — Вот она, сила!

— Да это же ничто, она просто испарилась, — рассмеялся Син.

Раджани вздрогнула.

— Нет, Син, она не исчезла. Посмотри им в глаза.

30

Койот и без комментария Раджани почувствовал неладное. Прямо перед собой он увидел женщину, которая выгибалась и шипела, словно от боли. Потом голова пригнулась к животу и, войдя в него, показалась с другой стороны, из спины. Протащив сквозь себя все тело и оставив внутри конечности, она переродилась в двадцатифутовую змею с головой женщины и ядовитыми зубами, на которых застыли капельки яда. Она чувственно перекачивала кольца своего нового тела и посверкивала раздвоенным язычком.

Рядом с ней и другие люди, добровольно принявшие приглашение Скрипичника, тоже начали меняться. Какой-то грузный мужчина стал таять на глазах, словно кости его были губкой и всасывали плоть. Он превратился в скелет и, не имея больше связей, хохотал единственно доступным ему образом — щелкая челюстями.

Маленький и лысый человечек стал большим и толстым, с черной кожей, и Койоту показалось, что он вот-вот превратится в горфаша, если бы только этот лысый знал, кто такие горфаши.

Каждый из этих людей становится карикатурой на то, какими они больше всего хотели видеть себя. Подарок Скрипичника — это словно желание, исполненное злым джинном. Ребенок, который загадал, чтобы ему никогда больше не пришлось голодать, оказался бы на необитаемом острове среди нескончаемого множества заплесневевшего хлеба и прогорклого масла.

Это потому, что они просто пеишки, Джеггер. Они знали теми, кем хотели быть. А ты был создан, чтобы управлять ими. Они будут твоими верными подданными.

Скрипичник вломился в сознание Койота через дыру, которую там открыл Йидам. Сам того не желая, Койот видел, каким представлялось будущее Скрипичнику. Он видел, как сам становится частичкой того зеленого пламени, которым Скрипичник окропил толпу. Но что-то внутри него взорвалось. Он даже обрадовался прорыву этой непонятно откуда взявшейся энергии. Она подняла его на такие высоты, где ему до сих пор ни разу не приходилось бывать. Тысячи и тысячи возможностей вставали перед ним, и все они зависели от повиновения Скрипичнику. Он мог делать все, что угодно! Он мог воплощать в жизнь желания людей.

Неожиданно он услышал голоса окружающих. Женщина-змея что-то радостно кричала, довольная своим чудесным превращением. Толстяк, превратившийся в натуральный скелет, радовался тому, что похудел. И другие тоже радовались своим новым формам. От них веяло таким благополучием и счастьем!..

Он увидел, как его руки тянутся к ним, чтобы обнять их всех и объединиться с ними физически и духовно, собрать их всех под свое теплое крылышко. Он становился больше и больше, сильнее, его не востребуемая энергия делала его просто гигантом. Он смотрел, как люди вливаются в него, подобно тому, как ручьи вливаются в море, и увидел, как стали жалки Йидам и Бат. Они ничего не значили по сравнению с его силой, жал-

кие смертные, которых он при желании может съесть на завтрак.

Я дам тебе эту силу, моя з-забава. Ты узнаешь свои истинные возможности. Ты уничтожишь наших врагов, и мы станем неуязвимы.

Слащавый тон Скрипичника посеял в душе Койота сомнения. В минуту пробуждения он все еще видел этих счастливых людей, которые были одним целым с ним. Их голоса были еле слышны, но пульсировали черной энергией. Он пригнулся и стал припоминать все положительные и правильные вещи, которые знал, но его душа уходила в свой темный и страшный угол и тянула его за собой.

Черными жемчужинами показались Койоту страхи и кошмары тех, кого осчастливил Скрипичник. Трепещущий ужас и агрессия исходили от них, как черные частички того вихря, который их всех захлестнул. Они изменились, но только после того, как подвергли страшной пытке свое прежнее тело и душу.

Теперь ты знаешь, какой властью я обладаю. Теперь это все — твое. Займи свое законное место по правую руку от меня и все, что ты ни попросишь, будет твоим.

— Нет! — Койот поднял «стормклауд», целясь в змею, которая уже встала на хвост и приготовилась к атаке. Первый выстрел ударил ее пониже головы, остановив лучше, чем любая, самая прочная стена. Вторая пуля попала ей в лицо. Ее тело рухнуло на землю и резко распрямилось, заставив скелет отпрыгнуть.

Толстое создание, напоминающее помесь птеродактиля с акулой, взмыло вверх, чтобы получше разогнаться, а потом ринулось в бой, обнажив острые зубы.

Син обернулся и высадил в зверюгу две пули. В том месте, где крыло соединяется с туловищем, появились большие дыры. Акула приземлилась и побежала в сторону Сина.

Койот навел «стормклауд» и дважды нажал на курок. Разрывная пуля почти не причинила твари вреда, по крайней мере на первый взгляд, а вот зажигательный патрон сделал свое дело. Двадцатипятифутовый язык пламени вырвался из ее легких, глаза потухли. Тварь упала на землю и перевернулась, как детский грузовичок.

И люди, и монстры одинаково опешили, когда во двор вошли голубые и красные трицератопсы. Трассирующие пули из автоматов отскакивали от их толстой шкуры и взлетали в небо как праздничные фейерверки. Их морды были в крови, а у одного торчал из пасти голубой сатиновый пиджак.

Койот повернулся, собираясь выстрелить в трицератопса из своего «стормклауда», но Йидам нижними руками оттолкнул его, а потом чинно, словно участник сафари, поднял свой ПТРС. Динозавр, глаза которого блестели человеческим пониманием своей неуязвимости, побежал прямо на него.

Прогремел выстрел, и отдача развернула Йидама прямо в противоположную сторону от его цели. Пуля ударила трицератопса прямо между глаз и ушла в его голову, словно в свежее выпеченную булку. Осколки черепа вылетели обратно через выходное отверстие. Зажигательный заряд взорвался внутри черепа, высадив глаза и превратив голову животного в лепешку.

Трицератопс уткнулся мордой в землю в семи метрах от Йидама. Человек-скелет взобрался на тело трицератопса, как очень худой Брюс Ли. Его костлявые пальцы разорвали лицо одного из людей Такаги на ленточки для бескозырок. Человек-скелет согнул правую руку и всадил ее, как нож, под ребра другому, после чего приподнял его над землей, и парень, хотя отчаянно барахтался, все равно отправился прямо на рог трицератопса.

На лице Бата отразилась искренняя радость, когда он оттащил от человека-скелета двоих парней из якудзы и подошел к нему сам. Монстр взмахнул окровавленными когтями, но Бат отступил назад и отбил удар. На лице скелета отразилось удивление, и Койот понял, что скелет знал о том, что хоть он и страшен на вид, но ни черта не умеет драться.

Бат правой рукой ударил скелету в челюсть. Обломки кости и зубов посыпались на траву, а Бат завершил комбинацию убийственным хуком по ребрам, и, ломая конечности скелета, словно сухие ветки, скоро превратил его в груды костей.

Между тем полковник Нагашита пересек двор и побежал к бегемоту, в которого превратился маленький

лысый человек. Бегемот взмахнул кулаком размером с голову Нагашиты, но японец увернулся и катаной рассек здоровяка надвое. Верхняя половина упала на Нагашиту, а нижняя попыталась уйти, но тоже упала, только в другую сторону.

Сопровотяляешься, з-забава? Ты знаешь, как я люблю показывать свою силу. Ты помог мне донести мое умение до Риухито, а теперь я подкину тебе еще игрушечек.

Из-за фонтана вышли охранники Галбро — но теперь они были волками с жадными зелеными глазами. Голодная, воющая стая бросилась на якудзу и на ниндзя, постепенно подбираясь к Койоту и его людям. Койот успел обернуться и отстрелить волку лапу, но зверь не остановился.

Справа появился еще один, но этого удалось сбить одной пулей. За спиной Койота умер третий: Бат раскрыл ему череп берцовой костью скелета. Тем временем Нэтч тремя выстрелами прикончила еще одного. Нагашита убил двоих своей неуловимой катаной.

— В голову или позвоночник! — крикнул Койот и снова обернулся. Но несмотря на собственные же инструкции, ни в голову, ни в позвоночник он не попал, пришлось тратить вторую пулю. Волки питались энергией Скрипичника через Эль-Лехтера, и из останков убитых поднимались новые.

Койот постучал Сина по плечу и приказал отойти на шаг назад. Подбив из «стормклауда» очередного оборотня, он спросил:

— Что будем делать? У нас ни малейшего шанса.

Син выстрелил навскидку, лишив еще одного волка приличного куска головы:

— Главное здание. Мы сможем отходить через комнаты с боем. Только они-то эти комнаты знают лучше нас.

Черт! Я должен что-то сделать.

Волки совсем оттеснили ниндзя, и теперь бывшие подчиненные Сина и Нагашиты дрались против настоящих охранников.

Мы проигрываем!

Иди ко мне, Койот. Я сделаю так, что ты победишь.

Голос Скрипичника, преисполненный надежды, напомнил Койоту о предыдущих посланиях.

Он хочет, чтобы я пришел к нему добровольно. Таким образом он получит больше моей силы. Если меня сломать, я буду ему не нужен. Вместе мы будем неуязвимы, так он говорил. Значит, один он очень даже уязвим.

Правильно рассуждаешь, з-забава. Но я настолько же уязвим, как и твои люди.

Отряд якудзы обратился в бегство. Бат рухнул под тяжестью одного из волков, но быстро поднялся и, схватив зверя за шею, попытался сломать ее, однако тот вывернулся и упал на землю. Тогда Бат сгреб его за шкуру и надел на рог одного из трицератопсов.

Победа Бата порадовала Койота, но он уже понял, что им не устоять. С десятков волков побежали за якудза, а остальные рассыпались в линию и стали их окружать, отрезая путь к отступлению. Он едва видел оставшихся в живых ниндзя за телами волков. Снова он заряжал «стормкклауд» и снова стрелял, но наконец патроны кончились.

Это твой последний шанс! Иди ко мне, быстро!

Отчаяние Скрипичника легко угадывалось, но Койот все еще колебался. Его друзья были изранены и разбиты. Драться против этих полчищ... Койот понимал, что если он примет сторону Скрипичника, то спасет жизнь своим друзьям, но тут же понял, что их жизнь будет им не нужна, если он окажется при Хозяине.

Прикладом он сшиб очередного зверя, не заметив, что тот оставил следы зубов у него на запястье:

Никогда, Скрипичник, ни за что.

Нет!

Крик Скрипичника пронзил сознание Койота, как раскаленный нож, но почти сразу же он понял, что возглас относился не к нему.

Койот почувствовал, что на поле боя выходит какая-то другая сила. Сначала ничего не было видно, но потом он вдруг обратил внимание, что волки и Эль-Лехтер смотрят в одну сторону. Потом слышались повизгивания и крики боли, а потом в воздухе мелькнул клоч волчьей шкуры.

Сквозь толпу гуманоидов Койот разглядел молодого смазливового паренька, мечущегося как уж на сковородке. Его руки и ноги двигались с поразительной быстротой, а предплечья и локти были в черной крови. Вокруг

его тела, красиво обрисовывая рельеф мышц, трепетала черная линия.

Парнишка наносил удар за ударом, и если тело после падения еще шевелилось, то только в конвульсиях.

— Как ты смеешь! — заорал Арриго и послал на него своих солдат.

Парень остановился. Позади него в золотом круге появился какой-то человек. Сначала Койоту показалось, что этот человек находится где-то очень далеко, но, когда силуэт стал четче, оказалось, что он просто очень низкого роста.

— Как я смею? Я много чего смею, Скрипичник.

— Ты? Ты был никем, я дал тебе все, что ты имеешь, и теперь забираю у тебя мои дары. — Тело Арриго Эль-Лехтера вздрогнуло.

— Умри!

Маленький человечек, на всякий случай отступив назад, элегантно взмахнул ручкой:

— Убей его.

Прежде чем парень двинулся с места, вперед выбежал Нагашита, с катаной в руке, прорубившись сквозь стену волков. Полковник подпрыгнул и всадил свое оружие в живот Эль-Лехтеру. Изумление и испуг сменились на лице Арриго ухмылкой, когда он схватил Нагашиту обеими руками и начал сдавливать его грудь.

— Ну тогда обоих прикончи, чего уж там, — пожал плечами коротышка.

Но юный убийца немного опоздал. Арриго всадил пальцы под ребра Нагашите, а тот, в свою очередь, загнал поглубже катану да еще и повернул ее пару раз. Кровь и слюна брызнули изо рта Арриго прямо в фонтан, где вскоре смешались с кровью Нагашиты.

Последним движением полковник повернул лезвие и провел им внутри живота Арриго. Зеленый нимб вокруг головы лидера Галбро померк, и, сцепленный навеки с Нагашитой, он упал в бассейн.

Когда волны рассеялись, в фонтане никого не было. *Значит, здесь окно между измерениями.* Койот посмотрел вверх, надеясь увидеть там того маленького японца, который парил над ними. По идее, оба трупа должны были попасть к нему. Сначала не было ничего видно, но

потом Койот увидел золотой трон и на нем того самого коротышку.

Он вышел вперед, освещенный лучами трона:

— Ну что, Риухито, ты хочешь силы Скрипичника, или тебе больше нравится то, что есть у меня? — На его губах заиграла надменная улыбка. — Он предлагает тебе силу для того, чтобы менять себя, а я дам тебе силу менять других. Взять хотя бы моего герольда. Каков, а?

Джитт упала на колени.

— Пигмалион!

Раджани опешила не меньше:

— Никлас?

Коротышка ничуть не смутился. Он подмигнул Джитт и сделал в воздухе движение, будто гладит ее лицо:

— Ты лучшее из моих творений. А от тебя, Раджани, одно беспокойство. Мики, убей ее.

— Мики! — закричала Раджани, когда он повернулся к ней. Парень на секунду замешкался, и этой заминки Бату оказалось достаточно. Он прыгнул на мальчика, повалил на землю и зажал его в двойном «нельсоне».

— Нет, Бат, не надо! — закричала Раджани. — Он всего лишь ребенок!

Пигмалион хотел было повторить приказ, но тут ворота за его спиной закрылись. Это ненадолго отвлекло его внимание, но потом он обернулся и сказал:

— Риухито, если ты пойдешь к Скрипичнику, то станешь его рабом. Я это знаю, поскольку сам, пока не пошел служить Люциферу, служил у этого болвана. Как ты видишь, я делаю из одного человека такое, что Скрипичник не может сделать из многих. Пойдем со мной, и мир будет крутиться по нашей указке.

Риухито кивнул. Золотой трон задрожал и медленно превратился в сферу. Она сжалась до размера ореха и мягко приземлилась на ладонь Пигмалиона.

Он жадно улыбнулся, как человек, который наконец получил то, что искал всю жизнь.

— Жаль, конечно, оставлять вас в живых, — он огляделся и посмотрел на сферу в своей руке, — но я должен откланяться.

— Я тоже, — вмешался Мики.

— Не думаю, — холодно отозвался Пигмалион.

— Как, ты ведь обещал, что я повидаюсь с Дороти, ты обещал!

— Ты разочаровал меня, Мики. — Маленький человечек держал в руках сферу и улыбался в ее лучах. — Мне не нужны такие люди.

— Ты обещал! — Мики зашелся криком и начал вырываться из рук Бата. — Ты обещал!

— Значит, я нарушаю свое обещание, ты ведь тоже был многообещающим, а проиграл... — Пигмалион сплюнул. — Ты никто.

Койот видел, как мальчик, поняв, что из рук Бата ему не вырваться, вдруг обмяк и заплакал. Бат, который не отпускал его до этого момента, на секунду расслабился. Мики заметался в его руках, размазывая по лицу слезы и кровь.

Пигмалион улыбнулся и посмотрел на остальных.

— Подарите ему что-нибудь и скажите, что у меня целая армия таких, как он. Вы скоро о нас услышите. Приготовьтесь к этому.

Син щелкнул обоймой в пистолете:

— Я лично готов!

— Что посеешь, то и пожнешь, — улыбнулся Пигмалион, потом накрыл рукой сферу и свет ее померк. — Когда мы вернемся, он будет вашим императором, а я — вашим Богом.

Его смех еще звучал в Замке Солнца, а самого Пигмалиона уже не было. Он исчез.

31

Я смотрел, как Кроули аккуратно обходит свору вервольфов, которых уводили двое людей Нагашиты. — Ты опоздал на вечеринку.

Кроули ткнул носком ботинка мертвую летающую акулу.

— Если бы ты сказал, что сезон охоты открыт, я бы постарался приехать. — Он поморщился, и я впервые заметил, что он припадает на правую ногу. — На самом

деле у меня самого была кое-какая работа с этим золотым туннелем.

— С тобой все в порядке? — Я знал, что он всегда владеет собой, но сейчас я не чувствовал ни малейшего намека на то, что он чем-то расстроен.

Кроули пожал плечами:

— Жить буду. Оказалось, что этот туннель принадлежит Темному Властелину по имени Пигмалион. Он новичок среди своих коллег, и работает в основном с жителями Земли.

— Я знаю. — Я показал туда, где Раджани, Джитт, Нэтч и Бат, которые стояли рядом с воином, которого Пигмалион называл Мики. — Он здесь был и оставил нам Мики. Раджани, дочь Йидама, говорит, что, когда она в последний раз его видела, ему было не больше пяти лет.

Кроули поднял бровь:

— Когда это было?

Я пожал плечами и почувствовал боль в исцарапанной груди.

— Две или три недели назад. Она говорит, что во Флагстаффе у него есть отец и сестра.

— Да, возвращение блудного сына будет весьма живописным, — сказал Кроули. — Что тебе известно о Пигмалионе?

— Не очень много, и все понаслышке. — Я положил тяжелый «стормклауд» на плечо. — Как я понял, раньше он был ученым по имени Никлас Хант. Скрипичник обещал ему власть в обмен на преданность. Но Пигмалион взбунтовался, и с тех пор они со Скрипичником на ножах.

Глядя на Мики и Джитт, которые оба были созданиями Пигмалиона, я понял, что в каком-то смысле восхищаюсь его искусством. Кроме того, мне было по душе, что он восстал против Скрипичника, — кому как не мне знать, насколько приятно его позлить. К тому же я хорошо знал, как трудно устоять перед искушением властью, которую предлагает Скрипичник. *Пока я держусь — но всегда ли буду делать тот же выбор, что и сейчас?*

Голос Кроули прервал мои размышления:

— Он досаждаёт не только Скрипичнику. Среди Темных Властелинов идет бесконечная борьба за главен-

ство. Может, Пигмалион и новичок, но уже испортил кровь многим старикам. Во многом благодаря ему у Темных Властелинов опять возрос аппетит к новым мирам.

Это я мог понять. Власть — это наркотик, который никогда не дает удовлетворения, а лишь еще больше разжигает голод. Даже если у тебя достаточно власти, чтобы выжить, сам факт, что кто-то завидует твоей силе, толкает тебя на борьбу. Темные Властелины, которые проспали целую вечность, проснувшись с пустым желудком, и Земля представляется им лакомым блюдом.

Кроули обернулся к группе измененных людей, которых вводили люди Нагашиты.

— Что ты с ними собираешься делать?

— Пока оставим здесь. Без Скрипичника, который ими руководил, они впали в ступор. — Я покачал головой. — Они искали секрет, который позволил бы им возвыситься над своими собратьями, и думали, что найдут его в Галбро. Теперь это просто персонажи для комиксов.

— На худой конец могут податься в цирк. — Кроули подошел к туше трицератопса и наклонился над его роговым щитом. — У Пигмалиона были какие-то искусственно созданные существа, которые строили этот его туннель. Я переместил метки, которые он оставил для них, к воротам между измерениями. Мне удалось запрограммировать их так, чтобы пункты назначения менялись каждые три секунды, так что я разбросал его воинов и рабочих по разным измерениям. Вернуться они не смогут. Многие из них похожи на этого паренька. Некоторые мне даже понравились.

Я кивнул.

— После того как Раджани с ним поговорила, он успокоился. Она считает, что ей удалось нарушить в его мозгу ту цепочку, которая делала его убийцей, выполняющим приказ, и тот факт, что он ее не убил, служит лучшим тому подтверждением. Он был проворен, Кроули: Очень проворен. Эти черные спирали и линии сначала показались нам простым украшением, но на самом деле это броня из углеродных волокон. Интересно было бы сделать рентгеновский снимок. Подозреваю, что

кости на руках и ногах ему заменили титановыми протезами.

— А где тот верзила с четырьмя руками? — Кроули огляделся по сторонам, а потом посмотрел на раздробленный череп трицератопса. — Пошел искать чучельника?

Звук выстрела прорезал ночь.

— Там в саду был спущенный с цепи робот-охранник.

Мы обменялись улыбками, и оба посмотрели в сторону главного здания, откуда к нам направлялись Син и Хэл, а с ними — еще пятеро мужчин. Четверо из них были в черных костюмах и, несмотря на темноту, в солнцезащитных очках. На стражилиц они, казалось, не обратили никакого внимания. Пятый мужчина был невысокого роста и двигался осторожно, как человек явно немолодой, хотя я чувствовал, что жизненной силы у него побольше, чем у Пигмалиона.

Син остановился и жестом показал на меня:

— Позвольте вам представить — это Койот. Койот, это...

— Я знаю, — перебил я его и склонился в глубоком поклоне. Медленно выпрямляясь, я заметил уголком глаза, что Кроули тоже поклонился старику. Я вежливо улыбнулся и сказал:

— Позвольте представить вам Деймона Кроули.

— Мы встречались.

Кроули улыбнулся:

— Как мило с вашей стороны, что вы меня помните. Это было так давно.

Я вопросительно посмотрел на Кроули, и он пожал плечами.

— Коронация и застенки красных. Очень давно это было. Старик обвел взглядом дворик:

— Это ваша работа?

Я нехотя кивнул.

— Можно сказать и так. Но человек, который заварил всю эту кашу, Арриго Эль-Лехтер, уже мертв. Ваш полковник Нагашита его убил.

— А мой внук, он тоже... Один из этих... существ?

— Нет, сэр, он — нет. Эль-Лехтер служил Темному Властелину, которого мы называем Скрипичник. Риу-

хито ему не поддался, но другой Темный Властелин, Пигмалион, предложил ему нечто большее, и ваш внук ушел с ним.

Старик тяжело вздохнул и некоторое время молчал. Син с виноватым видом опустил взгляд, но император покачал головой:

— Вы должны были найти его и объяснить, что он заблуждается. Но все оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал, и я не виню вас. — Он посмотрел на меня. — Мистер Мак-Нил и мистер Гаррет сказали мне, что вы лучше всех умеете сражаться с Темными Властелинами. Это правда?

— Это сказано слишком великодушно и оптимистично, но я, как и мои друзья, с большой охотой брошу им вызов.

— Вы можете вернуть моего внука?

Я колебался, чувствуя, какая огромная ответственность ложится на меня. *Удастся ли нам найти измерение, в которое ушел Риухито, и отнять его у Пигмалиона? Хм! На это уйдет масса времени и сил.* С одной стороны, я знал, что это практически невозможно, но с другой — понимал, что было бы преступлением хотя бы не попытаться.

— Это трудное и опасное дело, но я готов попробовать.

— Хорошо. Вы получите все, что вам нужно. С этого момента эта территория ваша, мои люди будут охранять ее. Составьте список необходимых вещей, и вам все доставят. Любые расходы я оплачу.

— Вы очень любите своего внука.

— Это правда, но не в этом причина моей щедрости. Как я уже говорил мистеру Мак-Нилу, — раздраженно заметил старик, — я действую не из любви к Риухито, но из любви к нашему миру.

Он поклонился и пошел прочь в сопровождении своих телохранителей.

Синклер посмотрел ему вслед, а потом с озадаченным лицом повернулся ко мне:

— Ты думаешь, это возможно?

— Возможно, но у Элвиса больше шансов стать папой римским, чем у нас — вернуть Риухито. — Я обвел рукой поле битвы. — Если бы Пигмаллон не вмешался,

мы бы проиграли. Драться один на один с Темным Властелином —дохлое дело.

Кроули улыбнулся:

— Не думаю, что мы возьмемся за него в одиночку, Койот.

— Это в каком же смысле? — от его насмешливого тона я вздрогнул.

— Как я уже сказал, Пигмалиона Темные Властелины не любят. По дороге сюда я встретил кое-кого, кто предложил нам свою помощь в борьбе с Пигмалионом.

— В самом деле?

— Да. — Кроули важно кивнул. — Он говорит, что без него у нас ни черта не получится, и, по-моему, он прав.

— Кто? — внутри у меня все похолодело, когда я понял, о ком говорит Кроули. — Скрипичник? Заключение союз со Скрипичником? Да это равносильно самоубийству!

— Без него это как раз и будет самоубийством. — Взгляд Кроули сделался жестким. — Не хочу навязывать тебе свое мнение, но надеюсь, что ты все хорошенько обдумаешь. В одиночку ты погибнешь сам — а с тобой и весь мир.

Содержание

Зло сгущается	3 .
Зло нарастает	283

Литературно-художественное издание

Стэкпол Майкл

**Зло сгущается
Зло нарастает**

Редактор К.Е. Россинский

Художественный редактор О.Н.Адаскина

Компьютерный дизайн С.В. Барков

Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 15.10.99.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.

Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 3789.

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Зло сгущается, и слуги его — могущественны и сильны. Зло превращает людей в марионеток, покорных его воле. Зло отнимает память, похищает душу, заставляет совершать преступления.

Но где-то в разных концах земли, по разным пока еще дорогам, бродят трое тех, кого боится всесильное Зло. Если пути этих троих сойдутся, Тьма падет, и ничто уже не будет таким, как раньше.

Если троим удастся дожить до времени встречи...

ISBN 5-237-03700-3

9 785237 037005